

Дискурс. Предложение. Слово

Сборник статей к юбилею
Ирины Михайловны Кобозевой

Москва
Буки Веди
2025

УДК 811
ББК 81

Дискурс. Предложение. Слово (сборник статей к юбилею Ирины Михайловны Кобозевой) / Ред.-сост. М. Б. Панич, Н. В. Сердобольская, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова. — М.: Буки Веди, 2025. — 392 с.

Настоящий сборник приурочен к юбилею И. М. Кобозевой. Составляющие его статьи посвящены дискурсивному анализу, описанию семантики и прагматики предложений, лексическому анализу, исследованию коннекторов, а также другим теоретическим и эмпирическим аспектам изучения языка. Сборник предназначен для широкого круга специалистов по теоретической и прикладной лингвистике.

В оформлении переплета использована картина Ангелины Ульяновой «Other Noises» (2024).

ОТ РЕДАКТОРОВ

Этот сборник — выражение любви, восхищения и признательности Ирине Михайловне Кобозевой, крупнейшему российскому семантисту и выдающемуся профессору кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. В октябре 2025 года И.М. празднует большой день рождения.

Скажем самое главное в самом начале: лингвистическую и человеческую жизнь кафедры невозможно помыслить без Ирины Михайловны, как невозможно представить себе лингвистику без семантики, науку без лингвистики, а человеческий опыт — без стремления к научному познанию мира.

Ирина Михайловна соединила свою жизнь с кафедрой очень рано. Окончив школу в 1967 году, она поступила на отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета и осталась здесь навсегда. Студенческие годы, аспирантура, рано возникший интерес к семантике, общение с главными тогдашними кафедральными семантистами В. В. Раскиным и Б. Ю. Городецким, семантические лингвистические экспедиции, — и в 1976 году И.М. защищает кандидатскую диссертацию «Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке)», написанную под руководством В. А. Звегинцева.

Ира Лопатина, пять лет

Говорить об этой работе, ее эмпирической широте и теоретической глубине можно бесконечно. Отметим две важнейшие особенности. Во-первых, она уникальна тем, что могла бы быть защищена в любом крупнейшем университете, где занимаются семантикой, а не только в МГУ. Это, вероятно, самое погруженное в мировой научный контекст лингвистическое произведение на русском языке — и тогда, и много позже. Во-вторых, она показывает абсолютную независимость автора от внешних эпистемологических обстоятельств. В те годы, когда способ научных рассуждений определялся вне кафедры по большей части традиционной русистикой, а внутри находился под обаянием

Школьница

модели «Смысл — Текст», И.М. писала на языке генеративной семантики, причем так естественно и непринужденно, как будто ее студенческие годы проходили где-нибудь на Восточном побережье.

Защитив диссертацию, И.М. стала работать на кафедре — научным сотрудником, преподавателем, доцентом, с 2009 года — профессором. В 2003 году защитила докторскую «Интенциональный и когнитивный аспекты семантики высказывания».

Жизнь идеального профессора складывается минимум из трех элементов: преподавания, науки и общественного служения.

Общественное служение — это редколлегии, диссертационные советы, академические организации и отдельные инициативы, в которых участвует ученый, семинары, которые он организует, проекты, которые возглавляет и координирует. Все это часто невидимо для внешнего наблюдателя, не приносит славы и не всегда вознаграждается эмоциональным удовлетворением. Для этого требуется время, сложные социальные взаимодействия, самоотречение. Но без такой работы невозможна академическая жизнь, развитие и поддержание комфортной профессиональной среды, в которой только и создаются новые знания и вырастают новые ученые. Этому служению Ирина Михайловна отдала очень большую часть жизни, — не требуя наград и не ожидая благодарности.

Она ключевой член редколлегий нескольких изданий («Вестник Московского университета», «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии», «Медиалингвистика»), ведущий участник многих профессиональных объединений (Ассоциация преподавателей и исследователей в области фундаментальной и прикладной лингвистики, Slavic Cognitive Linguistic Association, Groupe d'étude en linguistique textuelle contrastive), участник крупнейших международных лингвистических инициатив («Логический анализ языка» под руководством Н.Д. Арутюновой, советско-американский проект «Дискурс национальной безопасности», российско-германский проект «Миры культурных представлений» и многое другое), председатель и член нескольких диссертационных советов, руководитель и ответственный исполнитель научных проектов по грантам РГНФ, РФФИ, РНФ, координатор группы разработчиков для семантической поисковой системы, создаваемой компанией Nakia. Перечислить все попросту невозможно.

И.М. — великолепный преподаватель, благодаря которому десятки ее учеников почувствовали вкус к семантике и не только к семантике. «Общая семантика» и «Семантика современного русского языка» — это краеугольные камни учебного плана отделения теоретической и прикладной лингвистики, которые в последние годы дополнились курсами теоретической семантики в магистратуре и курсом лингвистической прагматики в бакалавриате. Лексическая семантика, семантика предложения, референция, модальность, пресуппозиции, имплицатуры, теория речевых актов, семантические метаязыки — все это студенты впервые узнают от И.М. Давно стал классикой ее учебник «Лингвистическая семантика», а когда кафедра задумала издать новый учебник «Введение в науку о языке»¹, вопрос об авторстве семантической главы не возникал ни на секунду: только И.М. и никто другой. Не менее ценны в учительском наследии И.М. спецкурсы, многочисленные слушатели которых не могли не оценить ее вдумчивость, любознательность и прозорливость. Например, пока в конце 80-х—начале 90-х московские лингвисты удивлялись, зачем Н. Хомский вместо вполне рабочей Стандартной теории предложил Принципы и параметры, И.М., лучше многих понимающая, как создаются и развиваются научные парадигмы, уже читала на отделении соответствующий спецкурс. И именно под ее руководством была защищена первая в России диссертация по генеративному синтаксису².

Памирская экспедиция 1969 года. Слева направо: В. В. Раскин, И. А. Муравьева, Е. Н. Саввина, О. Ю. Сундукова (Богуславская), И. М. Лопатина (Кобозева), Б. Ю. Городецкий, И. Г. Сабурова, И. М. Богуславский, В. И. Беликов, Т. С. Зевахина

Научное наследие И.М., одного из крупнейших исследователей семантики естественного

¹ Кибрик А. Е. и др. (ред.) *Введение в науку о языке*. Москва: Буки-Веди, 2019.

² Исакадзе Н. В. *Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ, 1999.

языка, работавших в России в последние несколько десятилетий, неизбежно. Лучшее представление о нем дает книга Кобозева 2025³, которая на момент подписания этого сборника в печать сама еще находилась в печати. Это самое полное на данный момент собрание научных произведений И.М., по которому можно судить о том, сколько всего может охватить ученый, любящий и пони-

Профессор

мающий свой предмет, — от значения перформативных глаголов до коммуникативного поведения речевых коллективов, от анализа *то-* и *нибудь-*местоимений до описания вторичных функций вопросов, от семантической структуры отрицательных предложений до прагматики коннекторов и дискурсивных слов.

Сборник, который читатель держит в руках, — зеркальное отражение этой книги, показывающее, как научные интересы И.М. и сюжеты, над которыми она работала, превратились в источник вдохновения для ее коллег, друзей и учеников. Редакторы разделили его на пять частей.

Первый раздел — «Дискурс, высказывание». Помещенные здесь шесть статей перекликаются со многими темами, над которым И.М. продуктивно работала многие годы: описание разных типов информации, образующей содер-

³ Кобозева И. М. *Исследования по семантике и прагматике: Слово — Предложение — Дискурс* (под ред. С. Г. Татевосова). — Москва: Издательство Московского университета, 2025.

жание высказывания, взаимодействие семантики и прагматики, пропозиционального и непропозиционального содержания, структура и семантика диалогической речи, принципы построения дискурсивных последовательностей, нетривиальные речевые акты, имплицитная информация, скрытые смыслы и коммуникативные интенции говорящего.

Одно из самых заметных научных увлечений И.М. — семантика предложения и его структурообразующих элементов, таких как отрицание, модальность, кванторы, предикатные слова с необычными свойствами, структура сложных конструкций, вопросительность. Раздел «Предложение» содержит шесть текстов, в которых подхватываются наблюдения и обобщения И.М. по самым разнообразным эмпирическим проблемам в этой области, например, о семантике переспроса, которая освещается в недавней первопроходческой статье Кобозева 2020⁴.

Раздел «Слово» — отклик на занятия И.М. лексической семантикой, лексикологией и лексикографией, которые, наряду со многими другими, сделали ее знаменитой. Шесть статей из этого раздела освещают очень широкий диапазон сюжетов — от наблюдений о лексикографической фиксации редких и необычных существительных, глагольной метафорике и теории синонимии до описания моделей управления, семантики субъекта эстетической оценки и значения глагола *встретить* в связи с проблемой фокуса эмпатии.

*С мужем Л. М. Захаровым, заслуженным
работником Московского университета*

Последние несколько лет И.М. много и плодотворно исследовала коннекторы — разнообразные языковые средства, способные соединять клаузы в полипредикативных конфигурациях. Именно поэтому внушительная часть статей в настоящем сборнике посвящена этой теме, и редакторы выделили их в отдельный раз-

⁴ Кобозева И. М. Переспрос как периферия коммуникативно-грамматической категории вопросительности: семантика и средства выражения в русском языке. В В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова (ред.) *Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. С. 135–147. Москва: ЯСК, 2020.

дел, который так и называется — «Вокруг коннекторов». Он выделяется не только впечатляющим сюжетным единством, но и отчетливой межъязыковой направленностью: помимо русского, авторы раздела осветили еще шесть языков: это древнерусский, бартангский, горномарийский, удмуртский, мокшанский и мансийский.

В небольшом разделе, посвященном истории лингвистики, обсуждаются две научные парадигмы, сыгравшие важную роль в научной биографии И.М. Это генеративная семантика, увлечение ее юности, и функционализм, основа позднейшего теоретического самоопределения.

Сборник завершается поздравительным разделом, в котором собраны послания друзей и коллег, и списком трудов И.М.

На обороте титула этого издания значатся фамилии четырех редакторов-составителей. Людей, работавших над книгой, однако, было существенно больше, и всем им мы хотели бы выразить безмерную благодарность. Это Ю. В. Синицына, технический редактор книги. Это А. В. Алхазова, которая готовила тексты статей к верстке. Это Е. В. Балашова, отвечавшая за оформление обложки. Это С. А. Крылов и Г. Е. Кедрова, составители списка трудов юбиляра.

Оставляя читателя наедине с книгой, редакторы хотели бы пожелать юбиляру крепкого здоровья, научного воодушевления и благодарных учеников!

Многая лета, дорогая Ирина Михайловна!

I. ДИСКУРС, ВЫСКАЗЫВАНИЕ

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ И ФАКУЛЬТАТИВНОЕ В СЕМАНТИКЕ

А. Н. Баранов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
baranov_anatoly@hotmail.com

Одно из ярчайших впечатлений от отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, на котором я учился в 1975–1980 гг., — спецкурсы Ирины Михайловны по семантике, приоткрывшие мне мир скрытого смысла и коммуникативных интенций. Диалог превратился в обмен локуциями и перлокуциями, а понимание — в жонглирование пропозициями, пресуппозициями (в другой версии «презумпциями» — кому что нравится) и семантическими следствиями. Уж вспомнить неприлично, чем стали хорошо уже к тому времени освоенные дружеские обмены мнениями в неформальной обстановке, обнаружившие в себе данное и новое, тему и рему, определенное и неопределенное — вплоть до, прости господи, имплицатур дискурса.

В какой-то момент (на экзамене, понятное дело) мне показалось, что все эти пресуппозиции, семантические следствия и имплицатуры и прочие химеры неопозитивизма совершенно не обязательны — получалось же совершать речевые акты и до учебы на отделении. Эта мысль пришла и пропала, однако потом возникла вновь, правда в несколько ином обличье: что в сфере смысла обязательно, а что факультативно? Ведь филологическая традиция — особенно герменевтика (см., например, Герменевтика 1985) — недвусмысленно указывала на то, что понимание не универсально и определяется целым комплексом факторов (эвристиками): знаниями адресата, его коммуникативными намерениями, условиями формирования текста и его произнесения и т. д. Эвристики герменевтической интерпретации были в определенной степени реализованы в 70-х гг. XX в. программах, моделирующих понимание естественно-языкового текста (см., например, Шенк и др. 1983; Schank 1982). Какая-то — пусть весьма общая — модель обязательного и факультативного по отношению к сфере смысла необходима и в теоретической семантике, и в приложениях языкознания — особенно в лингвистической экспертизе.

1. Имплицитное как проявление принципа экономии

В лингвистической семантике для описания семантики текста и его частей (в том числе высказываний) часто используется метафора слоеного пирога. Мир смысла многомерен (в любом понимании «многомерности»), а речь одномерна и упорядочена в акте произнесения по временной оси. Таким образом, говорящий вынужден определенным образом «упаковывать» многомерное содержание в линейно выстроенную структуру речевого акта. Чем больше говорящий хочет сообщить в своем речевом акте, тем сложнее структурируется план содержания: что-то оказывается более важным и соответственно более эксплицитным, явным, а что-то передается имплицитно, скрытно, часто, так сказать, по умолчанию. **Имплицитная семантика** — это та часть плана содержания речевого акта (и совокупности речевых актов — текста), которая отличается от поверхностной формы высказывания и требует для понимания проведения дополнительных мыслительных операций, отличных от некоторой стандартной процедуры.

Ирина Михайловна в своей книге «Лингвистическая семантика» (Кобозева 2000) отмечает, что эксплицитные сентенциальные компоненты непосредственно выражены (например, ассерция), а имплицитные не имеют прямого соответствия в лексико-синтаксической структуре предложения. К ним, в частности, относятся пресуппозиции и семантические следствия (Кобозева 2000: 215, 264, 280).

Таким образом, наиболее явная часть семантики высказывания сосредоточена в его пропозиции, или ассерции. Имплицитных слоев плана содержания существенно больше. Они различаются по степени эксплицитности и, соответственно, доступности информации для адресата. К имплицитным слоям семантики речевого акта принято относить пресуппозиции, семантические следствия, условия успешности речевых актов, имплицитные дискурсы и пр. — см. довольно подробный обзор и обсуждение этих феноменов в Падучева 1977; 1981.

К феноменам имплицитной семантики относятся также некоторые категории коммуникативной организации смысла высказывания. Это противопоставления темы и ремы, данного и нового, а также категории фокуса контраста (контрастирования), точки зрения, определенности-неопределенности и некоторые другие (Чейф 1982). К сфере имплицитной семантики относятся те части коммуникативной структуры, для которых реализуются коммуникативный статус данного, неопределенного, находящегося вне фокусировки внимания, не охватываемого точкой зрения.

Отдельная группа феноменов имплицитной семантики порождается сложностью самой коммуникации и погруженностью общения в материальный

мир — в систему социальных отношений и принятых шаблонов поведения (как речевого, так и неречевого). Так, имплицатуры дискурса, или коммуникативные имплицатуры, возникают не как чисто лингвистические феномены, а как результат взаимодействия содержания речевого акта с конкретными условиями речевого общения. В связи с этим Н. Д. Арутюнова отмечает: «Субъектом имплицации является пропозиция, субъектом имплицатуры — говорящий или (по метонимическому переносу) взятое в контексте речи высказывание» (Арутюнова, Падучева 1985: 29).

Разделение эксплицитного и имплицитного в семантике речевого сообщения определяется принципом экономии, согласно которому говорящий стремится в минимальной форме передать максимальный смысл. Это противоречит интересам адресата, который хочет с минимальными затратами понять смысл полученного сообщения. Распределение семантической информации между эксплицитными и имплицитными слоями семантики является, таким образом, компромиссом между интересами говорящего и слушающего.

Как распределять семантическую информацию по различным слоям плана содержания, зависит, во-первых, от особенностей грамматики и синтаксиса языка, во-вторых, от дискурсивных практик, принятых в данном типе дискурса, в-третьих, от особенностей аудитории (адресата и, возможно, третьих лиц), в-четвертых, от ситуации общения и, наконец, в-пятых, от коммуникативных намерений говорящего. Речевой опыт говорящего дополнительно вносит свои коррективы в конечный вид речевого сообщения, передающего необходимую «порцию» информации.

В теоретической лингвистике основное внимание обращалось на выявление состава феноменов имплицитной семантики и возможность их использования для экспликации смысла речевого сообщения. При этом обязательность выявления семантических следствий, пресуппозиций, имплицатур дискурса, коннотаций и других категорий имплицитной семантики не осознавалась как конкретная задача семантического описания. В приложениях лингвистической теории — в частности в лингвистической экспертизе текста — эта задача оказывается насущной, поскольку необязательные, факкультативные и плохо формулируемые смыслы не могут рассматриваться как диагностические при выявлении лингвистических характеристик высказывания и текста для решения экспертных задач.

Рассмотрим критерии обязательности выявляемых компонентов смысла и их вербализуемости, что существенно для лингвистической экспертизы текста, но по каким-то не вполне ясным причинам выпадает из сферы интересов теоретической семантики.

2. Обязательность и вербализуемость имплицитных смыслов

Для простоты будем исходить из того, что эксплицитная информация всегда обязательна для понимания. Имплицитная же информация может быть обязательной и факультативной. Возникает закономерный вопрос: каковы критерии обязательности? Слово *обязательный* в обычном случае требует распространения за счет предложной группы с предлогом *для*: *обязательный для чего?* В данном случае речь идет об **обязательности для понимания текста**.

В лингвистике текста и семиотике текст рассматривается как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» (ЛЭС 1990: 507). Связность проявляется в семантических связях между предложениями и более крупными компонентами текста — сверхфразовыми единствами, абзацами, главами, разделами и под. Эти связи проявляются на уровне синтаксиса предложения в использовании анафорических местоимений, на уровне фраз и последовательностей предложений — в актуальном членении (Падучева 1982), в существовании высказываний, связанных по коммуникативной (иллокутивной) функции (вопрос — ответ, требование — реакция на требование, удивление — реакция на удивление и т. п.).

Цельность текста, скорее, следует квалифицировать как психологическую категорию, то есть это вопрос восприятия и последующей интерпретации. Действительно, известный моностих Валерия Брюсова *О закрой свои бледные ноги*, очевидно, рассматривался автором как законченное и цельное произведение, хотя даже адресат из стиха не ясен. Тем не менее, можно предложить и некоторую модель цельности текста: текст является цельным, если количество внутренних семантических связей в нем существенно превышает количество интертекстуальных связей. Разумеется, определение даже порядка превышения представляет собой значительную научную проблему. Впрочем, оставим это в стороне: для заявленной здесь задачи это не имеет решающего характера, поскольку психологические категории требуют иного исследовательского инструментария.

В то же время семантическая связность проверяется: незаполненные семантические связи, противоречия, неоднозначность текста, коммуникативные неудачи (Городецкий и др. 1985; Milroy 1984; Schegloff et al. 1977) — все это выявляется с помощью имеющегося концептуального аппарата лингвистической семантики и прагматики.

В связи с феноменом семантической связности следует отметить, что многочисленные интерпретации строки Брюсова *О закрой свои бледные ноги* факультативны и не влияют на понимание этого мини-текста как такового. Согласно одной из них, моностих имеет религиозный подтекст: это обращение

к распятию (Эрберг 1979: 124; Шершневич 1990). Другие исследователи усматривают здесь сексуальную составляющую: «Угол зрения на человека и, кажется, на все человеческие отношения, то есть на самую жизнь здесь открывается не сверху, идет не от лица, проникнут не смыслом, но поднимается откуда-то снизу, от ног, и проникнут ощущениями и желаниями, ничего общего со смыслом не имеющими» (Розанов 1899: 130).

Очевидно, однако, что интерпретации данного текста являются внешними по отношению к его содержанию, которое сохраняя очевидную неопределенность и, вероятно, неполноту, внутренне семантически связно и согласованно: это нечто вроде просьбы адресату сделать так, чтобы его ноги не были видны. Таким образом, собственно лингвистическое понимание моностиха Брюсова не требует внешних интерпретаций, который могут быть сколь угодно разнообразными и определяться в итоге моделью мира читателя — багажом его знаний и опыта (см. уже упоминавшиеся эвристики герменевтики).

С точки зрения лингвистической экспертизы интерпретации моностиха Брюсова судебной перспективы не имеют. Например, пропаганду порнографии здесь усмотреть невозможно, поскольку эротическое прочтение моностиха факультативно и определяется субъективными представлениями адресата (в рассмотренном случае — философом и литературным критиком В. В. Розановым).

Рассмотрим другой пример — уже из криминального дискурса. В разговоре «по понятиям» между двумя предпринимателями один из них — назовем его «Взыскующий» убеждает собеседника — «Неплательщика» — в необходимости выплатить некоторому третьему лицу, не участвующему в беседе (назовем его «Претендент»), некоторую сумму денег — долг, который Неплательщик не признает. Беседа длится более часа: Взыскующий использует разветвленную систему аргументов в пользу своего требования. Он указывает на вред, который может нанести Претендент общему бизнесу Взыскующего и Неплательщика, обращает внимание на необходимость соблюдения неписанных норм ведения бизнеса (*Нельзя быть кидалой!*); говорит об опасности огласки темных делишек, к чему может привести судебное разбирательство между Претендентом и Неплательщиком; отмечает правомерность «по понятиям» финансовых претензий Претендента; подчеркивает, что Претендент пользуется уважением в среде авторитетных предпринимателей. Все это длится довольно долго, поскольку Неплательщик последовательно отвергает уговоры Взыскующего и претензии Претендента. И вдруг Взыскующий как бы совсем невпопад (в духе классического: *И однажды, как в угаде, / Тот сосед, что слева, мне / Вдруг сказал <...>*), среди прочего, сообщает:

- (1) *Взыскующий: Посмотри, что про нас в газете пишут, что мы пятьдесят человек убили, сто человек изувечили на фиг.*

Для постороннего наблюдателя эта реплика выпадает из общего разговора, довольно монолитного по тематике и почти прозрачного по коммуникативным намерениям участников. Казалось бы, налицо нарушение общего «Принципа кооперации» Г. П. Грайса, лежащего в основе любой речевой коммуникации, который в самом общем виде формулируется так: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» (Грайс 1985: 222). Иными словами, участники ситуации общения должны исходить из рациональности речевого поведения с точки зрения достигаемых коммуникативных целей, что предполагает презумпцию осмысленности коммуникативных ходов участников и обязательное обсуждение возникающих неясностей для того, чтобы избежать опасности коммуникативных неудач. Однако разговор между Взыскующим и Неплательщиком продолжается — никто из участников не говорит о непонимании, не пытается уточнить, о чем идет речь, что имеется в виду и т. п. Следовательно, фраза (1) не нарушает «Принципа кооперации» и вписывается в смысловой контекст диалога. Объяснение столь удивительного поведения участников состоит в том, что Взыскующий намекает на то, что произойдет с Неплательщиком, если он откажется удовлетворить настоятельные рекомендации по возврату долга Претенденту. Вполне себе намек «сковородкой по голове».

Вносит свой вклад в структуру намек и то, что в конце разговора Взыскующий участливо выражает обеспокоенность физической сохранностью Неплательщика:

- (2) *Взыскующий: Я за тебя буду спокоен, ты не будешь оборачиваться ходить, что кто-то подойдет, что-то сделает.*

Ни один из участников разговора не фиксирует коммуникативную неудачу в связи с произнесением реплик (1) и (2). Понятно почему: намек организован по типовой (регулярной) схеме: ‘Если говорящий, требуя от собеседника чего-то, немотивированно говорит о реальном или возможном физическом воздействии — в том числе на самого собеседника, то это указание на использование физического воздействия на адресата, если он откажется делать требуемое’. **Регулярный намек**, в отличие от истинного намека, должен обязательно вычисляться адресатом для достижения корректного (то есть удовлетворяющего критерию семантической связности) понимания текста. И действительно, если реплики (1) и (2) не прочитываются как санкция в угрозе (Баранов 2021), то разговор теряет семантическую связность, поскольку непонятно, в связи с чем

Взыскующий упоминает о brutальных победах стороны, которую он представляет в переговорах. Выпадает из общего смысла диалога и озабоченность Взыскующего относительно физической безопасности Неплательщика.

Совершенно иначе выглядит семантическая структура **истинного намека**. Это такой способ косвенной передачи информации, который основан на усложнении описания информации языковыми формами в одной или нескольких связанных между собой фразах, а с содержательной — допускает вариативность реконструкции своего содержания в процессе угадывания, в основе которого лежат нерегулярные правила вычисления смысла (Баранов 2007а). Важнейшее отличие истинного намека от регулярного состоит в том, что его выявление или невыявление не влияет на семантическую связность текста и его непротиворечивость. Примером истинного намека может служить подзаголовок «Сценка из рыцарских времен» к пьесе-шутке А. В. Вампилова «Свидание». Сюжет пьесы анекдотичен. Юноша и девушка, будучи знакомы только по телефону, спешат на первое свидание друг к другу. Юноша вдруг обнаруживает, что его обувь не в порядке. Он договаривается с сапожником о быстром ремонте. У девушки, проходящей мимо, ломается каблук, и она просит юношу уступить ей место, но тот не соглашается, происходит ссора. В конце концов, герои, страшно обиженные друг на друга, узнают, что спешили на свидание друг к другу.

Подзаголовок к пьесе представляет собой намек-аллюзию на «Сцены из рыцарских времен» А. С. Пушкина, причем содержание намека весьма неопределенно. Это может быть установление аналогии по объему (оба произведения сравнительно невелики), указание на сходство в поведении персонажей (герои ведут себя совсем не по-рыцарски), указание на сходство в развитии событий — неуспех главного героя и т. д. Существенно, что незнание последней драмы А. С. Пушкина никак не влияет на семантическую связность текста пьесы Вампилова. Иными словами, это параллельный слой восприятия, который, как и различные интерпретации моностиха Брюсова, факультативен и определяется исключительно моделью мира адресата (читателя, зрителя и пр.). Рассмотрение факультативных имплицитных слоев плана содержания текста в лингвистической экспертизе возможно только при условии того, что эти смыслы действительно актуализовались в сознании участников ситуации общения, чему есть экстралингвистические или собственно лингвистические доказательства (материалы уголовного дела; необходимая вводная информация об объекте исследования; контекст; речевое поведение участников и т. д.).

Еще один аспект имплицитной информации, существенный для исследований в лингвистической экспертизе, — это ее вербализуемость. Под вербализацией имеется в виду возможность достаточно правдоподобного воспроизведе-

дения скрытого смысла в виде высказывания, содержащего пропозицию, которая передает скрытое содержание. В рассмотренном выше примере разговора «по понятиям» между Взыскующим и Неплательщиком имплицитная семантика — санкция угрозы — хорошо вербализуема в репликах типа: ‘Не договоришься с Претендентом по поводу долга, опасайся за свою жизнь и здоровье’ — разумеется, с точностью до синонимических преобразований.

Вполне возможны ситуации, когда в имплицитной части семантики языкового выражения какое-то содержание присутствует, но вербализовать его в явной форме не представляется возможным. Пример такого рода — «наведение» имплицитной семантики приемами речевого воздействия. Так, прием «введения в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд» (см. подробнее Баранов, 2007б: 179-183) широко используется в политическом дискурсе. Известный лозунг *Голосуй или проиграешь!* предвыборной кампании Б. Н. Ельцина 1996 года на постерах сопровождался изображением наручников или арестантской куртки в непосредственной близости от слова *проиграешь*. Очевидно, что проигрыш в этом рекламном слогане интерпретировался как что-то явно отрицательное, но не обязательно имелось в виду реальное тюремное заключение. Это можно было интерпретировать и как ограничения гражданских свобод, и как полицейское государство, и как обобщенно (даже символически) передаваемую идею опасности. Иными словами, негативный компонент содержания присутствует, но точно вербализовать и выразить его суть невозможно.

Сочетания значений двух рассмотренных параметров — «обязательность vs. факультативность», «вербализуемость vs. невербализуемость» — задает следующие возможные комбинации, характеризующие сферу имплицитной семантики:

- (i) обязательная и вербализуемая информация;
- (ii) обязательная и невербализуемая информация;
- (iii) факультативная и вербализуемая информация;
- (iv) факультативная и невербализуемая информация.

Факультативная информация (как вербализуемая, так и невербализуемая) не во всех случаях может быть частью семантического представления в теоретическом описании соответствующих речевых форм. Это определяется конкретной исследовательской задачей.

В лингвистической экспертизе факультативная информация практически под запретом: если нет дополнительных указаний на присутствие факультативных смыслов (достоверные данные контекста, экстралингвистические факторы ситуации общения, допустимые сведения из следственных и судебных документов), то они не могут рассматриваться для лингвистической квалификации широкого класса дел гражданского и уголовного законодательства.

Проблематично опираться в судебной лингвистической экспертизе на обязательную, но точно не вербализуемую информацию. Причины те же, что рассматривались выше: невозможность точной вербализации скрытого смысла затрудняет или вообще делает невозможным доказательство наличия в тексте соответствующих смыслов.

Эксплицитное и имплицитное в семантике можно рассматривать как «коммуникативный статус». Коммуникативный статус эксплицитного получают те фрагменты семантической информации, которые выявляются адресатом речевого сообщения без привлечения специальных правил реконструкции семантики текста. В противоположность этому, коммуникативный статус имплицитного характеризует те компоненты плана содержания высказывания (и текста), которые предполагают реконструкцию содержания по регулярным и тем более по нерегулярным правилам.

Эксплицитное и имплицитное в плане содержания не противопоставлены как члены контрадикторной оппозиции. Между этими полюсами формы выражения смысла лежат феномены с разной степенью эксплицитности-имплицитности. Взаимодействие между ними требует дальнейшего изучения. Исследования Ирины Михайловны служат надежным фундаментом для познания этих феноменов языка и речи.

Литература

- Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. 1985. Истоки, проблемы и категории прагматики. *Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI*. М.: Прогресс, 3–42.
- Баранов А. Н. 2007а. *Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика*. М.: Флинта, Наука.
- Баранов А. Н. 2007б. Лингвистика намека. *Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой*. М.: ИЦ Азбуковник, 443–461.
- Баранов А. Н. 2021. *Угроза в криминальном дискурсе. Семантика и прагматика*. М.: «Азбуковник».
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. 1992. Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллюкутивного вынуждения. *Вопросы языкознания*, № 2, 42–49.
- Бессонов Б. Н. 1985. *Герменевтика: История и современность*. М.: Мысль.

- Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. 1985. К типологии коммуникативных неудач. *Диалоговое взаимодействие и представление знаний*. Изд-во СО АН СССР Новосибирск, 144–146.
- Грайс Г. П. 1985. Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI*. М.: Прогресс, 217–237.
- ЛЭС. 1990. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- Кобозева И. М. 2000. *Лингвистическая семантика*, М.: УРСС.
- Падучева Е. В. 1977. Понятие презумпции в лингвистической семантике. *Семиотика и информатика*. Вып. 8, 91–124.
- Падучева Е. В. 1981. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации. *Научно-техническая информация*. Сер. 2, № 11, 23–30.
- Падучева Е. В. 1982. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. М.: Наука, Т. 41 (4), 305–312.
- Розанов В. В. 1899. О символистах и декадентах. *Религия и культура. Сборник статей*. СПб.: Издание П. Перцова, 128–139.
- Чейф У. 1982. Данное, контрастивность, определённое, подлежащее, топики и точка зрения. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XI*. М.: Прогресс, 227–316.
- Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. 1983. Интегральная понимающая система. *Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. Выпуск XII*. М.: Прогресс, 401–449.
- Шершеневич В. 1990. Великолепный очевидец. В С. В. Шумихин, К. С. Юрьев (ред.) *Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова*. М.: Московский рабочий, 456–457.
- Эрберг К. 1979. Воспоминания. *Ежегодник РО Пушкинского дома на 1977 г.* Л.: Наука. Ленинградское отделение, 99–146.
- Milroy L. 1984. Comprehension and context: Successful communication and communicative breakdown II. In D. Crystal (ed.) *Applied sociolinguistics*. London: Academic Press, 7–31.
- Schank R. 1982. *Dynamic memory: A theory of reminding and learning in computers and people*. Cambridge: Cambridge University Press.

ЗАЧЕМ НУЖНА ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МОДАЛЬНОЙ РАМКИ?

Е. Г. Борисова

Московский городской педагогический университет, Государственный
академический университет гуманитарных наук
egbor@mail.ru

Статья посвящена языковым элементам, значение которых совпадает со смыслом фрагментов модальной рамки высказывания. В их число включаются призывы к вниманию: «Слушай», обращение к собеседнику не в начале, а в ходе беседы, экспликация намерений путем наименований речевых актов: *говорю тебе, спрашивается* и т. п. Анализируются особенности высказываний с эксплицируемой модальной рамкой и их отличия от случаев, когда говорящий обходится без такой экспликации. Рассматриваются эти единицы с точки зрения передаваемой информации, в том числе, о взаимодействии с адресатом.

Ключевые слова: речевой акт, модальная рамка, побуждение, обращение, глаголы говорения.

Введение

В статье рассматриваются случаи использования глаголов говорения, а также средств привлечения внимания (обращений, призывов слушать и т. п.) как способов экспликации модальной рамки высказывания, т. е. информации о речевых действиях, передаваемых грамматически и интонационно.

Среди групп глаголов традиционно выделяются глаголы говорения (речевой деятельности). Среди других тематических групп глаголов это подмножество выделяет использование их как раз для описания речевой деятельности. Поэтому их анализ обещал вскрытие особенностей и лексических единиц, и речевых действий (Vendler 1957). Что и произошло в ходе исследований в рамках логического анализа языка: было обращено внимание на объекты, совмещавшие в себе и речевое действие, и обозначение его содержания, так называемые перформативы (Остин 1986):

- (1) *Я торжественно клянусь.*
- (2) *Разрешаю обратиться.*

Этот феномен подробно рассматривался в том числе и в работах И. М. Кобозевой (см. Кобозева 1986, Кобозева 2023), что неудивительно, поскольку Ирина Михайловна активно работает и в сфере логического анализа языка, и в области прагматики, к которой имеет прямое отношение речевое действие и его характеристики.

В ходе исследований Кобозева 1986, Апресян 1986, Богданов 1985, Шатуновский 2014 и др. были выявлены и некоторые факты, которые казались связаны с перформативом, но таковыми не являлись. В частности, как отмечено в работе Кобозева 2023, не являются перформативами глаголы *говорить*, *спрашивать*, слова, отражающие содержание речевых актов: *поддакивать* и ряд других. С перформативами их связывает включение в значение модальной рамки высказывания «говорящий передает информацию».

Употребление в речи перформативов объясняется необходимостью передачи значения какого-либо действия: *Я извиняюсь*, *Приказываю* и т. п. Прочие глаголы говорения уместны в ситуациях описания события — как в традиционном для перформатива 1 лице настоящего времени, так и во всех прочих граммемах.

И здесь особое внимание привлекает «перформативная позиция»: когда говорящий сопровождает дальнейшую прямую речь уточнениями типа *говоряю*, *спрашиваю*, *утверждаю* и т. п. Ситуация, объяснимая в случае с перформативами, кажется парадоксальной из-за избыточности глагола. Действительно, фразы (3) и (3') фактически синонимичны:

- (3) *Хочется сказать, что дела наконец стали налаживаться.*
- (3') *Дела наконец стали налаживаться.*

Глаголы речи сами по себе совпадают со значением модальной рамки высказывания: *говорю*, *спрашиваю* или содержанием речевого действия: *поддакиваю*, *возмущаюсь*. Существует даже мнение, что фразы, начинающиеся со слов типа *хочу сказать*, *утверждаю* и т. п., противоречат культуре русской речи: ведь оратор уже говорит, зачем ему еще сообщать, что он этого хочет (благодарю И. Б., поделившуюся со мной такой своей позицией).

В таком случае встает вопрос: почему же нередко встречаются, причем в грамотных выступлениях, употребления глаголов речи, хотя их значения входят в модальную рамку сообщения, с какой целью информация модальной рамки выносится в отдельные высказывания, т. е. дублируется?

Дублирование содержания модальной рамки не ограничивается глаголами говорения. Сюда можно отнести и глаголы призыва к вниманию (*слушай*,

смотри): сам факт обращения, особенно после наступления контакта, уже предполагает призыв к вниманию без дополнительных глаголов. То же самое можно сказать об обращениях к собеседнику (*Иван!*, *Дорогая!*) вне типичных для обращения контекстов (начала беседы, выбора из нескольких собеседников и т. п.) Относительно таких случаев встают аналогичные вопросы. И можно предположить, что ответы окажутся схожими, поэтому они рассматриваются в рамках одного исследования.

В данной статье мы предполагаем рассмотреть случаи использования языковых средств, синонимичных значению модальной рамки высказывания: глаголов говорения, привлечения внимания и обращения вне традиционных контекстов (начала беседы, выбора собеседника и т. п.) и постараться определить причину такого дублирования информации, т. е. феномен экспликации содержания модальной рамки высказывания. При рассмотрении поставленных проблем мы опираемся на примеры из НКРЯ, а также на примеры из работ по данной тематике.

1. Отражение речевого действия в содержании высказывания

Мы исходим из представления о семантике высказывания, восходящих к Ш. Балли и получивших развитие в работах Е. В. Падучевой, И. М. Кобозевой (Кобозева 2004) и др.

А именно, мы считаем, что речевое действие может быть представлено в виде модальной рамки, включающей смысл «совершения действия говорения», его тип: утверждение, отрицание, просьба и т. п., а также смысл отношения говорящего к сообщаемому (что и называется модальность). Так в примере (4) в модальную рамку включается ‘Говорящий осуществляет речевое действие’, тип речевого действия — ‘говорящий, сообщает, что хочет получить информацию и просит, чтобы слушающий ее передал’ и дополнительная оценочная модальность ‘осуждение’.

(4) *Зачем ты так поступил?*

Кроме модальной рамки, в передаваемый высказыванием смысл входит диктум: то содержание, которое в высказывании передается, в данном примере ‘адресат поступил известным образом (*так*), вызвавшим речевую реакцию говорящего’.

Предположение о специальном смысле, выражаемом самой структурой высказывания, подтверждается взаимодействием с этими элементами смысла модальных (усилительных) частиц. Так многие усилительные частицы включают в свою сферу действия значение повеления «говорящий хочет, чтобы слушающий нечто сделал»:

(5) *Закрой же дверь.*

В этом случае частица *же* сохраняет общее значение «слушающему известно», но получает значение настоятельности, выводимое из употребления совместно со смыслом модальной рамки «говорящий хочет, чтобы нечто было сделано»: «слушающему должно было быть известно желание говорящего, поэтому просьба повторная и потому более настоятельная» (Володин, Храковский 1989).

Заметим также, что модальная рамка оказывается сферой действия коннекторов (Инькова 2019, Кобозева, Инькова 2018, Tsunoda 2018):

(6) *Возмутительно, ведь мы же договаривались.*

Здесь частица *ведь* объясняет причину не того, что произошло что-то возмутительное, а часть модальной рамки, отражающей мнение говорящего «осуждение»: «Я считаю, что нечто возмутительно», и частица *ведь* вводит причину этого мнения, передаваемого модальной рамкой высказывания.

2. Экспликация речевого действия

Как видно из примеров, содержание модальной рамки может передаваться словами естественного языка. Но для большинства случаев эта передача имеет только научное значение, т. к. в речи содержание модальной рамки и так понятно адресату. Однако, как мы уже отмечали, иногда эти «метатекстовые» слова включаются в речь в явном виде, осуществляя экспликацию модальной рамки.

Рассмотрим случаи экспликации фрагментов смысла «речевое действие — тип РД». Это глаголы речи в 1 лице (чаще единственного числа, но это не обязательно), настоящего или будущего времени, а также в сослагательном наклонении. В основном, именно их З. Вендлер назвал пропозициональными, включив в их число и перформативы как частный случай. Что касается их морфологических характеристик, то это могут быть не только формы настоящего времени, и даже не только безличные формы, как у перформативов, но и сослагательное наклонение, будущее время:

(7) *Я соглашаюсь на ваши условия.*

(7') *Я бы согласился на ваши условия.*

(7'') *Я соглашусь на ваши условия.*

В тех случаях, когда диктум (собственно значение) глагола речи значимо для содержания высказывания, его употребление не вызывает вопросов. Хотя фразы (8) и (8') и очень близки по передаваемому содержанию, эксплицитное

употребление глагола *соглашаться* передает важный фрагмент смысла: раньше было несогласие, теперь заявляется о согласии:

(8) *Ты был прав.*

(8') *Я соглашаюсь, что ты был прав.*

А какой фрагмент смысла эксплицируется при употреблении глаголов речи (9), причем в повествовательных предложениях, где в значении глагольной словоформы почти нечего нет, кроме того, что входит в модальную рамку?

(9) *Я говорю вам: «Нет».*

Видимо, эксплицируется собственно речевое действие. Но в таком случае, зачем эксплицировать смысл, и так очевидный для слушателя?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим в первую очередь глаголы, обозначающие речевое действие «сообщение информации». Анализ примеров (в основном из НКРЯ) позволяет выявить следующие случаи осмысленного употребления глаголов, эксплицирующих модальную рамку.

1) Уточняются сведения об условиях речевого акта (в том числе и о роли говорящего):

(10) *Я скажу тебе с последней прямоотой: все лишь бредни* (О. Мандельштам).

Автор подчеркивает, что его сообщение характеризуется «последней прямоотой»

(11) *Я вам так скажу.*

Здесь обращается внимание на содержание (через наречие *так*) и есть условия выделить интонационно некоторых участников (говорящего, адресата, содержание).

(12) *Ну, во-первых, следует сказать, что, чего человек не знает, тем не владеет.* (Ирина Калужнова, Здоровье нервной системы)

Здесь экспликация делает более понятным связи вводного слова *во-первых*.

2) Часть значения модальной рамки выделяется:

(13) *Я говорю: надо это прекратить.*

(14) *Перестань, я сказал!*

Глагол, эксплицировавший модальную рамку, может получить дополнительно интонационное выделение. Но и без него употребление глагола речи создает эффект большего внимания к сообщению.

Заметим, что некоторые фразы, служащие для экспликации модальной рамки, узуализуются, включают в себя импликатуры, ср. в примере (14):

Я сказал — следовательно адресат уже должен знать, поэтому моя просьба повторная и я настаиваю на выполнении (рассуждение схожее с приведенной выше функцией частицы *же*, которая маркирует известность сообщения, что тоже способствующей настоятельности).

3) Речевое действие противопоставляется другим актам:

(15) *Мне говорят, что пить нельзя, а я говорю: «Буду».*

(16) *Вы мне рассказали о своих делах, а я вас спрашиваю: почему пропустили занятия.*

В примере (16) значение «просит сообщить информацию», составляющее модальную рамку вопроса, передано глаголом *спрашивать*, у которого это фрагмент лексического значения, поскольку передается противопоставление содержания реплики собеседника и запроса информации говорящим.

4) В ряде случаев глагол говорения сигнализирует о повторе речевого действия, ср. (14). Это может осуществляться и в настоящем времени, которое в этом случае трактуется как расширенное, включающее и недавно прошедшее. Именно так могут интерпретироваться примеры (13) и (16).

5) Используется для введения новой реплики:

(17) *С чем связаны эти изменения? — Я вам отвечаю.*

(18) *Хочу сказать, что на эту проблему мы уже обращали внимание.*

Здесь определенную роль играет хезитация, т.е. выигрыш времени. Иногда подобное использование переходит в «слово-паразит» (точнее, паразитическую конструкцию) — привычное употребление слова или конструкции без необходимости:

(19) *Вот как так получилось? — А я вам скажу.*

Можно отметить, что такие вставки, эксплицирующие модальную рамку 'я передаю информацию' делают высказывание менее категоричным, ср. (20) и (20').

(20) *Следует сказать, что в работе немало недостатков.*

(20') *В работе немало недостатков.*

Когда модальная рамка эксплицирована, возникает возможность включения ее содержания в систему полного передаваемого содержания, включающего и выводы из текста, информацию о взаимодействии участников общения, их отношениях и т. п. Введение модальной рамки в эксплицитном виде позволяет предупредить говорящего о возможности оценки и т. п.

3. Экспликация повелений и вопросов

Помимо речевого действия «сообщение полученной информации» экспликация может затрагивать и повеления. Модальный компонент «говорящий хочет, чтобы адресат сообщил информацию» передается несколькими глаголами: *Скажи, Ответь Признайся, Не спорь*, а также — с уточнением компонента «хочет»: *Я хочу, требую, настаиваю*, ср. (21)–(22).

(21) *Скажи-ка, дядя, ведь недаром*

Москва, спаленная пожаром, французам отдана? (М. Ю. Лермонтов)

(22) *Скажи мне, кудесник, любимец богов,*

Что сбудется в жизни со мною?

И скоро ль, на радость соседей-врагов,

Могильной засыплюсь землею?

Открой мне всю правду, не бойся меня. (А. С. Пушкин)

В этих строчках призыв ответить встречается два раза: первое слово начинает реплику, кроме того, позволяет конкретизировать одного из участников общения — адресата. Второй призыв к ответу делает такую конкретизацию более сильной и содержательной: подчеркивается запрос на всю правду и уточняется «не бойся меня» (такое уточнение возможно и без экспликаторов: Что будет со мною? Не бойся меня, но отнесение призыва не бояться именно к речевому действию адресата-кудесника менее ясно).

(23) *Я требую, чтобы вы мне сказали всю правду.*

В (23) экспликация уточняет фрагмент значения модальной рамки «говорящий хочет, чтобы адресат передал ему информацию», а именно, показывается, какой степени достигает желание.

В схожей функции используются и глаголы, эксплицирующие всю модальную рамку вопроса. Это глаголы *Спрашиваю, интересуюсь*, а также выражения *хотел бы знать, мне интересно* и т. п. Заметим (см. Примечание 1)¹, что речевое действие вопроса сложнее, чем просто говорения и даже повеления. Поэтому экспликация может затрагивать разные его части.

¹ *Примечание 1.* В нашем тексте (вольно или невольно) встретила экспликация речевого действия. Как автор, после интроспекции, могу сказать, что я употребила служащее для этого слово *заметим* с целью передать связь между сказанным ранее и содержанием придаточного. Иными словами, *заметим* здесь предваряет объяснение, почему я отдельно говорю о глаголах, эксплицирующих повеление говорить, и об экспликаторах вопроса. Употребление экспликатора *заметим* позволяет ввести описание структуры речевого действия вопроса как объяснения отдельного обращения к его экспликаторам.

(24) *Я спрашиваю, — заорал отец, — зачем ты это сделал.* (НКРЯ)

Фактически и в этих случаях мы находим основные причины экспликации, рассмотренные нами при анализе глаголов говорения: возможность уточнения речевого действия и/или его интенсификация (ср. (24)).

4. Призыв к вниманию

В этом же ряду стоит и введение в сообщение средств призыва к вниманию: глагола *слушать* (*послушать*), и реже *смотреть*.

Глагол *слушать-послушать* традиционно используется в начале беседы:

(25) *Привет! Слушай, я давно хотел тебя спросить.*

(26) *Если у меня спрашивают:*

«Слушай, деньги нужны позарез, сможешь подкинуть? Я даю и больше на них не рассчитываю». (НКРЯ)

Однако возможен он и в середине беседы:

(27) *Я придумал исключительный финансовый трюк. Послушай, идея такова. Я знакоюсь с каким-нибудь фраером.* (Довлатов, НКРЯ)

Чаще всего экспликация связана с подчеркиванием важности сообщения. В примере (27) автору требуется повышенное внимание к его идее, представляемой им как «исключительная». Идея важности дальнейшего сообщения очевидна и для следующего примера:

(28) *Напоминает то, как мы, опасаясь за будущее, говорим своим детям:*

Ну, послушай, учи математику, как же ты жить-то будешь?» (НКРЯ).

Глагол *смотри* (в совершенном виде в этой функции он нам не встретился) употребляется, когда в дальнейшем должно последовать разъяснение:

(29) *То есть есть те, кто платят, и те — кому платят)*

Ну смотри, нам в принципе в первый раз это говорили, да и написано это везде: после нескольких прыжков можно «уйти в профессионалы». (НКРЯ)

(30) *Это и правда совсем недолго, — сказала она.*

Смотри: сейчас февраль, потом март, апрель, май, июнь...» (НКРЯ)

Использование глагола *слушать* (и в переносном значении *смотреть*) тоже представляет собой экспликацию фрагмента модальной рамки, который необходимо выделять хотя бы для устного общения. Призыв к вниманию,

осуществляемый этими средствами, фактически соответствует условиям, отмеченным для других случаев экспликации модальной рамки.

5. Обращение к собеседнику

Мы рассматривали глаголы как экспликацию модуса высказывания. Но, как мы уже отмечали, сходное ощущение дублирования возникает и при употреблении обращений в случаях, когда его основная функция — приглашение к коммуникации — неуместна из-за того, что коммуникация уже идет:

(31) *Мне это надоело! Иван, послушай, сколько ты еще намерен испытывать наше терпение?*

В некоторых примерах появление обращения внутри реплики может быть объяснено коммуникационными причинами, например, в ходе беседы, если кажется, что собеседник отвлекся:

(32) *Петров, ты опять не слушаешь.*

В других случаях обращение может означать выбор отдельной личности (личностей) из числа коллективного адресата:

(33) *В целом работы выполнены прилично. Но коллега Басова, с вами нам надо поговорить поподробнее.*

Такие случаи можно считать реализацией основных значений обращения (*Ky*).

Однако внутри речи нередко встречаются обращения с использованием личных имен, которые не меняют заявленного с самого начала беседы регистра и никаких прагматических функций не несут. Тем не менее, анализ (правда, пока поверхностный и пилотный) показывает, что использование обращения посреди разговора связано с несколькими дополнительно возникающими смыслами:

1) Возвращение к общению после реплик иного характера:

(34) *А можно и на леске / например / если вы любите рыбалку / то наверняка дома есть лески... Мы можем и на леске... Вариантов / уйма! Это / конечно / очень хорошо получилось... А у вас очень красивый шарф / Лена! А как еще можно завязывать шарфы? (НКРЯ, корпус устной речи)*

2) Переход к другой (часто завершающей) части общения:

(35) *Да, пришлите мне этот рецептик на вацап. Ну что ж. Ирочка, спасибо за гостеприимство.*

3) Дополнительные эмоции:

(36) *Конечно / венчались / что вы / Лена! Тогда просто...* (НКРЯ)

Здесь эмоционально окрашенное обращение передает удивление. Возможны и более сложные интенции, в частности, извинение (37) или сообщение о несогласии (38):

(37) *Ну / Лена / я Вас не звала больше не потому что как-то я раздумала / а раз вы так резко и твердо сказали ...* (НКРЯ)

(38) *Лена / муж и жена / одна сатана//...* (НКРЯ)

Возобновление апелляции к собеседнику в ряде случаев имеет достаточно простое объяснение: происходит переход к другой части общения (иная тема, возникновение ситуации «прощание»), и в этом случае сохраняется вероятность, что возможна смена адресата или, по крайней мере, что в иной ситуации требуется воспроизведение речевых формул. Так обращение при встрече: «Здравствуй, Лена!» может как-то «провоцировать» обращение при прощании: «Ну что ж, Лена, спасибо за визит, до свиданья».

Более сложным представляется появление обращения в высказывании, сопровождаемом эмоциями. Однако в целом передача эмоций (видимо, за счет просодических признаков или фонации) может осуществляться в значительной степени самим обращением:

(39) *Ле-на! Только без этого.*

Обращение привязывается к появлению (внедрению) в общение новых предикативных элементов (модальных рамок, речевых актов), для которых обновление адресата может представляться оправданным.

Выводы

Исследования показали, что смысл, составляющий содержание модальной рамки, в том числе и обращения, приблизительно соответствует лексическому значению слов, и поэтому может эксплицироваться, т. е. выражаться отдельными словами или словосочетаниями. Необходимость экспликации речевых актов и повторения обращения и призывов к вниманию можно связать с изменениями такого стандартного речевого поведения, когда каждая последующая реплика отражает очевидные для адресата прагматические интенции: тип речевого действия, адресация, степень внимания. Как показало наше рассмотрение, реальное общение может нарушать такое течение событий, и в распоряжении

говорящего имеется достаточно средств, чтобы это нарушение отметить и ликвидировать нежелательные последствия такого отклонения.

Одним из поводов для нарушения оказывается необходимость эмфазы, выделения типа речевого акта, см. (15)–(16). Это бывает необходимо при уточнении намерения (18), (23), противопоставлении данного речевого акта другому (16). В этот же ряд можно поместить и дополнительные средства привлечения внимания, обычно соответствующие обращению к сообщению большей важности, чем в целом в реплике, см. примеры (13), (14), (25), (30).

«Степень важности» может заключаться в необходимости дополнительной эмоциональной окраски — как отрицательной (13), (14), (24), (39), так и положительной (17), (27).

Еще одним поводом для экспликации модальной рамки оказываются открывающиеся при этом возможности сообщения дополнительной информации о речевом акте: уточнение участников (10), (21), особенностей общения (11), (22), места сообщения в построении последовательного текста (см. *Примечание 1*).

Поскольку перечисленные причины не всегда представляются обязательными, использование экспликаций нередко возможно для хезитации (что обычно для ситуации факультативности), т. е. для не вполне семантизируемого случая.

Если некоторые причины (противопоставление речевых актов, подчеркивание намерения, хезитация) представляются более или менее очевидными, выводимыми из общих сведений по синтаксису, то ряд других оказывается более тонкими, заставляющими задуматься о структуре речевого взаимодействия.

В целом рассмотренное нами явление демонстрирует возможности языка выделять в ходе речи структурные элементы высказывания, их превращение в вербальную часть сообщения, что позволяет использовать их в передаче особенностей информационной, эмотивной и коммуникативной структур.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1986. Перформативы в грамматике и словаре. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. М.: Наука, Т.45. №3, 208–223
- Богданов В. В. 1985. Перформативное предложение и его парадигмы. *Прагматические и семантические аспекты синтаксиса*. Калинин, 18–28.
- Инькова О. Ю. 2019. Логико-семантические отношения: проблемы классификации. В О. Ю. Инькова, Э. Манзотти (ред.) *Связность*

- текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: Издательский дом ЯСК, 11–98.
- Кобозева И. М. 1986. Перформативность глагола и его лексическое значение. *Linguistic Arbeitsberichte*. Band 54/55, 176–189.
- Кобозева И. М. 2021. *Лингвистическая семантика*. Учебник. Изд. 7-е, испр. и доп. (Классический учебник МГУ: Теоретическая лингвистика: Формальные модели языка). М.: Ленанд.
- Кобозева И. М. 2023. «Стремление к удобству» как принцип объяснения синхронных явлений на уровне предложения (на примере перформативности). *Евразийский филологический вестник*. Вып. 3 (3), 81–97.
- Кобозева И. М., Инькова О. Ю. 2018. Как и его двухместные варианты. *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. М.: ТОРУС ПРЕСС, 168–238.
- Остин Дж. 1986. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов*, Вып. XVII. М.: Прогресс, 22–129.
- Храковский В. С., Володин А. П. 1986. *Семантика и типология императива. Русский императив*. Л.: Наука.
- Шатуновский И. Б. 2014. Перлокутивные речевые действия и перлокутивные глаголы. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 13 (20), 572–579.
- Tsunoda T. 2018. *Levels of clause linkage*. Mouton de Gruyter.
- Vendler Z. 1957. Verbs and Times. *Philosophical Review*. № 66 (№2), 143–160.

ЗАМЕТКИ О ТИПОЛОГИИ НАМЕКА

В. З. Демьянков

Институт языкознания РАН
vdemiank@gmail.ru

1. Введение

Если верить психологии, поисками смысла жизни люди занимаются, достигнув определенной зрелости. Смысл же высказывания, и не только о жизни, профессионально интересует лингвистов и философов языка. Когда такой смысл живым в руки лингвисту не дается, приходится препарировать продукты языковой деятельности и реконструировать ход рассуждений, на который, не всегда добровольно и бескорыстно, намекает автор речи.

И. М. Кобозева (Кобозева 2007), опираясь на более раннюю публикацию Кобозева, Лауфер 1998, «намека(ние)» определяет как форму косвенного выражения смысла, применительно к тому случаю, когда «он кодируется с помощью языкового знака, конвенционально предназначенного для выражения другого смысла, называемого буквальным смыслом (= языковым значением) этого знака». Намеркам в этой концепции присущи: вербальность, коммуникативная интенциональность, косвенность, а также выводимые из других признаков обоснованность и выводимость.

В английском языке есть несколько лексем, соответствующих русскому слову *намека*, из них наиболее обычны три — *cue*, *hint*, *allusion*; к ним прилегают *suggestion*, *intimation*, *indication*, взятые в переносном смысле, каждое со своими оттенками и отличительными признаками. Далее мы кратко опишем употребление первых трех в лингвистической литературе, посвященной непрямому смыслу языковых выражений.

2. Английское *cue*

Как показывает Bennett 1978, в дискурсе намеки (*cues*) рассматриваются в контексте таких пар понятий, как «форма и содержание», «знак и значение», «означающее и означаемое». Фундаментом для их истолкования является теория значения Дж. Локка, в которой предполагается, что наблюдаемые вербальные и невербальные действия регулярно «соответствуют» идеям в восприятии.

маемом мире человеческого сознания. Мнения, фигурирующие в таком мире дискурса, неназойливо рекомендуют или назойливо предписывают, намекая на определенное «прочтение» высказываний в конкретных ситуациях дискурса (ср. «are often conceived of in a form–content, sign–meaning, signifier–signified framework which presupposes something like a Lockean theory of meaning in which manifest behaviors, verbal and nonverbal, are said to 'correspond' in rule–governed ways to ideas in a conceptual world somehow contained in the mind. This is an expected bias for those scientists who feel their main concern should be with empirical validation of hypothesized consistencies in some observed body of data. Cues in conversation or other forms of human discourse would in this way 'convey' or even 'force' a particular 'reading' which is the meaning or content that cue is associated with independently of its actual use in specific discourse situations. In fact a cue's ability to, as it were, 'contain' some piece of a conceptual world — as if cues were packages containing bits of information — is what would in this view distinguish a particular phenomenon as a cue», (Bennett 1978: 570)).

Главным потребителем такого намека в дискурсе выступает непосредственный адресат дискурса. По такому «намеку» устанавливаются, в частности (Bäcklund 1989: 30–38):

- маркеры динамики дискурса, составляющие логические переходы рассуждения — лексические единицы типа: *но, тогда, but, now, well*, вопросы, завершающие клише, оценочные суждения и т. п.;
- маркеры усиления и подтверждения (markers of reinforcement), типа *this means* «иначе говоря»;
- обзор достигнутых результатов диалога и «взгляд в будущее».

То, что делает текст самодостаточным, подается с помощью определенных речевых приемов, называемых контекстуализирующими намеками (contextualizing cues). Так, представитель англосаксонской культуры испытывает трудности с восприятием дискурса на китайском языке не столько из-за синтаксических сложностей языка самого по себе, сколько из-за непривычности подачи текста, затрудняющего контекстуализацию. А именно, по (Young 1980: 224), изложение по-китайски может показаться неуклюжим и размытым, когда реальная цель называется только после сравнительно длинного (по «европейским» меркам) предисловия, объясняющего предысторию, причины и предпосылки для некоторого положения дел: собеседник начинает слишком издали и излагает предшествующую жизнь. Из-за таких различий в технике структурирования информации дискурс из другой культуры кажется неуместно подробным. Однако это свойство — результат стремления к «кооперированности» (в смысле П. Грайса), предоставления собеседнику максимума требуемых сведений в опоре на ресурсы здравого смысла. Китайский гово-

рящий берет на себя труд облегчить понимание, снабжая собеседника всей необходимой информацией и успокаивается, только убедившись, что у собеседника все это уже есть. «Европейская» же логика изложения более формальна и буквалистична (ср.: «The different ways of structuring information receive different valuations in these cultures. Viewed callously, the Chinese discourse appears imprecise, unwieldy and downright inept. Cast more charitably, it is seen to emphasize cooperation, prudence, and clearheaded caution» Young 1980: 224). А стремление не навязывать свое мнение приводит к тому, что адресат видит, как в конечном итоге могла бы выглядеть целевая картина мира, но не всегда понимает, что с этим ворохом информации делать и каких дальнейших действий от него ждут.

Важную «намекающую» роль в такой контекстуализации играют вербальные и невербальные маркеры, а также их количественное и качественное соотношение: избыток жестикуляции иногда кажется неуместным и не столько намекает, сколько активно навязывает предвзятость. Важную роль в интерпретации намеков играет соответствие принятым социальным нормам. Например, во многих обществах ограничено допустимо критиковать поведение присутствующих коммуникантов, особенно более старого возраста, и в разной степени уместны прямые замечания младшим. Чересчур прозрачные намеки на коммуникативную несостоятельность собеседников, впрочем, прорываются через произвольные невербальные действия, такие как: телесные кинетические и паракинетические маркеры, выдающие уверенность и/или сомнения в своей и/или чужой правоте, проксемика — близость или удаленность коммуникантов в пространстве, выражение лица и/или направление взгляда, просодическая динамика и др. (Wallat 1984: 27).

Намеки в диалоге (conversational cues), соответственно, определяются как внешне воспринимаемое вербальное и паравербальное поведение, включая весь спектр языковых и параязыковых средств, таких как выбор лексики, шаблоны и клише, просодия (контур высоты тона, окраска гласных, ритм, ударение, регистр высоты тона), а также невербальные сигналы (такие как кивки и направление взгляда). Интерпретируемые на фоне синтаксического и лексического репертуара, эти сигналы выполняют две функции: (1) контекстуализируют дискурс, указывая на подходящую схему, или сценарий, поведения, (2) предоставляют информацию о том, к чему дискурс привязан тематически, выделяя такие элементы речи, как значимость, контрастная эмфаза, новая vs. старая информация, перспектива, или смена топика речи («a range of linguistic and paralinguistic phenomena, such as lexical choice, formulaic utterances, prosody (including pitch contour, vowel coloration, rhythm, stress, pitch register), as well as nonverbal cues (such as nodding and eye-gaze direction). When

interpreted in relation to syntactic and lexical choices, these cues serve two functions: (1) they contextualize discourse, signaling what the appropriate schema is, (2) they provide information about how the discourse is tied together thematically, signalling such things as salience, contrastive emphasis, new versus old information, perspective, or topic shifts», (Michaels, Reier 1981: 180)). Все подобные «подвижки» в общении называются также *conversational cueing* «намекаание в разговоре».

Когда коммуникант чувствует, что намек «не дошел» и/или что намекающие сигналы не эффективны, не выполняют своего предназначения, констатируется аварийный сбой (failure cue). А на «сбойных участках» (failure sequences) начинаются «ремонтные работы» («the occurrence of a failure, the recognition (or suspicion) of a failure by the listener, the emission of a failure cue by the listener, the identification of the failure, and the repair work that may be made by one or both parties», Ringle, Bruce 1982: 212). Бывают имплицитные и эксплицитные сигналы о сбое, последний случай включает, по (Ringle, Bruce 1982: 212):

1. Пояснение (*point of extension*): слушатель подхватывает мысль, высказанную говорящим, и продолжает ее так, как, по его мнению, ее продолжил бы говорящий. В частности, смысл сказанного расширяется или сужается.
2. Оглашение («озвучивание») логического вывода (*inference assertion*), выводимого из дискурса говорящего, но не обязательно связанного с обсуждаемой в данный момент темой.
3. Констатация аналогии (*analogue assertion*): слушатель пытается провести аналогию между точкой зрения говорящего и чем-то еще, что, по его мнению, знакомо говорящему и что одинаково понятно всем коммуникантам.
4. Краткое изложение или парафраз (*summary* или *paraphrase*): слушатель резюмирует основные моменты последнего «выступления» говорящего.
5. Прямое утверждение (*direct assertion*) или вопрос: в дополнение к «косвенным намекам» (*oblique cues*) такого рода, слушатель может прибегнуть к прямым утверждениям о своих собственных областях знаний или о их недостаточности, или задать говорящему конкретные вопросы. Такие констатации позволяют сделать выводы о потенциальных источниках сбоев в разговоре и в дальнейшем избежать их.

3. Английское *hint*

В основе семантики этой английской лексемы лежит идея запрета в сочетании с необходимостью все-таки сообщить, «донести» кому следует: «Вопрос не в том, делаю я это или нет, могу или не могу открыто сказать об этом; вопрос в том, что, даже если я открыто говорю, что это именно то, что я подразумеваю, я не подразумеваю этого, говоря именно **это** (ср. «It is true that, if I hint, I must not openly say what it is that I hint – if I do, then I am not hinting at all. But if, in saying e.g. *Is our control system really effective?* I imply that bursars are not to be trusted, I could (I believe) with perfect propriety go on to say quite openly *I imply, of course, that bursars are not to be trusted.* The issue is not whether I do or do not, can or cannot, openly say this; it is that, even if I openly say that this is what I imply, I do not imply it in saying **that**. I imply it in saying *Is our control system really effective?*», (Warnock 1979: 143)).

Есть ситуации, в которых требование выглядит как сообщение о положении дел и воспринимается как «прямой намек» на свое желание, чтобы нечто произошло, ср.: «Мальчик, ты сел на мою кошку» со значением «Слезь моментально с моей кошки»; колоратурное восклицание «Какие у тебя грязные руки» конвенционально значит «Пойди и вымой руки», а не «Вот руки дяди Васи, действительно, — чудо какие грязные!» В таких случаях, по (Blum-Kulka 1989: 42), тоже можно говорить о намеке (*hint*), но не того же характера, что в случае с *sue*.

На шкале «назойливости намек» глагол *hint* квалифицируется как наиболее мягкая просьба или требование к адресату совершить некоторое действие. Например, *Здесь очень холодно* намекает на необходимость произвести логический вывод из неодобряемой ситуации и, скажем, закрыть окно или поделиться согревающим средством («The proposition expressed in the locution is distinct from the proposition to which the illocutionary point refers, but clearly some implicational relationship must be discoverable for the addressee: *It's very cold here*», (House, Kasper 1981: 154)). На втором месте — «сильный намек», содержащийся в предложении-вопросе *Почему окно открыто?* Пропозиция, выраженная такой локуцией, не идентична пропозиции, к которой относится иллокутивная цель (*illocutionary point*) высказывания, но связана с ней общими элементами ситуации («The proposition expressed in the locution is not identical to the proposition to which the illocutionary point refers but is related to it in that both have referential elements in common other than reference to either of the interlocutors», (House, Kasper 1981: 155)). Далее, по возрастанию настойчивости, идут 6 остальных способов попросить о том же, но уже без намека: *Ты можешь закрыть окно?* < *А ведь ты можешь закрыть окно* < *Мне бы хотелось, чтобы ты закрыл окно* < *А закрыл бы ты окно* < *Я должен попросить*

тебя закрыть окно < *Прошу тебя закрыть окно* < *Закрой окно, дрянная такая!* (там же).

Важнейшим же свойством намека–просьбы (*requestive hint*) является его элиминируемость, или устранимость (*deniability*), т. е. возможность легко сделать вид, будто намек и не было, или даже прямо это сказать, не унижая иллюкутивного достоинства своего собеседника («[...] *hint bears a high deniability potential... the potential to deny illocutionary and propositional components of the request assigned to it, grounding the denial in the utterance meaning of the hint*», (Weizman 1989: 94)). Ведь можно просто не понять, что данная фраза содержит намек и даже прямо отказаться выполнить нескрываемое требование, но при этом искренне или театрально отказаться приписывать нужное значение предложению просящего.

4. Интернационализм *allusion*

Эта лексическая единица пришла из латинских руководств по риторике в английский, французский, немецкий, русский и др. языки. Аллюзия — метафорическое отношение, возникающее, когда один текст вызывает в памяти другой, независимый текст, живущий своей собственной жизнью. Это образ, созданный в результате метафоры в сознании читателя («the metaphorical relationship created when an alluding text evokes and uses another, independent text. Neither the reference nor the referent, it consists in the image produced by the metaphoric combination that occurs in the reader's mind», Pasco 1994: 13). Аллюзии лежат в основе интертекстуальности (см. Wagner 1996: 282), то есть «any textual exploitation of another text» (Pasco 1994: 5). А большие словари аллюзивных выражений, имеющие старую традицию в европейской лексикографии (см. Urdang, Ruffner eds. 1986: 42), помогают вовремя и кстати блеснуть чужой эрудицией.

Для аллюзивности существенна нечеткость в разграничении понятий, презумпция, что высказывания бывают понятными не всем носителям языка, а только посвященным, «видным знатокам» («Le discours allusif convoque dans le texte produit, à travers une certaine combinaison de ses marques, un univers de discours qui appartient à savoir supposé partagé par les membres d'une même communauté socio-linguistique. Cette convocation beaucoup plus subtile, que le discours rapporté – parce qu'elle n'est pas annoncée comme telle et qu'elle fait appel à la connivence des protagonistes – sera appelée allusive, non pas dans le sens de «flou», [...] mais dans le sens de «rappel direct d'un possible univers de discours». [...] le discours allusif est un rappel pouvant faire émerger une connivence, jamais obligatoire», (Charaudeau 1983)).

Любовь к риторической аллюзивности может распространяться как на очень узкие круги посвященных (это своеобразный ритуал ухаживания за единомышленниками, см. Rosaldo 1973: 222, подобный подношению редких цветов), так и на широкие. В любом случае, при аллюзии исходят из наличия определенных общих коммунальных (common) знаний, подобно местам и предметам общего пользования в коммунальных квартирах. Аллюзии должны пониматься слету: этому учат классики красноречия (напр., Du Marsais 1730: 127), иначе вместо наглядности и разъяснения они препятствуют пониманию, и вместо игры слов становятся орудием пытки (Du Marsais 1730: 188): о загадках китайской принцессы Турандот мы еще помним.

От научных сочинений требуют максимальной эксплицитности: вместо намеков вещи должны быть названы только своими, желательно уникальными, именами, а чем меньше расплывчатости, тем лучше.

Однако то, что кажется сегодня кристально ясным детально сформулированным, выглядя как «определенные дескрипции» (*definite description*), завтра, в иных обстоятельствах прочтения оказывается всего лишь намеком на истину (ср. Bogusławski 1977: 172). Более того, задаваемый вопрос (в том числе, и формулировка научной проблемы) может содержать аллюзию (ср. Diller 1984: 104) — намек на то, каким бы спрашивающий хотел увидеть ответ. Возможно, потому столь заманчивы предсказания пророков.

5. Заключение

Концептуальный аппарат, предложенный И. М. Кобозевой, позволяет проанализировать материал различных языков. Русскому слову *наме́к* соответствует несколько английских лексем, характеризующих различные степени кооперированности коммуникантов при распутывании скрытых, разному вербализованных смыслов речи.

Литература

- Кобозева И. М. 2007. *Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике* [Электронный ресурс]: учеб. пособие. URL: <https://textarchive.ru/c-2253239-pall.html> (дата обращения: 31.03.2025).
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И. 1988. Об одном способе косвенного информирования. *Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз.*, № 5, 462–470.
- Bäcklund I. 1989. Cues to the audience: On some structural markers in English monologue. In B. Odenstedt, G. Persson (eds.) *Instead of flowers: Papers in*

- honour of Mats Rydén on the occasion of his sixtieth birthday, August 27, 1989.* Stockholm: Almqvist & Wiksell, 29–39.
- Bennett A. 1978. Interruptions and the interpretation of conversation. *Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Vol. 4, 557–575.
- Blum–Kulka Sh. 1989. Playing it safe: The role of conventionality in indirectness. In Sh. Blum–Kulka et al. (eds.) *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood (New Jersey): Ablex, 37–70.
- Bogusławski A. 1977. On the uniqueness condition on definite descriptions and their differentiation. In F. Daneš, D. Viehweger (Hrsg.) *Probleme der Textgrammatik: II*. Berlin: Akademie, 159–172.
- Charaudeau P. 1983. *Langage et discours: Éléments de sémiolinguistique (théorie et pratique)*. Paris: Classiques Hachette.
- Diller A.–M. 1984. Réponses indirectes par implicature. P. Attal, C. Muller (éds.) *De la syntaxe à la pragmatique: Actes du colloque de Rennes, Université de Haute-Bretagne*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 95–115.
- House J., Kasper G. 1981. Politeness markers in English and German. In J.–G. Savard, L. Laforge (éds.) *Actes du 5e Congrès de / Proc. of the 5th Congress of L'Association Internationale de Linguistique Appliquée. Montréal août / August 1978*. Québec: Université Laval, 150–178.
- Michaels S., Reier D. 1981. Establishing conversational cooperation. *Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Vol. 7, 178–191.
- Pasco A. H. 1994. *Allusion: A literary craft*. Toronto etc.: University of Toronto Press.
- Ringle M. H., Bruce B. C. 1982. Conversation failure. In W. G. Lehnert, M.H. Ringle (eds.) *Strategies for natural language processing*. Hillsdale (New Jersey); London: Erlbaum, 203–221.
- Rosaldo M. 1973. I have nothing to hide: The language of Ilongot oratory. *Language in Society*, Vol. 2, № 2, 193–223.
- Urdang L., Ruffner F. G. Jr. (eds.) 1986. *Allusions – Cultural, literary, Biblical, and historical: A thematic dictionary. 2nd ed–n*. Detroit (Michigan): Gale.
- Wagner P. 1996. Oscar Wilde's «Impression du matin» – an intermedial reading. In P. Wagner (ed.) *Icons – texts – iconotexts: Essays on ekphrasis and intermediality*. Berlin; New York: Gruyter, 281–306.
- Wallat C. 1984. An overview of communicative competence. In C. Rivera (ed.) *Communicative competence approaches to language: Proficiency assessment: Research and application*. Clevedon; Avon: Multilingual matters, 2–33.
- Weizman E. 1989. Requestive hints. In Sh. Blum–Kulka et al. (eds.) *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood (New Jersey): Ablex, 71–95.
- Young L. W. L. 1980. Inscrutability revisited. *Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Vol. 6, 219–226.

СМОТРИ И СЛУШАЙ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. И. Крюкова

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН
nastyakryukova0077@gmail.com

А. Д. Подгорная

Институт языкознания РАН
podganastas@gmail.com

1. Введение

Дискурсивными словами, или маркерами (далее ДМ), называются слова, которые соотносят содержание высказывания с содержанием других высказываний в дискурсе и с коммуникативной ситуацией. В данной статье мы обобщим и дополним существующие описания ДМ *смотри* и *слушай*, представляющих собой лексикализованные формы глаголов в повелительном наклонении, анализируя выделяемые в литературе контексты их употребления в терминах лингвистической прагматики. Примеры взяты из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В статье мы будем использовать обозначения *смотри* и *слушай*, подразумевая не только эти формы, но и другие императивные формы, в том числе дериваты с приставкой *по-*: *смотрите, посмотрите, послушайте, послушайте*.

2. Существующие описания *слушай* и *смотри*

Слушай как ДМ представлен в большем количестве словарей, чем *смотри*. ДМ *слушай* описывается как вводное слово, употребляющееся «как побуждающее обращение к кому-н. в начале речи» (ТСРЯ) или как форма повелительного наклонения, закрепившаяся в данном значении (МАС, БТС, Морковкин 2003: 322). *Смотри* находится уже в более современном словаре Крысин IV: 180, 213, где получает то же толкование, что и *слушай*: «реплика, обращенная к собеседнику с целью привлечь его внимание к содержанию дальнейшего высказывания или предваряющая какие-л. действия участников ситуации», см. также БАС XXVI: 395 и Ефремова 2001: 638.

Переход глагольной формы в дискурсивный маркер предполагает частичную или полную потерю исходной семантики, и степень десемантизации *смотри* и *слушай* по-разному оценивается исследователями: *слушай* называется более десемантизированным из двух ДМ в Никишина 2022, в то

время как в Скребцова 2020: 116 утверждается, что, наоборот, *слушайте* менее десемантизирован, чем *смотрите*, несмотря на предположительно более раннее закрепление в качестве ДМ. По-видимому, такая оценка связана с тем, что в устном дискурсе полная десемантизация *слушай* невозможна, ведь попытка привлечь внимание собеседника предполагает в том числе желание каузировать адресата слушать. В письменном дискурсе, где воспринять *слушай* буквально невозможно, однако, этот ДМ также встречается (Никишина 2022: 51–53), что позволяет говорить о его десемантизации.

В Богданова-Бегларян, Маслова 2019 *смотри(те)* и *слушай(те)* рассматриваются наряду с другими контактными глаголами, т. е. глаголами, имеющими ослабленную семантику и регулирующими отношения между локуторами: *знаешь/те*, *видишь/те* и пр. На материале корпуса «Один речевой день» авторы показывают, что контактные глаголы *смотри* и *слушай* имеют следующие функции: маркируют начало реплики (1), только *слушай* также конец реплики (2), смену темы (3) и чужую речь (4); заполняют паузы хезитации (5).

(Богданова-Бегларян, Маслова 2019: 166–172)

- (1) а. ну вот **смотрите** // ну / для меня это не человек / во-первых;
б. **слушай** / ты можешь его каким-нибудь цветом другим отметить ?
- (2) без очков стригёт / вот храбрая / **слушай** !
- (3) эт нет / это очень классно / **слушай** / единственное / что шмоток у меня много
- (4) и он блин мне написал **слушай** сорри не могу
- (5) а ну да / пусть звонит // *П значит (э) **слушай смотри** ...

В Никишина 2022 анализируются три ДМ, образованных от форм повелительного наклонения: *слушай*, *смотри* и *стой*. Автор предлагает критерии разграничения полнозначных императивов и ДМ, сопоставляет формы СВ и НСВ и обнаруживает, что бесприставочные дериваты используются как ДМ чаще, чем формы с приставками. Последовательного различия между *слушай* и *смотри* не проводится, однако отмечаются некоторые отличающиеся свойства, в частности, *слушай*, но не *смотри*, может выступать средством установления контакта, начала диалога, а также часто используется как ксенопоказатель при передаче чужой речи. В то же время *смотри*, но не *слушай*, используется в репликах-объяснениях, репликах-рассуждениях. Е. А. Никишина (2022: 57) также выделяет контексты, где *слушай* маркирует «этапы мыслительного процесса говорящего, когда он понял / начинает понимать что-то, что было

сказано его собеседником, момента, когда у него самого возникает какая-то идея»; для этих контекстов характерно произношение *слушай* с удлинением одного или обоих гласных, что может найти отражение и на письме. В данной статье мы не будем подробно обсуждать этот вариант *слушай*.

(6) *А: Запарила дверь, стучащая по башке в морозы. Летом все работает. Не выдержала душа и все-таки купил газлифты новые, брал Lesjofors 8195023. Честно говоря, двоякое ощущение <...>.*

Б: Как раз недавно писал о них www.drive2.ru/l/491486646491939093/

А: Слушааай, а вариант :) попробую :) (Форум автолюбителей (2018))

Еще один вариант анализа *слушай* представлен в Путина 2021: 139–141, где выделяется семь функций этого ДМ: акцентирование внимания (7), запрос информации (8), смена темы (9), побуждение, просьба (10), приглашение к совместному действию (11), предположение (12), изумление (13).

(Путина 2021: 139–141)

(7) *Слушай, я обещаю взять отпуск.*

(8) *Слушай, а на кого ты учиться хочешь?*

(9) *Слушай, я тут как-то сидел вспоминал, как мы с тобой...*

(10) *Слушай, если ты так хорошо все знаешь, может, тебе самой пойти торговать?*

(11) *Слушай, полетим вместе в Ялту, а?*

(12) *Слушай, а, может, ты разозлился из-за того, что я тебе тогда деньги давал?*

(13) *Слушай, а ты теперь два языка знаешь?*

Таким образом, круг выделяемых у *слушай* значений и функций довольно широк, и некоторые из них допускают альтернативную интерпретацию, см. раздел 3; к наиболее регулярно выделяемым в различных работах контекстам употребления *слушай* относятся маркирование начала реплики (в особенности вопроса или просьбы), привлечение внимания слушающего, смена темы.

Коммуникативный статус локуторов при использовании *слушай* оценивается исследователями по-разному. Так, в Никишина 2022: 56 для *слушай* начала реплики постулируется, что «говорящий, инициирующий разговор таким образом, воспринимает свой статус в коммуникации как более высокий, чем статус того, к кому данная реплика обращена, или недооценивает коммуникативную дистанцию между собой и собеседником». Напротив,

в Скребцова 2020: 117 указывается, что *слушай* «предполагает равные отношения, или, по крайней мере, восприятие их в качестве таковых». При этом отмечается, что использование *слушай* может быть невежливым (Никишина 2022), так как этот ДМ вводит «элемент конфликтности» (Баранов, Крейдлин 1990: 92) в одном из своих употреблений, например *Слушай, что тебе от меня нужно?*.

Сопоставляя контексты употребления *слушай* и *смотри*, Т. Г. Скребцова (2020) предлагает интерпретировать *слушай* как маркер солидарности, а *смотри* — как маркер власти, причем власть говорящий получает благодаря обладанию некоторой информацией, а не в силу экстралингвистических факторов.

Тяготение *смотри* к контекстам передачи информации, разного рода объяснениям отмечается в ряде работ. Так, в Баранов, Крейдлин 1992 выделяется три лексемы: *смотри*₁, используемая для предостережений или напутствий (*Смотри, не забудь ключи*); *смотри*₂, выражающая удивление при открытии нового (*Смотри, как расхрабрился!*); *смотри*₃ — показатель акта аргументации (*Смотри, все очень просто...*). Во всех трех случаях говорящий предлагает слушающему разделить с ним что-то: опыт, эмоции или же знания. Отметим, что первые два значения также фиксируются в Ефремова 2001: 638. В Крысин 2021; Богданова-Бегларян, Маслова 2019; Никишина 2022 рассматривается *смотри*₃; в рамках нашего исследования внимание будет сосредоточено на *смотри*₂ и *смотри*₃.

3. ДМ *смотри* и *слушай*: значения и функции

3.1. Использование ДМ *слушай* и *смотри* для привлечения внимания собеседника

В данном разделе мы дополним существующие описания *слушай* и *смотри*, сопоставив контексты их употребления, а также предложим объяснение обнаруженных различий.

Первое значение, которое мы выделяем и у *слушай*, и у *смотри*, — привлечение внимания собеседника.

(14) *Юль / Алексей / Крокус / привет. Не отвлекаю? Я понял. Смотри / такой вопрос / мне сейчас нужно оплачивать / уже нужно было оплатить страховку / взнос / ну вторую половину за машину. (Разговор в офисе продаж автомобилей (2006))*

(15) *Ирина Анатольевна Р.: Значит / а там как раз вот этот Ираклий / или как его там / Гоша / не помню / как его звали / встретил его. Слушай / это*

вообще отпадно. Значит / глава мафии грузинской ему говорит / «Ты что сюда без человека припёрся?

(Случаи из нотариальной практики (2022))

Говорить о полной синонимии *смотри* и *слушай* в этом значении, однако, невозможно, так как эти ДМ различаются по параметру того, к чему они привлекают внимание, причем их употребление сохраняет следы их исходного значения как глаголов восприятия в форме императива. Так, использование *слушай* предполагает, что говорящий привлекает внимание к собственным словам и к себе в целом. Этот ДМ подчеркивает, что далее будут реализованы потребности говорящего.

(16) № 1: *А так в общем редко даже в кино как-то удаётся ходить / так и не знаешь даже на что и бежать.*

№ 2: *А я хочу всё-таки "Твой современник" посмотреть...*

№ 1: ***Слушай** / и мне надо. Я его не видела. [нрзб]. не видела.*

(Разговор двух женщин, Москва (1971–1977))

Мы предлагаем анализировать *слушай*, предваряющее просьбы, вопросы и предложения, являющиеся выражением потребностей говорящего в разных аспектах, как частные случаи использования *слушай* для привлечения внимания слушающего, а не как отдельные значения (ср. обсуждавшееся ранее деление в Пугина 2021).

Как и в случае с *слушай*, семантика ДМ *смотри* во многом определяется его исходным значением: говоря *смотри*, внимание привлекают не только и не столько к себе, сколько к чему-то внешнему по отношению к локуторам. Этим объясняется использование ДМ *смотри* преимущественно в контекстах передачи опыта и информации, где говорящий берет на себя роль проводника, посредника между слушающим и сообщаемой информацией. Можно сказать, что *смотри* выражает потребность говорящего позаботиться о собеседнике, подготовив его к получению сведений, которые говорящий хочет передать.

(17) Валерия: *И я поэтому отвечаю некоторым / которые ко мне стучатся / даже тем же самым солдатакам...*

Татьяна: *Писец реально / так нельзя вообще!*

Валерия: *Ну а что / какая разница? **Смотри** / он мне ничем не обязан / я ему ничем не обязана / мы с ним...*

(Рассказ о конференции (2006))

К этой же группе употреблений относятся контексты, где *смотри* предваряет пояснения, разъяснения к сказанному ранее (переформулирование, предложение другой интерпретации для облегчения понимания).

(18) Ж1: *так вот этого листка / нету?*

И41: *а листок этот / оон... у начальника смены на столе / он валяется уже неделю // там (...) часть заданий сделана / а часть нет // ну (:)... в единственном экземпляре //*

Ж1: **смотри** / я не понимаю / что ты распечатал / ты говоришь / я распечатал на принтере //

И41: *у нас есть ещё другой // мы каждую трубу / маркируем // (м) у него свой / принтер // струйник // этот принтер / как тумбочка //*

Ж1: *ты блин (?) / что ты ему задание / распечатал на принтере // вот я тебя и спрашиваю // и...*

(Разговор за завтраком с женой (2009))

К употреблению с целью привлечения внимания стоит относить и контексты, где *смотри* и *слушай* маркируют удивление говорящего (ср. *смотри*₂ в Баранов, Крейдлин 1992). ДМ *смотри*, и в особенности его вариант *смотри-ка*, действительно могут самостоятельно выражать изумление, о чем свидетельствует возможность изолированного употребления, не направленного на слушающего (19). В то же время, нам не удалось обнаружить примеры, где *слушай* однозначно интерпретируется именно как привносящий в предложение семантический компонент удивления; *слушай* может только вводить предложение с таким значением, скорее выражая, что эта оценка именно от говорящего, что говорящий посчитал нужным ее выразить.

(19) Анна Дмитриевна: *Всё импортное уже маленькие / требуют порой / "Мне это не надо / мне такое надо!". **Смотри-ка**. А мы замуж выходили да в ситцевых платьях жили ко...* (Разговор-воспоминание о жизни в колхозе (2009))

(20) Ольга: *Ну / весна же сейчас. Витаминов не хватает. Вот надо пройти курс. Я за год наверно раза 3-4 такой вот курс прохожу.*

Анастасия: **Слушай** / *какая ты молодец! А я вот с детства таблетки не люблю.*

(Разговор знакомых (2007))

3.2. Case study: сочетание ДМ *вот смотри*

Анализ сочетаемости дискурсивных маркеров может помочь уточнить их значение. В данном разделе мы рассмотрим комбинации ДМ *вот смотри* и *вот слушай*, чтобы продемонстрировать, что маркирование передачи информации является контекстом, определяющим сочетаемость *смотри*.

Лексема *вот* в сочетаниях с *смотри* и *слушай* может интерпретироваться как указательная частица или как дискурсивное слово, см. Кобозева 2007 о мономинативных употреблении *вот*. Вне зависимости от частеречной принадлежности *вот* акцентирует внимание слушающего на чем-либо, указывая на это. Первичным для *вот*, как и для *смотри*, является употребление с целью каузировать слушающего обратить внимание на некий физический объект. В большинстве контекстов, где встречаются *вот смотри* и *вот слушай*, можно обнаружить и эти ДМ без *вот*, однако обнаруживаются и неожиданные случаи.

Помимо примеров, где *смотри* и *слушай* сохраняют свое исходное значение повелительной формы глагола, общая для *вот смотри* и *вот слушай* группа употреблений предполагает обращение внимания собеседника на какое-либо положение дел (21). В случае, если *вот слушай* или *вот смотри* маркируют смену темы, усилить это значение может ДМ *а*, образуя таким образом дискурсивный кластер (22)–(23). В (24) *смотри* обнаруживается в нетипичной для себя позиции в тексте, замыкая рассказ. Объяснить это можно тем, что *вот* в одном из своих значений является заключительной репликой, и *смотри* в примере служит для привлечения внимания говорящего к окончанию рассказа.

(21) Лысков Дмитрий: *Так в чём заключается эта концепция?*

Подолова Анна Сергеевна: *Ну вот смотрите. Аа что значит удобство? Аа каждый человек ведёт свой образ жизни. Один мечтает быть... (Общество потребления: прогресс или деградация. Программа «Правда на ОТР» (2017))*

(22) А: *Не знаю я. Придется тебе потерпеть. Да я понимаю / у меня тоже маме не нравится / что я сижу долго / ну а чего еще иногда делать-то? А / вот / слушай / А ты на этот / на хоккей будешь ходить?*

В: *Чего за хоккей? Чего / который нам сегодня предлагали? (Разговор двух школьников (2006))*

(23) Леха: *Вкусная / мне нравится / с ананасом / с персиком. Вкусная / с клубникой.*

Аня: *Да / с клубникой.*

Леха: *А вот смотри / чё может быть / если человек эсэмэски отправляет / они отправляются / но до меня не доходят?*

Аня: *Связь. Со связью что-то.*

(Разговор в офисе продаж автомобилей (2006))

(24) *Но, так сказать, как выясняется, / замёрз он / на обратной дороге, потому что у него за пазухой / были уже, так сказать, лапти и // эта*

самая краска / для / покраски. // [смеётся] Ну вот, смотри, короче рассказал. (Спонтанный пересказ художественных текстов (2003))

В таблице ниже приведены данные о встречаемости *слушай* и *смотри* и их сочетаний с *вот* в устном подкорпусе НКРЯ. Они показывают, что *вот смотри* значимо превосходит по количеству вхождений *вот слушай* (результат точного теста Фишера <0.00001).

Таблица 1. Количество вхождений ДМ в устном подкорпусе НКРЯ

ДМ	Кол-во вхождений	ДМ	Кол-во вхождений
<i>слушай</i>	3643	<i>вот слушай</i>	34
<i>смотри</i>	2450	<i>вот смотри</i>	185

Результаты статистического анализа говорят в пользу того, что сочетание *вот смотри* носит устойчивый характер. Поскольку ДМ со схожим значением имеют свойство образовывать кластеры, усиливая таким образом иллюкативную силу высказывания, высокая частота употребления сочетания *вот смотри* свидетельствует о том, что оба этих ДМ обладают одной функцией — функцией привлечения внимания к чему-то внешнему. Напротив, различающиеся значения *вот* и *слушай* делают сочетание этих ДМ более редким.

3.3. Использование ДМ *слушай* и *смотри* для регулирования очередности говорения

Следующая функция, реализуемая *смотри* и *слушай* — регулирование очередности говорения (floor taking), причем и в этом случае наблюдаются некоторые различия в использовании исследуемых ДМ. Рассмотрим пример (25), где говорящий при помощи *смотри* сигнализирует о том, что планирует сказать что-то, что будет иметь характер объяснения. При этом, используя *смотри*, говорящий лишь приглашает слушающего к информации, полагая, что приглашение оправдано предшествующим взаимодействием или будет оправдано свойствами разделяемой информации

(25) Егор: *Идем куда-нибудь / или просто погуляем?*

Яна: *Конечно же / куда-нибудь идем!*

Егор: ***Смотри** / есть «Зебра» и «Солянка». Но в «Солянку» по ходу только одна вписка у меня будет и то не факт.*

(Телефонные разговоры московских студентов (2007))

Произвести замену *смотри* на *слушай*, если только это не *слушай*, обозначающее припоминание и произносимое с удлинением гласных, в этом контексте невозможно (26), но допустимо и употребление без какого-либо ДМ (27).

(26) Егор: *Идем куда-нибудь / или просто погуляем?*

Яна: *Конечно же / куда-нибудь идем!*

Егор: *#**Слушай** / есть «Зебра» и «Солянка».*

(27) Егор: *Идем куда-нибудь / или просто погуляем?*

Яна: *Конечно же / куда-нибудь идем!*

Егор: *Есть «Зебра» и «Солянка».*

Немного изменив реплику Яны, мы получим варианты, в которых *слушай* оказывается более приемлемым:

(28) Егор: *Идем куда-нибудь / или просто погуляем?*

Яна: *Давай куда-нибудь сходим!*

Егор: *?**Слушай** / есть «Зебра» и «Солянка».*

(29) Егор: *Идем куда-нибудь / или просто погуляем?*

Яна: *Конечно же / куда-нибудь идем! Только куда?*

Егор: ***Слушай** / есть «Зебра» и «Солянка».*

Мы предлагаем объяснить это тем, что *слушай* предполагает не просто регулирование очередности говорения, но и переход некой прагматической инициативы в диалоге; иными словами, *слушай* показывает, что слушающему предлагается некая более пассивная позиция, а говорящий претендует на повышение своего коммуникативного статуса, получив право определять дальнейшее течение диалога, принимать решения или не соглашаться с собеседником.

В примере (25) Егор занимает менее активную позицию, чем Яна: он предлагает варианты, а она принимает решения. ДМ *смотри* сохраняет эту динамику, в то время как использование *слушай* демонстрирует, что, напротив, Яна не обладает инициативой, делая пример неуместным. Если Яна эксплицитно передает Егору право принимать решения, как в (28) и (29), *слушай* становится уместным.

Это свойство ДМ *слушай* объясняет, почему он может использоваться в качестве начальной реплики в разговоре: в отличие от приглашающего *смотри*, требующего предварительного контекста, вовлеченности слушающего в диалог, семантика и прагматика *слушай* не содержат таких компонентов; *слушай* указывает лишь на то, что говорящий будет реализовывать свои потребности, а вовлечение собеседника происходит без его предварительного согласия, что не всегда уместно.

3.4. Использование ДМ *слушай* и *смотри*: прочие функции

Кратко рассмотрим остальные употребления *слушай* и *смотри*. И *смотри*, и *слушай* могут использоваться в контексте смены темы (это же значение обнаруживается у сочетаний с *вот*, см. раздел 3.2).

(30) В.: Кролика хорошо вчера ел?

А.: Угу. [пауза] **Слушай** / а когда ты пойдёшь к этой тётке?

В.: Завтра утром.

(Домашние разговоры, Москва (1971–1977))

(31) Сережа: Он не говорит: «Дай сигарету». Он говорит: «У тебя сигарет есть?»

Таня: А... Да?

Сережа: Да. «Дай сигарет».

Таня: **Смотри** / все-таки эти джинсы...

Сережа: Он может мужчине взрослому сказать: «Слышишь?»

(Разговоры на рынке (2008))

Для *слушай* также характерно употребление в качестве ксенопоказателя; *смотри* в аналогичных контекстах не употребляется.

(32) Владимир Путин: Он говорит. «**Слушай** / #**смотри** / у тебя есть любовь?»

Я говорю / «В каком смысле?» (Ежегодная пресс-конференция

В. В. Путина (2014))

Что касается использования *смотри* и *слушай* для заполнения пауз хезитации (как указано в Богданова-Бегларян, Маслова 2019, см. пример (5)), такие употребления мы предлагаем анализировать как примеры коммуникативных неудач, когда говорящий обозначил свое коммуникативное намерение, но не сумел его реализовать.

4. Заключение

Таким образом, дискурсивные маркеры *смотри* и *слушай*, хотя и имеют схожие функции, тяготеют к разным контекстам: для *смотри* характерно использование перед объяснениями, тогда как *слушай* встречается в большем количестве значений. Этот ДМ сигнализирует о желании говорящего реализовать свои потребности, будь то начало диалога, просьба, вопрос или предложение.

Литература

- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. 1992. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов. *Вопросы языкознания*, № 3, 84–93.
- Богданова-Бегларян Н. В., Маслова Е. Р. 2019. Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, № 15, 158–184.
- Кобозева И. М. 2007. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*). *Труды Международной конференции Диалог'2007 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»*. М.: РГГУ, 250–255.
- Никишина Е. А. 2022. Дискурсивные маркеры-регуляторы устной речи (*по*)слушай, (*по*)смотри, (*по*)стой и особенности их употребления. *Русская речь*, № 5, 47–63.
- Путина О. Н. 2021. *Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве вопрос-ответ (на материале русского и английского языков)*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Скребцова Т. Г. 2020. *Смотрите и слушайте как маркеры власти и солидарности*. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, № 64, 109–119.

Источники

- Герд А. С. 2019. *Большой академический словарь (БАС). Т. 26: Скорее — Сом.* М., СПб.: Наука.
- Кузнецов С. А. 2000. *Большой толковый словарь русского языка (БТС)*. Электронный ресурс: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>.
- Крысин Л. П. (ред.). 2021. *Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С—Т*. М.: ЯСК.
- Евгеньева А. П. (ред.). 1957–1960. *Малый академический словарь (МАС)*. М.: Институт русского языка Академии наук СССР. Электронный ресурс: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/>.
- Ефремова Т. Ф. 2001. *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. М.: Русский язык.

Морковкин В. В. (ред.). 2003. *Объяснительный словарь русского языка*. М.: Астрель–АСТ.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Электронный ресурс: ruscorpora.ru.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1992. *Толковый словарь русского языка (ТСРЯ)*. М.: Азъ. Электронный ресурс: <https://ozhegov.info/slovar/>.

МАРКЕРЫ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ДИАЛОГЕ И ИХ ЖЕСТОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

Ю. В. Николаева

МГУ имени М. В. Ломоносова, НИУ «Высшая школа экономики»
julianikk@gmail.com

Введение

В работе Clark, Brennan 1991 предлагается рассматривать диалог с точки зрения общего фона или общего основания разговора (common ground), которое непрерывно создают участники диалога: адресат сообщает говорящему о своем понимании или непонимании, и эти сообщения передают информацию относительно общего фона и состояния диалога. Другие авторы отмечают, что говорящий в ситуации общения лицом к лицу непрерывно отслеживает свою собственную речь и ее понимание слушающим, а слушающий вносит свой вклад, информируя говорящего о своем внимании, понимании и отношении (Clark, Krych 2004; Allwood et al. 1992; Bunt 1994). Важная особенность обратной связи состоит в том, что слушающий не претендует на смену ролей.

Среди невербальных маркеров обратной связи называют в первую очередь кивки и другие жесты головы, но также мимические выражения, такие как движения бровей или улыбка, наклон корпуса и т. д.; вербальные и невербальные маркеры могут комбинироваться в кластеры (Гришина 2011; Евдокимова, Николаева 2022) или выступать по отдельности. Г. Кларк (Clark 2006) описывает вербальный и невербальные каналы (направление взгляда, мимика, просодия, жесты) в качестве равноправных при передаче прагматических коммуникативных сигналов. Другие авторы (Hadelich et al. 2004) также пишут о том, что обратная связь, выраженная визуальными средствами, имеет большое значение в диалоге, наряду с вербальными средствами. Хотя уже были попытки описания отдельных элементов этой системы (Кобозева, Захаров 2007; Гришина 2017; Кобозева и др. 2019; Nata 2016), невербальные каналы в диалоге остаются недостаточно исследованными.

В этой статье мы рассмотрим, как вербальные маркеры обратной связи сочетаются с жестами головы и рук.

Типы ДМ

В качестве маркеров обратной связи (МОС) могут выступать слова (*да-да*), просодические единицы (*мгм*) или кинетические знаки (кивок, поднятие бровей, улыбка, моргание). Важно отметить, что эти единицы многозначны и могут выполнять несколько функций: слова, которые используются для ответов на общие вопросы, также могут выражать внимание и понимание.

Существуют разные подходы к классификации МОС. В работе Boudin et al. 2024 разделяют их на общие (сигнализируют о внимании и понимании) и специфические (указывают на реакцию слушающего). Последние делятся в свою очередь на положительные и отрицательные, а также на относящиеся к новой либо известной информации. Г. Кларк (Clark 1996), говоря о сигналах (не)понимания в диалоге, помимо собственно маркеров обратной связи, упоминает повторы. В работе Derriks, Willems 1998 приводится следующая классификация функций МОС:

1. Контакт;
2. Внимание;
3. Понимание;
4. Реакция (уместный ответ, в частности подтверждение или опровержение сообщения говорящего).

Там же отмечается, что в случае позитивной обратной связи от уровня (1) к уровню (4) повышается уровень сообщения: более высокий уровень автоматически включает более низкие: понимание сообщения подразумевает внимание к нему. Для маркеров негативной обратной связи иерархия обратная: отрицательный ответ на низком уровне подразумевает такие же ответы на более высоких уровнях.

В нашей работе мы выбрали в качестве основы эту классификацию.

Для изучения реплик обратной связи слушающего мы использовали корпус «Рассказы и разговоры о грушах» (RUPEX, Кибрик 2018): мы взяли из трех эталонных записей этого корпуса этап разговора, общая продолжительность изученных записей — 30 минут. В каждой записи на этапе разговора принимали участие три человека: Рассказчик, который в начале записи описывал содержание «Фильма о грушах» (Chafe 1980), Комментатор, который тоже видел фильм, и в задачи которого входило дополнять Рассказчика на этом этапе, и Пересказчик, который не видел фильм и поэтому, выслушав его описание, на этом этапе задавал уточняющие вопросы. Кадр из записи №04 показан на рисунке 1.

Рисунок 1. Кадр из записи №04 корпуса RUPEX

В корпусе RUPEX встретились, помимо подтверждения или возражения, также следующие МОС: *(ну) да (наверное), окей, нет (наверное), сколько угодно, не знаю, ну классно, ну может быть.*

Кроме этого, в работе (Кобозева, Захаров 2007) упоминается *a!* как маркер неожиданного обретения знания (в одном из значений когнитивного класса этого маркера). Исходя из рассмотренных корпусных данных, представляется допустимым уточнить его значение как в целом указание на обретение знания. Встреченные нами употребления *a!* сочетались с нисходящей или нисходяще-ровной интонацией. Кроме этого, в ряду эмотивных маркеров упоминается *o!*; встреченный нами в корпусе пример говорит о когнитивном употреблении в качестве МОС (с ровно-нисходящей интонацией, см. пример (1)).

- (1) C-vE109¹ Там ещё был мужик с ↑\козой.
 C-vE110 Ты не \забудь написать;
 R-vE125 –\O!,
 R-vE126 я про него \забыла,

¹ В примерах первые буквы обозначают участники разговора (N — Рассказчик, Narrator; C — Комментатор, Commentator; R — Пересказчик, Reteller), после тире идет код аннотации (verbal EDU), цифры показывают номер реплики. Просодическая разметка выполнена В. И. Подлесской и Н. А. Коротаевым.

Метод

В этой работе рассматриваются жесты рук и головы, сопровождающие МОС в виде отдельных реплик.

Рассматривались такие функции МОС:

1. Внимание и понимание;
2. Верификация (сюда же были отнесены точные повторы реплик собеседника (Clark 1996));
3. Прямые ответы на общие вопросы (*Да*, *Угу*).

Маркеры согласия и ответы были разделены на утвердительные и отрицательные, поскольку, очевидным образом, жесты головы будут по-разному соотноситься с репликами согласия и несогласия.

Не рассматривались маркеры, которые помимо перечисленных значений включали указания на структуру и развитие дискурса, такие как *Ладно*, *Хорошо*: помимо указания на принятие или понимание новой информации, в них есть указание на готовность перейти к обсуждению новых тем.

Если подряд следовали несколько МОС, учитывались жесты на каждой из таких реплик.

В качестве жестов головы учитывались движения, для которых отмечены верификативные функции (кивок, в т. ч. многократный или с отведением головы назад (jerk), отрицательное покачивание головой и наклон головы в сторону).

В соответствии с работой Jokinen 2010 события, расстояние между которыми было не более 100 мс, отмечались как связанные, т. е. учитывались такие жесты головы или рук, которые отстояли от МОС не более, чем на 100 мс.

Результаты

Белл и Густафсон (2000) отмечают, что в шведском корпусе August, составленном из разговора участников записи с компьютерным агентом, 6% реплик содержали сигналы обратной связи (информирующие собеседника о том, насколько понятно было его высказывание; эти сигналы могли варьироваться от неречевых звуков типа *Мм* до повтора реплики с вопросом, правильно ли система поняла собеседника), из них 89% состояли только из сигналов обратной связи. Однако в корпусе AdApt, тоже составленных из диалогов с компьютерным агентом, лишь 6% реплик состояли только из сигналов обратной связи; авторы объясняют это разным дизайном диалоговых систем.

По нашим данным (таблица 1, рисунок 2) маркеры внимания и понимания составляют около 15% всех реплик собеседников в корпусе RUPEX на этапе разговора. Эти реплики примерно поровну делятся между верификативными и маркерами обратной связи, ответы же составляют около 1%. Эти три типа

реплик неодинаково распределены между участниками разговора: примерно четверть реплик Пересказчика были МОС, и почти все из них были маркерами внимания и понимания. У Рассказчика и Комментатора большинство МОС в верификативной функции, поскольку они комментировали, поправляли и дополняли; реже встречаются ответы на вопросы (в основном Пересказчика), утвердительные и отрицательные.

Таблица 1. МОС и роли участников разговора

Роли участников	Внимание и понимание		Верификация		Утверд. ответ		Отриц. верификация		Отриц. ответ		Все МОС		Всего реплик
N	6	1%	91	12%	8	1%	14	2%	10	1%	129	18%	729
C	2	0%	46	5%	7	1%	9	1%	8	1%	72	8%	890
R	124	24%	4	1%	1	0%	0	0%	1	0%	130	25%	521
Всего МОС	132	6%	141	7%	16	1%	23	1%	19	1%	331	15%	2140

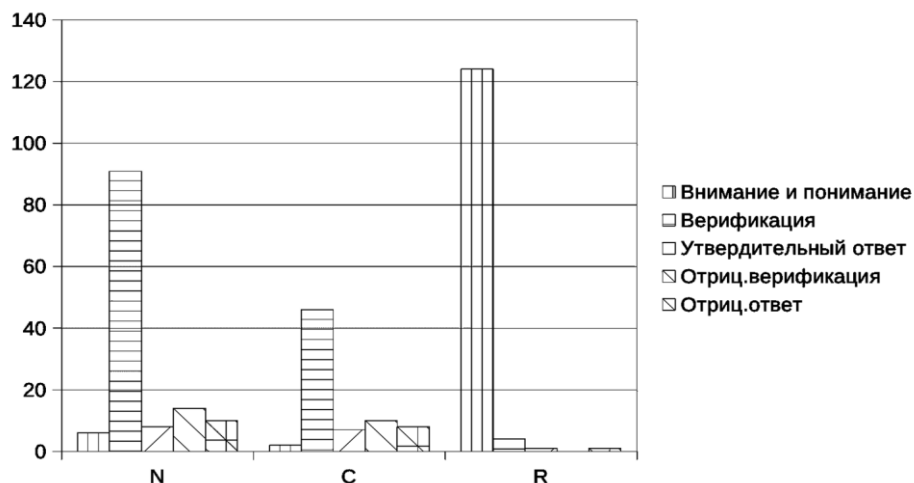

Рисунок 2. Число МОС и роли участников разговора

Самыми частотными для всех участников были маркеры верификации и внимания или понимания, но последние сопровождаются жестами гораздо реже (см. таблицу 2 и рисунок 3). При этом среди жестов с МОС больше всего было прагматических: они использовались для привлечения внимания, управления разговором или указания на собственное мнение говорящего. Это

характерно именно для МОС, в целом в корпусе RUPEX самые частотные — изобразительные жесты (42%), а прагматические составляют 28%.

Таблица 2. Жесты рук с маркерами обратной связи

Типы МОС	Типы жестов рук								Всего
	Изобрази- тельные		Указа- тельные		Прагматические		Биты		
Внимание и понимание	5	71%	0	0%	2	29%	0	0%	7
Верификация	5	21%	4	17%	13	54%	2	8%	24
Утверди- тельный ответ	3	50%	1	17%	1	17%	1	17%	6
Отриц. верификация	0	0%	0	0%	3	100%	0	0%	3
Всего	13	33%	5	13%	19	48%	3	8%	40

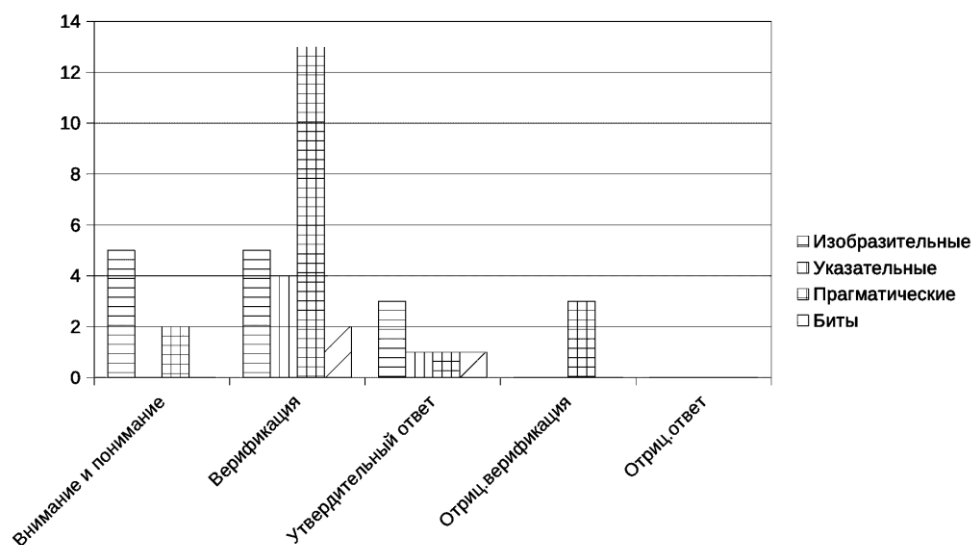

Рисунок 3. Жесты рук с маркерами обратной связи

Изобразительные и указательные жесты, относящиеся к описанию событий из обсуждаемого фильма, тоже могли сопровождать МОС, но содержательно относились к описанию действий персонажей и других событий из фильма, т. е. их скорее надо соотносить с соседними репликами, см. пример (2) и рисунок 4а-с.

- (2) N-vE190 \теннисная /раке[тка, ==]² Рис. 4а
 R-vE031 [Я \по]нял,
 N-vE191 ну ты \по[нял.] Рис. 4б
 R-vE032 [ну он] вот \так вот х= || /идёт, ~
 N-vE192 Да да –да! Рис. 4с

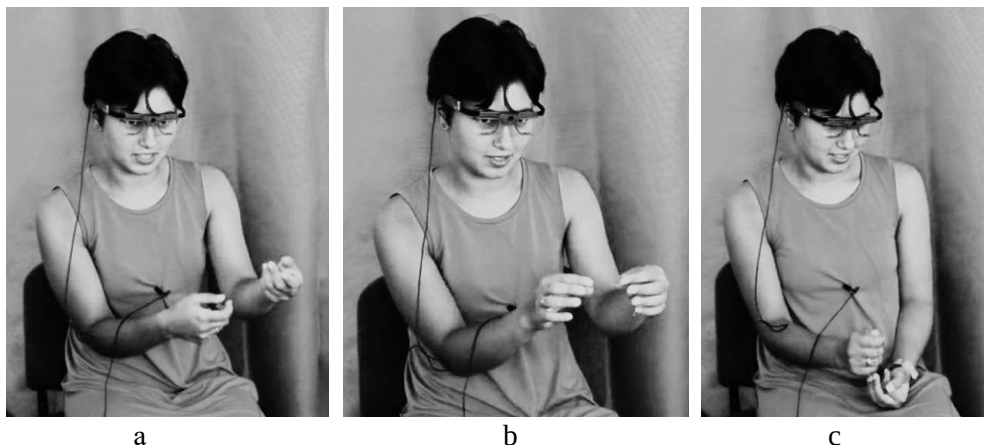

Рисунок 4. Жест, показывающий форму ракетки (4а, б) и движения мальчика, который с ней играл (4с)

В примере (3) (см. рисунок 5) указательный жест относится к структуре дискурса: Комментатор, отвечая на вопрос Рассказчицы, делает движение ладонью к себе, наполовину выпрямив указательный палец (все остальные прижаты к ладони), и таким образом отсылает к событиям, уже обсуждавшимся раньше.

- (3) N-vE161 И после \этого мальчик приезжае^т₂
 С-vE027 –Да,
 С-vE028 после /этого приезжает \мальчик.

² В примерах квадратными скобками обозначены фрагменты наложения реплик; подчеркивание указывает, какие слова сопровождалось жестом, полужирным шрифтом выделен МОС.

Рисунок 5. Указательный жест, относящийся к описанию порядка событий (о том, что приезжает мальчик, говорили до этого, поэтому указательный палец направлен на себя — назад; это абстрактное указание, его референт — событие в фильме и упоминание этого события в разговоре до этого, поэтому у жеста небольшая амплитуда и расслабленная артикуляция)

Разные участники отдавали предпочтение разным жестам рук (таблица 3, рисунок 6). Больше всего доля МОС с жестами у Рассказчика. Поскольку он был главным источником информации о фильме, можно предположить, что он считал себя ответственным за передачу всех подробностей, в том числе с помощью визуальных каналов; другое возможное объяснение большего числа жестов у Рассказчика по сравнению с другими участниками состоит в том, что, поскольку основное внимание Пересказчика было направлено на него, он чувствовал себя более свободно. Среди этих жестов существенную долю составляют указательные и изобразительные, которые в большинстве случаев относились к описанию событий из фильма и продолжали жестовые иллюстрации, начатые на соседних репликах.

Таблица 3. Жесты рук и роли участников в разговоре

Роли участ- ников	Типы жестов рук								Без жестов		Всего
	Изобрази- тельные		Указательные		Прагматические		Биты				
N	6	5%	4	3%	11	9%	3	2%	105	81%	129
C	2	3%	1	1%	7	10%	0	0%	62	86%	72
R	5	4%	0	0%	1	1%	0	0%	124	95%	130
Всего	13	4%	5	2%	19	6%	3	1%	291	88%	331

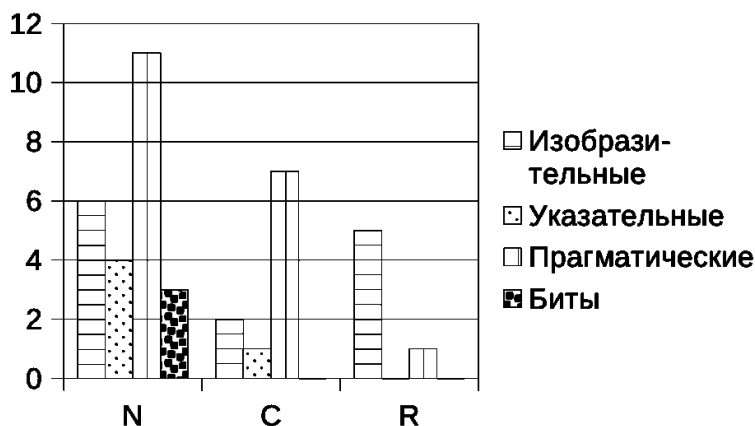

Рисунок 6. Жесты рук и роли участников в разговоре

Роли были распределены между участниками до начала записи, и Комментатор оказался в неоднозначной ситуации: с одной стороны, он тоже видел фильм и мог о нем рассказать в деталях, с другой — его роль оставляла ему право только дополнять монолог Нарратора. Можно предположить, что больший процент прагматических жестов у этих участников связан с попыткой управлять разговором и привлечь к себе внимание Пересказчика.

Что касается жестов головы (таблица 4, рисунок 7), то, как и предполагалось, самыми частыми были кивки, а на реакциях со значением отрицания — покачивания головой. Помимо кивков, среди частотных жестов головы вместе с дискурсивными маркерами можно встретить запрокидывание головы назад (*jerk*, ‘кивок вверх’) и наклон головы в сторону.

Отрицательные покачивания головой в двух случаях встретились с маркерами, выражавшие согласие с собеседником, но с отрицанием внутри реплики, которая буквально повторяла реплику собеседника («не очень симпатичная»; «ни одного слова»). Наклон и запрокидывание головы назад менее однозначны, эти жесты можно встретить и с утвердительными реакциями, и с отрицательными.

Как показывают встреченные примеры, выделенность реплики обратной связи в диалоге (включая степень, в которой слушающий приближается к роли говорящего в момент такой реплики) задается невербальным компонентом, в первую очередь просодией (основное значение имеют громкость и темп реплики), и жестикуляцией. В тех случаях, когда слушающий минимально вмешивается в рассказ говорящего, МОС появляются в виде едва слышных *Узу*. Просодическое, и жестовое оформление могут, наоборот, подчеркивать

маркер и его роль в диалоге (см. рисунок 8 и пример (4) с прагматическим жестом привлечения внимания).

Таблица 4. Жесты головы с маркерами обратной связи

Типы МОС	Типы жестов головы								Нет жеста		Всего
	Кивок		Запрокидывание головы		Покачивание головой		Наклон головы				
Внимание и понимание	33	25%	10	8%	0	0%	1	1%	88	67%	132
Верификация	48	34%	12	9%	2	1%	5	4%	74	52%	141
Утверд. ответ	6	38%	2	13%	1	6%	1	6%	6	38%	16
Отриц. верификация	0	0%	2	9%	5	22%	4	17%	12	52%	23
Отриц. ответ	0	0%	0	0%	13	68%	1	5%	5	26%	19
Всего	87	26%	26	8%	21	6%	12	4%	185	56%	331

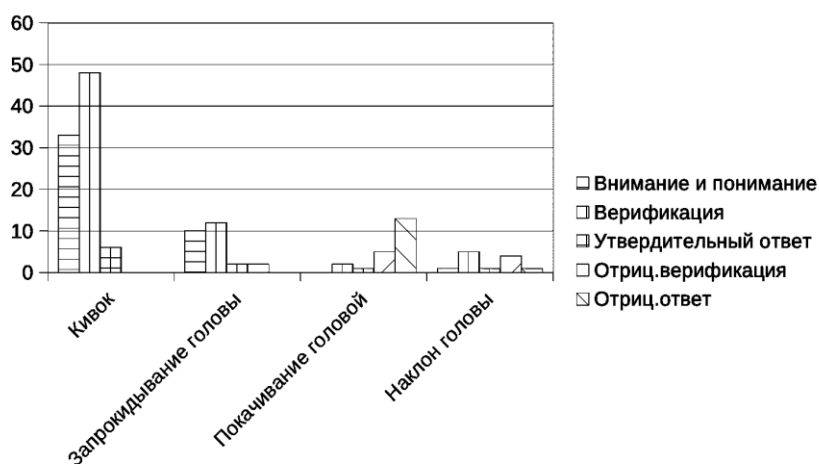

Рисунок 7. Жесты головы с маркерами обратной связи

Рисунок 8. Указательный палец вверх как жест, подчеркивающий важность сказанного

- (4) N-vE164 Так я ж так и \↑сказала!
 C-vE080 Да,
 C-vE081 но /ты не сказала то что ==

Кивок и запрокидывание головы, по всей видимости, добавляют разные значения к МОС. В отличие от кивков, запрокидывание головы встречалось на маркерах *А!*, и с этим жестом встречаются реплики частичного согласия (*Вроде того*), и реплики несогласия. Возможно, этот жест на утвердительных МОС привносит дополнительное значение (такое как добавление новой информации, как с маркером *А!*).

Наклон головы примерно с равной вероятностью сопровождает положительные и отрицательные МОС. Возможно, этот жест в своем прототипическом значении имеет оттенок сомнения или недоверия (пример (5)): на первых двух репликах Рассказчица наклонила голову в сторону.

- (5) N-vE281 А,
 N-vE282 может.
 N-vE283 /Я вот это я не \помню.

Как видно из таблицы 5 и рисунка 8, жесты головы, как и жесты рук, более разнообразны у Рассказчика по сравнению с Комментатором и Пересказчиком. Хотя оба первых участника использовали и положительные, и отрицательные МОС, доля жестов головы с дополнительными коннотациями, предположительно, сомнения и добавления знания у Рассказчика выше, чем у остальных участников, особенно Пересказчика.

Таблица 5. Жесты головы и роль участника в разговоре

Роль	Типы жестов головы								Всего
	Кивок		Запрокидывание головы		Покачивание головой		Наклон головы		
N	40	48%	18	21%	16	19%	10	12%	84
C	14	61%	3	13%	4	17%	2	9%	23
R	33	85%	5	13%	1	3%	0	0%	39

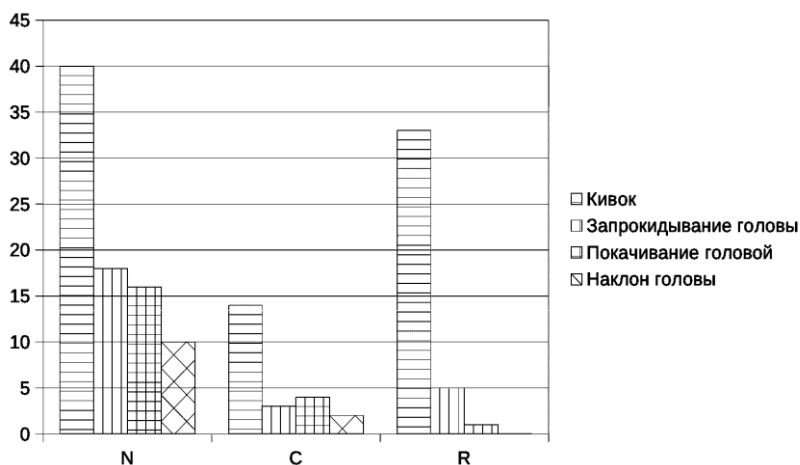

Рисунок 8. Жесты головы и роль участника в разговоре

Заключение

В работе были рассмотрены жесты рук и головы, сопровождающие дискурсивные маркеры обратной связи в функции внимания и понимания, верификации и ответа на общий вопрос. Для слушающего даже в случае реплик обратной связи нетипично использование изобразительных и указательных жестов, однако прагматические жесты рук встречаются на таких репликах чаще, чем в среднем в корпусе.

Среди жестов головы с МОС чаще всего встречаются кивки и отрицательные покачивания головой, соответственно, в значении согласия или несогласия с собеседником, но также возможны обратные кивки — запрокидывание головы назад (jerk), которые чаще других жестов головы встречаются с маркером *A!*, отмечающим обретение нового знания, и наклоны головы, для которых можно предполагать дополнительное значение сомнения.

Степень вовлеченности слушающего в разговор проявлена в выборе жестов рук и головы (изобразительные и указательные жесты рук, а также более разнообразные жесты головы маркируют более активную позицию слушающего). Дополнительные наблюдения показывают, что МОС могут получить дополнительное выделение (и стать более заметными в разговоре) за счет просодии и жестов.

Литература

- Гришина Е. А. 2011. О мультимодальных кластерах в устной речи. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 10(17), 243–257.
- Гришина Е. А. 2017. *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования*. Москва: Языки славянской культуры.
- Евдокимова А. А., Николаева Ю. В. 2022. Кинетические кластеры и их функциональные типы. *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова*, Вып. 2, 184–200.
- Кибрик А. А. 2018. Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований. *Психологический журнал*, № 39(2), 79–90.
- Кобозева И. М., Захаров Л. М. 2007. «Как много в этом звуке...!» (просодико-семантические варианты русского междометия *а*). В. А. Виноградов (ред.) *Лингвистическая полифония: сборник в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. Серия Studia Philologica*. Москва: ЯСК, 609–627.
- Кобозева И. М., Иванова О. О., Захаров Л. М. 2019. К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге. *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*, № 21, 284–300.
- Allwood J., Nivre J., Ahlsén E. 1992. On the semantics and pragmatics of linguistic feedback. *Journal of semantics*, № 9(1), 1–26.
- Bell L., Gustafson J. 2000. Positive and negative user feedback in a spoken dialogue corpus. *International Conference on Spoken Language Processing*, China: Beijing.
- Boudin A., Bertran R., Rauzy S., Ochs M., Blache P. 2024. A multimodal model for predicting feedback position and type during conversation. *Speech communication*, 159, 103066.
- Bunt H. Context and dialogue control. 1994. *Think quarterly*, Vol. 3, № 1. 19–31.

- Chafe W. L. 1980. *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Ablex.
- Clark H., Brennan S. A. 1991. Grounding in communication. In L. B. Resnick, J. M. Levine, S. D. Teasley (eds.) *Perspectives on socially shared cognition*. American Psychological Association, 127–149.
- Clark H., Krych M. 2004. Speaking while monitoring addressees for understanding. *Journal of memory and language*, № 50(1), 62–81.
- Clark H. 2006. Pragmatics of language performance. In L. R. Horn, g. Ward (eds.), *Handbook of pragmatics*. Blackwells, Oxford, 365–382.
- Clark H. 1996. *Using language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Derriks B., Willems D. 1998. Negative feedback in information dialogues: identification, classification and problem-solving procedures. *International journal of human-computer studies*, 48(5), 577–604.
- Hadelich K., Branigan H., Pickering M., Crocker M. W. 2004. Alignment in dialogue: effects of visual versus verbal-feedback. *Proceedings of the 8th workshop on the semantics and pragmatics of dialogue*.
- Hata K. 2016. On the importance of the multimodal approach to discourse markers. *International review of pragmatics*, 8(1), 36–54.
- Jokinen K. 2010. Non-verbal signals for turn-taking and feedback. *LREC*.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЗАЧИНЫ С НАЧАЛЬНЫМ *ЕСТЬ* В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XVIII–XX ВВ.: ОПЫТ СИНТАКСИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет
nypatr@list.ru

В течение последних десятилетий в связи развитием дискурсивных исследований активизировался интерес к структурно-семантической организации и прагматике текста, в том числе — к классификации способов «выдвижения» важнейших элементов связного целого. Накопленный по этому вопросу в научной литературе материал еще невелик по объему и нуждается в дальнейшем расширении и систематизации. Среди так называемых «сильных» позиций художественного целого чаще изучались заглавия, значение же других средств актуализации ключевых смыслов анализируется лишь в немногих статьях (см., например: Арнольд 1978, Евсеева 2006, Жирмунская 1990, Мерлин 1990, Соловьева 1976), поэтому представляется важным и необходимым наметить некоторые предпосылки для создания в будущем типологии зачинов и инициальных строк стихотворных произведений в аспекте их роли в структурно-семантической и ритмо-мелодической организации поэтического текста.

Первая строка, репрезентирующая произведение во внешнем мире, играет важную роль в процессе декодирования художественного целого внешним адресатом: «Первая строка произведения задает жанр, размер, ритм, тему и очень часто отношение автора ко всему стихотворению» (Арнольд 1978: 28), поэтому, очевидно, что «относительная важность первой строки в поэзии выше, чем в прозе» (Там же: 28).

В качестве объекта специального рассмотрения были выбраны первые строки, включающие бытийный глагол в форме настоящего времени. В русской синтаксической системе «сообщения о человеке — его личности, внешности, физическом состоянии, внутренних переживаниях,.. отношениях к другим людям и происходящих в его жизни событиях — обычно строятся по бытийной синтаксической модели» (Арутюнова 1983: 142), поэтому можно

предположить достаточно высокую активность инициальных предложений экзистенциального типа в самом субъективном литературном роде — лирике.

Результаты сплошной выборки из НКРЯ свидетельствуют о росте числа бытийных зачинов в направлении к «Серебряному веку» русской литературы: зачины с предикатом *ЕСТЬ* в поэтических произведениях малых жанров, относящихся к XVIII столетию, представлены всего 5-ю репрезентациями (2 — Дмитриев, 1 — Хемницер, 1 — Богданович, 1 — Кантемир); на протяжении XIX века количество подобных инициальных образований резко возрастает (107 случаев — 27 авторов), поэзия XX столетия демонстрирует еще более высокую их активность (131 пример — 28 авторов).

«Общим местом» при характеристике поэтического хронотопа со времен А. А. Потебни стало утверждение о том, что лирика — это «презентс» переживания внутреннего субъекта. Входящий в зачин глагол *ЕСТЬ*, относящийся к изображающим мир в состоянии некой данности и статики несюжетным процессным предикатам, обычно имеет семантику настоящего неактуального (повторяющегося и постоянного) и идеально подходит для характеристики присущих всему роду человеческому ментальных состояний, выражения неких сентенций, общих суждений о жизни, всевременных процессов:

Во всяком роде есть безумцы и буяны... (И. Дмитриев)

Есть граница между ночью и утром... (Р. Рождественский)

На каждый звук есть эхо на земле... (А. Тарковский)

Единичны репрезентации иного рода, когда форма *ЕСТЬ* получает грамматическое значение настоящего актуального или настоящего расширенного:

Есть еще вино в глубокой чашке... (Н. Гумилев)

Есть у тебя еще отец и мать... (М. Цветаева)

Нет погоды над Диксоном. Есть метель.

Ветер есть. И снег. А погоды нет. (Р. Рождественский)

Иногда значение всевременности существования предмета затуманивается также соседством экзистенциальных глаголов в иных темпоральных формах и сдвигает семантику *ЕСТЬ* в зону актуальности — соответствия моменту речи: *Будет луна. Есть уже немножко. А вот и полная повисла в воздухе...* (В. Маяковский).

Однако контекст и сущность описываемого опять-таки свидетельствуют об обычности «необычного» состояния души, о циклической повторяемости происходящего в мире и потому вечности бытия, так что и в этих маргинальных словоупотреблениях за основным смыслом «Существует здесь

и сейчас» скрывается «мерцающая» в подтексте сема повторяющегося, типичного процесса:

Все, все мое, что есть и прежде было... (А. Фет)

*Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь...* (К. Бальмонт)

*Когда я думаю, как много есть вселенных,
Как много было их и будет вновь...* (К. Бальмонт)

*Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный...* (А. Блок)

Панхронизм грамматической семантики дополняется исторически сложившейся многозначностью персональной природы формы ЕСТЬ, которая в русском языке национального периода используется для выражения идеи существования не только какого-либо класса объектов в позиции 3-го синтаксического лица, но и приложима также к говорящему и адресату (в силу совершившегося в истории русского языка вытеснения иных форм парадигмы презенса глагола БЫТЬ). Как кажется, воплощению предикатом значения бытия независимо от Я-, ТЫ- или ОН- модусной рамки высказывания, то есть как не обусловленного чьим-либо волением процесса, способствует также омонимичность окончаний формы ЕСТЬ и инфинитива на *-ть*.

Поэт представляет существование в мире описываемого явления как несомненное, видимое, слышимое или же безошибочно угадываемое, воспринимаемое интуитивно, постигаемое божественным озарением:

Есть три эпохи у воспоминаний... (А. Ахматова)

Есть вещи, знаменующие время... (И. Сельвинский)

*Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье...* (Е. Баратынский)

Все снится: дочь есть у меня... (И. Бунин)

*О, вы ее не знаете! В ней есть
Умение обуздывать порывы...* (Д. Самойлов)

Поэт по праву пророческого дара утверждает существование явлений не наблюдаемых, рационально не доказуемых: *Пять чувств — дорога лжи. Но есть восторг экстаза, Когда нам истина сама собой видна...* (К. Бальмонт), а только интуитивно угадываемых и находящихся в столь же неоднозначно толкуемом хронотопе. Адресат может лишь поверить в реальность бытия принци-

пиально не верифицируемых объектов лирической медитации, на чем настаивает поэт: *Есть, есть гармония живая...* (К. Случевский). То, что идея бытия возникает в недрах сознания лирического *я*, может специально подчеркиваться модусной рамкой с ментальным предикатом:

*Знаю я: есть бесноватый
В старой лавре за Днепром...* (К. Случевский)

*Да, я знаю всегда – есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране...* (А. Блок)

Тем самым в лирическом дискурсе для бытийного предложения подчеркивается — что парадоксально для воплощаемого в художественном тексте «возможного мира» — яркое модальное значение реальной экзистенции какого-либо предмета, не позволяющее представить тот же самый процесс как ирреальный, так что предложение в лирическом контексте, как правило, существенно сужает свои парадигматические возможности.

Интонация экзистенциальных зачинов, как правило, констатирующая, приглашающая читателя к совместному размышлению по поводу бытия некоего вдруг открывшегося поэту явления. Подчеркнуто эмоциональные вопросительные медитативные и риторические зачины редки, однако они не только диалогизируют лирический текст, но являются знаками сомнений лирического героя в возможности существования желаемого:

До первой звезды есть ли звезды еще? (М. Цветаева)

*Есть тайна несказанная.
Но где, найду ли я?* (Ф. Сологуб)

— *Есть ли счастье на свете сильнее любви?* (М. Лохвицкая)

*Ты, чистая звезда, скажи мне, есть ли там,
В селениях твоих, забвенье и покой?* (М. Лохвицкая)

Предикат ЕСТЬ, вводящий утвердительное (аффирмативное) значение, иногда сопровождается частицей ДА как сигналом диалогизации дискурса:

Да, есть ирония порою и у нас. (К. Случевский)

Да, есть, конечно, скачок в моем мышлении... (К. Случевский)

*Да, в нашей жизни есть кумир единый –
То лицемерие; пред искренностью – страх!* (В. Брюсов)

Однако идея существования какого-либо явления способна в поэтическом высказывании соседствовать и со знаками отрицательной модальности

(негативными частицами и приставками), подчеркивающими недоступность, недостижимость, «несказанность», странность называемого объекта или же «неправильность», дисгармоничность, парадоксальность мироустройства:

*Есть много звуков в сердца глубине,
Неясных дум, непетых песен много...* (А. К. Толстой)

*Есть в земном творении
Облики незримые,
Глазу незаметные...* (К. Случевский)

*Есть в литографиях забытых мастеров
Неизъяснимое, но явное дыхание...* (Г. Иванов)

*Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно
Его назвать перед самим собой...* (В. Ходасевич)

...Есть недоступность чуда... (Г. Адамович)

Есть музыка неслышная во всем, что движется... (Вс. Рождественский)

Бытийные конструкции с тесно взаимодействующими знаками негации и аффирмативности не только усиливают присущую лирике неопределенность субъекта существования, но и подчеркивают неоднозначность, множественность поэтической референции. Не случайно поэтому, что сообщение о реальности бытия некоего феномена иногда совмещается в инициальном высказывании с показателями субъективной гипотетической модальности, «интродуктивной референции», в терминах И. М. Кобозевой (Кобозева 2000: 230):

Есть рыбы, говорят, которые летают! (И. Дмитриев)

Есть счастье у нас, поверьте... (З. Гиппиус)

*Как будто есть, как будто нет...
Умру наверно, а воскресну ли?* (З. Гиппиус)

– или категории неопределенности:

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья... (Ф. Тютчев)

Есть что-то знакомое, близкое мне... (В. Кюхельбекер)

Есть старая песня, печальная песня одна... (А. Григорьев)

В душах есть все, что есть в небе, и много иного... (К. Бальмонт)

В качестве субъектов экзистенции в поэтических зачинах выступают:

1) личные одушевленные актанты: *люди* (Крылов, Кольцов, Лермонтов, Бальмонт), *женичины* (Мандельштам), *отец и мать* (Цветаева), *дитя* (Кантемир), *дети* (Надсон, Цветаева), *дочь* (Бунин), *путники* (Вс. Рождественский), *безумцы, буяны* (Дмитриев), *прогрессист* (Вяземский), *подхалим* (Маяковский), *бесноватый* (Случевский), *лишние, добавочные* (М. Цветаева), *счастливицы и счастливицы* (М. Цветаева);

2) наименования объектов живой и неживой природы — *рыба* (Бальмонт), *рыбы* (Дмитриев), *зверь норок* (Кузмин), *птица* (Бальмонт), *птичка* (Лермонтов), *иволги* (Мандельштам); *роза* (Пушкин); *земля* (Тютчев, Случевский), *роща* (Козлов), *озеро* (Жуковский), *озера* (Вс. Рождественский), *небо, море* (Брюсов), *небесный свод* (Лермонтов), *звезды* (Цветаева), *луна* (Маяковский, Ходасевич), *другие планеты* (Бальмонт), *холм* (Блок), *ветки* (Майков), *колосья* (Цветаева), *закаты, заря* (Вс. Рождественский), *мхи* (Бунин);

3) названия артефактов: *вино* (Гумилев), *книга* (Анненский), *кольцо* (Лохвицкая), *украшение* (Фет), *телеграф* (Тютчев), *предмет* — о короне (Случевский), *силуэт* — об изображении лица (Лермонтов), *сад* (Гиппиус), *арка* (Вс. Рождественский), *собор* (Мандельштам), *домик* (Брюсов), *двери* (Есенин), *деньги* (Майков), *дача* (Батюшков), *палата* (Пушкин), *мостки* (Гиппиус), *грот* (Баратынский), часть из которых участвует в формировании лирического топоса. Конкретные реалии, очень редко включаемые как субъект бытия в инициальное поэтическое высказывание, получают обычно неопределенные, условные характеристики, намеренно «остраняются» в лирическом тексте, так чтобы узнавание и верификация предметов были крайне затруднительными для читателя, например:

Есть кольцо у меня — изумруд

И рубин в сочетании странном горят... (М. Лохвицкая)

Есть арка — такой не бывало:

Она никуда не ведет (Вс. Рождественский)

4) Слова, связанные с мифологией, религией, библейскими легендами: *мир духов* (Вяч. Иванов), *духи зла* (Полежаев), *Творец* (Богданович), *Божий дар* (Гиппиус), *на небе сад* (Лохвицкая), *Зевс* (Вяч. Иванов), *демон* (Брюсов), *демон утра* (Блок), *пророки* (Гумилев), демонстрирующие интерес поэтов к тайнам божества и творения, inferнальным сущностям.

5) Формирующие ключевой хронотоп произведения временные понятия — *время* (Некрасов), *времена* (Блок), *дни* (Блок), *годы* (Брюсов), *месяцы* (Брюсов), *пора* (Тютчев), *прошлые дни* (Брюсов), *минуты* (Фофанов, Блок), *часы и дни* (Тютчев), *час* (Хомяков, Тютчев, Ахматова, Цветаева), *ночи* (Жуковский, Случевский, Ходасевич), *мгновенье* (Тютчев), *мгновенья* (Некрасов, Случевский,

Вяч. Иванов), *граница между ночью и утром* (Р. Рождественский); обозначающие некое пространство — *место* (Лермонтов, Тютчев, Тушнова), *сторона* (Никитин), *край* (Бенедиктов, Некрасов, Плетнев), *угол на земле* (Баратынский), *страна* (Баратынский, Некрасов, Блок), *город* (Пушкин), *города* (Вс. Рождественский), *тропа* (Сологуб), *улица* (Брюсов), *зал* (Бальмонт).

6) Абстрактные сущности — самая многочисленная и разнообразная группа слов в позиции бытийствующих субъектов — названия состояний, эмоций, качеств, процессов и их проявлений, моральные и философские категории: *жизнь* (Кольцов), *жизнь и свет* (Ахматова), *бытие* (Баратынский), *причина* (Сельвинский), *закон* (Слущкий), *вдохновение* (Сологуб), *любовь* (Бальмонт, Сологуб), *счастье* (Лохвицкая, Гиппиус), *горе* (Никитин, Лохвицкая), *прямоть, честь, подвиги* (Цветаева), *радость* (Батюшков, Мережковский, Бальмонт), *радости* (Лохвицкая), *чувство* (Случевский), *чувство адское* (Бенедиктов), *восторг* (Бальмонт), *нежность* (Бальмонт), *выбор* (Кузмин), *мечта* (Вс. Рождественский), *мечты* (Фофанов), *сила* (Вс. Рождественский), *недоступность чуда, мука, сомнения* (Г. Адамович), *обольщение* (Брюсов), *величие* (Сельвинский), *свобода* (Мандельштам), *игра* (Мей, Блок), *поцелуи* (Бальмонт), *ирония* (Слущкий), *умение* (Самойлов), *цвет* (Вяч. Иванов), *белость* (Брюсов), *запах* (Ходасевич), *скрип* (Ходасевич), *целомудрие* (Гиппиус), *дыханье, напев, шорохи, колыханье* (Г. Иванов), *грусть* (Фофанов), *скорбь* (Надсон), *мысли* (Тютчев), *певучесть* (Тютчев), *пристрастие* (Тютчев), *преlestь* (Тютчев), *права* (Григорьев), *значение* (Тютчев), *наслаждение* (Глинка), *наслаждение* (Батюшков), *толк* (Жуковский), *гармония* (Батюшков, Тютчев, Случевский), *ласка* (Брюсов), *соответствия* (Сологуб), *красота* (Бальмонт), *краса* (Фет), *блеск и сила* (Фет), *одиночество* (Апухтин), *забвенье и покой* (Лохвицкая), *прекрасное* (Ходасевич), *трудное, стыдное* (Гиппиус).

7) Сущности, связанные с тайнами мироздания, необъяснимыми и непонятными человеческому разуму: *намеки тайные* (Бальмонт), *чудеса* (Блок), *виденья* (Лохвицкая), *облики незримые* (Случевский), *тайна* (Сологуб), *поверье* (Случевский), *заветный мир* (Глинка), *заветная черта* (Ахматова).

8) Звуки мира, слова, тексты: *слово / слова* (Анненский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, Ахматова, Адамович), *речи* (Лермонтов), *звук* (Вяч. Иванов), *песня* (Григорьев, Бальмонт, Есенин), *стихи* (Вс. Рождественский), *рифмы* (М. Цветаева), *преданье* (Вяземский), *музыка* (Вс. Рождественский), *эхо* (Р. Рождественский), *весть* (Блок).

9) Кванторные образования: а) количественно-именные: *две жизни* (Кольцов), *два жала, два крыла* (Вяч. Иванов), *две силы* (Тютчев), *два альбома* (Бенедиктов), *три легенды* (Бальмонт), *три эпохи* (Ахматова), *три брата* (Вяч. Иванов), *тройка певцов* (Пушкин), *много созвездий* (Тютчев), *много звуков, дум и*

песен (А. К. Толстой), *много песен* (Блок), *много муки* (Никитин), *много мук* (Языков), *много воплей, скорбей, гнева* (Лохвицкая), *много жизней* (Гумилев), *много людей и богов* (Блок), *много не знающих родни* (Случевский), *много струй* (Бальмонт), *много вселенных* (Бальмонт); б) со значением неопределенности: *что-то роковое, злое* (А. Белый), *что-то грустное* (Лохвицкая), *что-то позорное* (Брюсов), *что-то зловещее и смутное* (Фофанов), *что-то знакомое, близкое* (Кюхельбекер).

Особенно выразительными и приковывающими внимание читателя к зачину оказываются яркие окказиональные метафоры-загадки и смежные с ними олицетворения, сравнения, расшифровать которые иногда можно только исходя из всей следующей за инициальным высказыванием части стихотворного произведения: *Источник страсти есть во мне...* (М. Лермонтов); *В груди у юноши есть гибельный вулкан...* (В. Бенедиктов); *Есть близнецы — для земнородных Два божества — то Смерть и Сон...* (Фет); *Есть бездна мрачная, та бездна — отрицанье...* (С. Надсон); *Есть у свободы враг опаснее цепей... Он — всем врожденная способность примиренья* (С. Надсон); *Есть за гранью мирозданья Заколенные зданья..., Всяких планов и моделей... Не добравшихся до целей!* (К. Случевский); *Есть заросли пространств, как на земле бывают...* (К. Случевский); *Есть духи глаз...* (Вяч. Иванов); *Три брата есть: Благоговенье, Чей взор потуплен, лик покрыт, И личности хранитель — Стыд, И холод чистоты — Презренье...* (Вяч. Иванов); *Есть час Души, как час Луны...* (М. Цветаева). Единичным словоупотреблением представлена метонимия: *У меня есть мама на васильковых обоях* (В. Маяковский).

Структура бытийных предложений в системе языка обычно содержит локализатор ситуации (место / время события) или квазилокализатор (обычно носитель или источник состояния). Экзистенциальные же лирические зачины в половине случаев (более 50 % репрезентаций) не содержат ни локализатора, ни квазилокализатора: *Есть обитаемая духом Свобода — избранных удел...* (О. Мандельштам); *Есть люди: будь лишь им приятель...* (И. Крылов); *Есть роза дивная...* (А. Пушкин) и т. п. Обнаруженные в бытийных началах локализаторы представляют собой именованя:

— места существования (примерно в 15 % репрезентаций), обычно отсылающие читателя к референциально неопределенным или максимально обобщенным локусам (весь мир или некий его фрагмент): *там* (А. Кольцов, Лохвицкая), *здесь* (А. Майков), *где-то* (Брюсов, Ахматова), *на свете* (Хемницер, Лохвицкая, Вс. Рождественский), *в мире* (А. Кольцов, Фет, Брюсов, Бальмонт, 2 примера у Цветаевой), *в этом мире* (Ходасевич), *на земле* (Баратынский, Гиппиус, А. Тарковский), *над твердью* (Вяч. Иванов), *в небе* (Лохвицкая), *в пучине воздушной, в небесном огне* (Кюхельбекер), *в морских волнах* (Тютчев),

в горней вышине (Тютчев), за гранью мироздания (Случевский), за далью синей (Блок), на севере (Некрасов, Бунин), в России (А. Пушкин), у быстрых ключей (И. Козлов), перед скалой (Жуковский), в лесах (Мандельштам), в дикой роще, у оврага (Блок), на крутом берегу (Сологуб), в саду (Гиппиус), в старинном доме (Бальмонт), в любом учреждении (Маяковский); лишь изредка координаты ситуации оказываются более точными: *в Кельне (Мандельштам), в Хоросане (Есенин), в нашей столице (Брюсов), над Диксоном (Р. Рождественский), у русского царя в чертогах (А. Пушкин), в патриаршей ризнице в Москве (Случевский), в старой лавре над Днепром (Случевский);*

— временных понятий, также неопределенных и размытых с точки зрения границ проявления состояния или качества (всего в 4% бытийных зачинов): *в каждой сутках (Ахматова), в ночи (Тютчев), в осени (Тютчев), в лете (А. Белый), в вечерний час (Брюсов), до первой звезды (Цветаева), между ночью и утром (Р. Рождественский), ныне (Гумилев), еще (Гумилев).*

Квазилокализаторами как носителями состояния или свойства в лирических зачинах оказываются:

1) «все» и «всё»: *во всем (Сологуб, Вс. Рождественский), в земном творении (Случевский), в природе (Фофанов), в русской природе (Бальмонт), в будничных вещах (Бальмонт), в календаре столетий (Брюсов), в людях (Вяземский), во всяком роде (Дмитриев), у каждого (Тушнова), в ней (Баратынский, Самойлов), у меня (2 репрезентации — Лермонтов, 1 — Маяковский, 1 — Ахматова, 1 — Лохвицкая, 1 — Бунин), во мне (Лермонтов, Случевский, Ходасевич), в стане моем (Цветаева), у тебя (Цветаева), между нас (Случевский), у нас (Случевский, Гиппиус), у юноши (Бенедиктов), для поэта (Хомяков), у поэтов (А. Григорьев), у возлюбленной (Фет), у Музы (Тютчев), у соловушки (Есенин);*

2) внутренний мир человека: *у души (Глинка, Вс. Рождественский), в душе моей (Лохвицкая), в сердца глубине (А. К. Толстой), в душевной глубине (А. Майков), в глубине души (Брюсов), в светлых тайниках души (Блок), у воспоминаний (Ахматова);*

3) абстрактные сущности: *в жизни (Тютчев, Вяч. Иванов, Брюсов), в разлуке, в моем страдальческом застое (Тютчев), в светлости осенних вечеров (Тютчев), в зелени берез (А. Майков), в сумерках осенних и в дожде (Фофанов), в розовом рассвете, в звуках смеха (Лохвицкая), в мощи природы (Брюсов), над скучными ошибками веков (Мандельштам), в моем мышлении (Случевский), в напевах твоих (Блок), в муке (Сологуб), в близости (Ахматова), в труде (И. Сельвинский), у бессмертья (Вс. Рождественский);*

4) очень редко артефакты: *в литографиях (Г. Иванов), в вине (Брюсов), у государства (Случеский).*

В обыденной речи «локализатор... регулярно отсутствует в предложениях, касающихся абстрактных категорий, существование которых не соотнесено с какой-либо конкретной областью...», — отмечают Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев, имея в виду языковую норму (Арутюнова 1983: 88). В лирике же, напротив, благодаря метафорической конкретизации мира и участию зачина в построении медитативного дискурса, локализаторы оказываются возможными и в размышлениях об «общих вещах»:

Есть мысли тайные в душевной глубине... (А. Майков)

Одна есть в мире красота (К. Бальмонт)

Есть ценностей незыблемая скала

Над скучными ошибками веков (О. Мандельштам)

Таким образом, структурно-смысловая организация первых строк не может не отражать особенностей идиостиля и жанровой специфики произведения. У каждого талантливого писателя есть в запасе свой менее или более устойчивый, излюбленный тип организации макроконтекста, в том числе зачина стихотворной миниатюры или прозаической строфы, тесно связанный с художественным методом познания мира, мироощущением и психологическим складом автора. Экзистенциальные зачины в лирическом роде, содержащие, как правило, панхронический по своему грамматическому значению предикат и абстрактный субъект бытия, демонстрируют прагматическую установку поэта на выражение неких общих представлений о мироустройстве, поэтическое философствование о жизни и человеке, макро- и микрокосмосе.

Литература

- Арнольд И. В. 1978. Значение сильной позиции для интерперетации художественного текста. *Иностранные языки в школе*, №4, 24–27.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. 1983. *Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение)*. Москва: Русский язык.
- Евсеева Р. А. 2006. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции. *Вестник Оренбургского государственного университета*, №11, 45–50.
- Жирмунская Н. А. 1990. Эпиграф и проблема импликации в поэтическом тексте (на материале лирики А. Ахматовой). В Д. С. Лихачёв (отв. ред.). *Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова*. Москва: Наука, 342–350.
- Кобозева И. М. 2000. *Лингвистическая семантика*. Москва: Эдиториал УРСС.

- Мерлин В. В. 1990. Самоотрицание текста (К семантике поэтической концовки). *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, Т. 49, №1, 3–15.
- Соловьева А. К. 1976. Заметки о типологии начальных строк художественных прозаических произведений. *НДВШ. Филологические науки*, №3, 88–94.

II. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ОБ ОДНОЙ КОНСТРУКЦИИ С НЕОЧЕВИДНЫМИ СВОЙСТВАМИ: *Я ХОРОШО*

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Институт лингвистических исследований РАН
dym2005@list.ru

Введение

Речь пойдет о конструкции, представленной в заглавии. Если верить интуиции, она не является экстравагантной: кажется, что в разговорной речи она вполне обычна и никак не маркирована. Данные НКРЯ и поиск в Google это подтверждают, хотя до середины прошлого века она встречается редко:

- (1) *Он был точно школьник, вырвавшийся от ученья; всё существо его, от лица и до ног, дышало довольством, счастьем и детскою резвостию. Ну, здравствуйте, молодая фиалка, как вы? хорошо? — сказал он шопотом, подходя ко мне и пожимая мне руку... А я отлично, — отвечал он на мой вопрос, — мне нынче тринадцать лет, хочется в лошадки играть и по деревьям лазить.* [Л. Н. Толстой. Семейное счастье (1859)]
- (2) *И на пороге вдруг выросла его фигура, и Варя увидела милые черты, которые только что вспоминались ей. Она вскочила со стула и кинулась к брату. Что случилось, Сеня? Ничего, Вавочка, не пугайся. И мама ничего? Ничего. А просто, я не стерпел. Как уехала ты, я кинулся за тобой, чтобы ещё раз увидеть тебя перед этим... новым делом... и успокоить... и пожелать тебе... Ах, милый, милый, спасибо!* [Н. И. Позняков. Рыцари (1906)]
- (3) *Я уже вполне освоился, и народ относится ко мне неплохо. Педагоги хорошо. Химик похож на отставного канцеляриста или на общипанного котенка в пенсне с черным бантиком, давно вышедшим из моды <...>* [Давид Самойлов. Поденные записи (1936)]

- (4) *Живем, хлеб жуем, — ответил Егоров, — а ты как там?» «Я — хорошо!» — от души ответил Севастьянов...* [В. Ф. Панова. Сентиментальный роман (1958)]
- (5) *Куропеев: Вообще ничего. А ты?*
Лямин: Я-то? Тоже ничего. Я хорошо. [А. М. Володин. Назначение (1964)]
- (6) *Среда. Папа хорошо, слава богу. Сосед его очень рад, что ему не будут что-то совать в вену на ногу, чтобы добраться до сердца и определить, как у него обстоят там дела.* [Ю. Л. Нельская-Сидур. Дневники (1972)]
- (7) *Как жизнь молодая? Не жалуюсь, дядя Миша. Мать как? Мама ничего, болеет все, — ответил, улыбаясь, Родька <...>* [Федор Абрамов. Дом (1973–1978)]
- (8) — *Так женишься?* — *Погоди,* — пробормотал Егор. — *Ты-то как? Мэлс пожал плечами:* — *Я-то хорошо...* *А ты, Заварка, при галстукке?* — *С работы,* — сказал Егор. (М. и С. Дяченко. Волосы, <https://www.rusf.ru/marser/books/text/volosy.htm>)
- (9) *Не в силах больше терпеть, вновь нажал на номер Кати. Долго слушал длинные гудки, уже точно знал, что сейчас звонок сорвется, но в этот момент она ответила.*
 — *Да,* — сказала без эмоций, в напряжении.
 — *Привет,* — я старался взять себя в руки, — как ты?
 — *Я-то хорошо. А ты?*
 — *Лучше...* (Вадим Шамшурин. Виктор // Дружба народов, № 10, 2018)
- (10) *Мы все съездили к нему, большое спасибо сотрудникам больницы, они за Глебом присматривают. Он уже лучше, ходит.*
 (<https://www.championat.com/hockey/news-5741220-on-uzhe-luchshe-hodit-glavnyj-trener-salavata-yulaeva-o-sostoyanii-gleba-kuzmina.html>)

Несмотря на употребительность, в грамматиках и учебниках русского языка, насколько можно судить, данная конструкция не описывается (далее будем называть ее *ЯХ-конструкцией* или просто *ЯХ*). Причина, скорее всего, в том, что она воспринимается не как особая конструкция, а как неполное предложение с опущенным сказуемым (*Я живу / поживаю / чувствую себя хорошо*). Однако именно как об особой конструкции пишет о ней А. Б. Летучий в статье, посвященной нулевой связке (Летучий 2018). К характеристике, которую он дает рассматриваемой конструкции, мы вернемся ниже, пока же отметим, что в более поздней работе — обстоятельной монографии Летучий 2024, специально посвященной спорным вопросам русского синтаксиса, — ав-

тор о ней не упоминает. Практически одновременно со статьей А. Б. Летучего появилась небольшая (2 страницы), но очень содержательная работа Иомдин 2017, прямо посвященная ЯХ-конструкциям. Настоящая работа по выводам во многом совпадает с названной, за исключением одного важного момента: в отличие от А. Б. Летучего и Л. Л. Иомдина, я предлагаю выделить ЯХ из более широкого круга конструкций, в которых фокусным словом может быть не только слово наречного типа, но и наречная фразема типа *так себе*, поскольку ЯХ-конструкция не может иметь выраженной связки, а конструкции с наречными фразами убедительно демонстрируют ее наличие (см. ниже).

1. Очевидные признаки ЯХ-конструкции

В большинстве случаев ЯХ служит ответной (реактивной) репликой на вопрос типа *Как ты?*, ср. (1). Представить себе ЯХ в роли инициативной реплики диалога трудно. В (6) и (10) наблюдаем функционирование ЯХ в монологическом режиме: и здесь она явным образом зависима от левого контекста.

Как любое полноценное высказывание, ЯХ обладает выраженным актуальным членением.

Тематический компонент, выраженный формой И. п. и весьма напоминающий подлежащее, при нейтральном порядке слов занимает первую позицию. Лексически это или личное местоимение, или имя лица, обычно родственника, с конкретной референцией — нереферентное употребление исключено. Пример (3) — *Педагоги хорошо* — в этом отношении представляется сомнительным: вряд ли в нем речь идет о состоянии педагогов — скорее, это неполное предложение, и подразумевается, что педагоги относятся к автору дневника хорошо, как и «народ», который относится к нему «неплохо».

Интуитивно кажутся возможными и высказывания с существительными некоторых других семантических групп, типа *Москва хорошо* (в ответ на вопрос *Как там Москва?*), *Семья хорошо* (в ответ на аналогичный вопрос), однако ни в НКРЯ, ни в выдаче Google подобных примеров не встретилось. Впрочем, диалогические реплики, в которых подобный тематический компонент опущен, встречаются широко:

- (11) *Как семья?* — осторожно спросил я ее. **Нормально.** Володя — генерал. Пенсионер. Сидит на даче [Ю. М. Поляков. Гипсовый трубоч, или конец фильма (2008)].
- (12) *Ну а как семья, как дети?* — отвлекая клиента от неприятных мыслей, спросила девушка. **Нормально,** — охотно отозвался мужчина [М. Милованов. Естественный отбор (2000)].

Рематический компонент выражен словом наречного типа (возможна форма компаратива) со значением общей качественной оценки состояния (подробнее об этом ниже): *хорошо, отлично, нормально, прекрасно, ужасно* и т. п. При использовании наречных фразем типа *не очень, так себе, более или менее, в порядке* возникает возможность выраженной связки, на что обращено внимание А. Б. Летучим (2018) и Л. Л. Иомдиным (2017):

- (13) *Он был в полном порядке, когда они разошлись, — у нее совесть перед ним чиста.* [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]
- (14) *Ты тоже. Может, они какой дури в пахнет намешали. Публий. Юлишь... хотя пахнет и впрямь был не очень.* [И. А. Бродский. Мрамор (1982)]
- (15) *Снаружи дом, украшенный вывесками торговых заведений, был в полном порядке.* [Вл. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)]
- (16) *В начале концерта звук был не очень.* [А. Крижевский. У нас выступили настоящие герои поп-музыки (2002) // «Известия», 04.07.2002]
- (17) *Да, забыл: ваше-то как здоровье? Я здоров. Я вчера был... не очень...* [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)].

На этом основании конструкцию ЯХ — с фокусным словом (будем и далее пользоваться таким описательным наименованием: предикатный статус этого слова требует доказательств, а то, что оно является ремой, сомнений не вызывает) собственно наречного типа — имеет смысл отделить от конструкции с наречной фраземой. Ниже будем говорить только о первой, поскольку интерпретация второй (13–17) как обычного двусоставного предложения сомнений не вызывает: это тот же тип, что и *Королева в восхищении!* (Булг.).

Таким образом, конструкция ЯХ лишена модально-временной парадигмы.

2. Близкие конструкции

В «Русской грамматике», авторы которой стремились к наиболее полному охвату фактов современного русского языка, ЯХ-конструкция не отражена. Правда, речь идет о том состоянии языка, которое отделяют от нас уже почти полвека: не исключено, что этот факт можно трактовать в том смысле, что для второй половины 1970-х гг. эта конструкция была еще не столь актуальна, как сегодня. Сходная же с ЯХ конструкция: *Смех хорошо для здоровья* (Леон.) (пример Н. Ю. Шведовой) — получила в «Русской грамматике» характеристику в §§ 2389–2393, где, в частности, читаем:

«§ 2393. Семантика схемы — “отношение между действием или состоянием (названным через предмет, его представляющий) и его предик-

кативным признаком — качественной характеристикой”. Это значение лежит в основе семантической структуры соответствующих предложений: имя в подлежащем или непосредственно обозначает действие либо состояние (*Смех — хорошо для здоровья; Грех — сладко; Скорбь в одиночестве — это понятно; Экономия — это отлично*), или называет тот конкретный предмет, который репрезентирует действие или состояние (*Галстук — это модно* значит: ‘носить галстук — модно’; *Тургеневские девушки — это несовременно* значит ‘походить на тургеневских девушек несовременно’; *Валенки — тепло и удобно* значит ‘ходить в валенках тепло и удобно’)) (Шведова 1980: 308). На фоне этой характеристики уместен вопрос о семантике ЯХ-конструкции.

3. Семантика модели ЯХ

Важнейшее наблюдаемое отличие ЯХ от модели, описанной в «Русской грамматике», состоит в том, что в предложениях типа *Смех хорошо для здоровья* всегда возможно восстановление связочного элемента *это*, причем Н. Ю. Шведова подчеркивает, что в большинстве реализаций он и присутствует, ср. *Смех — это хорошо для здоровья*. Присутствие эксплетивного *это*¹ — вкупе с наличием связки (*Смех всегда был(о) хорошо для здоровья*) — выразительно подчеркивает собственно предикативный характер наречной формы: конструкция в целом реализует логическую операцию (неполного) отождествления, составляющую главное логическое содержание модели предложения с составным именным сказуемым. Не случаен параллелизм между такими предложениями и прототипическими конструкциями с кратким прилагательным: *Смех хорош для здоровья; Грех сладок; Тургеневские девушки несовременны*.

Между тем в ЯХ-конструкции присутствие связочного *это* исключено:

**Я — это хорошо*;

**Папа — это хорошо* (об этом варианте см. еще ниже).

За этим наблюдаемым различием кроется расхождение в семантике моделей. В ЯХ фокусное слово не передает качественной характеристики субъекта, или понятия, или действия, или состояния; никакого отождествления модель не подразумевает. Фокусное слово можно, вслед за М. В. Филипенко и И. М. Кобозевой, отнести к наречиям общей оценки «с плавающей сферой

¹ Оно эксплетивно по определению, но, разумеется, это не то *это*, которое иногда рассматривают как эксплетивный субъект, ср. из относительно недавних работ Дёрфи 2018.

действия» (см. Кобозева 2022: 97)²: понятно, что плавающая сфера действия является идеальной предпосылкой для развития употреблений, системой как бы не предусмотренных. Оно выражает лишь **общую качественную оценку состояния субъекта** — причем состояния в самом широком смысле: может подразумеваться и состояние здоровья, ср. *он уже лучше, ходит* в (10), и психологическое состояние, ср. *а я отлично в* (1), и некое трудно поддающееся формулированию «состояние дел субъекта вообще, в целом», может быть — «отсутствие/наличие в настоящем или недавнем прошлом значимых событий, изменивших жизненную ситуацию субъекта по сравнению с некоторым предшествующим положением дел», ср. в особенности (7):

- (7) *Как жизнь молодая? Не жалуюсь, дядя Миша. Мать как? Мама ничего, болеет всё, — ответил, улыбаясь, Родька <...>* [Федор Абрамов. Дом (1973–1978)].

Говорящий сообщает, что «мама ничего», т. е. ‘в целом с мамой все более или менее благополучно’, хотя тут же добавляет, что она «болеет всё»: это можно понимать непротиворечиво только в том случае, если трактовать *ничего* как указание на отсутствие событий, которые существенно изменили бы общую жизненную ситуацию матери; даже без более широкого контекста понятно, что мать болела и раньше и что это известно не только Родьке, но и дяде Мише.

Введение в ЯХ связочного *это* или превращает конструкцию в неприемлемую, или переводит ее в другой класс конструкций: например, *Папа — это хорошо* не может служить ответом на вопрос «Как папа?» (в отличие от *Папа хорошо*), но может служить мудрой сентенцией о том, что наличие папы есть благоприятное обстоятельство. При этом конструкция подводится уже не под модель ЯХ, а под модель, описанную Н. Ю. Шведовой (правда, с тем уточнением, что *папа* обозначает не действие и не состояние, названное, в том числе, «через предмет, его представляющий»: семантическую характеристику модели можно расширить).

4. Синтаксис ЯХ-конструкции

А. Б. Летучий 1) причисляет ЯХ к конструкциям, в которых усматривает нулевую связку, — наряду, например, с предложениями типа *Я дома*; 2) характеризует фокусное слово как наречие; 3) относит *Я хорошо* к конструкциям, обладающим «одной особенностью: нулевая связка в них не чередуется

² В списке синтаксических функций наречия М. В. Филипенко (2003: 78–79), который И. М. Кобозева приводит в своей редакции (2022: 95–96), рассматриваемое нами употребление ЯХ отсутствует.

с выраженными формами глагола *быть*» (Летучий 2018). Последнее иллюстрируется примером (25), в котором (25а) возможно, а (25б) — нет (в цитате сохранена оригинальная нумерация примеров):

- (25)а. *Ты-то как? [Катя]. Я хорошо.* [А. Володин. С любимыми не расставайтесь (1979)]
б. **Я была хорошо.*

Тезисы (1) и (3) вступают в противоречие; для его снятия автор приводит следующий аргумент:

«В противоположность *хорошо*, некоторые элементы и в наречном прочтении допускают перенос в прошедшее время:

(89) *Когда я последний раз заезжал, бабушка уже была так себе.*

(90) *Всё-таки ему девяносто лет, он уже и прошлой зимой был не очень.*

Примеры типа (89) и (90) кажутся приемлемыми, правда, в корпусном материале таких примеров не обнаруживается.

Возможно, из-за сомнительности варианта с *было* следует считать, что в предложении *я хорошо* выступает не нулевая связка, а другой тип нуля. В то же время на мысль о нулевой связке наводит то, что в других конструкциях вида «существительное / местоимение + наречие» (например, *Я (был) дома; Фабрика (была) рядом*) чередование нулевой формы с полной абсолютно нормально» (Там же).

А. Б. Летучий исходит из семантической близости (чтобы не сказать тождества) предложений типа *Я хорошо* и *Я не очень*. На этом основании он рассматривает их как реализации одной и той же конструкции: поэтому оказывается возможным аргументировать утверждение о наличии в ЯХ нулевой связки указанием на возможность ненулевой связки в *Я не очень*, тем более что связка есть и в предложениях типа *Я дома*, где имеется то же местоимение и то же (?) наречие. (А. А. Потебня написал бы по этому поводу, вероятно, что-нибудь насчет свечки и спички.)

Более приемлемым представляется предложенное выше решение выделить конструкцию ЯХ в особый тип, в котором связка невозможна. Однако это решение не делает очевидным синтаксис конструкции. Возможны, по-видимому, две интерпретации.

Первая: перед нами конструкция с эллипсисом сказуемого (*Я живу / чувствую себя хорошо*). Преимущество этой интерпретации в том, что в этом случае морфологический статус оценочного слова, находящегося в фокусе, не вызывает сомнений: это наречие. Недостаток же заключается в том, что никакого эллипсиса ни говорящий, ни слушающий не ощущают, да и следов

его не наблюдается, в отличие от классических эллиптических предложений вроде *Татьяна в лес, медведь за ней* или *Я на работу*, где наличие зависимой, по определению, предложно-падежной формы нельзя объяснить ничем, кроме присутствия подразумеваемого глагольного сказуемого, которое всегда можно восстановить с точностью до лексико-семантической группы. Оценочное слово *хорошо* (*отлично, прекрасно, неважно, ужасно* и т. п.) не несет очевидных признаков зависимости, поскольку, как известно, восходящие к качественным прилагательным и наречиям слова могут функционировать в качестве сказуемого (или главного члена безличного предложения).

Вторая: сказуемым является само оценочное слово (если допустить, что возможно неглагольное сказуемое без связки). В таком случае перед нами полное двусоставное предложение, однако, помимо вопроса о связке, возникает вопрос о морфологическом статусе оценочного слова. Ни прилагательным, ни наречием счесть его как будто невозможно. Прилагательное в роли сказуемого обязано к согласованию с подлежащим (*Отчаянная храбрость хороша в бою, а не за рулем*) — здесь же согласования не наблюдается. Наречие, если не включать в него слова категории состояния и вообще всё, что похоже на наречие, должно обозначать вторичный признак предмета (за исключением наречий-локативов, образующих особый подкласс). Этого в нашем случае тоже нет. Можно назвать это слово предикативом в смысле, который вкладывает в этот термин, вслед за многими, П. Е. Топорков (2024), но и таким образом вопрос о его морфологической природе не снимается: в концепции П. Е. Топоркова предикативы — это функционально-семантический класс слов, принадлежащих разным лексико-грамматическим классам (частям речи). Кстати, примеры, соответствующие конструкции ЯХ, в Топорков 2024 отсутствуют.

По типу значения эти слова как будто напоминают слова категории состояния (СКС), но естественной средой обитания СКС являются безличные предложения (*Мне хорошо*), в то время как рассматриваемая конструкция безличной очевидным образом не является. СКС при обозначении состояния субъекта (не окружающей среды) имеют валентность на субъект в Д. п., форма И. п. при них исключена. В ЯХ картина противоположная: реально присутствует И. п., а Д. п. исключен. Кроме того, как уже отмечено выше, семантика фокусного оценочного слова не вписывается в рамки СКС. А. В. Циммерлинг, посвятивший дативно-предикативной конструкции (дативно-предикативной структуре — ДПС) безличного предложения целую серию работ, пишет: «Если семантический инвариант конструкции ДПС существует, вероятным кандидатом является значение внутреннего состояния, соотношенного с одушевленным субъектом в конкретной референтной ситуации» (Циммерлинг

2017: 438). В ЯХ фокусное слово обозначает не состояние субъекта, а общую качественную оценку этого состояния — о самом же состоянии при этом как раз ничего конкретного не сообщается. Следовательно, если причислять слова общей качественной оценки состояния в конструкции ЯХ к СКС, то нужно оговаривать, что 1) речь идет о некоторой особой семантической разновидности внутри СКС; 2) речь идет о таких словах, синтаксическое поведение которых не соответствует инварианту синтаксического поведения СКС. Такое решение не представляется приемлемым: эти оговорки фактически уничтожают основания для причисления рассматриваемых слов к СКС.

Подлежащно-сказуемая интерпретация ЯХ проблематична, кроме того, в силу невозможности чередования нуля с выраженной связкой (**Мама вчера была хорошо*). А. Б. Летучий высказал предположение о том, что в данном случае, возможно, следует говорить о каком-то другом типе нуля; но что это за другой тип и, главное, откуда берется само предположение о нем — остается неизвестным. Между тем невозможность выраженной связки означает отсутствие модально-временной парадигмы — важнейшего конституирующего признака модели предложения. В таком случае и предикатом фокусное слово считать нельзя.

Правда, отсутствие модально-временной парадигмы не означает отсутствия конкретного модально-временного значения. Конструкции ЯХ тяготеют к расширенному настоящему: *Я плохо* означает не только (а часто и не столько) плохое самочувствие, но и плохое состояние субъекта (психологическое, физическое, состояние дел) не только в момент речи, но в течение некоторого периода, по меньшей мере предшествовавшего моменту речи. Между тем обычные ДПС имеют в презенсе значение актуального настоящего: *Мне плохо* означает плохое самочувствие в момент речи — причем это состояние психологическое, физическое, но не положение дел.

Вообще, привязанность к расширенному настоящему автоматически ограничивает модально-временную парадигму.

(18)[?]*Волга впадала в Каспийское море.*

(19)[?]*Солнце освещало Землю.*

(20)[?]*Все счастливые семьи были похожи друг на друга.*

Отклонение от значения расширенного настоящего в (18–20) неизбежно влечет интерпретацию предложений в терминах возможных миров. Однако с ЯХ дело обстоит еще хуже:

(21) **Я был хорошо (ужасно, прекрасно...)*

Пример (21) не влечет никакой интерпретации, кроме вердикта о неприемлемости таких выражений.

5. Заключение

Если оставить в стороне предположения и допущения и опираться только на реальные факты, то разумно признать, что ЯХ в современном русском языке не является особой моделью предложения, а потому и не должна была описываться в терминах структурных схем Н. Ю. Шведовой. Это устойчивая модель **высказывания**³ с 1) вполне определенным типом семантики, 2) выраженным актуальным членением, 3) фиксированными способами выражения обоих компонентов — тематического и рематического, — и 4) некоторой семантической спецификой, которая развилась у наречия в качестве фокусного слова. Но не более. Для интерпретации тематического и фокусного компонентов в качестве главных членов двусоставного предложения недостает возможности построить модально-временную парадигму.

Можно предполагать, что путь развития ЯХ как устойчивой модели высказывания аналогичен пути, пройденному моделью *Татьяна в лес / Я на работу*: в основе лежит двусоставное предложение с регулярно опускаемым глагольным сказуемым («стремление к удобству», оно же элементарная лень). Различие, однако, в том, что компоненты-дестинативы (*в лес, на работу, домой*) никаких семантических изменений в эллиптической модели не претерпевают, в то время как наречия *хорошо, прекрасно, ужасно* и т. п. превращаются из обозначений качественных признаков бытия субъекта, каковы они в дативно-предикативных структурах, в слова общей качественной оценки состояния субъекта в расширенном настоящем. Не исключено, что в будущем при классификации адвербиальных слов для наречий общей оценки в рассмотренном употреблении потребуются предусмотреть особую «полочку».

Литература

- Дёрфи Б. 2018. О проблеме наличия эксплетивных субъектов в русском языке. *Slavica*, № 47, 29–39. <https://doi.org/10.31034/047.2018.03>.
- Дымарский М. Я. 2005. Трехуровневая система синтаксических моделей и проблема порождения высказывания. *Функционально-лингвистические исследования 2005: Сборник статей в честь профессора А. В. Бондарко*. СПб.: Наука, Сага, 13–25.

³ Понятие модели высказывания охарактеризовано в Дымарский 2005.

- Иомдин Л. Л. 2017. *Мне хорошо vs. Я хорошо: об одном классе слабоизученных русских конструкций. Пятая конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». Доклады.* СПб.: ИЛИ РАН.
- Кобозева И. М. 2022. Наречия оценки: корреляция семантических различий с синтаксическими (на примере наречий общей и гедонистической оценки). *Критика и семиотика*, № 1, 90–109.
- Летучий А. Б. 2018. *Нулевая связка*. http://rusgram.ru/Нулевая_связка.
- Летучий А. Б. 2024. *Русский синтаксис: структурные и неструктурные объяснения: учеб. пособие*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Топорков П. Е. 2024. *Предикатив как функционально-семантический класс слов*: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М.
- Филипенко М. В. 2003. *Семантика наречий и адвербиальных выражений*. М.: Азбуковник.
- Шведова Н. Ю. 1980. *Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис*. М.: Наука.
- Циммерлинг А. В. 2017. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 16 (23), 437–449.

И СНОВА ПРО *ТО ЧТО*: ПОРТРЕТ ЕДИНИЦЫ В РЕЧИ АКТИВНОГО НОСИТЕЛЯ

Н. А. Коротаев

Российский государственный гуманитарный университет,
Институт языкознания РАН
n_korotaev@hotmail.com

Вступительное слово

Это небольшое исследование должно было случиться более десяти лет назад, но по ряду причин не было тогда доведено до конца. Анализируя свойства «нового союза» *то что* в устной речи, я (как, очевидно, и некоторые другие коллеги) обратил внимание на то, что употребление этой единицы можно рассматривать в качестве компонента индивидуального речевого портрета. Одни говорящие (практически) не используют *то что* в качестве слитного союза, тогда как другие делают это регулярно — вплоть до того, что в их речи *то что* вытесняет «обычный» союз *что*. В это же время я случайным образом послушал радиопередачу, один из участников которой как раз относился к числу говорящих, последовательно выбирающих *то что* в качестве базового союзного средства: его речь в этом отношении резко контрастировала с речью других участников. В основную статью про *то что*, над которой я тогда работал, эти наблюдения не вошли; а затем индивидуальное варьирование *то* vs. *то что* стало объектом внимания коллег, которые представили новые исследования — основанные уже на более представительном материале и более детальном синтаксическом анализе. Однако первичная разметка радиопередачи сохранилась, и, когда появилась возможность участвовать в юбилейном сборнике в честь Ирины Михайловны Кобозевой, мне показалось, что найден отличный повод для завершения этой работы. Дело в том, что именно статья Ирины Михайловны о принципах употребления соотносительного местоимения *то* в составе расчлененного *то, что* в нормативной речи (Кобозева 2013) помогла мне в свое время четче сформулировать особенности «нового» *то что* — и, надеюсь, более убедительно показать, что мы имеем дело с полноценной синтаксической инновацией. С благодарностью за этот творческий импульс я и предлагаю вниманию юбиляра завершённую спустя 12 лет версию своего частного исследования.

1. К постановке задачи

В устной русской речи существует и активно используется некоторыми говорящими изъяснительный союз *то что* — слитный комплекс, по своим семантико-синтаксическим и просодическим свойствам не сводимый к расчлененному сочетанию местоименного коррелята *то* и союза *что* (Коротаев 2013; Егорова 2018; Сердобольская, Егорова 2019; Князев 2019). Если в расчлененном сочетании местоимение *то* занимает позицию подлежащего или дополнения в главной клаузе, а *что* вводит придаточную клаузу, то слитное *то что* целиком относится к придаточному. Среди заметных свойств конструкций с *то что*, неоднократно отмеченных в литературе, можно упомянуть следующие:

- клауза, вводимая союзом *то что*, может заполнять валентную позицию предиката, требующего падежа, отличного от именительного или беспредложного винительного (1);
- в главной клаузе может располагаться отдельный местоименный коррелят (2);
- даже если *то что*-клауза заполняет валентную позицию, требующую именительного или беспредложного винительного падежа, вершинный предикат может не допускать появления соотносительного *то* в главной клаузе (3); также это может происходить вне типичных семантических контекстов, благоприятствующих появлению соотносительного *то* в нормативной речи: контраста, данности/доступности содержания зависимой клаузы и проч. (подробнее об этих контекстах и типах предикатов, требующих vs. допускающих vs. не допускающих *то*, см. в работе Кобозева 2013).

- (1) *Я на самом деле надеюсь **то что** нас не пустят потому что мы без юбок и мы постоим просто покурим там где-нибудь за углом.* [НКРЯ, Разговор двух девушек о выборе одежды, 2008]¹
- (2) *Мне нравится это тем **то что** они же все были братья.* [НКРЯ, Беседа о Гарри Поттере, 2023]

¹ При цитировании примеров из устного подкорпуса НКРЯ я намеренно убираю из транскриптов одиночные слэши, которые могут создать неверное представление об интонационных границах; см. Гришина 2005.

- (3) *Но всё равно типа мне /—казалось, то что я встречу этого /человека всё \равно!* [Корпус «Что я видел»]²

Кроме того, неоднократно высказывалось предположение о том, что с указанными выше семантико-синтаксическими характеристиками коррелирует и просодическое оформление конструкций с *то что*: пауза — или, шире, просодическая граница — скорее ожидается перед *то*, чем между *то* и *что* (см., например, Сердобольская, Егорова 2019: 44–46). Впрочем, насколько мне известно, просодические свойства *то что*-конструкций пока прицельно не анализировались.

Приведенные выше факты свидетельствуют в пользу интерпретации *то что* в употреблении подобного рода как нового изъяснительного союза (см., в частности, заглавия работ Егорова 2018; Князев 2019). Этот союз, очевидно, конкурирует со стандартным *что*: так, замена *то что* на *что* в примерах (1)–(3) сделала бы их в большей степени соответствующими литературному грамматическому стандарту. Также очевидно, что едва ли не главным фактором вариативности *что* и *то что* является индивидуальная предрасположенность говорящего к использованию «классического» vs. «нового» союза. В работе Сердобольская, Егорова 2019 было подробно проанализировано речевое поведение 11 говорящих и показано, что активными носителями *то что*-конструкций из них являются четверо; доля *то что*-конструкций от всех конструкций с сентенциальными актантами у них составляла от 9% до 71%. В экспериментальном исследовании Егорова 2018 конструкции с *то что* в предлагаемых контекстах порождала примерно треть испытуемых. Наконец, в исследовании Князев 2019, основанном на оценках приемлемости предъявляемых предложений, было показано, что испытуемые достаточно четко разделяются на две группы: одни последовательно отвергают любые конструкции с ненормативным *то что*, другие их допускают. Далее, между этими двумя группами обнаруживаются и иные расхождения в оценках допустимости различных типов конструкций с сентенциальными актантами.

² При цитировании примеров, для которых у меня был доступ к исходному аудиосигналу, я использую максимально упрощенную нотацию, основанную на системе Кибрик, Подлесская (ред.) 2009. Пунктуационные знаки указывают на границы элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ), а также на их иллокутивно-фазовую семантику; слэшами и стрелками отмечаются движения частоты основного тона в акцентированных словоформах; подчеркиванием ударной гласной кодируется главный акцент в ЭДЕ; в скобках указываются абсолютные и заполненные паузы; знак – обозначает удлинненное произнесение звука; знак = — обрыв слова. О корпусе «Что я видел» см. Коротаев и др. 2024.

В рамках настоящего исследования я ставлю перед собой две задачи. Во-первых, я хочу проиллюстрировать обнаруженные ранее в литературе тенденции на материале продолжительного (более 40 минут) разговора, в котором только один из участников последовательно употребляет *то что*-конструкции. Во-вторых, я хочу предложить предварительный анализ просодических свойств *то что*-конструкций в сопоставлении с нормативными *что*-конструкциями.

2. Материал и разметка

Материалом исследования послужил один выпуск передачи «Блог-аут» радиостанции «Эхо Москвы» (с 2022 года — издание «Эхо»). Выпуск датирован 2012 годом; в нем принимало участие трое говорящих: ведущая (ИБ) и двое гостей (МА и ОМ); общая продолжительность разговора — 48 минут³. Необходимо отметить, что этот выпуск был выбран для анализа не случайным образом. Уже при первичном прослушивании было очевидно, что один из участников (ОМ) является активным носителем *то что*-конструкций, тогда как два других участника эту конструкцию не употребляют. Иными словами, материал изначально был подобран таким образом, чтобы, во-первых, в нем содержалось значительное количество *то что*-конструкций, во-вторых, с его помощью можно было сопоставить речевое поведение говорящих, использующих vs. не использующих новый союз *то что*.

Дальнейшей синтаксической и просодической разметке были подвергнуты все сложноподчиненные конструкции, содержащие в себе элемент *что* — будь то простой изъяснительный союз (4), союз при местоименном корреляте в главной клаузе (5), часть союза *то что* (6) или союзное слово (7).

- (4) Я /думаю, **что-о** () этот /вопрос ребятам задавать не /стоит, [ИБ]⁴
- (5) Из трёхсот девяноста новостей в /Яндексе, на эту /тему, триста восемьдесят /девять были о /том, **что** было совершено по= (э) \похищение. [МА]
- (6) Она /думала, **то что** наверное мы \там. [ОМ]
- (7) И сообщайте всё /время, **что** у вас там \происходит. [ИБ]

³ Аудиозапись и стенограмма передачи доступны по адресу:
<https://echofm.online/archive/blogout1/49226>.

⁴ В примерах из записи в квадратных скобках приводятся инициалы говорящего.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 3.1 будет представлено общее распределение по указанным типам конструкций для каждого из трех говорящих, а также кратко обсуждены результаты синтаксической разметки, включавшей в себя морфологический класс и модель управления матричного предиката, а также наличие отдельного местоименного коррелята. После этого будут рассмотрены параметры просодической организации *то что*-конструкций в сопоставлении с другими типами. В число этих параметров вошли наличие и место просодического шва между компонентами конструкции, удлинённая реализация при произнесении союзного средства (раздел 3.2); а также интегральный тип интонационной организации, соотносящийся с реализуемой в конструкции акцентной схемой (раздел 3.3).

3. Результаты и обсуждение

3.1. Синтаксис

В результате разметки была подтверждена изначальная перцептивная оценка: говорящие ИВ и МА вовсе не используют конструкцию с новым союзом *то что*, тогда как у говорящего ОМ это базовая модель сентенциального подчинения: 45 случаев из 52 (86.5 %); подробнее см. таблицу 1.

Таблица 1. Распределение типов сложноподчиненных конструкций, содержащих *что*, в речи трех участников записи

Тип конструкции	Число вхождений у участника (всего / с отдельным местоименным коррелятом)			
	ИВ	МА	ОМ	Всего
с союзом <i>что</i>	18 / 5	31 / 12	6 / 2	55 / 19
с союзным словом <i>что</i>	7 / 5	5 / 1	1 / —	13 / 6
с союзом <i>то что</i>	—	—	45 / 4	45 / 4
Всего	25 / 10	36 / 13	52 / 6	113 / 29

Поскольку преимущество *то что*-конструкций в речи ОМ так велико, сложно даже говорить о какой-либо значимой конкуренции между *то что* и другими союзными средствами, а значит — и пытаться обнаружить факторы, которые могли бы влиять на выбор средства. ОМ употребляет союз *то что* и при глаголе, требующем прямого дополнения (6), (8); и при глаголе, требую-

щем косвенного дополнения (9); и в приименном зависимом (10); и при наличии отдельного местоименного коррелята в главной клаузе (11). Особняком стоит пример (12): в нем *то что* предшествует придаточному с союзным словом *где*. В связи с этим статус *то что* в этом предложении ясен не до конца.

- (8) *Пока () (а) мы их не отвели в /автобус, не /успокоили, (а) не \показали, **то что** мы /сильнее, (тех \людей,) (а) до этого /момента они боялись что-либо \говорить. [ОМ]*
- (9) *их \пугают, **то что-о** стоит вам /выйти, (?) то-о вас (а) здесь сотрудники () полиции /поймают, () (а) /расстреляют, и повесят на вас (а) какое-нибудь /убийство или \теракт. [ОМ]*
- (10) *В итоге мне \ответили, то что сейчас их всех доставят в /спецприёмник, по одной простой /причине, **то что** они () нелегальные \мигранты. [ОМ]*
- (11) *Дело в /том, **то что** это (а) очень бюрократичная /система, [ОМ]*
- (12) *И там мы встретили /её, () (а) где она сказала **то что** \где её /↑держали, [ОМ]*

Единичные употребления нормативного союза *что* у ОМ также фиксируются в упомянутых выше базовых контекстах (но см. ниже уточнение относительно просодических границ в конструкциях с местоименным коррелятом). Любопытен пример (13), в котором использование *что* (а не *то что*), возможно, обусловлено дистантным расположением вводимой им клаузы относительно вершинной предикации. Насколько мне известно, этот параметр синтаксической организации ранее не рассматривался в качестве потенциального фактора выбора между *что* и *то что*. Разумеется, для сколько-либо обоснованных выводов тут потребуется материал большего объема.

- (13) *Я искренне /надеюсь сейчас, если кто-то \слышит (а) нас из /посольства, (а) **что** всё же они \включатся в это /дело, [ОМ]*

3.2. Просодические границы

В таблице 2 представлены данные о наличии и расположении просодического шва на границе между компонентами конструкции. Рассматривались два вида швов: паузы (абсолютные и заполненные) и границы элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ), определяемые как место слома или завершения интонационного контура (см. Кибрик, Подлесская (ред.) 2009: 57–60). В обоих случаях размечалось наличие/отсутствие шва перед *то* (в том числе в составе союза *то что*) или местоименным коррелятом, перед и после *что*. (В том случае если шов имеется сразу в не-

скольких из указанных позиций, он учитывался в каждой из соответствующих ячеек таблицы.)

Таблица 2. Расположение просодических швов в сложноподчиненных конструкциях, содержащих *что*

Тип конструкции	Расположение просодических швов: границы ЭДЕ / паузы			
	нет шва	перед <i>ТО</i>	перед <i>ЧТО</i>	после <i>ЧТО</i>
с союзом <i>что</i> :				
- с коррелятом - без коррелята	– / 12 6 / 33	7 / 1	9 / – 33 / 2	1 / 2 2 / 5
с союзным словом <i>что</i> :				
- с коррелятом - без коррелята	3 / 6 3 / 6	4 / 1	2 / – 3 / –	– / – – / –
с союзом <i>то что</i> :				
- с коррелятом - без коррелята	– / 3 7 / 31	4 / 1 29 / –	– / – – / –	– / 1 4 / 9
Всего	19 / 91	44 / 3	47 / 2	7 / 17

Прежде всего стоит отметить факт, который подтверждает неоднократно высказываемое утверждение о просодической слитности союзного комплекса *то что*: ни в одной из 45 конструкций внутри нового союза не проходит граница ЭДЕ и не зафиксирована сколько-либо заметная пауза. Кроме того, паузы вокруг синтаксической границы между матричной и зависимой предикациями в целом достаточно редки: в 113 конструкциях имеется лишь 22 паузы, т. е. паузы возникают менее чем в 20 % случаев. Как кажется, это согласуется с представлениями о тесной структурной и просодической связи между компонентами сложноподчиненных объектных конструкций⁵.

⁵ Сходные результаты были получены в работе Gayraud, Martinie 2008, где на материале французского языка паузы до или после союза / союзного слова обнаруживались примерно в 20 % конструкций с сентенциальным вложением.

В оставшихся случаях самой частотной позицией для паузы оказывается позиция после *что* — и это верно как для нормативного *что*, так и для *то что*. Примечательно, что в размеченных данных элемент *что* также оказывается единственным носителем удлинённого произнесения (всего — 14 случаев): см. выше примеры (4) (союз *что*) и (9) (союз *то что*). Хорошо известно (см., например, Eklund 2004: 241–252), что удлинение может сигнализировать о трудностях в речепорождении, причем хезитационные удлинения чаще всего реализуются в служебных словах (Betz 2020: 71–73). Можно предположить, что и паузы после *что* также имеют преимущественно хезитационную природу — уже хотя бы потому, что границы ЭДЕ проходят после комплементаризера значительно реже, чем в других позициях (см. более подробный разговор об этом ниже). Как бы то ни было, стоит подчеркнуть, что в отношении расположения пауз и хезитационных удлинений союзы *что* и *то что* не обнаруживают заметных различий.

Перейду теперь к более подробному разговору о границах ЭДЕ. Этот параметр просодической организации удобнее рассмотреть отдельно для конструкций с местоименными коррелятами и без них. Тут необходимо сделать важное уточнение. Я полагаю, что *то*, входящее в состав *то что*, более не является местоименным коррелятом; при этом отдельные местоименные корреляты в *то что*-конструкциях все же возможны — выше примеры (2) и (11).

Как явствует из таблицы 2, в конструкциях без местоименных коррелятов граница ЭДЕ в безусловном большинстве случаев проходит непосредственно перед союзом / союзным словом; см. выше примеры (4) с границей перед союзом *что*, (7) с границей перед союзным словом *что*, (8)–(10) с границей перед союзом *то что*. Всего этот базовый случай охватывает около 75 % примеров (65 из 87). Значительно реже (около 18 %) встречаются конфигурации, при которых вся конструкция целиком порождается в одной ЭДЕ; см. примеры (14)–(15). (Напомню, что знаки препинания в транскриптах используются как раз для указания на границы ЭДЕ, а не по пунктуационным правилам русского письменного текста.) Наконец, совсем редки (6 из 87) случаи интонационного «переезда» союза в вершинную предикацию; см. (16)–(17).

(14) Она /поверила, /приехала, и-и когда == приехала /сюда, оказалось **что** она будет работать в магазине. [МА]

(15) этим \людям обещают сначала /зарплату, (э) потом говорят **то что** в конце /сезона, но естественно никогда не \выплачивают. [ОМ]

(16) Я просто \имею в виду **что-о**, не в /Москве, а в Дагестане. [ИБ]

- (17) Закон о /полиции регламентирует /**то что**, () достаточно \устного /обращения к сотрудникам \полиции. [ОМ]

Что представляется мне существенным при сопоставлении *что* и *то что*, все три рассмотренных выше возможности расстановки интонационных границ примерно в одинаковых пропорциях реализуются в конструкциях с обоими союзами. В то же время еще одно потенциально возможное расположение границы ЭДЕ — внутри союза *то что* — не зафиксировано в проанализированном материале ни разу. Тут можно было бы возразить, что если бы граница проходила между *то* и *что*, то конструкцию нельзя было бы вообще отнести к *то что*-конструкциям — или, по крайней мере, для этого потребовались бы дополнительные семантико-синтаксические обоснования. Это, возможно, верно, однако в записи нет ни одного примера, в котором бы *то* стояло в форме номинатива или беспредложного аккузатива и после него располагалась бы граница ЭДЕ.

В целом же конструкции с местоименными коррелятами практически равномерно распределены между двумя типами: интонационная граница может проходить либо между коррелятом и союзным средством (см. примеры (5) и (11) выше), либо перед коррелятом (18)–(19). При реализации второй возможности местоименный коррелят, по сути, просодически интегрируется в состав зависимой клаузы. Как видно из примеров, это явление, опять-таки, возможно как при нормативном *что*, так и при новом *то что*.

- (18) На них \десятки свидетельств, того **что** Лони () /занимались () \работоторговлей. [МА]

- (19) Нам (э) \предлагать идти на /сделку, () о том **то что-о** == (\сейчас, буквально одну \минуту,) () о том *то что-о* возбуждают () уголовное /дело по-о () /организации незаконной \иммиграции. () На этих \людей. [ОМ]

Итак, с точки зрения расположения интонационных границ высказывания (границ ЭДЕ), так же как и с точки зрения паузации, конструкции с союзами *что* и *то что* демонстрируют существенные сходства.

3.3. Интонационная организация

При разметке интонационной организации сложноподчиненных конструкций я опирался на понятия коммуникативно-просодической конфигурации (Подлесская 2014а, б⁶) и акцентной схемы (Кортаев, Подлесская 2008).

⁶ Уточню, что при обращении с терминологией, используемой в серии работ В. И. Подлесской, я позволил себе некоторую вольность. Дело в том, что в этих

Проиллюстрирую эти описательные категории на примере двух противопоставленных друг другу типов. В примере (6), повторяемом ниже под номером (20), реализован *дефолтный* тип коммуникативно-просодической конфигурации.

(20) Она /думала, **то что** наверное мы \там. [ОМ]

В дефолтном типе и матричная предикация, и сентенциальное зависимое, с одной стороны, обладают просодической автономностью (между ними проходит граница ЭДЕ), с другой стороны, содержат интонационные сигналы тесной содержательной связи. Эти сигналы состоят в том, что между направлениями движения частоты основного тона в главных акцентах реализуется отношение адаптации (Кодзасов 2002): движение тона в матричной предикации зеркально противопоставлено движению тона в зависимой клаузе, причем иллокутивно-фазовое значение всей конструкции выражено посредством акцента в зависимой клаузе. Именно это происходит в примере (20), в котором главный акцент в матричной предикации (/думала) реализуется с восходящим движением тона в ударном слоге, а главный акцент в зависимой клаузе (\там) — с нисходящим; см. тонограмму примера на рисунке 1⁷.

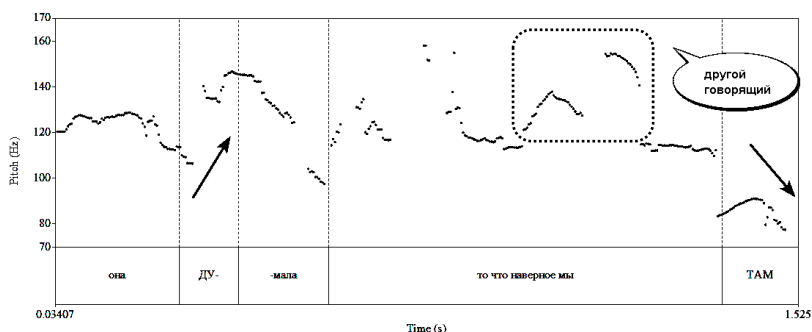

Рисунок 1. Тонаграмма примера (6) / (20)

работах используются параллельные наборы обозначений: различаются как название самой категории, так и ярлыки для конкретных значений. Далее я использую термин «коммуникативно-просодическая конфигурация» из работы Подлесская 2014а для обозначения категории, но для конкретных значений, которая эта категория может принимать, опираюсь на ярлыки из Подлесская 2014б.

⁷ В полном соответствии со стандартной реализацией восходящего акцента типа ИК-3 (Брызгунова 1980) на заударных слогах акцентированной словоформы *думала* происходит резкое падение частоты основного тона. Закрашенным прямоугольником на тонограмме выделены участки тональной кривой, соответствующие речи другого говорящего. Очевидно, они не должны учитываться при анализе интонационной структуры примера.

Нисходящий акцент на *там* выражает значение завершенности иллокуции сообщения, тогда как восходящий акцент на *думала* указывает на нефинальный статус первой ЭДЕ примера в связной последовательности. В работе Коротаев, Подлеская 2008 такая акцентная схема обозначена как «подъем — падение»; по этой же схеме организованы примеры (5), (10), (17) и (19).

Иная схема — «падение – падение» — реализована в примере (21). Здесь с нисходящим главным акцентом произносятся оба компонента конструкции: и матричная предикация (акцент на *\информация*), и зависимая клауза (*\улики*); см. тонограмму примера на рисунке 2. Аналогичным образом устроена интонационная структура примеров (16) и (18). Коммуникативный эффект такого произнесения заключается в ослаблении связи между предикациями, синтаксическое отношение между которыми тут в меньшей степени, чем в дефолтном типе, поддерживается интонационными средствами. Примеры подобного рода, вслед за Подлеская 2014б, размечались как образцы коммуникативно-просодической конфигурации *дезинтегрированного* типа.

(21) *Поступила \информация, то что-о (ə) () (ə) данные (ə) владельцы /магазина () попытаются уничтожить улики, в данном магазине. [ОМ]*

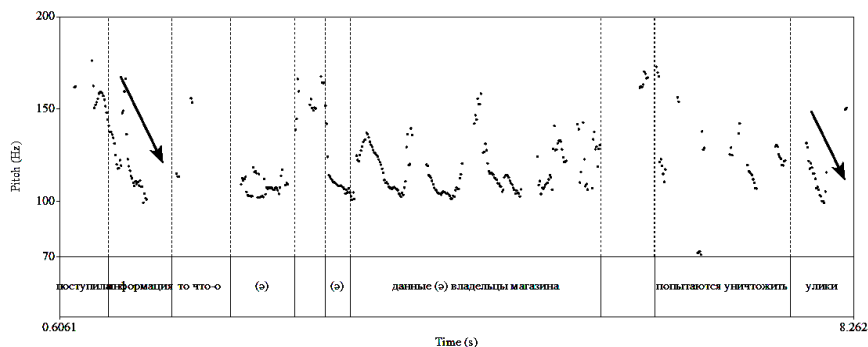

Рисунок 2. Тонаграмма примера (21)

Разнообразие способов интонационного оформления выявленных в записи конструкций не ограничивается двумя рассмотренными выше схемами. Коммуникативно-просодические конфигурации дефолтного типа могут также реализовываться при помощи акцентной схемы «падение – подъем» (см. выше пример (8) с нисходящим акцентом на *\показали* и восходящим на */сильнее*), дезинтегрированный тип — посредством акцентной схемы «подъем – подъем» (4), (13). Кроме того, с дефолтным типом сближается *интегрированный*, при котором один из компонентов конструкции (обычно — матричная предикация)

лишен собственного акцента; см. выше примеры (12), (14), (15). Распределение конструкций по типам коммуникативно-просодических конфигураций и акцентным схемам приведено в таблице 3.

Таблица 3. Интонационная организация сложноподчиненных конструкций,

Коммуникативно-просодические конфигурации	Союзное средство			
	<i>что</i> (союз)	<i>то что</i>	<i>что</i> (союзное слово)	<i>Всего</i>
Дефолтный / интегрированный типы	34	31	4	69
- «подъем – падение»	23	15	1	39
- «падение – подъем»	6	9	2	17
- без акцента в вершине	5	7	1	13
Дезинтегрированный тип	14	7	3	24
- «падение – падение»	7	5	0	12
- «подъем – подъем»	7	2	3	12
Прочее / неясные случаи	7	7	6	20
Всего	55	45	13	113

содержащих *что*

Разумеется, имеющихся количественных данных недостаточно для надежного сопоставления. Однако предварительный вывод тут, кажется, тот же, что и для параметров, рассмотренных выше в разделе 3.2: очевидных различий в интонационной организации конструкций с союзом *что* и *то что*-конструкций не наблюдается. Основные типы коммуникативно-просодических конфигураций и соответствующих этим типам акцентных схем реализуются в обеих конструкциях, причем в похожих пропорциях. Отдельно обращает на себя внимание несколько бо́льшая частотность дезинтегрированного типа в конструкциях с нормативным *что*, локализованная в акцентной схеме «подъем – подъем». Тут можно отметить, что схемы с восходящим акцентом в постпозитивном придаточном в целом, кажется, характерны для «новостной»

манеры произнесения, которой последовательно придерживается ведущая (ИБ) и к которой время от времени прибегают и другие участники. При такой манере произнесения восходящий финальный акцент предположительно используется для поддержания внимания аудитории и в меньшей степени обусловлен собственно иллюкутивно-фазовой семантикой высказывания. В связи с этим в части конструкций, относящихся к схеме «подъем – подъем», происходит своего рода нейтрализация различий между дефолтным и дезинтегрированным типами.

4. Заключение

Итак, в настоящем исследовании был выполнен сплошной анализ конструкций с сентенциальными актантами, содержащихся в речи трех участников радиопередачи длительностью более 40 минут. Основное внимание было уделено свойствам полипредикативных конструкций с новым союзом *то что* на фоне более нормативных конструкций с союзом *что*. Получены два ключевых результата. Во-первых, *то что*-конструкции встречаются в речи только одного из трех участников записи, причем этот говорящий практически не использует нормативный союз *что*. Во-вторых, свойства конструкций с *то что* в речи этого говорящего весьма близки к свойствам *что*-конструкций в речи двух других участников. Это касается как синтаксических характеристик конструкций (в частности, возможности появления в главной клаузе местоименных коррелятов и модели управления вершинного предиката), так и параметров просодической организации: места просодических границ и типов коммуникативно-просодических (интонационных) конфигураций.

Таким образом, полученные результаты подтверждают предположение о том, что в речи активных носителей *то что* выступает в качестве практически полного аналога союза *что* (Коротаяев 2013). Оговорка об активных носителях тут не случайна. В работе Сердобольская, Егорова 2019 была предложена иерархия экспансии *то что* (с. 68), согласно которой в одних синтаксических контекстах этот союз становится возможен у большего числа говорящих (и, возможно, раньше), чем в других. Соответственно, и носителей новой конструкции можно классифицировать на основании того, какая часть иерархии синтаксических контекстов «захвачена» *то что*. Очевидно, что говорящий ОМ относится к числу «сверхактивных» носителей *то что*: он использует новый союз более чем в 85 % конструкций с сентенциальными актантами, без видимых синтаксических ограничений. Следуя описательной модели Сердобольская, Егорова 2019, можно считать, что в речи ОМ грамматикализация *то что* в функции комплементаризера достигла предельной точки —

и именно этим, как представляется, можно объяснить и обнаруженное в настоящем исследовании сходство паттернов просодической организации конструкций с *то что* и с *что*. Открытым пока остается вопрос о том, в какой степени этот просодический параллелизм будет наблюдаться в речи менее активных носителей нового союза.

Литература

- Брызгунова Е. А. 1980. Интонация. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) *Русская грамматика*, Т. I. Москва: Наука, 96–122.
- Гришина Е. А. 2005. Устная речь в Национальном корпусе русского языка. *Национальный корпус русского языка: 2003 - 2005*. Москва: Индрик, 94–110.
- Егорова А. Д. 2018. *Функционирование нового комплементаризера то что в русской спонтанной речи*. Дипломная работа. Москва: МГУ.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.) 2009. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. Москва: Языки славянских культур.
- Князев М. Ю. 2019. Экспериментальное исследование дистрибуции изъяснительного союза *то что* в нестандартных вариантах русского языка. *Вопросы языкознания*, № 5, 7–40.
- Кобозева И. М. 2013. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что». In Olga Inkova (éd.) *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Bern: Peter Lang, 131–150.
- Кодзасов С. В. 2002. Фазовая символика тона. В Н. Д. Арутюнова (ред.) *Логический анализ языка. Семантика начала и конца*. Москва: Индрик, 310–320.
- Коротаев Н. А. 2013. Полипредикативные конструкции с *то что* в непубличной устной речи. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, вып. 12(19), 324–331.
- Коротаев Н. А., Подлесская В. И. 2008. Фразовая акцентуация в сложных предложениях с постпозитивными придаточными в русском языке: опыт использования устного корпуса с просодической разметкой. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, вып. 7(14), 234–240.
- Коротаев Н. А., Панышева Д. А., Неверова Е. А., Подлесская В. И. 2024. Корпус «Что я видел» как инструмент анализа панического дискурса.

- В С. О. Савчук (ред.) «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной. Материалы конференции. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 32–37.
- Подлесская В. И. 2014а. Просодия против синтаксиса в русских относительных предложениях. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. X. Ч. 2. СПб.: Наука, 537–567.
- Подлесская В. И. 2014б. О просодических симптомах интеграции в конструкциях с сентенциальными актантами. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. X. Ч. 3. СПб.: Наука, 554–566.
- Сердобольская Н. В., Егорова А. Д. 2019. Морфосинтаксические свойства ненормативных конструкций с *то что* в русской разговорной речи. *Вопросы языкознания*, № 5, 41–72.
- Betz B. 2020. *Hesitations in spoken dialogue systems*. PhD thesis, Bielefeld University.
- Eklund R. 2004. *Disfluency in Swedish human-human and human-machine travel booking dialogues*. PhD dissertation, University of Linköping, Sweden.
- Gayraud F., Martinie B. 2008. Does structural complexity necessarily imply processing difficulty? *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 37, 21–31.

КАК-ПЕРЕСПРОС В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТКАЗ ОТ АККОМОДАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА

П. О. Россаякин

МГУ имени М. В. Ломоносова
petrossyaykin@gmail.com

Д. Е. Касенов

Университет Нью-Йорка
mortypines@gmail.com

1. Введение

Для одного из авторов этой статьи знакомство с теоретической семантикой в ее современном состоянии началось с курса, который совместно вели Ирина Михайловна Кобозева и Сергей Георгиевич Татевосов. Часть этого курса была посвящена вопросительным предложениям — Сергей Георгиевич рассказывал о подходах к их анализу в формальной семантике, а Ирина Михайловна, в числе прочих сюжетов, обсуждала явление, называемое в русском языке словом *переспрос*. Как отмечала Ирина Михайловна, это понятие использовалось в лингвистической литературе, например, в составе терминологического словосочетания «интонация переспроса», не имея при этом эксплицитного определения. Таким образом, исследование Ирины Михайловны, обсуждавшееся на тех занятиях и опубликованное в виде статей Кобозева, Захаров 2016 и Кобозева 2020, насколько нам известно, было первым исследованием, предметом которого стал переспрос.

Прототипический¹ переспрос, или вопрос-переспрос, показан в примере (1) из Кобозева 2020: 235. Здесь и далее в нумерованных примерах мы выделяем переспрос курсивом.

- (1) — Программой «семаджик», — объясняла мне Маша, — пользоваться необязательно. — *Чем-чем?* — переспросил я. — Ну, программой, которую вам Коля Никифоров установил. (Запись LiveJournal)

Можно увидеть, что переспрос — это вопрос, вызванный непониманием некоторого фрагмента реплики собеседника². Более строгое определение переспроса, предлагаемое И. М. Кобозевой (2020: 241), дается ниже в разделе 2.

¹ О признаках переспроса см. раздел 2.

² Следуя Кобозевой (2020), мы не рассматриваем другое явление, также называемое переспросом, а именно: повторение того же вопроса тем же говорящим, т. е. повторный вопрос. О разных значениях слов *переспрос*, *переспросить* см. Кобозева 2020: 228–230.

В этой работе мы бы хотели обсудить разновидность переспроса, не упомянутую в Кобозева 2020, а именно переспросы, вводимые словом *как* (2) или сочетанием *как это*, на которые, насколько нам известно, впервые обратил внимание один из авторов этой статьи в работе Kasenov, in pгer. Далее мы будем называть их *как-вопросы* или *как-переспросы*.

(2) — А с кем же мы поедем?

Девушки не поняли.

— *Как с кем?* – переспросили обе.

— Кто нас повезет?

— Сами. [...] (П. С. Романов. “Огоньки”. 1926)

Оставшаяся часть статьи структурирована следующим образом. В разделе 2 мы приводим определение и критерии переспроса, выявленные И. М. Кобозевой (2020), и обсуждаем вопрос о принадлежности к переспросам высказываний типа *как с кем?* в (2). В разделе 3 мы обсуждаем такие высказывания в сравнении с другими типами переспроса. В разделе 4 мы предлагаем небольшой набросок анализа переспросов типа (2). Раздел 5 — заключение.

2. Определение и признаки переспроса в Кобозева 2020

Для выявления признаков вопросительных предложений, которые носители характеризуют как переспрос, И. М. Кобозева (2020) анализирует употребление глагола *переспросить* в параллельном корпусе НКРЯ, т. е. рассматривает вопросительные предложения, которые в окружающем контексте вводятся или описываются глаголом *переспросить*. На основе этого анализа она выделяет коммуникативные (3) и формальные (4) признаки переспроса и возможные значения этих признаков (прототипическое значение признака приводится первым).

(3) Коммуникативные признаки переспроса (по Кобозева 2020: 237–238)

а. Стимул переспроса: непосредственно предшествующая реплика собеседника / другая вербальная информация.

б. Адресат переспроса: автор стимула переспроса / иное лицо.

в. Причина переспроса: непонимание или недопонимание стимула переспроса / иное.

г. Иллокутивная цель переспроса: побудительная (побудить адресата к речевому действию) / экспрессивная / констативная / фактическая.

- (4) Формальные признаки переспроса (по Кобозева 2020: 238–239)
- а. Наличие в переспросе фрагмента стимула или *к*-местоимения³ (его заменяющего): есть / нет
 - б. Качество повтора фрагмента стимула: точный / синонимический / трансляторный (перевод фрагмента стимула) / фонетически сходный.
 - в. Тип фокусного фрагмента: фрагмент стимула или *к*-местоимение / иное.
 - г. Согласованность *к*-местоимения с (заменяемой) составляющей стимула: есть / нет.
 - д. Редупликация *к*-местоимения: есть или возможна / невозможна.

На основе этих признаков И. М. Кобозева (2020: 241) предлагает следующее определение переспроса:

- (5) Переспрос (в русском языке) — это вопросительная по форме реактивная реплика в диалоге, в формальной структуре которой интонационно — восходящим тоном в верхнем регистре — маркирован фокусный компонент, отсылающий к тому фрагменту реплики-стимула, который говорящий не расслышал или не может интерпретировать (данный проблемный фрагмент может быть равен всей реплике). Эту реплику говорящий употребляет с целью побудить адресата устранить причину возникшего сбоя в развитии диалога.

Заметим, что в примере (1), частично повторенном ниже (6), все коммуникативные признаки имеют прототипическое значение: стимулом выступает непосредственно предшествующая реплика (3а), адресатом — ее автор (3б), причиной — непонимание вопроса-стимула (3в), а иллюкутивная цель побудительна (собеседник Маши в (6) хочет услышать от нее инструкцию в более понятной форме). Соблюдаются и все формальные признаки: в переспросе есть *к*-местоимение *чем* (4а), (4в); оно, как и заменяемая составляющая *программой «семаджик»*, стоит в форме творительного падежа (4г) и редулировано (4д).

- (6) — Программой «семаджик», — объясняла мне Маша, — пользоваться необязательно. — *Чем-чем?* — переспросил я.

Прототипический переспрос, таким образом, является эхо-вопросом (Noh 1998; Iwata 2003; Sudo 2011; Beck, Reis 2018). И. М. Кобозева (2020), однако, отмечает, что переспросы не ограничиваются этим типом. К непрототипическим переспросам в ее типологии относятся, например, переспросы несогласия (Кобозева 2020: 243), как в (7).

³ Т. е. вопросительного местоимения.

- (7) «...Война — это ужасная вещь». — «*Война?* — переспросил ее супруг. — Это скорее от взрыва на Стеклянном заводе в тысяча девятьсот пятьдесят первом году, чем от войны». (В. Набоков. Бледный огонь (В. Набокова, 1983))

Переспросы, вводимые местоимением *как* (8) и не представленные в типологии И. М. Кобозевой (2020), на первый взгляд, также можно отнести к этому типу. Интуитивно, в обоих случаях автор переспроса имплицитно предполагает некоторое несогласие, что ясно из дальнейшего контекста: ср. *война? это скорее от взрыва и как с кем? сами*.

- (8) (A1) С кем же мы поедим?
(B1) *Как с кем?* [...] (B2) Сами.⁴ (сокращенный пример (2))

Однако, прежде чем мы подробнее рассмотрим особенности употребления *как*-вопросов типа (8-B1), необходимо ответить на два вопроса:

- (9) а. Соответствуют ли высказывания типа (8-B1) критериям переспроса?
б. Если да, то следует ли выделять их в качестве отдельного типа?

Ответы на оба вопроса утвердительные. Что касается (9а), то, во-первых, в (8-B1) бесспорно в наличии прототипические коммуникативные признаки (3а)–(3в) и прототипические формальные признаки (4а)–(4в), признаки (4г)–(4д) неприменимы. Во-вторых, вопросы типа (8-B1) соответствуют определению переспроса в (5). Интересно, что, как и ожидается этим определением, *как*-вопросы маркируют некоторый «сбой» в развитии диалога, однако причина этого сбоя, в отличие от прототипических случаев типа (6), не связана с непониманием содержания вопроса-стимула. Мы вернемся к обсуждению условий употребления *как*-вопросов в следующих разделах.

Наконец, отметим и то, что по крайней мере некоторые носители характеризуют высказывания типа (8-B1) словами *переспрос*, *переспросить*, см. пример (2).

Что касается вопроса (9б), то переспросы типа (8-B1) имеют четкие и устойчивые формальные особенности, отличающие их от эхо-вопросов (6) и переспросов несогласия типа (7):

- (10)а. *Как*-вопросы вводятся местоимением *как* или конструкцией *как это*.
б. За вводящим местоимением / конструкцией следует повторяемый фрагмент.
в. Предпочтителен эллипсис остальной части стимула.

⁴ Следуя Trinh, Bassi 2023, буквами А, Б мы обозначаем локуторов, а цифрами нумеруем их высказывания.

С семантической точки зрения, однако, различие между переспросами в (7) и (8) неочевидно. Являются ли *как*-вопросы сугубо формальной разновидностью переспросов несогласия? На этот вопрос мы постараемся ответить в следующем разделе.

3. Вопросы-повторы и *как*-вопросы

И. М. Кобозева (2020: 243) выделяет три признака переспросов несогласия:

- (11)а. Противоречие содержания стимула знаниям, мнениям или ожиданиям автора переспроса.
- б. Констатирующая иллюкутивная цель.
- в. Отсутствие ожидания ответа.

На наш взгляд, однако, в действительности только первый признак соблюдается всегда. Конечно, переспросы несогласия могут употребляться в качестве сугубо риторических вопросов, не требующих речевых действий со стороны собеседника, ср. (7), а также (12), где за переспросом несогласия (Б1) следует реплика того же локутора (Б2).

- (12)(А1) Ты знаешь эту песню?
(Б1) *Знаю ли я эту песню?* (Б2) Да я ее написал!⁵

Однако переспрос, полностью совпадающий с (12-Б1) как на сегментном, так и на просодическом уровне⁶, может быть использован и в качестве вопроса, запрашивающего информацию, как в (13).

- (13)(А1) Ты знаешь эту песню?
(Б1) *Знаю ли я эту песню?*
(А1) Да. Ты слышал ее раньше?
(Б2) Нет. Я вообще такую музыку не слушаю.

Здесь, однако, у читателя может возникнуть вопрос: даже если в (12) и (13) действительно представлен один и тот же тип переспроса, правомерно ли отождествлять его с переспросами несогласия типа (7)? На наш взгляд, во всех трех примерах (7), (12) и (13) соблюдается признак (11а) — противоречие содержания стимула некоторым ожиданиям говорящего Б, причем противоречить ожиданиям может как утверждение (7), так и вопрос (12), (13). Опциональность признаков (11б) и (11в) объясняется тем, что переспросы такого

⁵ Все примеры без указания на источник — сконструированные.

⁶ По суждению авторов.

типа, как и «первичные» вопросы, могут использоваться в риторической функции (12) или в функции вопроса, запрашивающего информацию (13).

Следуя Trinh 2024, мы предполагаем, что переспросы типа (12), (13) являются подлинными вопросами, а именно вопросами к речевому акту, неформально: «я [Б] спрашиваю, действительно ли ты [А] задаешь мне вопрос Q [вопрос-стимул]». Таким образом, предлагаемую И. М. Кобозевой (2020: 243) характеристику подобных вопросов как переспросов несогласия можно считать верной — именно несогласие вызывает «вопрос к вопросу» (или, в общем случае, вопрос к речевому акту) вместо ответа. Далее мы, следуя Trinh 2024, будем называть подобные переспросы вопросами-повторами (*repetitive questions*), чтобы отделить их от *как*-вопросов на формальном основании.

С точки зрения семантики *как*-вопросы во многом совпадают с вопросами-повторами. Во-первых, как уже было упомянуто, они тоже выражают некоторое несогласие, т. е. маркируют противоречие стимула знаниям или ожиданиям (11а), ср., например, (8) и (12) и пары примеров ниже. Во-вторых, и вопросы-повторы, и *как*-вопросы допустимы в качестве реакции на речевые акты разных типов. В (14) и (15) стимулом выступает декларативное высказывание, в (16) и (17) — побудительное. Примеры с вопросом в качестве стимула, например (8) и (12), были показаны выше.

(14)(A1) Петя придет с сестрой.

(Б1) *С сестрой?*

(A2) Да, а что?

(Б2) Я думал, у него есть только брат.

(15)(A1) Петя придет с сестрой.

(Б1) *Как с сестрой?* Я думал, у него есть только брат.

(16)(A1) И пускай сидит.

(Б1) *Пускай сидит?* Но ведь она же прислуга.

(измененный пример (21) из Кобозева 2020: 243)

(17) Схватился за замок и не дает, не пускает нас на колокольню. Стой! — говорит. Я говорю: *Как стой?! Уж нам время звонить!*

(митрополит Тихон (Шевкунов). Несвятые святые. 2011)

В-третьих, как вопросы-повторы, так и *как*-вопросы могут использоваться как для запроса информации, так и в риторической функции. Например, в (15) локутор Б действительно запрашивает информацию с целью разрешить противоречие, возникшее между знаниями Б и утверждением (A1). В то же время в (8) (и (21) ниже) *как*-вопрос скорее выполняет риторическую функцию. Возможно, интерпретация *как*-вопроса как риторического или информацион-

ного зависит от того, какой речевой акт (декларативный, вопросительный или побудительный) выступает в качестве стимула. По соображениям объема здесь мы не будем исследовать эту гипотезу.

Несмотря на обозначенные сходства, семантически *как*-вопросы фундаментально отличаются от вопросов-повторов. Вопрос-повтор — общий вопрос, допускающий ответы *да* и *нет* (18-A2). *Как*-вопрос (как и эхо-вопросы) — специальный вопрос (19), что и ожидается исходя из того, что *как*-вопрос вводится вопросительным местоимением.

(18)(A1) Где Дэнни?

(B1) *Где Дэнни?*

(A2) Да. Где он?

(B2) В Нью-Йорке, конечно.

(19)(A1) Где Дэнни?

(B1) *Как где?*

(A2) #Да. Где он?

Выше в этом разделе мы уже сделали наше предположение по поводу семантики вопросов-повторов (взятое из Trinh 2024). В случае с *как*-вопросами, введенными в теоретическую дискуссию совсем недавно (Kasenov, in press), мы находимся на совершенно неизведанной в семантическом плане территории. В следующем разделе мы представим наши первичные наблюдения по этому поводу.

4. Общая прагматика *как*-реакций: отказ от аккомодации

Данные, описанные в разделе 3, попадают под следующее обобщение: *как*-реакции обусловлены отказом говорящего аккомодировать пресуппозиции предшествовавшего речевого акта (будь они семантического или прагматического характера). Начнем с примера отказа от аккомодации семантической пресуппозиции, а затем покажем, как эта логика распространяется на прагматические условия предшествовавшего речевого акта.

Рассмотрим пример (20)⁷: ответ (B1) довольно прозрачно подчеркивает непринятие локутором Б пресуппозиции глагола *бросить* (что напоминает *Hey, wait a minute!* диагностику пресуппозиции, см. von Stechow 2004). Ответ (B2) же скорее демонстрирует отказ принять ассертивное содержание высказы-

⁷ Все три опрошенные нами носителя признали нормальными оба варианта дискурса в этом примере.

вания локутора А в общее знание (common ground) — то есть, представляет собой отказ аккомодации прагматического эффекта ассерции.

(20)(А) Вася бросил курить.

(Б1) *Как бросил?* Он же никогда не курил.

(Б2) *Как бросил?* Он же жить без сигарет не может.

Аналогичным образом мы предлагаем анализировать примеры типа (21), где в качестве стимула выступает (специальный) вопрос. Интуитивно, переспрос с *как* ставит под сомнение саму уместность этого вопроса. Вопрос уместен только в том случае, если оба локутора (А и Б) заинтересованы в его разрешении (ср. условия «хорошего вопроса» (good question) в работах Katzir, Singh 2015; Büring 2019) — если ответ на вопрос очевиден локутору Б, то интереса в разрешении вопроса с его стороны и быть не может, поскольку для Б вопрос уже разрешен.

(21)— Гражданин, где ваша голова?

— *Как — где?* — изумился Сеня. — На плечах, где же еще?..

(Марк Сергеев. «Волшебная галоша или необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы». 1971)

В случае с побудительными стимулами, *как*-вопрос применим, если говорящий ставит под сомнение пресуппозицию выполнимости команды (22) (о принципе «долженствование предполагает возможность» («ought implies can») см. Moore 1922; Zimmerman 2008; Mason 2019 среди прочих).

(22)— Забудь его, забудь!

— *Ну как забудь-то?* Когда я его руки до сих пор на себе чувствую.

(х/ф «Счастье по рецепту». 2006)⁸

Все рассмотренные случаи можно обобщить следующим образом: *как*-вопрос может использоваться для отказа от аккомодации пресуппозиций речевого акта. Мы предполагаем, что при использовании *как*-вопроса пресуппозиции локально аккомодируются в сферу действия вопросительного оператора Q, для чего мы будем использовать оператор $\mathcal{A}$ (Beaver & Krahmer 2001), вариант денотата которого дан в (23). Для пропозиции ϕ с пресуппозицией p (что обозначается как ϕ_p) этот оператор возвращает конъюнкцию ассерции и пресуппозиции. Таким образом, мета-вопрос может быть задан к пресуппозиции.

⁸ <https://citaty.info/quote/82639> (дата обращения: 01.04.2025)

$$(23) [[\mathcal{A}]](\varphi_p) = \varphi \wedge p$$

Для того, чтобы пресуппозиция речевого акта, например пресуппозиция отсутствия ответа (на вопрос-стимул) в общих знаниях в (21), могла аккомодироваться в сферу действия вопросительного оператора Q , необходимо, чтобы эту пресуппозицию вводило языковое выражение, находящееся в сфере действия $\mathcal{A}$. Иными словами, необходимо, чтобы существовала конфигурация (24), где φ_p — языковое выражение, которое вводит пресуппозиции речевого акта.

$$(24) [\text{как} [Q [\mathcal{A} [\varphi_p]]]]$$

Таким образом, нам необходимо предположить, что речевые акты имеют синтаксическое представление (Stenius 1967; Lakoff 1970; Ross 1970; Krifka 2001, 2019; Miyagawa 2022; Trinh, Bassi 2023). Например, мы предполагаем, что вопросительному речевому акту соответствует скрытый оператор ASK . Тогда для переспроса в примере (21) мы получаем синтаксическую структуру (25)⁹, где p — пресуппозиция отсутствия ответа на вопрос q в общих знаниях участников коммуникации, которую вводит нижнее вхождение речевого акта ASK , соответствующее стимулу переспроса¹⁰. Оно находится в сфере действия оператора аккомодации $\mathcal{A}$, благодаря чему переспрос (т. е. мета-вопрос) может быть задан к пресуппозиции p .

$$(25) ASK [\text{как} [Q [\mathcal{A} [ASK_p [q \text{ где } \text{моя голова?}]]]]]$$

Этот же анализ распространяется на речевые акты других типов.

5. Заключение

В этой заметке мы рассмотрели класс переспросов, вводимых вопросительным местоимением *как*, в свете теории вопросов-переспросов, описанной в работах Ирины Михайловны Кобозевой (Кобозева, Захаров 2016; Кобозева 2020). Хотя *как*-переспросы и соответствуют критериям вопросов-переспросов, обозначенным в Кобозева 2020, условия их употребления своеобразны, а потому требуют свежего семантического взгляда. Наш взгляд состоит в том, что *как*-переспросы способны поставить под сомнение каждый из компонентов предшествовавшего высказывания: его ассертивный компонент (при наличии такового), пресуппозиции содержащихся в нем языковых

⁹ Для простоты в этой структуре не представлены синтаксические объекты, реферирующие к локуторам.

¹⁰ Верхнее вхождение ASK в (25), представляющее речевой акт переспроса, также вводит пресуппозиции вопросительного речевого акта, что в (25) не отображено, поскольку нерелевантно для обсуждения.

выражений и пресуппозиции самого оператора речевого акта. Таким образом, *как-переспросы* маркируют отказ от аккомодации: либо аккомодации пресуппозиций речевого акта, см. (21), (22) выше, либо же отказ принимать изменение дискурсивного контекста, предлагаемое речевым актом, см. (15-Б1), (20-Б2).

Заметим, правда, что гипотеза о маркировании ничего не говорит о, например, композициональной природе *как-переспросов* и роли их морфосинтаксических компонентов (например, роль эллипсиса в *как-переспросах* остается неясной). Ключевым вопросом для теории *как-переспросов*, несомненно, является грамматическая роль и семантический вклад самого показателя *как*, о чем нам, пока что, сказать нечего.

Вместо анализа мы предоставим примечательный пример (26), показывающий возможность *как-рекурсии*: *как-переспрос* возможен как реакция на предшествовавший *как-переспрос*. Возможность такой рекурсии интересна как сама по себе (в свете вопроса о композициональном семантическом вкладе *как* в *как-переспросах*), так и на фоне предложенного недавно обобщения (Trinh 2024; Bassi, Fox, Trinh 2024) о невозможности мета-мета-вопросов (т. е. «рекурсивных» переспросов), которое пример (26) явно нарушает.

(26)(A1) С кем гуляла Маша?

(Б1) *Как с кем?*

(A2) *Как как с кем?*

Подытоживая, хотим отметить, что переспросы, особенно не сводящиеся к подтипу эхо-вопросов, на наш взгляд, незаслуженно обделены вниманием со стороны теоретической семантики, как отечественной, так и зарубежной. В этой заметке мы, надеемся, смогли сделать несколько шагов в направлении, намеченном Ириной Михайловной, и показать, что материал русского языка должен занять важное место в исследовании этой разновидности речевых актов.

Литература

- Кобозева И. М. 2020. Переспрос как периферия коммуникативно-грамматической категории вопросительности: семантика и средства выражения в русском языке. В В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова (ред.) *Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. Проблемы функциональной грамматики*. Москва: ЯСК, 135–147.
- Кобозева И. М., Захаров Л. М. 2016. Когнитивно-семантическая модель переспроса как лингвоспецифичного элемента русской таксономии речевых актов и типология переспросов. В С. И. Масалова, В. Н. Поляков, В. Д. Соловьев (ред.) *Когнитивное моделирование: Труды*

- Четвертого Международного форума по когнитивному моделированию (11-18 сентября 2016 г., Испания, Льорет-де-Мар). В 2-х частях.* Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 106–116.
- Beaver D., Krahmer E. 2001. A Partial Account of Presupposition Projection. *Journal of Logic, Language and Information*, №10, 147–182.
- Beck S., Reis M. 2018. On the form and interpretation of echo wh-questions. *Journal of Semantics*, № 35, 369–408.
- Büring D. 2019. Focus, questions and givenness. In M. Zimmermann, K. von Heusinger, V. E. Onea Gaspar (eds.) *Questions in discourse*. Brill, 6–44.
- Iwata S. 2003. Echo questions are interrogatives? Another version of metarepresentational analysis. *Linguistics and Philosophy*, № 26, 185–254.
- Kasenov D. In prep. *(Meta-)meta-questions and wh-scope marking*. Ms., New York University.
- Katzir R., Singh, R. 2015. Economy of structure and information: Oddness, questions, and answers. In E. Csipak, H. Zeijlstra (eds.) *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, vol. 19, 322–339.
- Krifka M. 2001. Quantifying into question acts. *Natural Language Semantics*, № 9, 1–40.
- Krifka M. 2019. Commitments and beyond. *Theoretical Linguistics*, № 45, 73–91.
- Lakoff G. 1970. Linguistics and natural logic. *Synthese*, № 22, 151–271.
- Mason E. 2019. *Ways to be blameworthy: Rightness, wrongness, and responsibility*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press.
- Miyagawa S. 2022. *Syntax in the treetops*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Moore G. E. 1922. The nature of moral philosophy. *Philosophical Studies*. London: Routledge and Kegan Paul, 310–339.
- Noh E.-J. 1998. Echo-questions: Metarepresentation and pragmatic enrichment. *Linguistics and Philosophy*, № 21, 603–628.
- Ross J. R. 1970. On declarative sentences. In R. A. Jacobs, P. S. Rosenbaum (eds.) *Readings in English transformational grammar*. Waltham: Ginn and Company, 222–272.
- Stenius E. 1967. Mood and language games. *Synthese*, № 17, 254–74.
- Sudo Y. 2011. *Metalinguistic semantics for echo-questions*. Ms.
- Trinh T. 2024. A Note on Speech Act Recursion. In M. Janebová, M. Čakányová, J. Emonds (eds.) *Language Use and Linguistic Structure. Proceedings of the Olomouc Linguistics Colloquium 2023*. Olomouc: Palacký University Olomouc, 165–175.
- Trinh T., Bassi I. 2003. Excursive questions. *Open Linguistics* № 9, 20220232.
- Trinh T., Bassi I., Fox D. *Speech acts in grammar. Arguments from meta-questions*. Talk given at New York University, 10 December 2024.

- von Fintel K. 2004. Would you believe it? The King of France is back! Presuppositions and truth-value intuitions. In M. Reimer, A. Bezuidenhout (eds.) *Descriptions and Beyond*. Oxford: Oxford University Press, 315–341.
- Zimmerman M. 2008. *Living with Uncertainty: The Moral Significance of Ignorance*. Cambridge University Press.

ПЕРЕСПРОС КАК ИНСТРУМЕНТ КООПЕРАТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН

tanya_yanko@list.ru

Как показано в работе Кобозева 2020, переспрос в русском языке имеет богатый набор значений и функций. Многие из этих функций направлены не на получение ответа на вопрос-переспрос, а на поддержание кооперативного общения и реактивное выражение эмоций. Наши наблюдения говорят о том, что примерно 45 процентов переспросов не требуют ответа. Так, переспрос — это важнейшее средство для получения дополнительного времени при обдумывании ответа на трудный вопрос. Кроме того, переспрос может использоваться для подтверждения приема информации от собеседника. В ответ на сообщение говорящий имеет возможность не молчать, а сформулировать переспрос: *да?, правда?, приехал?, уже завтра?* И наконец, переспрос может служить для выражения эмоций, прежде всего смысла ‘не может быть!’: *Жду вас. — Меня?!* Во всех этих случаях переспрос используется во исполнение принципа кооперативного общения, который выражается английской поговоркой *No gap, no overlap* ‘Не молчи и не перебивай’: в ответ на обращенную к тебе речь не молчи. Этот принцип сформулирован в работе Sacks *et al.* 1974: 700; см. также Enfield 2017, гл. 8.

В этой работе мы рассмотрим 1) переспросы, которые заполняют паузу и дают говорящему время на размышления (раздел 1), 2) переспросы, которые направлены на подтверждение приема информации от собеседника (раздел 2) и 3) переспросы, которые служат для выражения чувств (раздел 3).

Для диагностики переспроса и сбора материала для анализа И. М. Кобозева (2020: 235) использует контекст глагола *переспросить*: *За какие-то подержанные десять стульев двести тридцать рублей...: — деревянно сказал Остап. — Правда? — переспросил Воробьянинов* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. 1927. НКРЯ¹). В этом примере переспрос — это вопрос *Правда?* В нашей работе мы используем другой метод разработки рабочего

¹ Здесь и ниже примеры цитируются по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

корпуса. Этот метод опирается на звучащий материал мультимедийного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ); о корпусе см. Савчук 2024 и др. В НКРЯ шесть фильмов и один т. н. разговор на улице имеют специальную разметку по параметру «переспрос»: переспрос, по НКРЯ, — это речевой акт, который эксперты НКРЯ интерпретировали как переспрос. Таким образом, здесь используется экспертный метод составления рабочего массива для исследования. К полученной выборке нами также был применен тест на способность вопроса служить прямой речью при глаголе *переспросить*, предложенный И. М. Кобозевой. В результате такой проверки некоторые примеры были отклонены. Таким образом, в рабочем массиве осталось 155 переспросов, семьдесят из которых не требовали ответа. Они относятся к одному из трех классов, выделенных выше.

Заметим также, что выборку из НКРЯ по параметру «переспрос» мы рассматривали как относительно сбалансированную в отношении различных типов переспроса. Соответственно, она дает известное представление о том, какие типы переспроса оказываются в узусе более или менее частотными.

В этой работе мы обратимся к переспросам, не требующим ответа, и рассмотрим соответствующие функции. Между тем переспросы, нацеленные на получение ответа, такие, как переспрос к плану выражения (*Кука маркука балям барабука. — Что-что-что? — Кука маркука балям барабука* (Л. Атаманов, Г. Остер. Котенок по имени Гав, к/ф, 1976–1980, НКРЯ)), уточняющий переспрос (*Где больной? — Этом?* (А. Рогожкин. Операция «С новым годом!», к/ф, 1996, НКРЯ)) или переспрос в связи с неправильной идентификацией (*Сеня?* при том, что говорящий думает, что перед ним Вовка) (Л. Гайдай и др., Бриллиантовая рука, к/ф, 1968, НКРЯ)), мы здесь оставим в стороне.

1. Переспрос заполнения паузы

Для обдумывания ответной реплики, например, при ответе на трудный вопрос, говорящему может потребоваться известное время. Между тем кооперативное общение требует, чтобы пауза при передаче слова не превышала 200 мсек (Enfield 2017, гл. 8); см. также оценки величины пауз при передаче слова в работах Sacks, et al. 1974; Heldner 2011. Одним из наиболее удобных способов заполнения паузы оказывается переспрос. Существенно, что переспрос не только заполняет паузу сам по себе, но, будучи средством передачи слова, он также позволяет говорящему ставить время на паузу до и после переспроса. Благодаря этому выгода во времени T , или суммарная пауза ΣT , может быть вычислена по формуле:

$$\Sigma T = T_{\text{до переспроса}} + T_{\text{переспроса}} + T_{\text{после переспроса}}.$$

Эта сумма может превышать 400 мсек. Заметим также, что, если на переспрос говорящий, пребывающий в размышлении, получает ответ, время, которое отводится для размышлений, дополнительно может увеличиться еще как минимум на 400 мсек; ср. пример (3) ниже, содержащий не только переспрос, но и ответ на него.

Для начала обратимся к переспросу в отсутствие ответа:

- (1) — *Родион Иванович, миленький, ну где же вы возьмете эти деньги?*
 — *Я? Понятия не имею.* (А. Сурикова и др., Чокнутые, к/ф, 1991, НКРЯ)

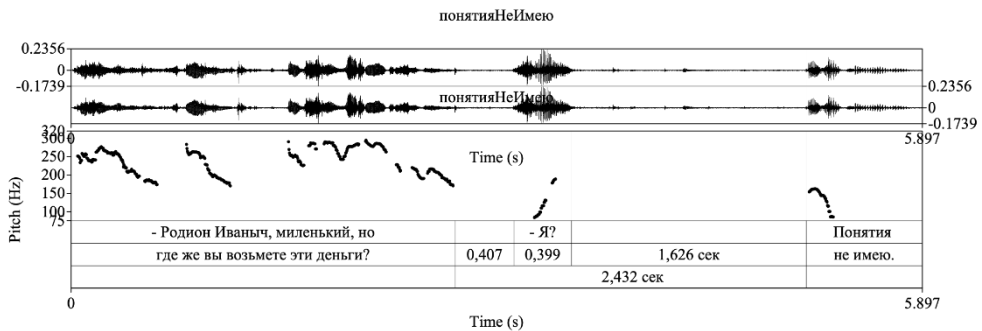

Рисунок 1. График изменения частоты (нижняя панель) и осциллограмма (верхняя панель) примера (1)

Прокомментируем рисунок 1. На верхней панели рисунка представлена осциллограмма звучания, или след (в цифровой форме), который оставляет на носителе игла, возбужденная звуковыми волнами. Этот график позволяет выделять паузы в звучании, различать гласные и согласные, глухие согласные и звонкие и фиксировать другие различия. Нижняя панель отражает изменения частоты звучания, маркирующие основные иллокутивные и дискурсивные значения. Так, повышение частоты основного тона на словоформе *я*, говорит о том, что перед нами просодическая форма *да-нет-вопроса*. Далее, после вопроса о возможном источнике денег говорящий задумывается, думает 0,4 секунды, затем формулирует переспрос, на который у него уходит примерно столько же времени, и размышляет после этого еще около полутора секунд. В результате на обдумывание у него уходит 243 мсек, что больше 200 мсек, отводимых на регламентированное молчание.

По поводу примера (1) сделаем следующее замечание.

В переспросе фигурирует местоимение *я*, вопрос к которому не имеет в этом контексте никакого прагматического смысла: то, что поиском денег должен заняться именно говорящий, не подвергается сомнению. Более естествен с этой точки зрения был бы переспрос *где?* или *деньги?*. Между тем так

было бы, если бы перед нами был не фатический переспрос, а действительный вопрос о способе нахождения денег. Безразличие говорящего к содержанию вопросительного компонента говорит о том, что в таком типе переспроса говорящему существенно только протянуть время.

Перейдем к существенной особенности просодии переспроса, заполняющего время. Это замечание касается переспроса в сегментной форме вопроса с вопросительным словом. Поскольку переспрос может цитировать (*mutatis mutandis*) сегментный материал вопроса собеседника, при повторении в переспросе вопроса с вопросительным словом возникают речевые акты, имеющие сегментную форму вопроса с вопросительным словом, но просодию *да-нет*-вопроса:

- (2) *Да, слушаю. Какие распоряжения? Слушай, соедини-ка меня с Лондоном. Акции? Какие акции?* (А. Рогожкин. Операция «С новым годом!», к/ф, 1996, НКРЯ)

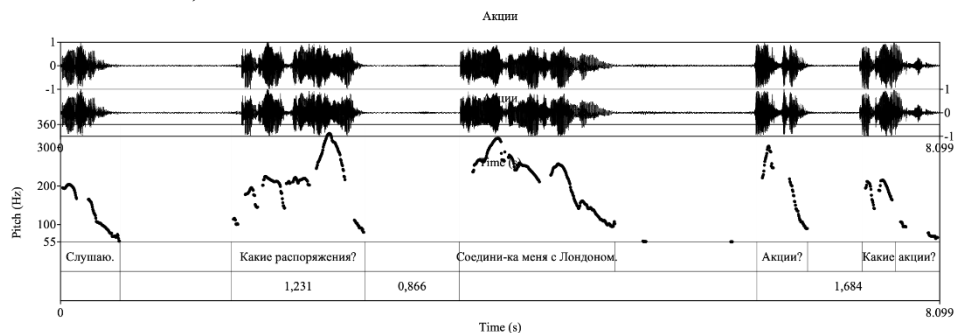

Рисунок 2. График изменения частоты и осциллограмма примера (2)

Пример (2) представляет собой фрагмент телефонного разговора. Мы слышим только одного из собеседников. В примере имеется два вопроса-переспроса с вопросительным словом: *Какие распоряжения?* и *Какие акции?* Вопрос *Какие акции?* несет прототипическую просодию вопроса с вопросительным словом: это падение частоты на ударном слоге вопросительного слова *какие*. *Какие акции?* — это уточняющий переспрос о типе акций. Между тем вопрос *Какие распоряжения?* очевидным образом представляет собой сегментный повтор (возможно, частичный) того вопроса, который был задан на другом конце провода, а именно — вопроса *Какие будут распоряжения?* Обдумывая свои возможные распоряжения, говорящий повторяет сегментный материал заданного ему вопроса, но уже с просодией *да-нет*-вопроса. Это подъем частоты на ударном слоге акцентоносителя — словоформы *распоряжения* плюс падение на заударных слогах. Е. А. Брызгунова (1982: 400) называет такой переспрос повтором и отмечает присвоение переспросом-

повтором просодии *да-нет*-вопроса. Таким образом, переспрос *Какие распоряжения?* — это переспрос, заполняющий паузу. Парадоксальным образом он имеет сегментную форму вопроса с вопросительным словом, но просодию *да-нет*-вопроса.

Наша гипотеза состоит в том, что такой тип переспроса наследует просодию и выбор акцентоносителя в гипотетическом вопросе *Ты спрашиваешь меня, какие будут распоряжения?*, ибо такой вопрос по форме — это уже не вопрос с вопросительным словом, а *да-нет*-вопрос со словоформой-акцентоносителем *распоряжения*. Эта словоформа выбрана в соответствии с принципами выбора акцентоносителя в русском предложении (Янко 2024).

Таким образом, пример (2) содержит два переспроса, имеющих сегментную форму вопроса с вопросительным словом, но различную просодию.

Между тем в примере (2) имеется и третий переспрос. Это фатический переспрос без вопросительного слова: *Акции?* Он служит для получения времени на обдумывание, как и переспрос *Какие распоряжения?*, и представляет собой повтор фрагмента того, что услышал говорящий от своего собеседника. Переспрос несет акцент *да-нет*-вопроса. Он примыкает слева к уточняющему переспросу *Какие акции?*

Итак, первый переспрос в (2) дает говорящему временной люфт более, чем в две секунды, а вторая пара переспросов — фатический и уточняющий — минимум 1,684 секунды.

И наконец, рассмотрим пример фатического переспроса, где переспрашивающий все-таки получает ответ на свой переспрос. Пример (3) включает вопрос об имени, и наблюдения показывают, что решение, отвечать на такой вопрос или нет, довольно часто дается говорящим нелегко. Говорящий робеет, долго думает, переспрашивает и не всегда принимает решение назваться.

Пример (3) демонстрирует, что решение назвать имя заставляет некоего Вову сомневаться в течение около трех секунд. За это время он успевает воспользоваться своим правом переспроса, выслушать ответ, помедлить более, чем полсекунды, хмыкнуть и, наконец, представиться.

(3) — *Ну а звать-то ты как?*

— *Меня-то?*

— *Ну да, тебя.*

— *Хы. Вова* (А. Салтыков и др., Друг мой, Колька!, к/ф, 1961, НКРЯ).

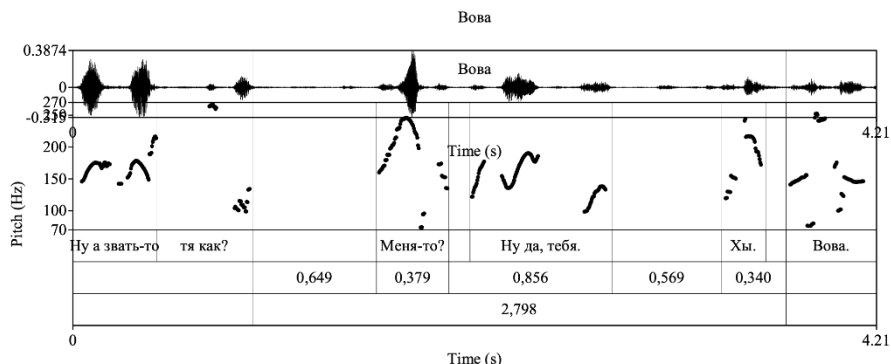

Рисунок 3. График изменения частоты и осциллограмма примера (3)

О сомнениях и желании протянуть время, называя имя, говорят также примеры (4).

- (4) а. — *Как тебя зовут?* — *Аня*, — *ответила она, поколебавшись* (А. А. Уткин. Крепость сомнения, 2010, НКРЯ);
- б. — *Тебя как звать?* ... — *А так и звать, как и всех людей, по имени.* — *Ну и какое у тебя, человек, имя?* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней, «Октябрь», 2001, НКРЯ);
- с. — *Тебя как звать-то?* — *Благомир*, — *неуверенно отозвался тот.* (А. Г. Асмолов. Зуб Дóлона, 2015, НКРЯ);
- д. — *Как тебя зовут?* *Он усмехнулся и посмотрел на свои руки, лежащие на мраморной столешнице* (Т. Устинова, Подруга особого назначения, 2003, НКРЯ);
- е. — *Как тебя зовут хоть?* — *спросила я. Без разницы*, — *сказал он, подумав* (С. Василенко. За сайгаками, 1997-2000, НКРЯ).

Итак, показано, что в русском дискурсивном узусе переспрос имеет важную функцию заполнения паузы, которая требуется говорящему для обдумывания ответа на «трудный» вопрос. Переспросы, заполняющие паузу, необходимую для размышления, составляют в рабочем массиве 10%.

2. Переспрос приема информации

В диалоге лицом к лицу от собеседников требуется подтверждение приема полученной информации. Несмотря на имеющуюся в наборе коммуникативных средств жестикуляцию — кивок и жест «заккрыть и открыть глаза» — и лексические средства — *Ясно!*; *Понятно!* — важную роль в подтверждении приема информации от собеседника играет переспрос. В массиве

из 155 переспросов НКРЯ на долю переспросов приема информации приходится 30 примеров, или 19%. Обратимся к примеру.

- (5) — *Мне бы не хотелось, чтоб... о моей травме много говорили. — А чего о ней говорить? Травма как травма, довольно распространенная. — Да? То есть я могу надеяться, что вы о ней с дамами говорить не будете* (А. Рогожкин. Операция «С новым годом!», к/ф, 1996, НКРЯ).

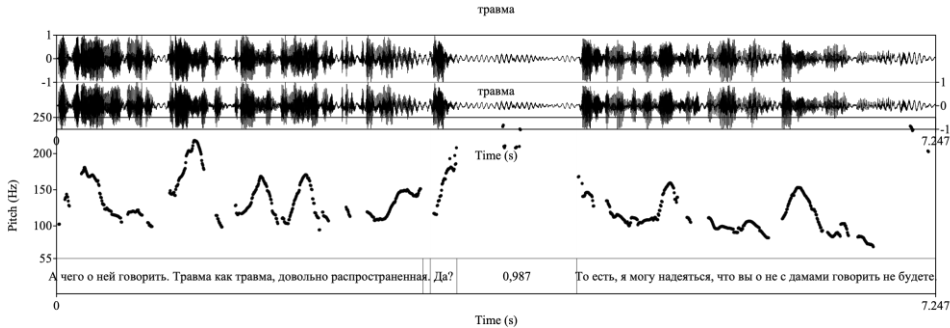

Рисунок 4. График изменения частоты и осциллограмма примера (5)

В примере (5) переспрос приема информации — это вопрос *Да?* Структура диалога состоит в следующем. Первый говорящий — пациент больницы — формулирует просьбу к врачу не разглашать детали своей травмы. Доктор отвечает, что травма не заслуживает обсуждения, и тем самым успокаивает больного. В ответ больной переспрашивает. Здесь переспрос — это подтверждение приема утешительной информации и тем самым — дань вежливости: не ответить на разъяснение с точки зрения политекса невозможно. В русском узусе стандартным средством кооперации в таком случае служит переспрос. Судя по примеру (5), переспрос как подтверждение приема информации от собеседника, занимает меньшее время, чем переспрос, обеспечивающий свободу размышления. Переспрос приема информации задается сразу после предшествующей ему реплики, и размышлений, предшествующих переспросу нет. Подтверждение приема информации происходит без промедления.

Пример (6) тоже говорит о том, что пауза перед переспросом подтверждения практически отсутствует. Пример демонстрирует, что, если на обдумывание других реплик и требуется время, то переспрос подтверждения происходит фактически немедленно.

- (6) — *Когда, она сказала, педсовет будет? — В восемь. — В восемь? Мне тут нужно в одном месте побывать, а к педсовету я вернусь.*

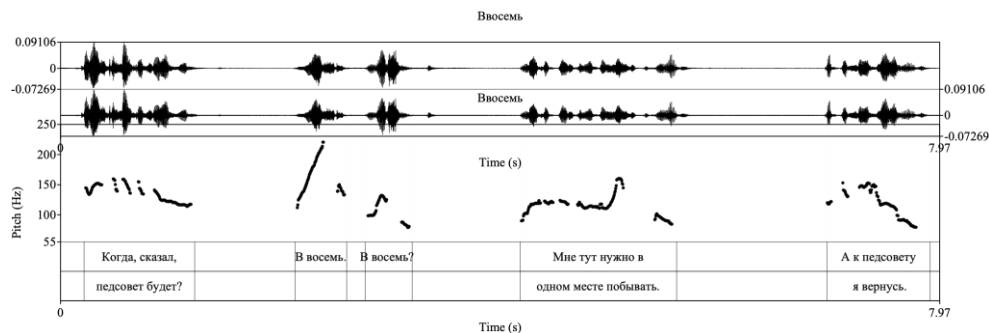

Рисунок 5. График изменения частоты и осциллограмма примера (6)

Структура диалога (6), также содержащего переспрос вежливости, близка структуре диалога (5): говорящий задает вопрос с вопросительным словом *когда*, получает ответ *в восемь*, в качестве благодарности за полученную информацию переспрашивает *в восемь?* и продолжает разговор, рассуждая о своих планах, которые построены на информации, полученной от собеседника. Переспрос, как и в (5), артикулируется практически в отсутствие паузы после предшествующей реплики собеседника.

Итак, переспрос широко используется при подтверждении информации, полученной от собеседника, обеспечивая тем самым кооперативное общение в диалоге.

3. Переспрос, выражающий эмоции

Переспрос в структуре диалога играет важную роль при выражении эмоций, испытываемых говорящими. Наиболее распространенным средством в передаче эмоций играет просодия эмфазы, которая регулярным образом комбинируется с просодией переспроса — просодией вопроса с вопросительным словом или с просодией *да-нет*-вопроса; о просодии и способах наложения эмфазы на материал речевого акта см. Янко 2001: 64–66, 2008: 83–97. Другим средством выражения эмоций служат разнообразные т. н. фонации, которые создаются за счет нестандартных положений гортани и ротовой полости, сообщая речевому акту новое звучание. В примере (7) ниже диагностируется просодия эмфазы, в примере (8) за счет неполного раствора рта у говорящего переспрос получает угрожающее звучание, а в примере (9), на эмфазу накладывается фонация приятной неожиданности, которая выражается придыханием.

В примере (7) представлена минимальная пара артикуляций имени *Мэри*, из которых первое произнесение (мужской голос) несет на ударном слоге

падение частоты, характерное для нейтрального обращения, а второе (женский голос) включает в себе рельефную просодию эмфазы возмущения, совмещенную с просодией *да-нет*-вопроса: молодая девушка, подойдя к своему избраннику сзади и закрыв ему глаза, возмущена тем, что он ожидает не ее, а некую Мэри.

(7) — *Мэри!* — *Мэ-эри?* (Г. Александров и др., Цирк, к/ф, 1936, НКРЯ).

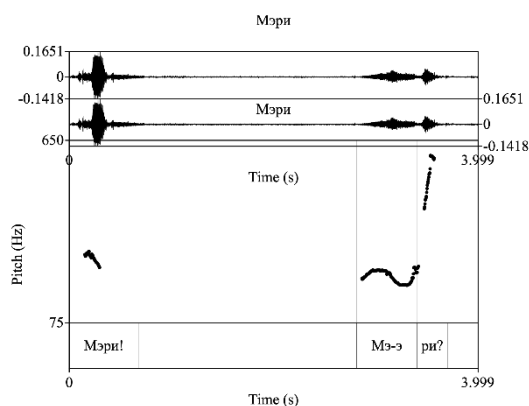

Рисунок 6. График изменения частоты и осциллограмма примера (7)

При втором вхождении словоформы *Мэри* эмфаза (упрощенное толкование этого значения — ‘не может быть’) накладывается на просодию *да-нет*-вопроса. Исходная просодия — это подъем на ударном слоге акцентоносителя. Слог начинается с характерного для эмфазы «искривления» кривой частоты в сторону, противоположную исходному (просодии в отсутствие эмфазы) направлению изменения частоты. Артикуляция в целом удлиняется. Подъем *да-нет*-вопроса переходит на заударный слог (для эмфазы в целом характерна экспансия на два слога: на слог, предшествующий ударному, а также на слог, следующий за ударным). Результирующий подъем достигает экстремального значения в 640 герц. Поясним, что в отсутствие эмфазы частота молодого женского голоса как правило не превышает 500 герц.

В примере (8) переспрос принимает на себя фонацию угрозы за счет сужения раствора рта. Уголки рта у говорящего опущены. Речь артикулируется «сквозь зубы». Диапазон изменения частоты при этом сокращается, и сужается артикуляция гласных.

(8) — *Тебе не стыдно, пацану семнадцать лет? — Что? Что ты сказал?* (Ф. Янковский, Г. Островский. В движении, к/ф, 2002, НКРЯ).

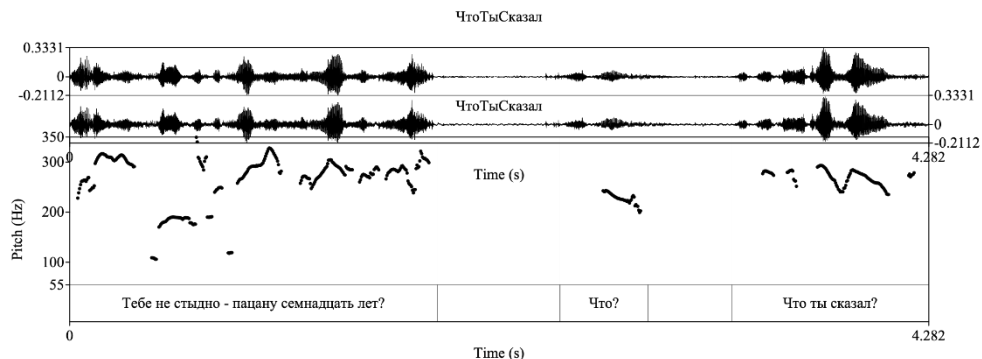

Рисунок 7. График изменения частоты и осциллограмма примера (8)

График изменения частоты в примере (8) говорит о том, что переспросы *что?* и *что ты сказал?* артикулируются более «плоско», т. е. в меньшем диапазоне частоты, чем в отсутствие просодии презрения и угрозы.

В примере (9) фигурирует уже положительная эмоция приятного удивления, которая выражена придыханием.

(9) — *Сударыня, что вы там делаете? — Жду вас, ваше величество. — Меня?*
(А. Сурикова и др. Чокнутые, к/ф, 1991, НКРЯ).

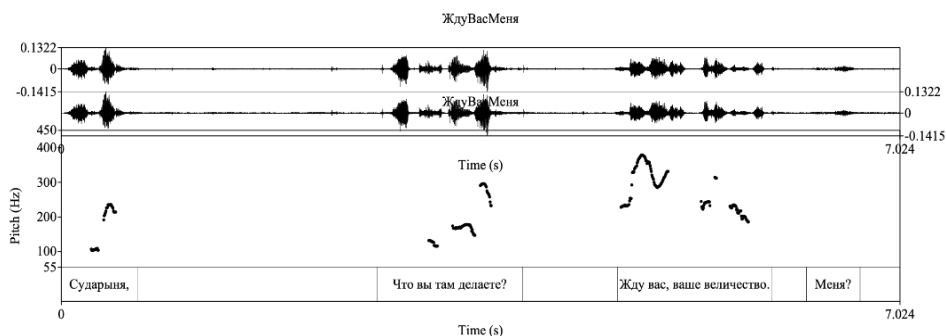

Рисунок 8. График изменения частоты и осциллограмма примера (9)

Графики к примеру (9) говорят о том, что артикуляцию переспроса *меня?* можно зафиксировать только на осциллограмме. В силу того, что реплика произносится шепотом в отсутствие звонких звуков, на графике изменения частоты она не видна: этот график фиксирует частоту только звонких звуков. Между тем осциллограмма (верхняя панель) говорит о том, что артикуляция имеется, но она совершается в форме глухого придыхания.

Итак, мы показали, что переспрос комбинируется с просодиями, выражающими эмоциональную реакцию говорящего на речь собеседника. Прежде

всего, это удивление, или выражение значения ‘не может быть’, а также угроза, возмущение и радость. Содержание переспросов эмоциональной реакции в рабочем массиве — 16%.

В работе рассмотрена просодия и функционирование в дискурсе вопросов-переспросов, не требующих ответа. Переспросы в русском дискурсе могут быть нацелены на поддержание кооперативного общения. Показано, что переспросы могут использоваться 1) для постановки говорящим общения на паузу для получения времени на обдумывание ответа на вопрос, 2) для подтверждения получения информации от собеседника в рамках соблюдения вежливости, а также 3) для выражения эмоциональных реакций на речь собеседника: удивления, возмущения, удовлетворения или радости.

Литература

- Брызгунова Е. А. 1982 Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации). *Русская грамматика. Том II*. Москва: Наука, 397–402.
- Кобозева И. М. 2020. Переспрос как периферия коммуникативно-грамматической категории вопросительности: семантика и средства выражения в русском языке. В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова (ред.) *Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. Проблемы функциональной грамматики*. Москва: ЯСК, 135–147.
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Дониная О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, № 2, 7–34.
- Янко Т. Е. 2024. Иллокутивная структура русского вопросительного предложения: значения и средства их выражения. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, № 2 (40), 231–242.
- Янко Т. Е. 2001. *Коммуникативные стратегии русской речи*. Москва: ЯСК.
- Янко Т. Е. 2008. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. Москва: ЯСК.
- Enfield N. J. 2017. *How we talk: the inner workings of conversation*. N.-Y.: Basic Books.
- Heldner M. 2011. Detection thresholds for gaps, overlaps, and no-gap-no-overlap. *The Journal of the Acoustical Society of America*, №130 (1), 508–513.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson, G. 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, №50, 696–735.

ПАТТЕРН КОБОЗЕВОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНО-ПОЛЯРНЫЙ ИМПЕРФЕКТИВ¹

С. Г. Татевосов

МГУ имени М. В. Ломоносова
tatevosov@gmail.com

1. Перенесение отрицания

И. М. Кобозева — первопроходец в исследовании перенесения, или подъема отрицания в русском языке (Кобозева 1976). Это явление дает о себе знать у группы глаголов, «обозначающих мыслительное отношение к истинности некоторой ситуации; причем эти глаголы не содержат никаких пресуппозиций относительно своего объекта (т. е. рассматриваемой ситуации): *думать, считать, находить (что)*». Оно иллюстрируется в (1):

(1) *Иван не думает, что Нина согласится приехать.*

Предложение (1) имеет два прочтения в (2a-b):

(2) Интерпретации предложения (1)

а. 'Неверно, что Иван думает, что Нина согласится приехать'.

б. 'Иван думает, что Нина не согласится приехать'.

Последнее выглядит так, как будто отрицание интерпретируется в зависимом, а не в главном предложении.

Глаголы типа *думать* отличаются от глаголов типа *надеяться* или *говорить*, у которых второе прочтение невозможно:

(3) *Володя не надеется, что Надя приедет.*

*'Володя надеется, что Надя не приедет'.

(4) *Володя не сказал, что Надя приедет.*

*'Володя сказал, что Надя не приедет'.

Исследуя перенесение отрицания, И. М. Кобозева открыла аспектуальное явление, которое мы далее будем называть **паттерном Кобозевой**. Оно проявляется асимметрией видовых граммем в ряде семантико-синтаксических кон-

¹ Исследование поддержано грантом РНФ №22-18-00285-П.

фигураций. В качестве инфинитивного компонента модальных предикатов *стоит, нужно, необходимо, надо* в независимом предложении при эпизодическом прочтении, — когда описывается единичная ситуация в текущем мире, — обязателен инфинитив совершенного вида, как в (5a-d).

(5) Модальные предикаты с инфинитивом (Кобозева 1976: 113)

- a. *Вам стоит **вмешаться** || #**вмешиваться** в это дело.*
- b. *Нам нужно на обратном пути **зайти** || #**заходить** за хлебом.*
- c. *Ему необходимо **приехать** || #**приезжать** раньше понедельника.*
- d. *Пете надо **пропустить** || #**пропускать** завтрашнюю тренировку.*

Несовершенный вид в (5a-c) возможен, только если инфинитивная клауза имеет хабитуальную интерпретацию и описывает систематически повторяющиеся акты вмешательства, захода за хлебом, приезда раньше понедельника. Предложение (5d) предполагает субстандартное устройство мира, когда одну и ту же тренировку можно пропустить несколько раз².

Ситуация меняется, если модальный предикат находится под отрицанием:

(6) Модальные предикаты с инфинитивом несовершенного вида под отрицанием (Кобозева 1976: 119)

- a. *Вам не стоит **вмешиваться** в это дело.*
- b. *Нам не нужно на обратном пути **заходить** за хлебом.*
- c. *Ему не необходимо || нет необходимости **приезжать** раньше понедельника.*
- d. *Пете не надо **пропускать** завтрашнюю тренировку.*

² У инфинитивных компонентов некоторых модальных предикатов, например, *придется*, наблюдается не очень исследованная конкуренция видов, (i)-(ii):

(i) *Ну что ж, обществу придётся **расстаться** со своими иллюзиями.*

[Татьяна Юрьева. Дневник культурной девушки (1995)]

(ii) *Но это иллюзия. И с этой иллюзией придется **расставаться**.*

[Виталий Лейбин. Враги, приятели и герои // «Русский репортер», № 3 (181)]

Придется расстаться и придется расставаться в (i)-(ii) синонимичны. Мы не знаем, как возникает эта синонимия, и почему ее нет, например, у *должен* или *стоит*. Однако по крайней мере в некоторых идиолектах *надо* из (5d), по-видимому, попадает в один класс с *придется*.

(iii) *Он ... думал о том, что с Розкой надо **расставаться**, и напевал слова полюбившейся песни.* [Д. Н. Каралис. Перебежчик Мотальский (1990)]

В таких идиолектах (5d) приемлемо и не может служить материалом для дальнейших обобщений.

В (6a–d), как и в (5a–d), используется инфинитив несовершенного вида, однако, в отличие от (5a–d), хабитуальная интерпретация перестает быть обязательной (хотя и остается возможной). Имперфективный инфинитив в (6a–d) приобретает возможность иметь то же эпизодическое прочтение, которое в (5a–d) имеет перфективный.

Такое же прочтение остается возможным, если отрицание расположено не непосредственно над модальным глаголом, а в главной клаузе над предикатом перенесения отрицания (ППО):

(7) Модальные предикаты с инфинитивом несовершенного вида при ППО под отрицанием (Кобозева 1976: 113)

- a. *Я не думаю, что вам стоит **вмешиваться** в это дело.*
- b. *Он не считает, что нам нужно на обратном пути **заходить** за хлебом.*
- c. *Я не нахожу, что ему необходимо **приезжать** раньше понедельника.*
- d. *Она не хочет, чтобы Пете надо было **пропускать** завтрашнюю тренировку.*

Без отрицания при матричном предикате эпизодический имперфектив становится так же невозможен, как и в (5a–d). Читатель может самостоятельно убедиться в этом, удалив отрицание из (7a–d).

И. М. Кобозева выстраивает на этих данных аргумент в пользу теории перенесения отрицания. Как показывают (6a–d), возможность эпизодического имперфектива обеспечивается наличием отрицания в той же клаузе. В таком случае причину появления имперфектива в (6a–d) и в (7a–d) можно отождествить, предположив, что в последнем случае отрицание зарождается в зависимой клаузе, что делает эпизодический имперфектив приемлемым, после чего перемещается в главную клаузу.

В этой связи нас в первую очередь интересует не перенесение отрицания как таковое. Объект нашего внимания — имперфектив в (5)–(7). Важнейшее эмпирическое обобщение, которое дает нам паттерн Кобозевой, состоит в том, что в русском языке есть имперфектив, который может явиться на свет только в отрицательных конфигурациях, по меньшей мере в двух — (6) и (7). Это встраивает имперфектив в длинный ряд явлений, объединяемых под общей рубрикой **отрицательной полярности**, для которых действует такое же или аналогичные ограничения.

Эту новую сущность, **отрицательно-полярный имперфектив (IPFV[↓])** следует рассматривать как элемент нескольких более крупных групп фактов:

- относящихся к дистрибуции отрицательно-полярных единиц;
- относящихся к дистрибуции имперфектива и видовых граммем в целом;
- относящихся к перенесению отрицания, которое и мотивируют его эмпирическую реальность.

В следующих разделах мы предложим несколько наблюдений, относящихся преимущественно к первой группе. Эти наблюдения могут иметь последствия для описания двух других групп, однако мы ограничимся лишь самыми общими и предварительными замечаниями в разделе 4.

2. Отрицательная полярность и ее проявления

Первый среди множества вопросов, возникающих в тот момент, когда мы готовы допустить в теорию отрицательно-полярный имперектив, — о семантическом типе этой отрицательно-полярной единицы. Ответ определяется тем, в каких именно «отрицательных» конфигурациях он возможен. Огромная литература по отрицательной полярности, появившаяся после диссертации И. М. Кобозевой, показывает впечатляющее разнообразие в дистрибуции отрицательно-полярных единиц, как внутри- так и межъязыковое. Не менее впечатляющи систематические ограничения на эту дистрибуцию, наблюдаемые в разнообразных языках. Краткое введение в текущие представления о природе отрицательной полярности можно найти, например, в *Noter* 2020, а более или менее полный каталог отрицательно-полярных конфигураций — в *Zeijlstra* 2022.

Один из типологически стабильных типов отрицательно-полярных единиц (ОПЕ) — это единицы, употребление которых ограничено контекстами с **нисходящей монотонностью**, или **слабые ОПЕ**. Таковы местоимения с *бы то ни было*, иллюстрируемые в (8a-g):

(8) Местоимения с *бы то ни было*

а. Локальное грамматическое отрицание

*Он напомнил о смертном приговоре 1918 года, для исполнения которого не требуются **какие бы то ни было** дополнительные процедуры.*

[В. Абаринов. Ошибка «короля шпионов» (2003)]

б. Локальное лексическое отрицание

*Наиболее либеральной считается избирательная система Великобритании, где отсутствуют **какие бы то ни было** ограничения.* [И. Нагорных, И. Булавинов, А. Вешняков. Сверните поправки в трубочку]

с. Отрицание в главной клаузе

*Поэтому мы не можем говорить о том, что **какой бы то ни было** народ по своей онтологической сущности является единственным.*

[Митрополит Антоний (Блум). «Мы должны нести в мир веру» (1989)]

d. Антецедент / протасис условного предложения

*Если каким **бы то ни было** образом вы знаете и укажете нам, где он теперь находится, то, уверяю вас ..., что дело тем только и кончится.* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

e. Общий вопрос

*Где же тут биологический, гомеостатический и вообще **какой бы то ни было** смысл?* [С. М. Иванов. Утро вечера мудренее (1983)]

f. Стандарт сравнения

*За этим стоит нечто более глубокое, более спонтанное и более национальное, чем **какая бы то ни было** аскетическая программа...* [С. С. Аверинцев. Бахтин и русское отношение к смеху (1993)]

g. Рестриктор универсального кванторного слова

*Под этим он разумеет ... всякого, кто в **какой бы то ни было** степени и форме осмеливается делать... противное священной воле Его Величества...* [М. А. Бакунин. Государственность и анархия (1873)]

Что объединяет конфигурации в (8a-g)? Контекст локального грамматического отрицания в (8a) — нисходяще монотонный: логическим следствием любого утверждения о множестве (*Я не видел слонов на Ленинском проспекте*) является утверждение о подмножестве (*Я не видел белых слонов на Ленинском проспекте; Я не видел слонов на Ленинском проспекте, д. 88*). Это же верно, например, для рестриктора универсального квантора: истинность предложения *Каждый, кто был вчера в ГЗ, получил премию* влечет истинность *Каждый, кто был вчера вечером в ГЗ, получил премию*. Для других контекстов из (8a-g) нисходящая монотонность менее очевидна. Антецеденты условных предложений можно признать нисходяще монотонными лишь с дополнительными уточнениями, а чтобы показать нисходящую монотонность вопросов нужны еще более серьезные семантические усилия (например, Мауг 2013). Тем не менее, со всеми этими оговорками именно нисходящую монотонность, открытую в Ladusaw 1979 с опорой на работы Ж. Фоконье (Fausconier 1975, 1979), следует признать основополагающим семантическим свойством, необходимым для лицензирования слабых ОПЕ.

Другой класс ОПЕ — **сильные ОПЕ**, которые допускаются лишь в собственном подмножестве нисходяще монотонных контекстов (Zwarts 1996, 1998 и последующая литература). Таково, по-видимому, наречие *так уж*, подробно обсуждаемое в диссертации И. М. Кобозевой (Кобозева 1976: 125–127). Оно возможно при локальном отрицании, (9a), а также при отрицании в главной клаузе, (9b), правда, не для всех матричных предикатов (см. ниже). В антеце-

денте условных предложений и прочих контекстах из (8d-g) оценки *так уж* варьируют в диапазоне от «сомнительно» до «неприемлемо», (9c-d).

(9) Обстоятельство *так уж*

а. Локальное отрицание

Хозяин Ганса не был шарлатаном, но и конь не был так уж умён — точнее, его ум был другого рода. [nkj.ru]

б. Отрицание в главной клаузе

Но это все не означает, что он так уж глуп, не правда ли? [samlib.ru]

с. Антецедент / протасис условного предложения

???Если он был так уж умен/глуп, ...

д. Общий вопрос

???Он был так уж умен/глуп?

Существенное условие, ограничивающее дистрибуцию сильных ОПЕ, — **антиаддитивность** в (10), которая соотносит утверждение с дизъюнкцией и конъюнкцию утверждений. Применительно к пропозициональному отрицанию условие в (10) известно как первый закон де Моргана.

(10) Антиаддитивность функции

Функция f антиаддитивна ровно в том случае, когда верно следующее:

$$f(A \vee B) \Leftrightarrow f(A) \wedge f(b)$$

Например, конфигурация вида *X не верит, что* антиаддитивна. Если верно, что *Надя не ждет, что Володя или Феликс любят ее*, верно и то, что *Надя не ждет, что Володя любит ее*, а также что *Надя не ждет, что Феликс любит ее*. Верно и обратное: из конъюнкции отрицаний следуют отрицание дизъюнкции³.

Наконец, существуют и сверхсильные ОПЕ, которые допускаются только при наличии вышерасположенного локального грамматического отрицания. Таковы идиомы *не знать удержу* или *не вязать лыка*, которые исключены в любых конфигурациях с нелокальным отрицанием, ср. (11a-b), выстроенные параллельно (9b)⁴.

³ Антиаддитивность, по-видимому, — необходимое, но не достаточное условие употребления сильных ОПЕ. Рестриктор универсального квантора — антиаддитивный контекст, однако сильные ОПЕ в нем затруднены, (i).

(i) *???всякий / каждый, кто был так уж уверен в том, что обойдется...*

⁴ Весьма вероятно, что неприемлемость (11a-и) — следствие не семантики этих идиом, а присутствия в их составе именной группы с так называемым генитивом отрицания *лыка* и *удержу*, который, по наблюдению П. О. Россаякина (Россаякин 2022), лицензируется исключительно локальным отрицанием.

- (11) Сверхсильные ОПЕ в зависимой клаузе при отрицании в главной
- а. **Но это все не означает, что он **взял лыко** || **лыка**?*
 - б. **Но это все не означает, что она знала **удержу** || **удерж**?*

Имеются многочисленные наблюдения, которые приглашают нас думать, что полная картина дистрибуции ОПЕ более нюансирована, чем предполагается только что описанным трехчленным делением. Для наших целей, однако, этого достаточно.

Где в этом ландшафте располагается IPFV[↓]? Ответ на этот вопрос усложняется тем, что мы наверно знаем ровно две конфигурации, в которых он встречается, (6) и (7), — те, которые открыла И. М. Кобозева. Поэтому далее мы будем продолжать рассматривать именно их дистрибуцию, а несколько более общих соображений изложим в завершающем разделе 4.

3. Отрицательно-полярный имперфектив: сильный или сверхсильный?

Первое наблюдение: нельзя сказать, что IPFV[↓] допускается в любых структурах с нисходящей монотонностью. (12)–(13) — примеры И. М. Кобозевой из (5), помещенные в антецедент условного предложения и рестриктор универсального квантора:

- (12) IPFV[↓] в антецеденте условного предложения⁵
- а. *Если вам стоит **#вмешиваться** в это дело...*
 - б. *Если нам нужно на обратном пути **#заходить** за хлебом...*
 - с. *Если ему необходимо **#приезжать** раньше понедельника...*
 - д. *Если Пете надо **#пропускать** завтрашнюю тренировку...*
- (13) IPFV[↓] в рестрикторе кванторного слова со значением всеобщности
- а. *Каждый, кому стоит **#вмешиваться** в это дело,...*
 - б. *Каждый, кому нужно на обратном пути **#заходить** за хлебом,...*
 - с. *Каждый, кому необходимо **#приезжать** раньше понедельника,...*
 - д. *Каждый, кому надо **#пропускать** завтрашнюю тренировку,...*

⁵ Суждения носителей по поводу дистрибуции ОПЕ в целом и IPFV[↓] в (12)–(13) в частности далеко не всегда отчетливы. Пометы в (12)–(13) отражают интуицию автора и большинства опрошенных носителей: приемлемость эпизодического имперфектива существенно не отличается от (5а–д). Для окончательных выводов, однако, нужны суждения, полученные в условиях контролируемого эксперимента.

Согласно (12)–(13), IPFV[↓] в этих конфигурациях допускает хабитуальную, но не эпизодическую интерпретацию — как и в независимых предложениях в (5a–d)⁶. (12)–(13) подкрепляет обобщение в (14):

(14) Слабость IPFV[↓]

Отрицательно-полярный имперфектив не является слабой ОПЕ.

Остается выбор из двух возможностей: либо IPFV[↓] относится к сильным ОПЕ, либо к сверхсильным. Выбор определяется тем, лицензируется ли он только локальным отрицанием или имеет несколько более либеральные условия приемлемости, регулируемые антиаддитивностью в (10).

В этом месте наш сюжет возвращается в исходную точку — к наблюдениям о перенесении отрицания.

В (7a–d) IPFV[↓] находится внутри сентенциального комплемента ППО. Различные варианты теории перенесения отрицания исходят из того, что в таких конструкциях отрицание возникает в зависимом предложении, а затем с помощью некоторого механизма переносится в главное и получает там поверхностную реализацию:

(15) *Я **не** думаю, что вам **не** стоит вмешиваться в это дело.*

(15) дает возможность анализировать IPFV[↓] как сверхсильную единицу, которая в (7a–d) лицензируется строго локально. Сама И. М. Кобозева идет именно по этому пути: предполагая, что имперфективу необходимо локальное отрицание, она рассматривает его доступность в (7a–d) как аргумент в пользу анализа через перенесение. Ее теория дает возможность предложить единое объяснение двум группам фактов: интерпретации отрицания в зависимой клаузе, (2b), и лицензированию IPFV[↓].

В таком случае верное обобщение об IPFV[↓] выглядит как (16):

⁶ По сравнению с (12)–(13) IPFV[↓] существенно выигрывает в вопросах:

- (i) Модальные предикаты с инфинитивом несовершенного вида в общих вопросах
- ⁷ОК Вам стоит **вмешиваться** в это дело.
 - ⁷ОК Нам нужно на обратном пути **заходить** за хлебом?
 - ⁷ОК Ему необходимо **приезжать** раньше понедельника?
 - ⁷ОК Пете надо пропускать **завтрашнюю** тренировку?

Асимметрия между вопросами и антецедентами условных предложений в лицензировании ОПЕ (ср. (i) и (12)), описана в Haspelmath 1997. Убедительного семантического объяснения, однако, для нее пока не предложено. Заметим также, что нам неизвестны ОПЕ в русском языке, показывающие такой же контраст.

(16) IPFV¹ — сверхсильная ОПЕ

Отрицание порождается в зависимой клаузе и переносится в главную; имперфектив — сверхсильная ОПЕ и лицензируется локально.

Тем не менее, априори нельзя отклонить и альтернативную гипотезу в (17)⁷:

(17) IPFV¹ — сильная ОПЕ

Отрицание порождается в главной клаузе; имперфектив — сильная, но не сверхсильная ОПЕ и лицензируется через границу клаузы.

Данные в (7a–d) могут быть совместимы с (17) при одном условии: имеется теория, объясняющая, как возникает низкое прочтение типа (2b) в примерах типа (1) при том, что отрицание начинает и заканчивает свой деривационный путь в главной клаузе.

Такая теория есть (точнее, целое семейство теорий). Первое их появление обычно связывают с именем Р. Барч (Bartsch 1973), но широкое распространение и популярность они получили намного позже. Важнейшая веха — диссертация Дж. Гаевски (Gajewski 2005), вызвавшая к жизни значительное количество последующих работ, уточняющих, дополняющих и критикующих эту линию анализа (например, Gajewski 2007, Romoli 2013, Collins, Postal 2014, Collins 2021, Rosseyaykin 2024).

Теории этого типа выводят низкое прочтение отрицания в (2b) из высокого прочтения в (2a), которое соответствует поверхностной позиции отрицания и в чуть более эксплицитном виде повторяется в (18), и некоторого дополнительного семантического компонента. В (19) этот компонент принимает форму утверждения об исключенном третьем. Его смысл состоит в том, что субъект предиката ‘думать’ имеет мнение об истинности зависимой пропозиции: он либо считает, что она истинна, либо что ложна. (19) исключает возможность субъекта, который **не опинионирован**, то есть ничего не думает о приезде Нины. Стандартный взгляд на статус (19) состоит в том, что это пресуппозиция, лексически прикрепленная к ППО (см., в частности Collins 2021 и цитируемую литературу).

Логическим следствием (18) и (19) выступает (20), то есть низкое прочтение. Действительно: согласно (19), верна одна из двух альтернатив — думает, что согласится, или думает, что не согласится. Согласно (18), первая из них неверна. Остается вторая, и это в точности необходимая «низкая» интерпретация.

⁷ На наш взгляд, не заслуживает серьезного обсуждения еще одна логическая возможность: отрицание подвергается перенесению, однако лицензирует ОПЕ не из начальной, а из конечной позиции.

- (18) Семантика предложения: отрицание в главной клаузе
Неверно, что Иван думает: Нина согласится приехать
- (19) Опионионированность, или исключенное третье
Верно одно из двух: Иван думает, что Нина согласится приехать, или Иван думает, что Нина не согласится приехать.
- (20) Следствие (18) и (19): отрицание зависимой пропозиции
Иван думает: неверно, что Нина согласится приехать.

Это обсуждение показывает, что конфигурации перенесения отрицания недостаточно информативны, чтобы развести возможности в (16)-(17) и понять, является ли IPFV¹ сильной или сверхсильной ОПЕ. Нужны данные о дистрибуции ОПЕ в компонентах предикатов, не относящихся к ППО. С опцией (17) мы ожидаем, что имперфектив допустим для всех таких предикатов, поскольку в этом случае существенно само наличие отрицания в главной клаузе. Опция (16) предсказывает последовательную невозможность имперфектива: локального отрицания нет, а лицензировать сверхсильные ОПЕ через границу клаузы нельзя.

У И. М. Кобозевой (Кобозева 1976: 124-130) можно найти и релевантные данные и их подробное обсуждение. Выясняется, что картина сложнее и интереснее: часть матричных предикатов ведет себя так, как будто верно (16), другая часть — в соответствии с ожиданиями от (17). Парадигмы И. М. Кобозевой с небольшими изменениями воспроизводятся в (21).

- (21) IPFV¹ возможен
Я не убежден || не верю || не слышал || не говорил, что вам стоит вмешиваться в это дело.
- (22) IPFV¹ затруднен
- Я не забыл, что вам стоит [#]вмешиваться в это дело.*
 - Я не боюсь, что Пете надо [#]пропускать завтрашнюю тренировку.*
 - Я не сомневаюсь, что нам нужно на обратном пути [#]заходить за хлебом.*

Матричные предикаты в (21) и (22) — *убежден, забыть* и другие — не ППО. *Феликс не уверен, что Володя пришел* не может значить ‘Феликс уверен, что Володя не пришел’, аналогично для *забыть*. Их семантическое поведение, однако, не идентично. В (22) (предложения подобраны исходя из наилучшей сочетаемости матричного предиката с зависимой пропозицией) наблюдается тот же эффект, что и в независимых предложениях в (5). Эпизодический имперфектив крайне затруднен, и доступна лишь хабитуальная интерпретация. В (21) IPFV¹ возможен — так же, как в (6) с локальным

отрицанием и в (7) с отрицанием над ППО. (21)–(22), таким образом, показывают представителей двух групп лексических единиц, не относящихся к ППО и при этом различающихся с точки зрения лицензирования IPFV¹.

Чем определяется распределение матричных предикатов по этим группам? Примеры типа (21) склоняют И. М. Кобозеву несколько ослабить ограничение на реализацию IPFV¹. Его финальный вариант (Кобозева 1976: 130) выглядит так (в нашей упрощенной формулировке):

(23) Ограничение на дистрибуцию IPFV¹

IPFV¹ реализуется в зависимом предложении

- при наличии в нем локального грамматического отрицания,
- при наличии отрицания в главном предложении, если последнее имеет в качестве логического следствия некоторое семантическое представление, которое, во-первых, содержит в себе зависимое предложение, а во-вторых, имеет в этом зависимом предложении локальное отрицание.

Благодаря второму подусловию в (23), (21) оказывается допустимым постольку, поскольку верно (24).

(24) Семантическое следствие предложения с предикатом *уверен* под отрицанием

- ① *Я не уверен, что вам **стоит** вмешиваться в это дело* ⇒
- ② *‘Вероятно, вам **не стоит** вмешиваться в это дело.’*

В (24) ② представляет собой семантическое следствие ①. Кроме того, ② содержит в себе компонент *вам стоит вмешиваться в это дело*, идентичный вложенному предложению из ① с точностью до отрицания.

При таком анализе более не требуется фактического присутствия отрицания в зависимой клаузе на каком-либо этапе деривации: достаточно, чтобы оно было элементом структуры, выступающей следствием главной клаузы с отрицанием. И тогда источник неприемлемости (22a–c) — в том, что для них невозможно таким же способом подобрать логические следствия с локальным отрицанием.

Можно предположить и другое семантическое основание для группировки предикатов, наблюдаемой в (21)–(22), а именно (25).

(25) Отсутствие антиаддитивности

В конструкциях с матричными предикатами из (22) позиции внутри зависимых клауз не антиаддитивны.

Можно заметить, в этих позициях не удовлетворяется одно из двух условий, в совокупности дающих равносильность в (10):

(26) $f(A \vee B) \not\Rightarrow f(A) \wedge f(b)$

(26) иллюстрируется примерами типа (27)–(28):

(27) *Старыгин **не сомневался**, что при таком торможении от машины отвалится капот **или** мотор, но этого не произошло.*

[Н. Последний ученик да Винчи (2010)]

(28) *Вход стоил что-то баснословно дорого, чуть ли не по 25 рублей (**не забудьте**, что это было в 1913-м **или** 1914 году)*

[В. Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934-1936)]

Следствием (27), в соответствии с (26), не является (29). Отсутствие сомнений в том, что случится одно или другое событие, не означает уверенности в том, что случатся оба.

(29) *Старыгин **не сомневался**, что ... от машины отвалится капот.*

***Кроме того**, он **не сомневался**, что ... от машины отвалится мотор.*

Похожим образом (30) не является предложением хранить в памяти взаимоисключающие факты:

(30) ***Не забудьте**, что это было в 1913-м, **а также не забудьте**, что это было в 1914 году.*

Иное дело — предикаты из (21). *Верить* иллюстрируется в (31):

(31) *Я почему-то **не верил**, что его могут ранить **или** убить.*

[Е. Л. Шварц. Дневник (1956)]

Если экпериеенцер не верит, что его могут убить или ранить, он не верит ни в то, что его могут убить, ни в то, что его могут ранить. В отличие от *не забыть* и *не сомневаться*, *не верить* создает антиаддитивный контекст. Читатель может самостоятельно проделать этот эксперимент с другими предикатами из (21) и получить аналогичный результат.

Таким образом, обобщение в (25) выглядит правдоподобно.

В результате у нас есть два объяснения того, как предикаты распределяются по группам в (21) и (22) — через семантическое следование в (23), предложенное И. М. Кобозевой, и через антиаддитивность в (25), восходящую к идеям и наблюдениям Ф. Цварца. Их сравнительную оценку мы отложим до следующей okazji. Важное другое.

И тот и другой анализ склоняет нас к тому, чтобы описывать IPFV¹ как сильную, но не сверхсильную ОПЕ, хотя второй — в значительно большей степени, чем первый. Антиаддитивность в (10) — характеристическое свойство сильных ОПЕ. Поэтому если обнаруживается, что дистрибуция единицы

в соответствии с (25) чувствительна именно к этому свойству, возникают подозрения в сильной отрицательной полярности.

Однако и (23) фактически говорит нам: механизм лицензирования ОПЕ через границу клаузы существует, но его работа жестко ограничена наличием логических следствий с определенной семантической структурой. Без такого механизма объяснить происходящее в примерах типа (21) не получается. Но если в (21) IPFV¹ получает санкцию на существование из главной клаузы, пусть даже с большими ограничениями, то это сильная, а не сверхсильная ОПЕ.

Завершая этот раздел, приведем два дополнительных соображения, почему анализ IPFV¹ как сильной ОПЕ кажется нам предпочтительным. Соображения указывают на сходство с другими сильными ОПЕ и различия со сверхсильными ОПЕ.

Во-первых, ограничения на дистрибуцию из (21)–(22), характерные для IPFV¹, имеют и другие сильные ОПЕ, в частности, обстоятельство *так уж*, обсуждавшееся выше. Примеры И.М. Кобозевой (Кобозева 1976: 125) с небольшими дополнениями — в (32a-b)

(32) *Так уж* в контексте предикатов, не являющихся ППО

а. *Я не убежден || не уверен || не говорил, что ребята так уж плохо справились с заданием*⁸.

б. *??Я не забыл || не боюсь || не сомневаюсь, что ребята так уж плохо справились с заданием*.

Этот параллелизм *так уж* в (32) и IPFV¹ в (21)–(22) не просто указывает, что мы имеем дело с систематическим паттерном, но и приглашает распространить обобщение о том, что *так уж* — сильная ОПЕ, также и на IPFV¹.

Во-вторых, обращает на себя внимание отсутствие параллелизма в дистрибуции IPFV¹ и «настоящих» сверхсильных ОПЕ. Последние невозможны в зависимых клаузах не только при глаголах типа *забыть*, *бояться* и *сомневаться* под отрицанием, как в (22). Они не менее невозможны при *убежден*, *верить*, *слышать* и *говорить* из (21), ср. (9b) выше с *означать*. Но главное: неграмматичны и соответствующие предложения с ППО⁹:

⁸ Для *слышать* следует сделать поправку на то, что под отрицанием этот глагол предпочитает комплемент с союзом *чтобы*.

⁹ На данные такого типа опираются некоторые возражения против теории перенесения отрицания. Если отрицание возникает в зависимой клаузе, на начальном этапе деривации оно расположено локально по отношению к сверхсильной ОПЕ и в этом качестве должно лицензировать ее без ограничений. Поэтому чтобы объяснить неприемлемость (33), нужны дополнительные допущения — например, что лицензирующими возможностями обладает только фонологически реализованное отрицание. Это

(33) Сверхсильные ОПЕ в зависимой клаузе при ППО

а. *Я не думаю, что он **вязал лыко** || **лыка**, не правда ли?

б. *Я не думаю, что она **знала удержу** || **удерж**, не правда ли?

Таким образом, дистрибуция IPFV[↓] мало напоминает сверхсильные ОПЕ. По совокупности наблюдений в этом разделе мы отдаем предпочтение анализу в (17), который рассматривает IPFV[↓] как сильную ОПЕ.

4. Место заключения

Основная идея этих заметок состояла в том, чтобы предложить несколько комментариев заинтересованного читателя к грандиозному тексту, который И. М. Кобозева написала полвека назад. Реализовать эту идею не очень удалось, поскольку весь объем занял один-единственный комментарий — об открытом ею IPFV[↓] как сильной отрицательно полярной единице.

Остаются за кадром намного более захватывающие и непонятные сюжеты, связанные с имперфективной, а не отрицательно полярной ипостасью IPFV[↓]. Мы завершаем этот текст перечислением их в виде вопросов.

- Где еще встречается IPFV[↓]? Например, его ли мы видим в предложении *Володя не открывал дверь*?
- Какова семантика IPFV[↓] и чем он отличается от «обычного» эпизодического IPFV? Например, известно, что последний имеет актуально-длительную и общефактическую разновидности. Можно ли сказать то же самое об IPFV[↓]?
- Как расположен IPFV[↓] в пространстве возможных аспектуальных ограничений, которые накладывают на свой комплемент фазовые и модальные глаголы, ср. *(не) закончил писать* || **написать*? Что объединяет модальные глаголы, при которых появляется IPFV[↓], в естественный класс?
- Какова роль акциональных характеристик предиката в паттерне Кобозевой? Почему в нем участвуют только предикаты, описывающие достижения и свершения с отображением в минимальную конечную точку? Случайно ли, что похожую дистрибуцию имеет контрфактический «шахматный имперфектив» (Grønn 2008)?

наблюдение принадлежит П. О. Россейкину (Россейкин 2022), сделавшему его на материале генитива отрицания, как в предложении **Я не думаю, что Петя нашел доказательства*.

- Насколько, учитывая интервальные свойства имперфектива, для IPFV¹ подходит анализ через экзотификацию субдоменных альтернатив, разработанный для именных выражений (в первую очередь в Chierchia 2013)? Как в этом случае выглядят субдоменные альтернативы?

И наконец самое последнее.

Явления, которые обнаруживала и описывала И. М. Кобозева, всегда открывали и продолжают открывать любому вдумчивому исследователю необозримые возможности для семантического творчества.

Спасибо, дорогая Ирина Михайловна!

Многая лета!

Литература

- Кобозева И. М. 1976. *Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке)*. Дисс. канд. филол. наук. Москва: МГУ. Филологический факультет.
- Россяйкин П. О. 2022. Подъем отрицания в русском языке: критика синтаксического подхода // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, № 1, 54–64.
- Chierchia G. 2013. *Logic in Grammar: Polarity, Free Choice, and Intervention*. Oxford: Oxford University Press.
- Collins C., Postal P. 2014. *Classical NEG Raising: An Essay on the Syntax of Negation*. Cambridge: MIT Press.
- Collins G. 2021. What's an excluded middle inference? Neg-raising, projective content, and accommodation. Ms., University of Hawaii.
- Fauconnier G. 1975. Pragmatic scales and logical structure. *Linguistic Inquiry*, №6, 353–375.
- Fauconnier G. 1979. Implication reversal in a natural language. F. Guenther, S. Schmidt (eds). *Formal Semantics and Pragmatics for Natural Languages*. Dordrecht: Reidel, 289–301.
- Gajewski J. 2005. *Neg raising: presupposition and polarity*. PhD dissertation, MIT.
- Gajewski J. 2007. Neg-raising and polarity. *Linguistics and Philosophy*, №30, 298–328.
- Grønn A. 2008. An Amazing Come-Back: A Counterfactual Imperfective in Russian. *Scando-Slavica*, №54, 5–31.
- Haspelmath M. 1997. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press.

- Homer V. 2020. Negative Polarity. D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann and T. Zimmermann (eds.) *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. John Wiley and Sons.
- Ladusaw W. 1979. *Polarity Sensitivity as Inherent Scope Relations*. NY: Garland Publishing.
- Mayr C. 2013. Downward monotonicity in questions. E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein (eds.) *Proceedings of Sinn und Bedeutung 17*. Paris: École Normale Supérieure, 345–362.
- Romoli J. 2013. A scalar implicature-based approach to neg-raising. *Linguistics and Philosophy*, №36, 291–353.
- Rosseyaykin P. 2024. Inverse scope of Russian 'ne dolžen' as neg-raising. *Journal of Slavic Linguistics*, №32, 1–19.
- Zeijlstra H. 2022. *Negation and Negative Dependencies*. Oxford: Oxford University Press.
- Zwarts F. 1996. Facets of negation. J. van der Does, J. van Eijck (eds.) *Quantifiers, logic, and language*. Stanford: CSLI Publications, 385–421.
- Zwarts F. 1998. Three types of polarity. F. Hamm, E. Hinrichs (eds.) *Plurality and Quantification*. Dordrecht: Springer, 177–238.

ALETHIC MODALS AND DATIVE-INFINITIVE STRUCTURES

A. Zimmerling

Puskhin State Russian Language Institute, Institute of Linguistics, RAS
fagraey64@hotmail.com

I discuss the meaning of the Russian dative-infinitive construction and argue that it expresses a single kind of modality in indicative sentences, notably — alethic modality. There is no need to split this construction in the indicative mood and ascribe different categorical meanings to its varieties.

Keywords: modality, dative-infinitive structures, predicatives, Russian

1. Semantics-to-grammar interface

Russian is one of the few Slavic languages that preserved two productive dative patterns — dative-infinitive structures (DIS) $N_{\text{DAT}} — V_{\text{INF}}$, where the infinitive is a lexical head, and dative-predicative structures (DPS) $N_{\text{DAT}} — \text{PRED} (— V_{\text{INF}})$, where the optional infinitive is a complement of a non-verbal predicative (Zimmerling 2024). DIS sentences have a modal meaning, its definition being a matter of debate (Moore, Perlmutter 2000: 377; Fortuin 2007; Israeli 2013: 199), while DPS denote a variety of temporarily restricted situations including the situations where X must or can do something or needs something. The class of DPS predicatives contains the basic modals *nado* ‘must’ and *nužno* ‘needs’ (Laufer 2007). It is tempting to get a generalized dative sentence pattern for Russian, but all proposals to postulate the same piece of structure to DIS and DPS (Sigurðsson 2002; Mitrenina 2017) run into trouble. For the first, the dative subject of DPS is obligatory animate, while the subject of DIS is not, cf. *Gruzovikam_{DAT} zdes’ ne proexat’_{INF}* ‘Trucks can’t get through here’. For the second, the dative case is assigned structurally in Russian non-finite clauses including DIS, while in finite DPS clauses it is assigned lexically: some predicatives select dative subjects and some do not (Zimmerling 2020). For the third, DIS subjects are raised, while obligatory animate DPS subjects are syntactic and semantic arguments of the matrix clause predicatives, and there are no framework-external reasons to treat them as raised. Selectional restrictions, such as the animacy constraint, are characteristic of syntactic control, which holds for Russian (Lyutikova 2022).

The diagnostics is based on the conditions of the Russian semantics-to-grammar interface. Standard DIS are usually taken to be root clauses (Švedova 1982: 376; Tseitlin 1990: 149). One can analyze them as biclausal (Fleisher 2006; Mitrenina 2017; Zimmerling 2022), but what matters is that they lack an overt external head in syntax. Russian also licenses embedded DIS clauses with predicatives *nado*, *xorošo* ‘good’, and *lučše* ‘better’.

- (1) *V vorotax lučše_{PRED} [_{InfP} stojat’_{INF} Ivanu_{DAT}, a ne Saše_{DAT}].* <embedded DIS>
 ‘It would be better <for the team> if the goalkeeper is John, not Alex.’

The example (1) conveys the meaning ‘it would be better if *p* took place’ and has narrow scope. Narrow scope signals that *Ivanu* is an infinitival argument generated in the embedded clause. The same predicatives license DPS sentences, where the dative subject is a matrix clause element, and the scope is wide, cf. (2).

- (2) *Ivanu_{DAT}, s ego rostom, lučše_{PRED} [_{InfP} igrat’_{INF} vratarem].* <DPS>
 ‘It is better for John himself, tall as he is, to play the goalkeeper.’

One might object that the contrast of (1) vs (2) is due to different pragmatic interpretations of the same structure. This is the position of the linguists who claim a perfect understanding of the sentence but ignore its syntax. I start from the opposite end and assume that DPS and DIS are derived differently but some Russian sentences are two-way ambiguous between the DPS and embedded DIS readings.

2. The meaning

I argue that Russian DIS predicates express in the indicative clauses a single kind of modality — alethic modality. The four alethic modes are (logical) necessity, contingency, possibility and impossibility (Wright 1981; Mentzel 1999). I concur with Mitrenina (2017: 70) that the DIS construction covers in Modern Russian three basic alethic categories from four, except for alethic possibility. The mode depends on the verbal aspect and clausal polarity.

Table 1. The Russian DIS construction in indicative clauses

	Affirmative	Negative
Imperfective	NECESSITY <i>Tebe vyhodit’_{IMPERF}.</i> <i>Tebe exat’_{IMPERF} zavtra s utra.</i>	CONTINGENCY <i>Tebe ne vyhodit’_{IMPERF}.</i> <i>Mne ne exat’_{IMPERF} zavtra s utra.</i>

	Affirmative	Negative
Perfective	!* *<i>Tebe sočinit'</i>_{PERF} <i>muzyku.</i> *<i>Mne uexat'</i>_{PERF} <i>zavtra s utra.</i> *<i>Tebe vyjti</i>_{PERF}.	IMPOSSIBILITY <i>Tebe ne uexat'</i>_{PERF} <i>s utra.</i> <i>Tebe ne vyjti</i>_{PERF}.

In optative and counterfactual contexts, the constraint on the use of the perfective aspect in non-negative clauses is canceled.

(3) *Vykinut'*_{PERF} *by*_{IRR} *ej*_{DAT} *staryj škaf i kupit'*_{PERF} *novyj, tak net.* <DIS>

The absence of alethic meanings in the non-veridical context (3) is expected. The gap with perfective infinitives in indicative DIS clauses is filled by DPS clauses with *nado* and other modal predicatives (Kobozeva, Laufer 1991a). The DPS construction is not polarity-sensitive and does not discriminate aspect. The sentence (4) is ambiguous between the deontic reading 'John must compose a new music piece' and the alethic reading 'It is desirable that John composes a new piece', 'the external circumstances force *p*'.

(4) *Nado*_{PRED} *sočinit'*_{PERF} *novuju p''esu Ivanu*_{DAT}. <DPS>

There are two observations relevant for the assessment of (1) and (4). Kobozeva, Laufer (1991b) argue that non-deontic readings of *nado* are bound to contexts, where the speaker disguises *X*'s obligation as someone's need or external force. Zimmerling (2020: 52) argues that narrow scope, i.e. alethic or non-deontic reading of Russian predicatives including *nado* is overtly marked by the focus accent on the dative subject. Contrariwise, the topical accent on the preposed DPS subject of *nado* normally signals the deontic meaning, cf. the example (2).

DIS sentences do not show a correlation between communicative status and modal flavour. Moreover, they do not express other kinds of modality except for alethic. Here, however, a linguist must step down from logic towards natural language. Sentences like *Gruzovikam zdes' ne proexat', Ivanu ne sdat' ekzamen* are not analytic truths, they are only *contingently true* in terms of Mentzel 1999: it is possible that in some world *w*, the trucks will get through that place, and John will pass his exam. Thus, in the linguistic perspective, alethic modalities describe *logical or physical* necessity and possibility: the real world is such that it is not in the cards for John to pass the exam. The 'in the cards' tag is used in some references to Russian DIS (Moore, Perlmutter 2000: 377; Fleisher 2006: 4), though Israeli (2013: 209) finds it inappropriate. It should be noted that Moore & Perlmutter and Fleisher do

not go far from the Russian tradition. The Academic Grammar tells that Russian infinitival clauses typically ‘convey the meaning of objective predestination’ (*ob’ektivnaja predopredeľennost’*) Švedova (1982: 373), and Tseitlin (1990: 149) adds a synonym — *prednačertannost’*, while Apresjan (1995: 532) provides the paraphrase ‘the speaker is sure that the important event *p* is inevitable’. Such characteristics imply that we live in a modal world, where some or all external situations including the one described by the DIS sentence are predestined irrespective of our will, deontic obligations, or internal needs.

3. Discussion

Linguistic taxonomy of the modal meanings is controversial since linguists stick to the same terms borrowed from philosophy but use them ad libitum. Bulygina & Shmelev (1997: 218–231), who do not address DIS sentences, acknowledge the alethic vs. deontic asymmetry but show that the basic Russian modal verbs *dolžen* and *možet* are multifunctional and regularly express deontic, alethic and epistemic meanings. This echoes von Wright’s point that alethic and deontic categories behave similarly in modal logic (Wright 1981). A question then arises. If modal expressions are normally underspecified, and their ultimate interpretation depends on the context (Kratzer 1991), why should linguists recognize non-ambiguous alethic operators in Russian? I give my answer towards the end of this paper.

Kobozeva and Laufer consider *dolžen* along with *nado* and *sleduet* ‘should’: *nado* is a DPS predicative, and the impersonal verb *sleduet* selects the dative subject too. *Sleduet* is obligatory deontic, while the uses of *dolžen* and *nado* are classified into the deontic vs. non-deontic groups, the latter one labeled ‘analytic’ (Kobozeva & Laufer 1991a: 171). It hosts the meanings classified as alethic or epistemic by Bulygina & Shmelev. The affinity of alethic (circumstantial) and epistemic meanings is mentioned by Kratzer who points out that the modal base, i.e. the ideas of necessary and possible things is formed by the epistemic background (Kratzer 1991: 644–645). Deontic predicates are the dedicated part of the modal inventory since the deontic subject must be aware of the norm that makes him commit *p*. This point is clarified by Kobozeva’s definition of deontic coercion: “There are external circumstances *Q* that force *X* to commit *P*. If *X* does not commit *P*, the external force *F* that is part of *Q* will cause evil to *X*.” (Kobozeva 2000: 247).

A premise of the outlined account is that the deontic subject is animate and capable of reflection, otherwise (s)he won’t get the norm and the risks of violating it. We stated before that the DIS construction licenses inanimate subjects. Neither does it exclude event nouns in the subject position, cf. *Byt’_{INF} groze_{DAT}* ‘There will be **a thunderstorm**’. Thus, if the DIS construction has a general meaning in indicative

clauses, it can only be alethic, not deontic. Apresjan (1995: 533) however raises doubts whether thetic sentences like *Byt'*_{INF} *groze*_{DAT} realized with the VS order represent the same construction as categorical SV sentences like <*Ja znaju:*> *Sadu*_{DAT} — *cvest'*_{INF} ‘<I know:> The garden shall bloom’. I briefly discuss the attempts to split the DIS construction below. I first state that imperative DIS clauses have the animacy constraint, which gives a ground to treat them as a related but different construction. Unless you are a poet, it makes no sense to address a garden rose and demand that it bloom and smell, but the same request is appropriate when addressed to a human being.

- (5) *Cvesti*_{INF} *Vam*_{DAT} *i paxnut'*_{INF}, *Roza Ivanovna!*
 ‘Be safe and prosperous, Roza Ivanovna!, lit. ‘Bloom and smell!’

Imperatives are deontic, and it is expected that imperative DIS clauses have the animacy constraint. This effect is absent from subjunctive DIS clauses with the particle *by*: they license inanimate dative subjects and event nouns.

- (6) *Net by*_{IRR} *ètoj*_{DAT} *mašine*_{DAT} *slomat's'*_{INF} *popozže!*
 ‘Couldn’t this car broke down later!’

- (7) *Net by*_{IRR} *ètoj*_{DAT} *groze*_{DAT} *projti*_{INF} *poran'se!*
 ‘Couldn’t this thunderstorm broke out earlier!’

For the sake of space, I skip the discussion how the complex meanings of Russian imperative and subjunctive DIS clauses are formed but assume that they can be modeled on the basis on the meaning of Russian indicative DIS, while the reversed is false. There is no path to the alethic meaning of Russian indicative DIS clauses from any non-veridical uses of DIS.

Let us now consider the attempts to split the DIS construction or rebrand it in a way that detaches it from the logical type proposed here — alethic modality. Israeli (2013: 199, 209) objects against ‘in the cards’ cliché and claims that imperfective affirmative DIS “constitute predictions upon an omen or conjecture”, imperfective negative DIS refer to ‘condition *p*’, and perfective negative DIS convey “the Speaker’s opinion that the Subject is physically unable to perform *V*”. Thus, one gets three DIS constructions in the indicative mood. I have the impression that the author involuntarily conflates the object language with the meta-language. If one treats ‘in the cards’ not as part of the English lexicon and a tool of translating Russian DIS sentences but as conventional label referring to a single kind of modality, there is no problem with classifying all three licit combinations of aspect and polarity with alethic modes in the wake of Mitrenina 2017, see tab. 1. Israeli’s point (2013: 213) that perfective negative DIS express internal (*X*’s inability to perform *p*) but not alethic modality is difficult to assess. Probably the author adopts some version of the

conversational background analysis, which provides a path from external to internal impossibility. One can also guess that the inventory of modal types is subcategorized differently, as in Belyaeva 1990: 140, where both alethic possibility and alethic impossibility are identified with internal modality. Such discrepancies arise because the linguists pick up various semantic terms or coin them to substantiate the contrasts they find important. However, if we want to keep the descriptions of linguistic modals close to logic, it makes sense to distinguish utterances about intrinsic properties, cf. *A mug must have a handle* $\cong$ ‘the world w is such that mugs in w have handles’ from utterances about the chances of spatiotemporal events to happen, cf. *Ivanu ne sdāt’ ekzamen* $\cong$ ‘the world w is such that X will not pass the exam in w ’. Events are particulars (Davidson 1970), and the force that prevents them from occurring in w can only be external. Sigurðsson, who borrows his description of the Russian DIS construction from Moore & Perlmutter, nevertheless asserts that it has a “certain deontic modality of obligation or destiny” (Sigurðsson 2002: 695, 717). This is not an accurate formulation, at best. That the modality of DIS is external does not entail that it is deontic, and ‘destiny’ is not a deontic category.

Apresjan’s point that thetic DIS sentences represent a different construction than categorical DIS sentences is backed by his diagnostics of existential vs. copular uses of the verb *byt’* ‘be’. He argues that categorical DIS sentences realized with the SV order contain the copula BE, while thetic DIS sentences show the frozen VS order and pattern with existential BE (Apresjan 1995: 532-533). This claim deserves a mention, cf. Zimmerling (2024: 13), provided that the diagnostics of the existential BE in Apresjan, Iomdin 1989 is different. Anyway, communicative status and word order do not change the type of modality in DIS. Irrespective of the fact, whether the dative subject is topicalized and fronted, cf. *Ivanu_{DAT} bylo ne sdāt’_{PERF} ekzamen* $\sim$ *Ne sdāt’_{PERF} Ivanu_{DAT} bylo ekzamen*, the indicative DIS construction conveys the meaning ‘external force F prevents X from doing p ’.

4. Conclusions and perspectives

There are no valid grounds for splitting the indicative DIS construction in Russian or classifying its varieties with internal and deontic modals. It invariably signals an alethic meaning, the mode of which depends on the verbal aspect and clausal polarity. The indicative DIS construction is polarity-and-aspect sensitive but lacks the animacy condition and is not sensitive to communicative status and word order. The constraint on perfective infinitives in non-negative DIS clauses disappears in the imperative DIS construction, where the animacy condition arises. This proves the switch from alethic to deontic modals in a different type of clauses. The main competitor of indicative DIS sentences is the DPS construction with modal predicatives

like *nado*. These lexical items occasionally license embedded DIS clauses. Russian modal verbs and predicatives produce both deontic and alethic sentences. The non-ambiguous character of the indicative DIS construction is probably due to the fact that its modal operator is covert or not expressed lexically. Its formalization depends on the framework, but two solutions hinted by Moore, Perlmutter (2000: 386) still seem viable: the force of DIS sentences either comes from a silent modal predicate or is a constructional feature. The latter answer is advocated in Fortuin 2007, but its assessment is beyond the reach of this paper.

Abbreviations

DAT — dative; DIS — dative-infinitive structures; DPS — dative-predicative structures; IMPERF — imperfective aspect; INF — infinitive; InfP — infinitive phrase; IRR — irrealis; PERF — perfective aspect; PRED — predicative.

References

- Апресян Ю. Д. 1995. *Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки русской культуры.
- Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. 1989. Конструкция типа НЕГДЕ СПАТЬ: синтаксис, семантика, лексикография. *Семиотика и информатика*, № 29, 34–92.
- Беляева Е. И. 1990. Возможность. А. В. Бондарко (ред.). *Темпоральность. Модальность*. Л.: Наука, 126 – 141.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. 1997. *Языковая концептуализация мира. На примере русской грамматики*. Москва: Языки русской культуры.
- Кобозева И. М. 2000. *Лингвистическая семантика*. Москва: УРСС.
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И. 1991a. Семантика модальных предикатов долженствования. *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва: Наука, 169–175.
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И. 1991b. Семантика предикатов долженствования в русском языке. *Russistik*, № 1, 68–76.
- Лауфер Н. И. 2007. Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика (корпусное исследование). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007»*, 353–358.
- Лютикова Е. А. 2022. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Инфинитивные клаузы. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, № 5, 27–45.

- Митренина О. В. 2017. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа. Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров*. Вып. 4. Москва, 64–70.
- Цейтлин С. Н. 1990. Необходимость. А. В. Бондарко (ред.). *Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука, 142–156.
- Циммерлинг А. В. 2020. Одушевленность. Русский язык. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН*, вып. 24, 43–56.
- Циммерлинг А. В. 2022. Дативно-инфинитивные структуры и синтаксические идиомы в русском языке. С. Коева, Е. Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Проф. Марин Дринов, 281–300.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1982. Русская грамматика. Т. 2. Москва: Наука.
- Davidson D. 1970. Events and Particulars. *Noûs*, 4(1), 25–32.
- Fleisher N. 2006. *Russian Dative Subjects, Case, and Control*. Ms, University of California.
- Fortuin E. 2007. Modality and Aspect: interaction of constructional meaning and aspectual meaning in the dative-infinitive construction in Russian. *Russian Linguistics*, № 31, 201–230.
- Israeli A. 2013. Dative-infinitive constructions in Russian. Taxonomy and semantics. I. Kor Chahine (ed.). *Contemporary Studies in Slavic Linguistics*. John Benjamins, 199–224.
- Kratzer A. 1991. Modality. A. von Stechow, D. Wunderlich (eds.). *Handbuch Semantik*. De Gruyter, 639–50.
- Mentzel C. 1999. Alethic modality. R. Audi (ed.). *The Cambridge Dictionary of Philosophy*. 2nd ed. Cambridge, 19.
- Moore J., Perlmutter D. M. 2000. What does it take to be a dative subject? *Natural Language and Linguistic Theory*, 18 (2), 373–416.
- Sigurðsson H. Á. 2002. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic. *Natural Language & Linguistic Theory* 20 (4), 691–724.
- Von Wright G. H. 1981. On the Logic of Norms and Actions. In R. Hilpinen (ed.). *New Studies in Deontic Logic*. Dordrecht: Reidel, Dordrecht: Reidel, pp. 3–33.
- Zimmerling A. 2024. Microsyntax meets macrosyntax: Russian neg-words revisited. *Russian Linguistics*, № 1, 1–35.

III. СЛОВО

СЕМАНТИКА В СЛОВАРЕ И В ЯЗЫКЕ

В. И. Беликов

Свободный художник
vibelikov@gmail.com

*Баадас ди ата савееети джамоатум сут,
баадас савееети джамоатум — рабочкоюм.*

*‘А после этого я сельсовет стал,
после сельсовета — рабочком’.*

(Ватаншо Мирзошоев, в 1969 г. 75 лет)

Эпиграф я взял из текста, собранного в Памирской экспедиции А. Е. Кибрика 1969 года одним из первых¹, а фраза *я стал рабочком*, по нынешним понятиям, стала экспедиционным мемом. Помню, что юбиляр, тогда восемнадцатилетняя Ира Лопатина, сказала: *к этому встану бочком, а к этому рабочком*. Как выяснилось, слово для всех было новым. Началось обсуждение советизмов с конечным *ком* разной семантики, с одной стороны — *нарком, военком* и т. п., с другой — *домком, местком, обком, горком, райком, райисполком, избирком*... Я добавил *уличком*; оказалось, что это слово всем столь же незнакомо, как и *рабочком*.

Такие «обрубки» *-ком*- впервые были зафиксированы в словаре Ушакова (1935), к 1969 году многие из них стали историзмами, часто уже непонятными; первый (‘комиссар’) у Ушакова, среди прочего, иллюстрировался словом *политком*, второй (‘комитет’) — *концесском*. В этом словаре было еще **ком** «в знач. ком и с с и я, напр. комвнуторг (комиссия по внутренней торговле)». В ССРЛЯ (т. 5, 1956) и позднейших словарях оно пропало, хотя одно слово с таким *ком*’ом возродилось и активно используется: *избирком*; впрочем, словари его игнорируют².

¹ Эпиграф приводится в экспедиционной рабочей транскрипции, приспособленной для машинописи. Предшествующий текст в переводе таков: *В двадцать восьмом [году] в ликбезовской школе учился три месяца. После этого <...> дорогу строил [от Хорога в сторону Мургаба до перевала Куйтезак], несколько поощрений получил, почетную грамоту получил.*

² В НКРЯ есть 6 вхождений *избиркома* в 4 текстах за 1928—1930 годы, один текст (два

Разумеется, человек не мог стать ни советом, ни комитетом. Налицо метонимия, имеется в виду *председатель сельсовета (рабочкома)*. Метонимия в тексте случайна, но она может стать регулярной, закрепиться в языке и выделяться словарем в качестве самостоятельного значения. Таково положение в шугнанском: Карамшоев у слова **селсавет** выделяет два самостоятельных значения ‘сельсовет’ и ‘председатель сельсовета’ (Карамшоев 1991: 555). В русском, конечно, не так: именование председателя сельсовета *сельсоветом* почти всеми носителями языка будет признано ошибкой. Так ли с *рабочкомом* — не ясно; нужно знать узус тех, кто словом активно пользуется.

Слову *рабочком* повезло. Оно появилось в Орфографическом словаре (1956), а потом в ССРЛЯ (т. 12, 1961), где есть и родственная статья:

Рабочко́м, а, м. Комитет профсоюзной организации рабочих. *Рабочком совхоза*. □ *Здесь [в управлении стройки] я в роли председателя культкомиссии рабочкома и член редколлегии строительной газеты*. Гладк. Берез. роща. — Сокращение слов: рабочий комитет.

Рабочко́мец, м ц а, м. Разг. Член рабочкома. *Рабочкомец сразу же сообщил, что из рабочих образовалась добровольная бригада, готовая проложить через запань дополнительные тросовые перехваты*. Леон. Соть, IV, 2.

Новый БАС (2013) скорректировал толкование первого слова: «Сокр. В СССР — комитет профсоюзной организации рабочих; рабочий комитет», вторая статья осталась неизменной. К интерпретации *рабочкома* нужна поправка. В годы Перестройки в Кузбассе стихийно создавались рабочкомы в противовес традиционным организациям под руководством ВЦСПС. Такого рода энциклопедическая информация традиционно не включается в толковые словари, но рабочкомы Кузбасса «пережили» СССР, И. С. Соловенко пишет о 1997 годе: «На местном уровне требования шахтеров становились все более радикальными, что отразилось на позиции рабочкомов» (2013: 67). В 1990-х годах рабочкомы возникали и в других регионах, в том числе и в лексикографической столице³.

вхождения) за 1989 г., а с 1993 г. — 204 вхождения в 115 текстах. *Избирательные комиссии* отмечаются в НКРЯ с начала XX века: 19 досоветских текстов (1901–1917), 61 советского периода (1918–1991) и 200 постсоветских. На *избирательный комитет* — 10 примеров в 9 текстах, относящихся к дореволюционным временам, и ошибочная расшифровка ЦИК как *Центральный избирательный комитет* в журнале «Рекламный мир» за 2003 г.

³ Например, информационно-аналитический еженедельник о деятельности политических объединений России «Партинформ» в № 11 (321) от 17.03.1999 сообщал, что

Иллюстрации в словаре берутся из картотеки, своеобразного аналога современных корпусов. Но, в отличие от корпуса, картотека представляет собой выписки из текста, сделанные по усмотрению расписывавшего. «Соть» Л. М. Леонова расписывалась при подготовке ССРЛЯ вполне интенсивно — кроме *рабочкомца*, в этом же томе на «Р» она иллюстрирует еще 22 словарных статьи. Но в том же романе есть и пример на *рабочком*:

- (1) *Председатель [губисполкома] протянул ему [Увадьеву] фотографический отпечаток: — На!.. узнаёшь? У своего же рабочкома невесту отбиваешь!*

Поскольку у комитета единой невесты быть не могло, *рабочком* обозначает здесь индивида, председателя (или члена) рабочкома.

Мне представляется, что в наше время есть один объективный способ обнаружения фактов языка, в том числе и коммуникативной специфики конкретного слова — обращение к корпусам. Но лексикографы⁴ не считают его целесообразным, главный редактор процитированного тома нового БАСа писал: «Вряд ли это реально как в аспекте времени, так и здоровья» (Герд 2006: 91)⁵. В действительности на уточнение семантики конкретного слова времени обычно нужно не так много. Квалифицированный носитель русского языка многие ошибки и лакуны (слово есть, а явно более распространенного одно-коренного нет) словаря видит просто при его внимательном прочтении. Разумеется, никто не знает всех слов; прояснение подозрения в ошибке/лакуне здоровья не касается, а потраченное время зависит от методики. При обращении к корпусам всё происходит довольно быстро и **результативно**. Обращение к картотеке, особенно оцифрованной, дает результат еще быстрее, но надежность его сомнительна. А в этом и заключается начальная работа лексикографа: увидеть ошибку/неточность предшественников или несоответствие

на VII съезде рабочих, крестьян, специалистов и служащих Санкт-Петербурга и Ленинградской области В. Кнодель подчеркнул «необходимость национализации и призвал все рабочкомы, советы рабочих и пр. солидарно выступать с требованием смены социально-политического строя».

⁴ Здесь и далее под лексикографами буду иметь в виду представителей Петербургской школы лексикографии, создающих многотомные словари, которые по внешним признакам должны представлять собой итоговое обобщение знаний о русском лексиконе на определенный период.

⁵ А. С. Герд не отрицал пользы корпусов, но считал, что лексикографам не следует обращаться непосредственно к корпусу: «нужна некая система тонких семантических фильтров (...) которая превратит грандиозную глыбу, привезенную из месторождения „РНК“, в материал, релевантный для художников и скульпторов от академической лексикографии» (Герд 2006: 91). С 2008 г. в ИЛИ РАН создается «Библиотека лексикографа», которая «включает в себя тексты, относящиеся к XVIII — началу XXI вв.» (Бурыкин, Герд 2015: 147).

старой интерпретации современному языку; тут достаточно интроспекции. Или согласиться с тем, что точка зрения предшественников вновь описываемому (современному!) языку соответствует (тут интроспекция может подвести). Если готовящееся издание от предыдущего отделено полувеком, нужны свежие иллюстрации. В корпусе будет большой выбор, в картотеке же может ничего не оказаться.

Далее два варианта.

Профессионал делает свое дело, не экономя «время и здоровье».

Псевдопрофессионал через начальный этап перешагивает, не соотнося вычитанное у предшественников даже с собственным узусом, но от «учоности» иногда правит старое толкование на новое, ухудшая качество изделия. Но «время и здоровье» максимально экономится, если ничего не обновлять.

Конкретный пример. Выясняя, сколь часто упоминается роман Л. М. Леонова в томе на букву Р, наткнулся на неизвестный мне глагол **рентгенизировать** ‘подвергать рентгенизации’ с примером из «Соти»: *Потемкина уже месяц безуспешно рентгенизировали в Москве, пробуя вернуть жизнь человеку и человека жизни*. Рядом и **рентгенизация** ‘просвечивание или облучение с лечебной целью рентгеновскими лучами’, которая иллюстрируется речением *рентгенизация поврежденных участков кожи*. Зная обычаи лексикографов, был почти уверен, что в новом БАСе то же самое. Так и оказалось. Но одно отличие между томами 1961 и 2014 годов есть: в первом в предисловии указан автор статьи (Е. А. Гузунова) и выражается благодарность специалистам, «взявшим на себя труд просмотреть и уточнить словарные статьи, связанные с терминологической лексикой»; в длинном списке организаций числится и Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова (ССРЛЯ, т. 12: III—IV). Новый БАС — труд коллективный, авторство обезличено, сторонние консультанты не упоминаются.

Ну а я проконсультировался. Знакомого рентгенолога не нашлось, спросил кардиолога 1978 г. рождения. Этих слов он не слышал. По его словам, когда выходил ССРЛЯ, «рентгеном увлекались и пытались лечить всё подряд. Но тогда еще не знали, что нельзя, когда узнали, не все смогли остановиться. Так что видел на практике «рентгенизацию»: на кафедре лучевой терапии был профессор, который лечил рентгеновскими лучами боль в собственной коленке». О *рентгенизации поврежденных участков кожи* доктор сказал, что «имеется в виду лучевая терапия. Она используется довольно широко, но не для лечения поврежденных участков, а для лечения опухолей, в том числе на коже».

Реальный узус я проверил в НКРЯ, где архаизация лексики легко выявляется. Есть 14 вхождений на *рентгенизацию*, пять на *рентгенизировать*, два на *рентгенизироваться* и одно *рентгенизирование*. Большая часть комплекта,

20 примеров из 13 текстов — за 1913—1947 годы. Начинается с газеты «Московская копѣйка» (*Бумм <...> отмечает, что рентгенизация во всяком случае равноценна действию радия и мезотория*⁶), а дальше — что важно — есть пять беллетристических произведений, дневники, письма. Позднее — один пример у эмигранта Р. Б. Гуля, где *Дзержинский рентгенизирует души своих подданных* (1974), и статья в «Вопросах вирусологии» (2000): *Полиэдроз у тутового шелкопряда может быть вызван <...> рентгенизацией гусениц и рядом других воздействий*. Посмотрел выражения *на рентген* (за 1923—1949 годы 14 примеров в 12 текстах, с 1950 года — 109 в 90 текстах) и *лучевая терапия* (54 вхождения в 29 текстах, начиная с 1967 года).

В первой половине XX века *рентгенизация* в значении ‘просвечивание’ конкурировала с выражением *на рентген*, а ‘облучение с лечебной целью’ иначе как *рентгенизация* не называлось. Разделять *устаревшее* и *устаревающее* я привык в ГИКРЯ. На запрос *рентгениз** в сегменте Журнальный зал (277,3 млн слов) нашелся лишь один текст с двумя вхождениями слова *рентгениздат* (самодетельная запись музыки на рентгеновских снимках, «на ребрышках», как когда-то говорили). В Живом журнале (13973,3 млн слов) — шесть *рентгениздатов* и дважды *рентгенизлучение*. Сомнений в окончательной устарелости *рентгенизации* не остается.

Хороший словарь при (не)помещении слов/коллокаций должен учитывать их частотность. Вот статистика по двум упоминавшимся сегментам ГИКРЯ и сегменту ВКонтакте (-М и -П обозначают крупнейшие регионы — Москву и Петербург). К рассмотренным единицам добавлены две, в словари не попавшие; УЗИ есть в орфографическом словаре, МРТ нет нигде. Не знаю, подвергались ли таковым лексикографы, мне МРТ делали до начала выхода БАСа.

Таблица 1. Количество вхождений в электронных ресурсах

выражение	ЖурЗал	ЖЖ	ЖЖ-М	ЖЖ-П	ВК	ВК-М	ВК-П
на рентген (ренген)	113	8737	1511	594	14242	62	420
на УЗИ (узи, узи, Узи...)	56	19835	3196	1140	21215	1471	955
на МРТ (мрт, Мрт, МРт...)	4	3684	533	258	5645	497	321
лучевая терапия	43	2451	382	116	6952	443	286
лучевая болезнь	73	4518	528	252	2955	274	169

⁶ В словари *мезоторий* не попал, в НКРЯ расклад у него лучше, чем у *рентгенизировать*: 28 примеров в 11 текстах за 1913—1951 годы и одно вхождение в биографии Нильса Бора в серии ЖЗЛ (1978).

Аббревиатуры, как известно, имеют род. Как он определяется «по науке» — интересно, но стоит знать, каков он в узусе. Посмотрел, в ЖЖ ГИКРЯ «словарно неизвестное» *МРТ* при примыкании справа глаголов *(не) показал**, *(не) подтвердил**, *(не) выявил**.

Таблица 2. Род аббревиатуры МРТ

Род	Вхождений
мужской	36
средний	193
женский	55
всего	284

Носители языка уверены в роде *томографии*, а для 68% lж-юзеров у *МРТ* род средний, выяснить мнение специалистов (по МРТ и лексикографии) не умею.

Чтение словарей является бесконечной цепочкой столкновений с нелепостями, если не в толковании, то в примерах. Поинтересовался *лучевой терапией*, начал с ССРЛЯ (т. 6, 1957), естественно, в нужном значении ст. **лучевой** (‘Относящийся к лучу, лучам (во 2-м знач.), свойственный им’) *терапии* нет. А что по ссылке? «2. *Спец.* Обычно *мн.* Линии распространения какой-либо энергии. <...> *Великие математики древности: Герон, Эвклид, Птолемей и другие, на основе учения о зрительных лучах, исходящих от глаз* <...>». Вот те раз! Древних греков не видел, но сейчас у всех, даже у лексикографов, глаз воспринимает излучение, но ничего не излучает. Конечно, глаза могут быть «исполнены внутреннего сияния» (это из статьи **лучистый**), но такие лучи, как и *искры из глаз*, метафора, при «*Спец.*» значении неуместная. Смотрю **лучевой** в БАС (т. 9, 2007); *терапия* не появилась, а в толковании аналогичная отсылка. Тут соответствующий *луч* толкуется учение, но греки на месте, только *Эвклид* поменял написание: «Направленный поток каких-л. частиц или энергии <...> *Великие математики древности: Герон, Евклид, Птолемей* <...> *о зрительных лучах, исходящих от глаз* <...>».

Не преминул поинтересоваться *глазом*. В ССРЛЯ (т. 3, 1954) так: «1. Орган зрения, состоящий из глазного яблока, закрываемого веками». В БАС (т. 4, 2006) учёнее: «1. Парный орган зрения человека и животного, расположенный в специальных впадинах (лица, морды) и прикрытый веками с ресницами» [все примеры про человека]. Учёность предполагает аккуратное обращение с терминологией. Толкование не про животных, а про позвоночных, да и то не про всех. В Петербурге я прожил в общей сложности года полтора–два, тамошним языком владею пассивно, так что критиковать могу не всё. Есть там любимая

сезонная рыба корюшка. Ел; переднюю часть головы не называю никак, есть ли у нее по-петербургски «лицо, морда», судить не берусь. В языке Ваньки Жукова у селедки морда была, но он не питерский. Доводилось кормить с рук любимого карпа Хо Ши Мина, боялся, что укусит, но он хлеб брал губами, насчет век-ресниц не знаю — не перемигивались. А вот у корюшки и селедки ресниц точно нет.

Я любознателен, смотрю *голову* в тех же томах. Было: «1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела⁷ животного, содержащая в себе мозг». Стало: «1. Верхняя часть тела человека, передняя (верхняя) часть тела позвоночного животного, состоящая из черепной коробки и лица у человека или морды у животного».

Усовершенствование сомнительное. Содержимое *коробки*, по большому метонимическому счету, ее часть. Но толковый словарь — не сборник метонимических упражнений, и вывод ясен: теперь наличие мозгов в голове факкультативно. Чем «учоная» *черепная коробка* отличается от обычного *черепа*, судить не берусь. Но до снятия скальпа *черепная коробка* (*череп*) покрыта кожей, часто с оволошением⁸. Конечно, для *патологоанатома* (пользуюсь профессиональной огласовкой, стало быть, и орфографией) и голый в основном череп с элементами мягких тканей на бывшем лице (морде) остается головой. Еще ясно: беспозвоночные лишены головы, стало быть, и глаз (см. выше). Комара разглядеть трудно, а у стрекозы и голова видна (правда, без черепной коробки), и глаза большие. При этом вовсе не во *в па ди на х*, а куда более *на выкате*, чем бывает, когда так говорят о людях.

Вернусь к *рабочкому*, обратившись к корпусам. Поскольку в Новостном подкорпусе ГИКРЯ слово не встретилось, его устарелость ясна; в других подкорпусах «современные» примеры единичны.

Рабочком-индивид встречается не так уж редко. В НКРЯ в дневнике главного агронома колхоза «Рассвет» Могилевской области Л. Я. Горелика (1954) два рабочкома полеводческих бригад упоминаются по фамилиям, в повести Ф. Абрамова «Пелагея» (1967) фигурирует *Олеша-рабочком*. В ГИКРЯ в целом есть 87 примеров с этим словом, контекст не всегда позволяет отличить коллектив от индивида, но немало примеров типа *Папа всю жизнь проработал в совхозе — механизатором, бригадиром, рабочкомом; Мне многие говорили, что наш рабочком бухает на работе, а я его ни разу пьяным не видел* или

⁷ Имеется в виду *тело* 2 'организм человека в его внешних, физических формах и проявлениях. Есть еще *тело* 4 'туловище, корпус человека'.

⁸ Для слов, неучтенных орфографистами, сообразуюсь с узусом (преобладает *оволошение*), но не всегда ему следую.

По словам Анатолия Михайловича Зайцева, бывшего рабочкома Яшкинской птицефабрики...

Блогеры нередко цитируют старые публикации. Вот из газеты «Знамя коммунизма» Кустанайской области об открытии пионерского лагеря:

- (2) *Начальник лагеря поздравляет ребят с началом отдыха в лагере <...> Гости тоже поздравляют пионеров. Председатель завкома завода имени 25-летия Казахстана Александр Архипович Асташов дарит им бюст Ленина, рабочком Кустанайского совхоза Василий Иванович Калошин — бюст пионерского кумира — Юрия Алексеевича Гагарина. (18.06.1963)*

Заведомый индивид *рабочкомовец* встречается реже — два вхождения в ГИКРЯ и одно в НКРЯ («Ясный берег» В. Ф. Пановой, 1949). А вот следов *рабочкомца* в НКРЯ и ГИКРЯ нет. Пока нет подтверждения, что его употреблял кто-то, кроме Л. М. Леонова, это фантом.

О нормативности слова *уличком* я уже писал: «Некоторые типы текстов по самой своей сути существуют лишь на нормативном языке, таково законодательство. В <...> разделе «Законодательство» базы СМИ «Интегрум» нашлось 149 документов со словом *уличком*, неравномерно распределенных по 10 субъектам РФ <...> [в том числе] утвержденные еще в 1969 г., но действующие [на 2009 г.] «Правила управления имуществом несовершеннолетних подопечных, хранения и отчуждения этого имущества», где говорится, что при определенных условиях соответствующее имущество *может быть продано (реализовано) <...> при обязательном составлении об этом акта с участием представителей общественности по месту жительства подопечного (уличкома и др.)»* (Беликов 2009: 39). Упомяну также утвержденное в 1996 г. «Положение об уличных комитетах (уличкомах) г. Воронежа», попавшее в качестве типового образца в хрестоматию по муниципальному праву (Муниципальное 1999: 339, 342). *Уличком* — своеобразный «антирегионализм»: известен почти везде, кроме некоторых мест, в том числе столиц⁹.

Семантику *уличкома* удобно проверить по корпусам.

В основном корпусе НКРЯ слово представлено слабо: 15 примеров в 3 текстах (1929–2002 гг.), но в Газетном корпусе 9 примеров в 7 текстах, ср.:

- (3) *Она [Анжела Чиквашивили] занимает в деревне должность под суровым названием «уличком» — председатель уличного комитета, вроде старосты* (Известия, 2004).

⁹ Разумеется, на территории современных разросшихся Москвы и Петербурга уличкомы встречались; возможно, где-то сохранились.

В ГИКРЯ примеров множество, в том числе про *уличкомов*-индивидов. Вот из Новостей:

- (4) *Как пояснил Эдуард Туркулец [военком Центрального и Коминтерновского районов Воронежа], год рождения Андрея был неверно указан в документах, поданных нам уличкомом уличного комитета № 45 Центрального района — на 10 лет перепутана дата рождения ребенка* (Обзор воронежских СМИ за 10—16.01.2011, regnum.ru/news/775421).

Вот из Журнального зала:

- (5) *Справа от дома Лары жила местная общественница (“уличком”), которая всегда была к Ларе с Толей враждебна.* (Флора Литвинова. Записки об Анатолии Марченко // Знамя, 1998, №1).

Есть и производные, хотя довольно редкие. Вот статистика по четырем сегментам ГИКРЯ.

Таблица 3. Количество употреблений *уличком* в ГИКРЯ.

слово	ЖЖ	ВК	ЖЗал	Новости
уличком	136	562	4	11
уличкомовец	2	0	1	0
уличкомиха	2	2	0	0
уличкомка	1	0	0	0
уличкомов (прил.)	1	0	0	0
уличкомовский	5	1	0	0
уличкомство	1	0	0	0
уличкомша	0	2	0	0

Очевидно, что *уличкомиха* и *уличкомка* образованы от *уличкома*-индивида.

Подобного рода лексика, если и попадает в словарь, получает помету *обл.* Так же маркируются малоизвестные конкретному лексикографу слова. Если в картотеке есть цитаты из «хороших» авторов, появляется комплексная помета «устар. и обл.», как при глаголе *мурчать*: «Урчать, выражая неудовольствие. О животных <...> || *Перен.* Говорить недовольным тоном; ворчать» (ССРЛЯ, т. 6, 1957) и «1. Издавать рычащие звуки; урчать (о животных) <...> 2. *Перен.* Говорить ворчливым тоном; бурчать» (БАС, т. 10, 2008). Такова же помета у статьи *мурчанье*. В ССРЛЯ при глаголе цитируются А. Н. Толстой и М. А. Шолохов, при существительном — В. К. Арсеньев. В БАСе добавляются Б. А. Емель-

янов, Ю. П. Казаков, М. А. Ганина (тексты 1952—1967 гг., что плохо согласуется с устарелостью).

Об устарелости стоит справиться в НКРЯ, для надежности сопоставив с глаголом, использованным в толковании. Для *мурчать* находится 33 текста (пять за 1800–1877 гг., 11 за 1903–1961 гг. и 17 за 1999–2019 гг.). Для *урчать* — куда больше, 657 текстов¹⁰. По годам так: 1800–1899: 36, 1900–1989: 323, 1990–2019: 281 (точное вхождение, тексты с датировками типа 1985–1995 не учтены). *Мурчанье* и «несловарное» *мурчание* встретились по четыре раза, два текста XIX века, по три в XX и XXI. Устаревания не заметно.

А вот каково современное распространение рассматриваемых глаголов и родственных существительных.

Таблица 4. Частота употребления глаголов и существительных.

	ЖЗал	ЖЖ	ЖЖ-М	ЖЖ-П	ВК	ВК-М	ВК-П
<i>мурчать</i>	72	23640	4010	1565	85669	4608	3226
частота, ipm	0,26	1,69	1,92	1,80	5,59	3,28	3,38
<i>урчать</i>	1021	32233	5131	2129	31029	3202	2068
частота, ipm	3,68	2,31	2,46	2,45	2,02	2,28	2,17
<i>мурчанье/мурчание</i>	15	4530	710	315	15288	965	699
частота, ipm	0,05	0,32	0,34	0,36	1,00	0,69	0,73
<i>мурчалка</i>	0	1326	210	94	23745	743	850
частота, ipm	нет	0,09	0,10	0,11	1,55	0,53	0,89
<i>мурчалочка</i>	0	76	13	8	4987	112	138
частота, ipm	нет	0,01	0,01	0,01	0,33	0,08	0,14

Нет ни устарелости, ни региональной маркированности. «Аномальная» статистика ВК связана с тем, что это социальная сеть. Прежде кошки котились, судьба большей части потомства была плачевна. Теперь кошки рожают мурчащих *мальчиков* и *девочек* (таких значений в словарях пока нет), хозяева котырым часто находятся через социальную сеть¹¹. Популярность глагола *мурчать*

¹⁰ У *урчать* и семантика шире: в статьях *урчать* и *урчание* (ССРЛЯ, т. 16, 1964) в качестве субъекта действия фигурируют люди, бас великана, гул толпы, собаки, коноплянки, волны, животы, грузовики, нечто на сковороде, самолет.

¹¹ В ВК на 100 первых в выдаче *мальчиков* и 100 *девочек* животных (чаще не на раздачу) пришлось примерно поровну: котов/кобелей — 25, кошек/сук 20; и один мальчик-попугай. В ЖЖ в таких же выборках встретились лишь одна девочка-кошка.

(или пристраивания котят?) в ВК росла очень быстро, частота глагола за 15 лет выросла в 50 раз.

Таблица 5. Частота употребления глагола *мурчать* по годам.

год	2008–2009	2010–2011	2012	2013–2016	2017–2021
ipm	0,03	0,14	0,73	1,04	1,65

* * *

Общий вывод таков: искать значения слов, да и сами слова, в словаре можно. Но пока они делаются без опоры на корпуса, шанс наткнуться на ошибку велик. С 2008 г. в Словарном отделе ИЛИ РАН появился специализированный корпус «Библиотека лексикографа»; о его возможностях судить сложно, поскольку он почему-то «является принципиально оффлайновым» (Бурыкин, Герд 2015: 148). Но знакомство с позднее выходящими томами убеждает, что тамошним «художникам и скульпторам от академической лексикографии» это мало помогло: неясно, насколько они готовы пользоваться новыми возможностями. Проще их игнорировать, как и элементарные представления о мироустройстве.

В текстах, конечно, тоже бывают «ошибки», но чаще всего это ошибки не автора, а интерпретатора. «Может быть, настало время для придания официального статуса науке *халтурологии* <...>?», давно спрашивала Н. А. Еськова в связи с БАС (2008: 310).

Литература

- Беликов В. И. 2010. Литературная норма в лексике и ее словарная кодификация. О. Е. Дроздова (ред.) *Лингвистический компонент обучения в средней школе: теория и практика*. М.: МИОО, 29–45.
- Белоусова Е. В. 1999. *Муниципальное право Российской Федерации*. Хрестоматия.
- Бурыкин А. А., Герд А. С. 2015. Электронные ресурсы для лексикологии и лексикографии и задачи составления словаря русского языка первой половины XX века. *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика—2015»*, 146–153.
- Горбачевич К. С. (ред.). 2004. *Большой академический словарь русского языка*. СПб: «Наука».

- Герд А. С. 2006. РНК¹² и академическая лексикография. *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2006»*, 88–91.
- Евгеньева А. П. (ред.). 1950-1965. *Словарь современного русского литературного языка*. М.—Л.: Изд. АН СССР.
- Еськова Н. А. 2008. Письмо в редакцию. *Русский язык в научном освещении*. № 1 (15), 310.
- Карамшоев Д. К. 1991. *Шугнанско-русский словарь. Том 2*. М.: «Наука».
- Муниципальное право Российской Федерации: Хрестоматия / Сост. Е. В. Белоусова. — М.: Юрист, 1999.
- Ожегов С. И., Шاپиро А. Б. (ред.). 1956. *Орфографический словарь русского языка*. М.: ГИС.
- Соловенко И. С. 2013. Протестное движение шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям: проблемы поиска союзников. *Известия Алтайского государственного университета. История*. № 4-1(80), 67–71.
- Ушаков Д. Н. (ред.) 1935. *Толковый словарь русского языка. Том I*. М.: Сов. энцикл.

¹² Имеется в виду НКРЯ.

ОБ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ МЕТАФОР В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Т. С. Зевахина

МГУ имени М. В. Ломоносова

tzev@mail.ru

Цель исследования — осуществить сплошную инвентаризацию одного художественного произведения на предмет отражения в нем глагольной метафорики. В качестве материала выбран роман Веры Галактионовой «Спящие от печали». Критики называют стиль письма автора неомодернистским, имеющим в качестве отличительных черт отсутствие классического хронотопа, расширение границ действительности, деление героев, по словам Э. Т. А. Гофмана, на «музыкантов» и «просто хороших людей», использование аллюзий и реминисценций. Заметим, что субстантивированное причастие в названии романа уже содержит семантический переход. По сути говоря, в статье делается попытка описать глагольные метафоры из текста В. Галактионовой и сопоставить их с данными лексикографических источников.

Метафора — это «вечная» тема гуманитарных исследований. В последнее время, на наш взгляд, интерес представляют работы сотрудников отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ РАН, которые широким фронтом решают задачи целостного лексикографического описания метафор и сравнений русской литературы в эволюционном аспекте. Основным источником отдельных выпусков их словаря — поэтические и прозаические произведения русских писателей XIX–XXI вв. К анализу привлекаются тексты 500 авторов из Петрова, Фатеева 2021. Тем самым проводимое учеными ИРЯ РАН исследование метафорики «переходит из плоскости теоретических построений, оперирующих небольшим количеством характерных примеров, в плоскость создания словаря метафор, по возможности полно отражающего их функционирование» в художественном дискурсе (Кобозева 2001). Много внимания глагольной метафорике уделяется в монографии Зализняк Анна А. 2013. Глагольной и адъективной лексике малых языков была посвящена полевая программа «Полисемия», описанная в книге Городецкий, Зевахина 2015.

В теоретическом отношении мы опираемся на работы А. А. Потебни, утверждавшего, что слово есть вербально воплощенное представление и чувственной картины внешнего мира, и внутренней понятийно-действенной

структуры (оно же есть внутренняя форма образа) а также на исследования П. Рикёра, который заявил о необходимости «внедрить понятие образа в семантическую теорию метафоры» и, опираясь на деятельностьную сущность образа, свести метафору к действию-отношению «видеть как», с учетом того, что в случае мертвой (стертой) метафоры операция «видеть как» не работает (Рикёр 1990).

Действие, описываемое в романе В. Галактионовой, происходит в начале 2000-х годов в вымышленном городе Столбцы в русской Азии или азиатской России, в котором разрушен горно-обоганительный комбинат, а сам город «кажется только стадом разбредшихся и замерзших корпусов». Произведение носит остросоциальный характер.

Приведем фрагменты текста, характеризующие стиль автора.

Падают вьюжный ветер в лоцины, взбегают на всхолмья. Приходит из степи — и уходит в степь, волна за волной, без посвиста, шороха, гула. Как свирепая собака мчится неслышно и уж потом кусает без лая, так бледная молодая эта зима несётся стремглав, звериным низким налётом, чтобы взвиться и напасть, спустя время, на всякое тепло, затаившееся в клетках тёмных жилищ.

Прииртышье кидало под колёса дребезжащей полуторки степную дорогу, бегущую меж белёсых проплешин солончака и весёлых зелёных пригорков, за которыми прятались по низинам кусты цветущего тамариска.

От этих венков, развешенных по стенам комнаты и общего коридора, мысль о близкой смерти витает в бараке постоянно. Она наталкивается на людей, обвивает каждого, словно одна, общая на всех, невидимая змея, и держит живое сознание людей в странном плену потусторонних пугающих знаков — от нужды сознание барачных стало совсем тусклым, оно светит едва-едва и гаснет временами, словно лампочка без электричества.

...здесь, в Воротах ветра, звёздный ковш всё ещё пытается укрыться от стужи там, на небе, одеялом из плотных туч. Только в ночь перелома восставшие ветры должны размотать, разнести все эти тучи в клочья, развеять их без остатка. И хорошо, если не сорвут они путеводные потускневшие звёзды с небес, будто осенние мелкие никчёмные листья. Когда не останется честных, когда всеми, всеми людьми будут потеряны и перепутаны их пути, случится такое: путеводные увядшие звёзды слетят наземь, как засохшие листья...

Большая часть глаголов в приведенных контекстах употреблена в переносных значениях.

Текст романа В. Галактионовой был обработан нами с помощью программы AntConc. В нем оказалось 68275 словоформ, из которых 20179 разных. Далее были получены контексты глагольных словоформ длиной 50 знаков слева и 50 знаков справа.

Анализ контекстов обнаружил два полюса в частоте употребления метафорических переносов для конкретных глаголов.

Так, в таблице 1 представлены контексты всех 14 вхождений для словоформы *уходит*. Анализ контекстов показывает, что в восьми случаях из 12 (из представленных в таблице 14 исключаем два повтора) эта словоформа употребляется в переносном значении.

И, напротив, на другом полюсе, например, словоформа *придет*: из 13 вхождений только два имеют переносное значение (*Свергающий власть денег придет по лиловой дороге; придет время*). Подобная картина и для словоформы *бежит*: из 13 контекстов также только в двух обнаружен семантический переход (*Боль накатывает волнами, колко бежит по сосудам, лижет суставы змеиными жалящими языками и повергает изношенное тело в истому сладковатую, расслабляющую, жаркую; Поздняя облезлая осень бежит стремглав из Столбцов на юг, будто паришивая кошка. Да, будто паришивая бездомная кошка, которая пробралась в чужой двор*). 13 вхождений словоформы *расти* переносов не имеют.

Таблица 1. Примеры левых и правых контекстов для словоформы *уходит*

нет старику до него никакого дела. Род иссяк, потемнел. Род	уходит в белую безжизненную зиму... Быть, как видно, тому, думал
железкок... И Нюрочкино тело само, без её воли на то,	уходит в ещё более глубокий сон, где уж совсем ничего
дикого, нелепого, смешного хаоса. Не справившись со злом, детский ум	уходит в окончательное зло — в ещё больший кошмар, но кошмар,
ветер в лоцины, взбегает на всхолмья. Приходит из степи — и	уходит в степь, волна за волной, без посвиста, шороха, гула.

<i>придёт... Прийти должен давно! Из оврага... Он поднимается и, шатаясь,</i>	уходит в тёмную комнату немой. — Вперёд ты сдохнешь, — шепчет ему
<i>него совсем покоя нам нет, а с ним... Расту... Молоко</i>	уходит, перетекает, поглощается, соединяя мать и дитя, словно у них
<i>гладит Нюрочка пальцем белейший ситцевый чепчик на темени младенца. Молоко</i>	уходит, перетекает, поглощается, соединяя мать и дитя — словно у них
<i>да побеждаем! А наше, последнее, из рук всё уходит и</i>	уходит... В дым! Улетает, Федя, всё. Бухмин вдавил сигарку в
<i>мы побеждаем да побеждаем! А наше, последнее, из рук всё</i>	уходит и уходит... В дым! Улетает, Федя, всё. Бухмин вдавил
<i>ведь с ума сошёл! — расстроившись вдруг, всплёскивает она руками, и</i>	уходит к селу торопливо, по узкой тропе через ложбину, и
<i>песня... Ну, ты читай, читай дальше. Я слушаю. Медлительный зять</i>	уходит каждый день в просторных резиновых сапогах, в сером куце
<i>И чувствует она, как зря, попусту свищет мимо неё время.</i>	Уходит оно без всякого толка, утекает сквозь прорехи, меж сенных
<i>макушке, под чепцом, совсем редкие, мыльца при мытье на Тарасевну</i>	уходит самая малость. И чай она беречь умеет. Выплёскивает спитую
<i>очень рано. Такой озабоченности женская красота долго сопротивляться не может.</i>	Уходит, смывается, стирается она, редкостная, изумительная, когда окружающие люди не

В целом глаголы движения и состояния дают большое количество примеров переносных значений как зафиксированных в словарях, так и характерных для конкретных авторов и конкретных текстов. Другой роман В. Галактионовой открывается таким предложением: *«Любовь теперь пребывала далеко — над жизнью. Она покоилась в своём беспмятстве, будто в зыбке, зависшей меж небом и землёй»* (Зевахина 2023: 29).

В дополнение к сказанному следует отметить, что глаголы движения также «входят в состав более или менее фразеологически связанных сочетаний, метафорически представляющих события и состояния ментальной сферы при помощи метафоры перемещения некой абстрактной сущности ментальной природы: *мысль пришла в голову, мелькнула, пронеслась в голове; зашел ум за разум; сойти с ума, прийти к мнению / заключению, впасть в заблуждение, погрузиться в раздумье, взять в толк, прийти в недоумение, принять к сведению / во внимание, довести до чьего-то сведения / сознания и т. п.»* (Зализняк Анна А. 2013: 45). И далее автор, на время заняв позицию лексикографа, ставит вопрос о том, употреблены ли здесь глаголы движения в прямом, кинетическом, или в переносном, ментальном, значении. Представляется, что именно в ментальном.

Выделив с помощью программы AntConc наиболее частотные словоформы, мы подсчитали для каждой из них число разных переносных значений. Данные приводятся ниже в таблице 2.

Таблица 2. Частотный список глагольных словоформ с указанием числа разных переносных значений (фрагмент)

Ранг	Частота	Словоформа	Число разных переносных значений
442	14	уходит	8
479	13	придет	2
479	13	расти	0
522	12	бежит	2
522	12	вернулся	0
522	12	летит	4
582	11	бормочет	0
651	10	ушла	4

Ранг	Частота	Словоформа	Число разных переносных значений
651	10	ходит	0
719	9	взять	2
719	9	лежит	4

Приведем отдельные примеры со словоформами *летит*, *ушла* и *взять*:

*Пустое время **летит** в пустую бесконечность;*

*Многое на наших просторах сгорает без толку, **летит** на ветер;*

***Летит**, раскатывается, разрывая солдатские глотки, многоголосое «ура»;*

*Низом, низом **летит** стремительный лютый холод;*

*И детская жгучая любовь его **ушла** в стихи вся, без остатка, будто вода в песок;*

*Мешаете друг другу к успеху пройти, из-за этого сила **ушла**;*

*В монашки бы не **ушла** Полина, этого боюсь;*

*Алюминиевая бесчувственность уже **ушла** из его глаз;*

*Где мне **взять** сил, чтобы и теперь окутать тебя собою?*

*Гонишь меня, что ли? Никак не мог **взять** в толк Бухмин.*

Далее результаты анализа были обобщены в виде таблицы, содержащей сведения о глагольной лексеме, диагностическом контексте из романа В. Галактионовой, а также о представленности семантического перехода в Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова.

Как видно из последней строки таблицы, для глагола *зевать* в словаре С. А. Кузнецова информация о данном семантическом переходе отсутствует; хотя в НКРЯ представлен, в частности, пример из повести Б. Л. Пастернака «Воздушные пути» — *Зевающий восток нес его на ограду, как белый парус сильно накренившейся лодки.*

Первоначальная таблица насчитывала более 500 глагольных лексем с учетом причастных и деепричастных форм, однако в ходе анализа с применением принципа П. Рикёра «видеть как» она была существенно сокращена.

Таблица 3. Примеры контекстов лексем с метафорическим переходом в тексте романа В. Галактионовой и в словаре С. А. Кузнецова (фрагмент)

Глагольная лексема	Контекст лексемы с метафорическим переходом в тексте романа В. Г. Галактионовой	Наличие / отсутствие у лексемы данного метафорического перехода в словаре С. А. Кузнецова
поглощать	...в азиатской бывшей России поглощает вечное Ничто никчёмные человеческие судьбы: в эпоху разлома империй трудно уцелеть на пограничных окраинах национальных материков...	+
истаивать	Но брат почтенного словно истаивает во тьме.	+
очнуться	Слово «позор» в эту ночь очнулось в Столбцах.	+
пить	Нитка фитиля пьёт подрагивающее пламя, вбирает его в себя, и спичка, истончённая, обугленная, медленно умирает, отдавая последний истаивающий блик пространству.	—
накинуться	Капитализм на нас накинулся! Поэтому начальникам деньги прямо в карман идут . А из своего кармана кому хочется отдавать? Вот и не платят нигде.	+
лопнуть	Выхода не остаётся другого... Лопнет весь интернационал. С треском, с кровью большой. Очень большой... Ничего не понимают наши офицеры: даже амнистия пятьдесят третьего года такой не была... Кассиры-растратчики, матери-продащицы, шофёры – остаются за решёткой, а головорезы освобождаются подчистую... Так-то!..	+

Глагольная лексема	Контекст лексемы с метафорическим переходом в тексте романа В. Г. Галактионовой	Наличие / отсутствие у лексемы данного метафорического перехода в словаре С. А. Кузнецова
сдавить	Сдавленные ветры, вырвавшись наружу, помчали по кругу колючий мелкий снег, пыль, щепки, сор, завинчивая всё в тугую спираль, устремившуюся в небесный багровый зрак.	+
покинуть	Страшно тихо сделалось этой ночью в Столбцах. И в крошечной тьме вершилось таинство перемены: сей час и миг стремительно покидала поздняя осень спящий полуразрушенный городишко.	+
оставить	И небо оставило землю без пригляда — ни единой наблюдательной звезды нет в толще	+
зевать	А одряхлевшие многоэтажки для рабочего, когда-то, люда зевали на горе выбитыми окнами.	—

В заключение стоит обратиться к оценке В. Галактионовой своей прозы. Она говорит о двух уровнях построения текста: «есть некий поверхностный план, в котором происходит сюжетная игра», а есть закадровый план, где в воображении читателя возникают ассоциативные связи, идеи или, «точнее говоря, над-идеи» (Галактионова 2004). Попад в плен живых глагольных метафор и разгадывая их, читатель вслушивается в голос писателя и воспринимает авторские над-идеи.

Литература

- Галактионова В. Г. 2011. *Спящие от печали*. М.: АСТ.
 Галактионова В. Г. 2004. *Учительская газета*, №12 от 30 марта 2004. Сетевое издание UG.RU
 Городецкий Б. Ю., Зевахина Т. С. 2015. *Полевые методы в семантике и лексикографии: монография*. М.: МАКС Пресс.

- Зализняк Анна А. 2013. *Русская семантика в типологической перспективе*. М.: ЯСК.
- Зевахина Т. С. 2023. Коллизия неба и земли в романе В. Галактионовой «5/4 накануне тишины». Т. С. Зевахина (ред.) *Лингвосемиотический анализ русского художественного дискурса*. М.: МАКС Пресс, 29–34.
- Кобозева И. М. 2001. Семантические проблемы анализа политической метафоры. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, № 6, 132–149.
- Кузнецов С. А. 2000. *Большой толковый словарь русского языка*. <https://gufo.me/dict/kuznetsov/>
- Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. 2021. *Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XXI вв. Выпуск 6. «Человек»: жизнь, смерть, судьба, время*. М.: ЯСК.
- Потебня А. А. 1999. *Полное собрание трудов: Мысль и язык*. М.: Лабиринт.
- Рикёр П. 1990. Живая метафора. В Н. Д. Арутюнова (ред.) *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 435–455.
- Antconc компьютерная программа (online) <http://www.laurenceanthony.net/> (доступ 24.04.2025).

КАК СВЕРГАЮТ КОРОЛЯ, ИЛИ БИТВА СИНОНИМОВ (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА)

А. А. Кретов

Воронежский государственный университет
kretov@rgph.vsu.ru

Дорогой Ирине Михайловне Кобозевой — к её юбилею.

Ирина Михайловна Кобозева много и продуктивно занималась лексической семантикой (Кобозева 2021). Маленькому кусочку русской семантической сферы — ситуации смотрения ‘кто-то зрячий направляет взгляд на что-л. зримое’ и посвящено наше исследование. Формы текста, как-либо обозначающие эту ситуацию, называются лексико-семантическими единицами (ЛСЕ), а их совокупность — лексико-семантической группой глаголов смотрения (ЛСГ СМ).

Для придания научному тексту драматургии и игровой составляющей позволим себе метафору: **Король** — это самая употребительная форма, обозначающая данную ситуацию в тексте, иначе — функциональная доминанта лексико-семантической группы глаголов смотрения (ЛСГ СМ) — глагол *смотреть*. **Заговорщики**: глагол *глядеть* и его производные.

Введение

Данное исследование посвящено исторической лексикологии — изучению словарного состава языка в его развитии, динамике, эволюции.

Если история — это закономерная последовательность событий, объединённых причинно-следственными связями, то история лексико-семантической системы — это закономерная последовательность **лексико-семантических событий**.

Цель исследования — разработать и на конкретном материале применить инструментарий, позволяющий описывать **события**, протекающие в **лексико-семантической системе**, объяснять и предсказывать их результаты.

Задачи исследования — на примере ЛСГ СМ 1) предложить инструментарий исследования лексико-семантических событий, 2) исследовать

исторические источники с целью получения данных о лексико-семантических событиях, 3) предложить истолкование наблюдаемых событий, 4) предсказать будущее состояние исследуемого фрагмента лексико-семантической системы (ЛСГ СМ).

Объект исследования — прозаические тексты 100 авторов второй половины XVIII — второй половины XX вв. в пяти полувековых срезах совокупной длиной более 3,8 млн. словоупотреблений. См. таблицу 3.1. в Кретов 2006: 118–119.

Предмет исследования — частотность означающих с корнями *смотр-* и *гляд-* в лексико-семантической группе глаголов смотрения (ЛСГ СМ), описывающих ситуацию ‘направлять взгляд куда-либо’.

Описание событий в лексико-семантической системе

Лексико-семантическая система принадлежит языку. Но поскольку языком пользуются, и он функционирует, целесообразно выделять два аспекта языка: семиотический (язык в покое) и функциональный (язык в действии).

Событием в семиотическом аспекте лексико-семантической системы является перемещение лексемы (означающего) в семантическом пространстве, т.е. появление у слова нового значения (или исчезновение старого).

Событием в функциональном аспекте лексико-семантической системы является изменение не «абсолютных частот», как полагает В. З. Санников (1975: 58), а изменение частотного ранга лексемы.

Функциональная стратификация элементов языка предполагает наличие ядра и периферии с условной границей между ними. За границу между ядром и периферией принимается средняя частота употребления элемента в некотором множестве (Кретов 2006: 130) (в нашем случае — в ЛСГ СМ).

Ядро, характеризующееся максимальным проявлением какого-либо признака, и периферию, характеризующуюся минимальным проявлением признака, будем называть *качественным ядром* и *качественной периферией* (Кретов 2006: 129).

По мнению А. И. Кузнецовой, всякое ядро в языке устроено по *принципу матрешки* (Кузнецова 1981: 154). В кумулятивных сказках В. Я. Пропп называл этот принцип «нанизыванием» (Пропп 1976: 248). В лингвистике это называется *рекурсией*, в математике — *индукцией*, примерами которой являются бином Ньютона и треугольник Паскаля. Открытые Б. Мандельбротом (Мандельброт 2002) фракталы, посредством которых творит природа, являются *самоподобными рекурсивными* структурами.

Как показало обследование 27 частотных словарей разных объёмов, веков и языков, количество функциональных ядер ЛСЕ в текстах колеблется от 5 до 11. Последним — наименьшим — является **самое употребительное слово**. Если его частоту принять за единицу, то покрытие текста остальными ядрами (в среднем) образует ряд Фибоначчи. Эталонным является 7-ядерное членение, на котором и выполняется последовательность Фибоначчи (Кретов 2006: 135).

«Самым существенным событием, какое только может произойти в ЛСГ, является **изменение доминанты**. Вторым по существенности событием является изменение в малом ядре, третьим — изменение в большом ядре, и четвертым — изменение в большой периферии» (Кретов 2006: 136).

Гипотеза исследования. В ЛСГ СМ намечается **смена доминанты**: ЛСЕ *смотреть куда-л.* и её производные постепенно вытесняются ЛСЕ *глядеть куда-л.* с её производными.

Одной из важных составляющих исследования является представление о том, что лексические значения принадлежат не отдельным лексемам, а словообразовательному гнезду (Толстая 2013: 143–144) и что при анализе лексико-семантической системы мы так же обязаны абстрагироваться от грамматических значений и обслуживающих их морфем, как в морфологии и синтаксисе абстрагируемся от различий в лексических значениях слов и обслуживающих их корневых морфем.

Рассматриваемая коллизия иногда называется «битвой синонимов». Её возникновение является следствием действия в языке двух формально исключающих, а реально — уравнивающих друг друга тенденций: тенденции к системной устойчивости, предполагающей дублирование означающих наиболее важных для общества значений, и тенденции к экономии языковых средств (означающих), предполагающей устранение избыточных лексем, без которых можно обойтись.

В истории русского литературного языка такая смена уже происходила, когда глаголы корня *зер-зор-з^р-* (*соЗЕРцать, вЗОР, ЗРеть/вЗИРать* на кого-л. и др.) уступили место доминанты ЛСГ СМ глаголам с корнем *смотр-смагр-* (*смотреть / смагривать куда-л.* и др.).

1. Битва Королей (доминант ЛСГ)

В таблице 1 представлена динамика абсолютных и относительных частот обозначения ситуации ‘направлять взгляд куда-л.’ лексемами *смотреть* и *глядеть*. На рисунке 1 наглядно представлена динамика абсолютных частот этих ЛСЕ.

Как следует из рисунка 1, абсолютная употребительность ЛСЕ *смотреть куда-л.* в первой половине XIX века удвоилась и после этого существенно не менялась. Зато употребительность ЛСЕ *глядеть куда-л.* сначала удвоилась, потом утроилась, потом — усемерилась и в последнем срезе «всего лишь» упятилась относительно состояния на вторую половину XVIII века.

Таблица 1. Динамика частот глаголов *смотреть/глядеть* в ЛСГ ЗВ (XVIII-XX вв)

ЛСЕ	XVIII-2	XIX-1	XIX-2	XX-1	XX-2
<i>смотреть</i> наВ. /вВ.	199	391	361	447	386
Относит. <i>смотреть</i>	1	2	2	2	2
<i>глядеть</i> вВ.-Д./ наВ. /вВ.	52	111	165	383	262
Относит. <i>глядеть</i>	1	2	3	7	5

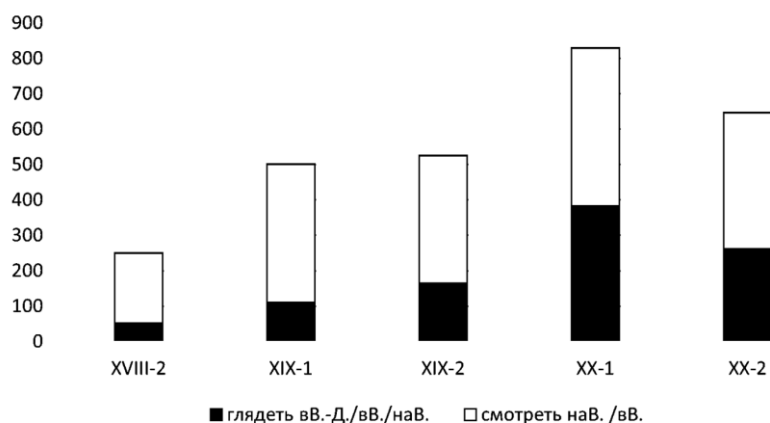

Рисунок 1. Динамика абсолютной частоты глаголов *смотреть/глядеть* в ЛСГ ЗВ.

Как видим, со второй половины XIX века относительная употребительность лексемы *глядеть* стала резко возрастать: не на 1% за полвека, как в начале первой половины XIX века, а сразу на 9%, потом — на 15%, и лексемы *смотреть* и *глядеть* почти сравнялись по употребительности в значении ‘направлять взгляд куда-л.’; лексеме *глядеть* оставалось набрать каких-то 4%. И, хотя во второй половине XX века процесс пошёл в обратном направлении (употребительность лексемы *смотреть* возросла на 6%), ситуация изменилась

кардинально: лексема *смотреть* превосходила в употребительности лексему *глядеть* уже не в 4 раза, как в XVIII веке, а всего в полтора.

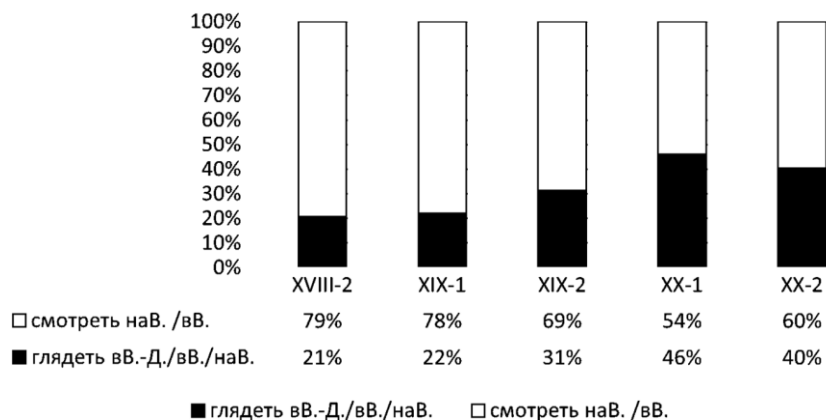

Рисунок 2. Динамика относительной доли глаголов *смотреть*, *глядеть* в ЛСГ 3В

Эти выводы подкрепляются и свидетельством НКРЯ (см. рисунок 3).

Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1000 по 2021 ©
Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов

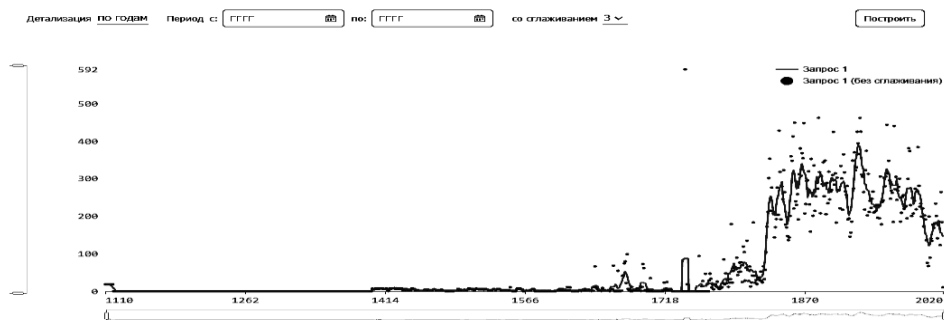

Рисунок 3. Употребительность глагола *глядеть* по данным НКРЯ.

Со второй половины XIX века начинается резкий всплеск употребительности этого глагола, пошедший на убыль в конце XX века.

Конечно, частотность лексемы *глядеть* и частотность ЛСЕ *глядеть куда-л.* не одно и то же, но, как свидетельствует «Словарь языка Пушкина» (СЯП-2000), доля первого (прямого) значения глагола *глядеть* составляет 84%, от общего числа его употреблений (228 словоупотребления из 271). Следова-

тельно, по общей употребительности этого глагола вполне можно судить и об употребительности его первого значения.

2. Сила и слабость Королей (борьба в парадигмах доминант)

Рассмотрим частотность словоформ в парадигмах ЛСЕ *смотреть* и *глядеть куда-л.* (см. рисунок 4).

Рисунок 4. Разность ФН в парадигмах ЛСЕ *смотреть/глядеть куда-л.* (Срез 1) (**положительные** значения — преобладание словоформ ЛСЕ *смотреть* куда-л., **отрицательные** — преобладание словоформ ЛСЕ *глядеть* куда-л.)

Формально у «Короля» (ЛСЕ *смотреть* куда-л.) всё обстоит благополучно. Его парадигма представлена 15 словоформами, а парадигма ЛСЕ *глядеть куда-л.* представлена 11 словоформами, считая словоформу *глядь*, которую академический словарь трактует как «междометие (обычно в функции сказуемого)» (БАС-3 Т.4: 183)¹. Корректнее было бы её назвать особой формой глагола *глядеть*:

¹ Такая трактовка противоречит академическому же определению междометий: «МЕЖДОМЕТИЯ — класс неизменяемых слов, служащих для **нерасчлененного** выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность. **М. не являются ни знаменательной, ни служебной частью речи.** От знаменат. слов они отличаются отсутствием номинативного значения (выражая чувства и ощущения, М. не называют их); в отличие от служебных частей речи **М. не свойственна связующая функция.** Мн. М. ведут свое происхождение от эмоциональных возгласов и звучаний, сопровождающих рефлекс организма на внешние раздражения (выделение моё — А.К.)» (ЛЭС-1990: 290).

«Он *глядь* туда, *глядь* в другую сторону, *глядит* позади кареты обегая кругом, но столько же *видит*». (А. Т. Болотов «Жизнь и приключения Андрея Болотова...»: 55).

Междометие не может иметь управления глагола, его семантики и синтаксической функции сказуемого. В данном случае мы имеем дело с мгновенной и (подобно инфинитиву и деепричастию) неизменяемой формой глагола типа *зырк, хлоп, толк* и т.п. Наличие этой формы — одно из неоспоримых преимуществ глагола *глядеть*: формы **смотреть* у глагола *смотреть* не образуется в силу его формальных (фонетическая сложность) и семантических (не мгновенность²) особенностей.

Абсолютная частота парадигм также не сопоставима: *смотреть* — 68, *глядеть* — 6; *смотрел* — 34, *глядел* — 2; *смотрели* — 23, *глядели* — 4; *смотря* — 21, *глядя* — 11; *смотрела* — 12, *глядела* — 2; *смотрит* — 8, *глядит* — 2; *смотри* — 6, *гляди* — 2; *смотрят* — 5, *глядят* — 1 и только в паре *смотрим-глядим* — равенство: по 1 словоупотреблению. Форма прошедшего времени *смотрело* — 1 не имеет конкурента с корнем *гляд-*. Не имеют конкурентов и формы настоящего времени: *смотрю* — 4, *смотришь* — 2, *смотрите* — 1. Причастные формы единичны, поэтому тут словоформе *глядящую* — 1 противостоят формы *смотрящих* — 1, *смотрящим* — 1.

На первый взгляд, Королю ничто не грозит и «свита играет его» хорошо, но стоит принять частоту ЛСЕ за 100% и обратить абсолютные величины в относительные (см. рисунок 5) — поводы для беспокойства появляются.

Разность относительных частот словоформ ЛСЕ *смотреть/глядеть* куда-л. представлена на рисунке 5.

Оказывается, что по относительным величинам, преимущество глагола *смотреть* ограничивается всего двумя, правда, самыми употребительными словоформами: *смотрел-глядел* (17%-6%) и *смотреть-глядеть* (35%-18%). В формах *смотрели-глядели* (12%-12%), *смотрела-глядела* (6%-6%), *смотрят-глядят* (3%-3%) — паритет. А формах *смотрит-глядит* (4%-6%), *смотри-гляди* (3%-6%), *смотрим-глядим* (1%-3%) и особенно — в позиции деепричастия

² См. ниже о возведении глагола *смотреть* к корню *мет-/мот-*, семантика которого впоследствии распределилась между алломорфами корня с различным вокализмом. За глагольными морфами *МЕТ-* (*метать/мечу*), *-МЁТ* (*пулемёт, камнемёт, водомёт, банкомёт, пескомёт* и др.) закрепилась семантика 'заставлять лететь', а за именным *МОТ-* (*мотать/мотаю* головой или деньги — *мот*, а также *моток, мотка, моталка* и др.) — семантика 'двигать из стороны в сторону; круговыми движениями навивать на что-нибудь (нить, веревку и т. п.)', не предполагающая мгновенности. Бодуэн называл это явление семасиологизацией фонетических альтернатив. *Мечу* относится к *мотаю* (головой и т. п.), как *лечу* к *летаю*.

смотря-глядя (11%-32%) преимущество глагола *глядеть* колеблется в интервале от полутора до трёх раз.

В целом, у глагола *смотреть* преимущество в формах прошедшего времени (с традиционно относимым к ним инфинитивом), а у глагола *глядеть* — преимущество в формах настоящего времени (в императиве и особенно — деепричастии). Правда, в двух формах прошедшего времени преимущества глагола *смотреть* уже нет. А в формах настоящего времени *смотрю*, *смотришь*, *смотрите* преимущество глагола *глядеть* ещё не достигнуто.

Но тенденция и принцип взаимодействия просматриваются: самые употребительные формы (а в нарративе это формы прошедшего времени) — оплот глагола *смотреть*, редкие и менее употребительные формы «захватываются» глаголом *глядеть*.

А теперь обратимся ко второй половине XX века и посмотрим, что произошло с парадигмами ЛСЕ *смотреть* и *глядеть* куда-л. за два столетия, см. рисунок 5а.

Борьба словоформ в парадигмах доминант (XX-2 век)

На первый взгляд, ситуация существенно не изменилась: употребительность глагола *смотреть* по-прежнему выше употребительности глагола *глядеть*.

Обратим внимание на другие изменения (см. таблицу 2).

Таблица 2. Конкуренция форм ЛСЕ *смотреть/глядеть* куда-л. (Срез 5)

№	Окружение	Словоформа	Частота	Отн√	Словоформа	Частота	ФН%
1	√ел	СМОТРЕЛ	145	41,2%	ГЛЯДЕЛ	44	19,0%
2	√ела	СМОТРЕЛА	61	17,3%	ГЛЯДЕЛА	16	6,9%
3	√еть	СМОТРЕТЬ	58	16,5%	ГЛЯДЕТЬ	23	10,0%
4	√ели	СМОТРЕЛИ	35	9,9%	ГЛЯДЕЛИ	14	6,1%
5	√ит	СМОТРИТ	34	9,7%	ГЛЯДИТ	8	3,5%
6	√ят	СМОТРЯТ	9	2,6%	ГЛЯДЯТ	5	2,2%
7	√у	СМОТРЮ	3	0,9%	ГЛЯЖУ	3	1,3%
8	√ишь	СМОТРИШЬ	2	0,6%	ГЛЯДИШЬ	5	2,2%
9	√я	СМОТРЯ	2	0,6%	ГЛЯДЯ	95	41,1%
10	√евшего	СМОТРЕВШЕГО	1	0,3%	ГЛЯДЕВШИЙ	2	0,9%
11	√им	СМОТРИМ	1	0,3%			
12	√ите	СМОТРИТЕ	1	0,3%	ГЛЯДИТЕ/глядьте	3	1,3%

Во-первых, деепричастие *глядя* обошло деепричастие *смотря* не только по относительной употребительности, но и по абсолютной, практически вытеснив его с этой позиции: 95 употреблений против двух. Из этих двух случаев в чистом виде *смотря* употреблено только А. И. Солженицыным:

Но он (Егенбердиев) не метался, не суетился, не кричал, а мерно и дочиста выедал из тарелок и вот так спокойно часами мог сидеть, СМОТРЯ никуда (А. И. Солженицын, Раковый корпус).

У Ю. Казакова деепричастие *смотря* употреблено вынужденно — в одном предложении с *глядя* и после него — во избежание повторения:

– Н-да... – сказал опять Крымов, не ГЛЯДЯ на нее, переминаясь и СМОТРЯ на пустынное шоссе, в лес, куда ушел шофер (Ю. Казаков, «Вон бежит собака!»).

Для наглядности представим ФН на словоформы ЛСЕ *смотреть/глядеть* куда-л. как разность (ФН%*смотреть* — ФН%*глядеть*) (См. Рисунок 5).

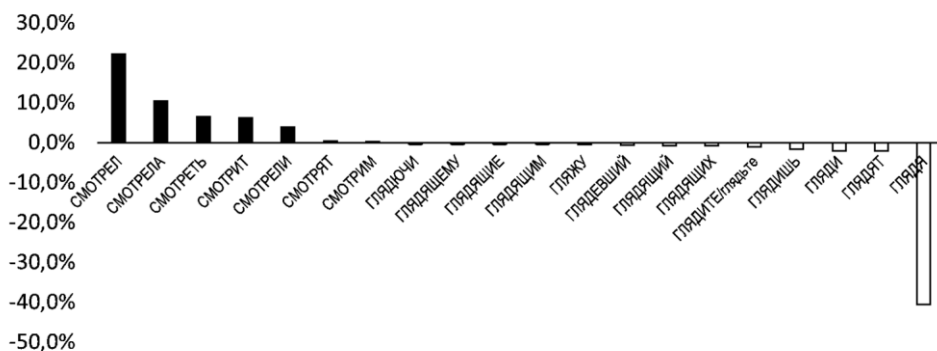

Рисунок 5. Разность ФН% на словоформы ЛСЕ *смотреть/глядеть* куда-л. (Срез XX-2)

Из пяти «успешных» форм ЛСЕ *смотреть* куда-л. только *смотрит* не относится к основам **прошедшего** времени. Повышенная частота словоформы *смотрит* объясняется её преимущественным употреблением как **настоящего неактуального**.

1) В функции настоящего исторического:

Дед на часы СМОТРИТ — пятнадцать минут прошло, потом начали разгружать. Серг.

Он (Павел Николаевич) **чувствовал**, что и вся комната сейчас **СМОТРИТ** на него... Солж.

Я уже на улицу **вышел** — а он (мужик) под аркой **встал** и **СМОТРИТ**. Влад.

Но я ошибся, что никто на нас не **СМОТРИТ**. Влад.

2) модусом нарратива — настоящее повествовательное (особенно у А. Битова):

Екатерина Андреевна **отряхивается** прогоняя видение — **видит** сына. **СМОТРИТ** на него с долгой нежностью... Битв.

Нана ... **выдергивает** руку и **СМОТРИТ** поверх Сергея Андреевича с ужасом. Битв.

Он (Сергей Андреевич) **садится**. **СМОТРИТ** с удивлением на широкую воду. Битв.

Рысь **прядет** кисточкой и с интересом **СМОТРИТ** на старуху, а не на миску. Битв.

3) В функции исторического вневременного:

Донцова и Гангарт **смотрели** на Костоглотову и сияли — так, как **СМОТРИТ** учитель на выдающегося отличника. Солж.

Даже самый интеллигентный и духовно углубленный москвич **СМОТРИТ** на иностранца, особенно на крымского гостя, с немым вопросом: чего принес? Аксн.

Никто (из туристов) не **СМОТРИТ** на природу. Битв.

3. Борьба в Свитах Короля и Заговорщиков

Срез 1. Вторая половина XVIII века

Общая картина распределения функциональной нагрузки между ЛСЕ с корнями *смотр-* и *гляд-* представлена на рисунке 6.

Проанализируем рисунок 6. Корень *смотр-* имеют 10 ЛСЕ, а корень *гляд-* — 16. В первой десятке 3 ЛСЕ с корнем *смотр-* и 7 — с корнем *гляд-*.

ЛСЕ *смотреть* куда-л. является доминантой ЛСГ СМ. Но вице-доминантой является не *посмотреть*, а *взглянуть*, и это — очень серьёзный сигнал. Функцию ЛСЕ *посмотреть* ‘направить, бросить взгляд куда-л.’ выполняют три(!) ЛСЕ с корнем *гляд-*: *поглядеть*, *глянуть* и *взглянуть*, позволяющие различить значения ‘на какое-л. время направить взгляд куда-л.’ — *поглядеть*, ‘однократно направить взгляд куда-л.’ — *глянуть* и ‘на миг направить взгляд

куда-л.' — *взглянуть*. При этом *поглядеть*, *глянуть* и *взглянуть* различаются и стилистически. Судя по преобладающей употребительности глагола *взглянуть*, он наименее окрашен стилистически, поскольку не имеет даже потенциального конкурента-аналога с корнем *смотр-*. Ср. *посмотреть-поглядеть*, **смотреть-глянуть*, Ø-*взглянуть*.

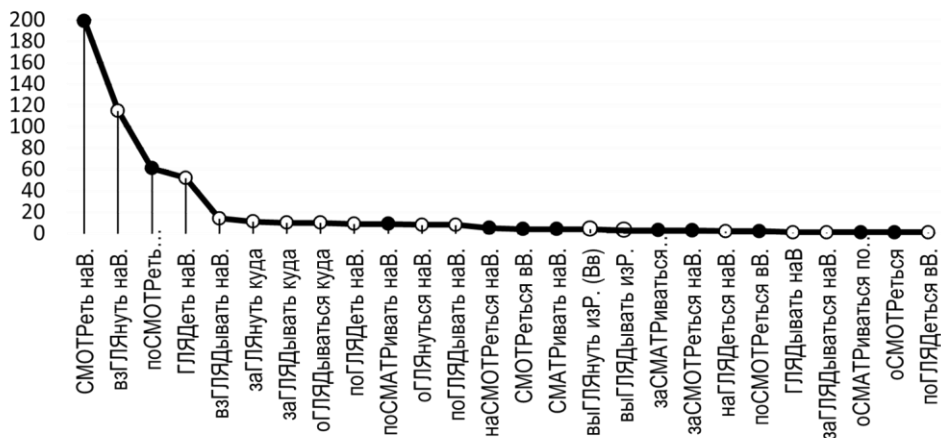

Рисунок 6. Стратификация по частотности ЛСЕ с корнями *смотр-* и *гляд-* в срезе XVIII-2

Более того, остальные ЛСЕ с корнем СМОТР- занимают 9,5, 13, 15, 18, 20,5 и 24-ый ранги. Как видим, ЛСЕ с корнем ГЛЯД- сильно оттеснили системную поддержку — «стражу» «короля»-доминанты ЛСГ СМ.

В чём же преимущество корня *гляд-*? Лексема *взглянуть* демонстрирует сразу два преимущества: во-первых, это способность сочетаться с суффиксом *-ну-*; корень *смотр-* не может с ним сочетаться по фонетическим причинам: **смотреть* ТР и Н не сочетаются в отличие от РТ и Н (ср. по-веР(Т)=Нуть).

Конечно, при большом желании можно выбрать алломорф =*ану* и образовать лексему *смотреть*: «(1) Ответы Mail: Подскажите, где качнуть, а лучше **смотреть** онлайн уматовый канадский мульт "Свин Сити"? Заранее благодарен всем-всем!!!».

Но и это употребление — не конкурент ЛСЕ *глянуть куда-л.*, потому что в нем представлены управление (что?), сочетаемость (мультфильм) и значение глагола ЛСЕ созерцания: 'воспринимать зрением изменчивый динамичный объект — *зрелище*³. Контекстуальное значение глагола тут 'воспринять зрением в один присест (мультфильм)', а не 'однократно устремить взгляд на кого-что-л.'.

³ О различении ЛСГ смотрения, видения и созерцания см. Кретов 2006: 125–130.

Второе преимущество корня *гляд-* состоит в том, что к нему может присоединяться приставка *въз-*: *взглянуть* (ср. *въз-бираться*, *въз-братся*, *въз-вести/нести*), а к корню *смотр-* — не может. И опять — по фонетическим причинам: **възсмотреть* неизбежно упростится в *смотреть*, как *въз-казать* > *сказать* упростилось в *сказать*.

Этимологически «корень» *смотр-* является сложной основой — с неперфективирующей⁴ (что очень важно!) праиндоевропейской проклитикой *съ-* (**si-* ‘свой’, ср. *съ-мер*=*t_ь*, *умереть своей смертью*), столь же древним именным суффиксом *p* (как в *жи-р*, *пи-р*, *ми-р*, *хит-р*, *муд-р*, (*само*)*ду-р_ь*, *да-р*, *ста-р*, *ост-р*, *доб-р*, *бод-р*, *щед-р*, *жаб-р_ы*, *иг-р_а*, *ик-р_а*, *иск-р_а* и др.) и корнем *мот-/мет-* (*метать взгляды* и т.п. (ЭССЯ 20: 65-67)). Ср. «**Мотрѣть**, р'ю, мотришь, несов., неперех. 1. ...Смотреть, глядеть» (СРНГ Вып.18: 303) из *мот=p-* ‘нечто брошенное’. Ср. этимологию слова *мост* = «**mostъ* (из **mot-tos*) от **mesti* ‘бросать’ с исходным значением ‘то, что переброшено’. <...> Эволюция семантики слова **mostъ* была связана с развитием техники строительства. Первоначально это... ‘то, что переброшено (через ручей, овраг)’» (ЭССЯ 20: 33).

ЛСЕ *взглянуть* отличается от *поглядеть* значением семelfактивности. Особенность глагола *взглянуть* в том, что он является «дважды» перфективированным: посредством приставки и посредством суффикса, что усиливает семантику однократности-мгновенности.

Борьба в Свитах. Срез 5. Вторая половина XX века

Рассмотрим изменение в стратификации Свит за два века (см. рисунок 7).

Как видим, за два века ситуация коренным образом изменилась: из 30 ЛСЕ только 7 имеют корень *смотр-*. Король отсечен от своей свиты и изолирован. Заговорщик *глядеть* вплотную подобрался к Королю *смотреть*, а к его «телохранителю» *посмотреть* с частотой 199 уже непосредственно примыкают его функциональные конкуренты — ЛСЕ *взглянуть* (119), *поглядеть* (93) и *гляднуть* (53), находящийся в двух рангах частоты от них. Эти троим, если сложить их частоты (265) *посмотреть* (199) уступает уже существенно.

Посматривать уже уступает в частоте лексеме *поглядывать*, *осматриваться* и *засматриваться* уступают своим конкурентам с корнем *гляд-*. *Осмотреться* (12) и *насмотреться* (6) Короля не спасут: их частота погоды не делает, да и преимущество их перед конкурентами с корнем *гляд-* невелико.

⁴ Ср. «**ПЕРФЕКТИВАЦИЯ** Образование глаголов совершенного вида от глаголов не совершенного вида при помощи приставок или при помощи суффикса *-ну-*. *Делать* — *сделать*, *слепнуть* — *ослепнуть*, *душить* — *задушить*, *строить* — *построить*, *прыгать* — *прыгнуть*» (Розенталь 1976: 284).

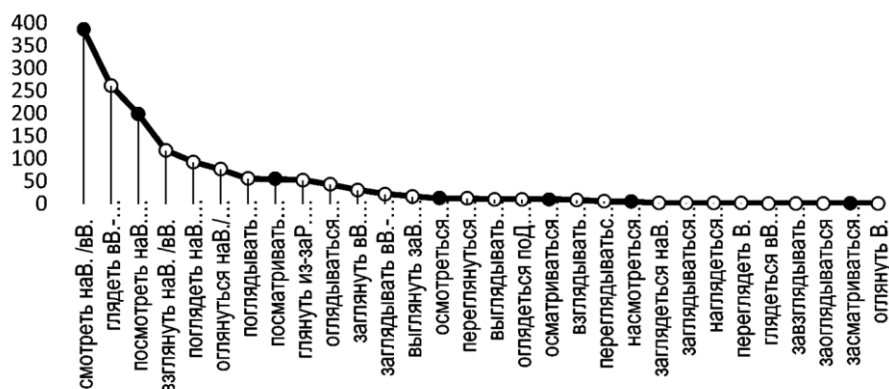

Рисунок 7. Стратификация по частотности ЛСЕ с корнями *смотр-* и *гляд-* в срезе XX-2

4. Борьба дворов (корни *смотр-* и *гляд-* в срезах XVIII-2 — XX-2)

Посмотрим, как протекала конкуренция всех ЛСЕ с корнями *смотр-* и *гляд(д)-* на протяжении двух веков. Для этого сравним отношение суммарной частоты корнеслова *смотр-* к суммарной частоте корнеслова *гляд-* в ЛСГ СМ (см. рисунок 8).

Таблица 3. Динамика ФН на ЛСЕ с корнем *смотр-* относительно ФН на ЛСГ с корнем *гляд-* (в срезах XVIII-2 – XX-2)

	Срез-1	Срез-2	Срез-3	Срез-4	Срез-5	Срез-6
С/Г	1,19	0,99	1,08	0,67	0,80	0,60
Шаг	—	-0,20	0,09	-0,41	0,13	-0,20
<i>смотр-</i>	292	612	586	642	668	600
<i>гляд-</i>	245	616	542	961	835	860

Наглядно динамика и прогноз «битвы дворов» представлена на рисунке 8.

Как видим, «Двор» Короля первый раз проиграл «двору» заговорщика ещё в первой половине XIX века, а окончательно и бесповоротно — век спустя, в первой половине XX века (срез 4).

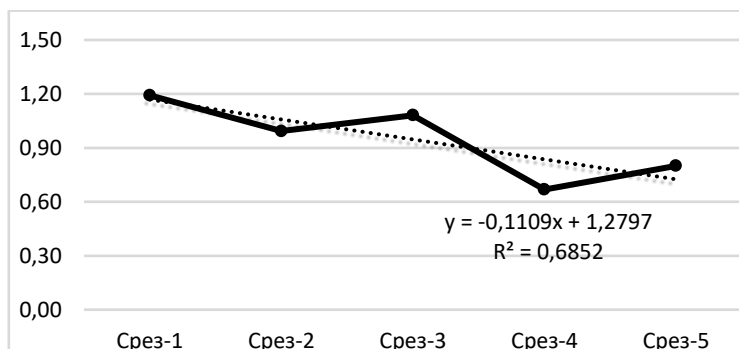

Рисунок 8. Динамика отношения ФН смотрения к ФН глядения в пяти срезах.

5. Когда падёт Король?

Начнём прогноз с простейшей линейной модели. Как установлено в XVIII веке, частота Короля (*смотреть куда-л.*) была 195, частота заговорщика (*глядеть куда-л.*) — 34. Иными словами, если в XVIII веке употребительность ЛСЕ *смотреть куда-л.* превосходила употребительность ЛСЕ *глядеть куда-л.* в 5,7 раза, то во второй половине XX века — всего в 1,3 раза.

В среднем каждые полвека ЛСЕ *глядеть* «отыгрывает» у глагола *смотреть* по 1,1 функциональной нагрузки (ФН). Следовательно, (при сохранении этой тенденции) «Король» должен быть «свергнут» в первой половине XXI века (см. рисунок 9) и место доминанты в ЛСГ СМ должна занять ЛСЕ *глядеть куда-л.*

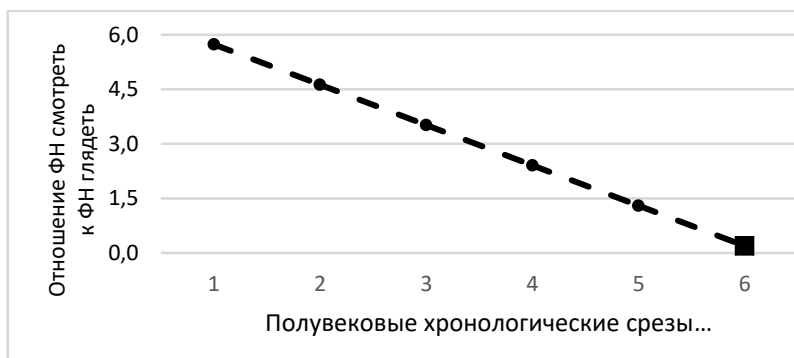

Рисунок 9. Модель и прогноз отношения ФН на ЛСЕ *смотреть куда-л.* к ФН на ЛСЕ *глядеть куда-л.*

Расхождение в данных с таблицей 2 и рисунком 2 объясняется тем, что там приведены данные о функционировании глаголов во всех трёх ЛСГ зрительного восприятия (смотрения, видения и созерцания), а в таблицах 4–6 приведены данные только по ЛСГ смотрения, т. е. только по обслуживанию значения ‘направлять взгляд куда-л.’.

Итак, при неизменности условий протекания исследуемого процесса «свержение короля» должно произойти в первой половине XXI века.

Проверим полученный результат с опорой уже не на 2 точки на временной оси, а на траектории двух ЛСЕ, построенные по 5 точкам (Срезам 1, 2, 3, 4, 5).

Линейное моделирование употребительности ЛСЕ *смотреть куда-л.* И *глядеть куда-л.*, представленное ниже (см. рисунок 10), подтверждает, что дни Короля сочтены.

Употребительность ЛСЕ *смотреть куда-л.* неизменно убывает, практически с одной скоростью. Поведение ЛСЕ *глядеть куда-л.* не столь однозначно. Но с учётом социальных процессов, изменивших российский социум в 1990–2000 годы, есть все основания полагать, что падение употребительности «заговорщика» сменится подъёмом, и свержение Короля состоится, как и повод сказать: «Король умер. Да здравствует Король!».

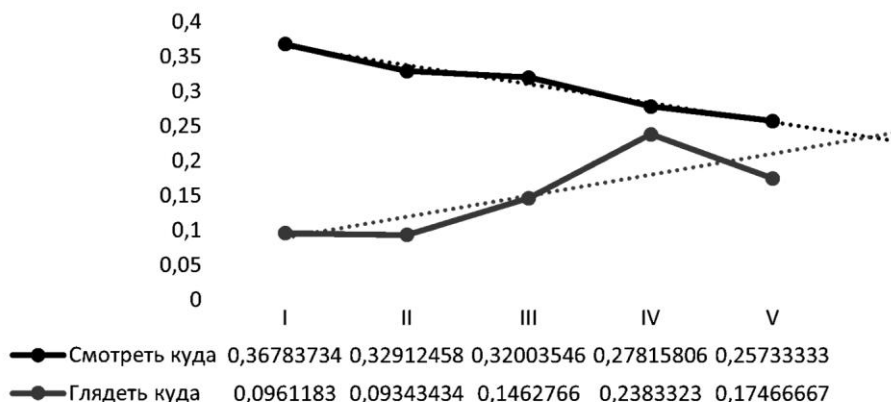

Рисунок 10. Динамика ФН на глаголы *смотреть* и *глядеть* и прогноз на первую половину XXI в.

6. Куда «уйдут» лексемы смотрения?

Ответ на этот вопрос известен. Во-первых, глагол ЗВ *видеть* находится в этимологическом родстве с глаголом мыслительной деятельности *ведать*.

А во-вторых, глагол *рассматривать* в «Частотном словаре русского языка» (Засорина 1977) в научных текстах имеет частоту 40, в художественных — 20, а в драматургических — 15. Это означает, что в значении мыслительной деятельности этот глагол употребляется в 3 раза чаще, чем в значении зрительного восприятия, свойственного разговорной речи пьес.

Итак, свергнутый Король будет принуждён бежать в чужое «царство» — царство мыслительной деятельности, где есть свой Король — глагол *думать*. Во-вторых, известна судьба глагола *зреть куда-л.* > *зреть что-л.* и его потомка, прижившегося в царстве мыслительной деятельности — *мировоззрение*. Особенно ярко переход из «царства» смотрения в «царство» мыслительной деятельности представлен в укр. *світогляд* и *миропогляд* ‘мировоззрение’.

В «царство» мыслительной деятельности глаголы смотрения попадают либо через ЛСГ видения (*смотрит А <куда-л. и видит>: Х > смотрит А: Х*), либо через ЛСГ созерцания (*смотреть куда-л.* > *смотреть на что-л.* Динамичное > *смотреть что-л.* динамичное > *смотреть кого-что-л.*).

А в новом «царстве» может развернуться новая «битва за престол».

Перспективы исследования

Одним из недостатков выполненного исследования является практическое отсутствие рассмотрения объекта исследования в надсистеме — социуме. Имеющиеся наблюдения позволяют предположить, что повышение употребительности корнеслова *гляд-* связано с «либерализацией» общества, если под нею понимать безвластие, сопровождаемое ослаблением государства. Соответственно, понижение употребительности корнеслова *гляд-* связано со стабилизацией общества и «отверждением закона». Ближайшей перспективой исследования является проверка этой гипотезы, требующая дополнения лингвистического аспекта исследования социолингвистическим и социологическим.

Литература

- СЯП-2000 *Словарь языка Пушкина: в 4 т.* Виноградов В. В. (отв. ред.). 2000. Изд. 2, доп. Москва: Азбуковник.
- Засорина Л. Н. (ред.). 1977. *Частотный словарь русского языка*. М.: Русский язык.
- Кобозева И. М. 2021. *Лингвистическая семантика*. Учебник. Изд. 7-е, испр. и доп. (Классический учебник МГУ: Теоретическая лингвистика: Формальные модели языка). Москва: Ленанд.

- Кретов А. А. 2006. *Основы лексико-семантической прогностики*. Монография. Воронеж: Изд-во ВГУ.
- Кузнецова А. И. 1981. Соотношение центра и периферии в области морфемики русского языка. *Научно-техническая конференция "Проблемы дериватологии". Тезисы докладов*. Вып. 2, 153-156.
- ЛЭС-1990 *Лингвистический энциклопедический словарь* (Дата обращения 18.01.2025).
- Мандельброт Б. 2002. *Фрактальная геометрия природы*. Москва: Институт компьютерных исследований.
- Пропп В. Я. 1976. Кумулятивная сказка. В В. Я. Пропп *Фольклор и действительность: Избранные статьи*. М., 241-257.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1976. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Изд. 2-е. Москва: Просвещение.
- Санников В. З. 1975 Очерк восточнославянской сравнительно-исторической лексикологии (лингвостатистический аспект). *Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике*. Предварит. публ. Вып. 69. Москва: Институт русского языка АН СССР.
- Толстая С. М. 2013 Семантическая реконструкция и лексическая типология. А. М. Молдован, С. М. Толстая (отв. ред.) *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*. Москва: Индрик, 141-162.
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков*. 1974, Москва: Наука.

В РУССКИЙ ТУТ НЕКОТОРЫЕ НЕ УМЕЮТ: НОВАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛА *УМЕТЬ*¹

Ю. Н. Кузнецова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН
kuznetsova.yn@gmail.com

1. Введение

В последнее десятилетие в разговорном русском языке глагол *уметь* приобрел новую модель управления: *уметь + в + сущ. в Вин.п* (1).

(1) *Все, можешь ничего не писать, ты бестолочь, которая не умеет в аргументацию.*

В НКРЯ обнаруживаются более ранние вхождения этой конструкции (2), однако они ограничены обозначением навыка играть в какую-либо игру.

(2) *Вам нынче в шашки не с руки, по нынешним годам в фаворе те, что умеют в поддавки...*

Группу примеров типа (2) объединяет одно: семантически и грамматически в них легко восстанавливается глагол *играть*, и можно заключить, что предлог *в* здесь сохраняется именно как часть модели управления *играть*. Однако очевидно, что в новых употреблениях такая логика неприменима: в (1) невозможно подобрать глагол, который можно бы считать эллидированным. Представляется, что такая модель для глагола *уметь* действительно может считаться языковой инновацией.

2. Данные

Основным источником для настоящего исследования послужил подкорпус «Социальных сетей» НКРЯ, в котором находится 94 вхождения интересующей нас конструкции. Самое первое ее употребление относится к 2012 году (3).

¹ Данные были представлены на «Ломоносовских чтениях — 2022» и были оценены Ириной Михайловной как «интересный материал».

(3) ...*Лев Рубинштейн (поэт, не умеющий в рифму)*...

Список существительных, которые встречаются в этой конструкции в форме винительного падежа, довольно разнообразен. Более одного вхождения зафиксировано для *дизайн* (6 вхождений), *сарказм* (5), *программирование* (2), *фотошоп* (2), *аргументация* (2), *ирония* (2). Поскольку подкорпус не является сбалансированным по тематике, частотность существительных в полученной выборке может не отражать языковой реальности. В некоторых случаях для большей иллюстративности примеры подбирались непосредственно в Интернете.

Если попытаться разделить употребления на разные группы, то можно сделать это, используя парафразы. В таком случае к одной группе будут принадлежать такие употребления, в которых глагол *уметь* сохраняется, к другой — те, где сохранить его скорее невозможно. Рассмотрим каждую из групп подробнее.

3. Модель новая, семантика старая

Внутри первой группы с сохранением *уметь* по семантическим основаниям можно выделить подгруппы. В первой подгруппе окажутся такие контексты, в которых исходная именная группа *в + суц. в Вин.п.* может быть заменена однокоренным глаголом (4)–(6).

- (4) *Я не умею в программирование.* = *Я не умею программировать.*
- (5) *Да вообще не каждый человек умеет в ориентирование.* = *Да вообще не каждый человек умеет ориентироваться.*
- (6) *{А все лишь только потому что} человек не умеет в поиск инфы {а так же сесть и подумать}.* = *Человек не умеет искать информацию.*

Иными словами, в этих контекстах именная группа является номинализацией глагола, который можно восстановить в предложении по смыслу.

Ко второй подгруппе относятся такие контексты, в которых можно сохранить исходное существительное без предлога *в* в функции дополнения некоего глагола, причем зачастую такой глагол является наиболее частотным коллокатом этого существительного в такой синтаксической функции. Эта подгруппа также распадается еще на два типа на основании семантики того глагола, который участвует в парафразе. К первому относятся глаголы с общим значением «заниматься чем-либо», ко вторым — «создавать что-либо». Так, для существительного *амплуа* — *играть* (7), для садоводства — *заниматься* (8), для анестезии — *делать* (9).

- (7) *Она умеет максимум в одно амплуа.* = *Она **умеет играть** максимум в одном амплуа.*
- (8) *Может кто-то умеет в садоводство?* = *Может кто-то **умеет заниматься** садоводством?*
- (9) *{на ранней кастрации просто мне показалось проще искать} врачей которые умеют в анестезию здоровых котят... = врачей, которые **умеют делать** анестезию здоровым котят.*

Необходимо отметить, что в примерах (7)–(9) глаголы являются именно самыми частотными коллокатами, при этом они не обязательно демонстрируют наиболее тесную связь со своим целевым существительным (например, по трем статистическим метрикам из четырех, представленных в НКРЯ, у слова *амплуа* наиболее тесная коллокационная связь с глаголом *сменить*). К сожалению, в основном корпусе НКРЯ не находится глаголов-колокатов, для которых слово *фотошоп* было бы актантом в роли дополнения, но, если довериться своей интуиции носителя русского языка, то можно предположить, что в такой роли мог бы выступить глагол *использовать* (10).

- (10) *Я умею в фотошоп {и разработку и проведение игр как геймдиз / модератор, как компьютерных так и живых}. = Я **умею использовать** фотошоп.*

Можно заметить, что все эти глаголы обладают довольно общим значением, в целом их семантику можно было бы описать как ‘вести деятельность X’, где X является основным носителем значения глагольной группы. По этому параметру их можно отнести к лексическим функциям *Орег₁*, основное свойство которых состоит как раз в семантической пустоте (Мельчук 1974) или, по меньшей мере, низкой семантической наполненности (Апресян 2004). Например, *Орег₁* (садоводство) = заниматься садоводством.

Ко второму типу относятся такие парафразы, в которых также можно использовать глагол, но со значением «создавать, делать». Для существительного *уют* это будет глагол *создавать* (11), для *линз* — *производить* (12), для *ремейков* — *делать* (13), для *коктейлей* — *готовить* (14).

- (11) *Лейка не умеет в линзы?* = *Лейка не **умеет производить** линзы?*
- (12) *Ищу девушку, которая умеет в уют, гармонию и микроклимат дома.* = *Ищу девушку, которая **умеет создавать** уют, гармонию и микроклимат дома.*
- (13) *Не только Киркоров умеет в ремейки.* = *Не только Киркоров **умеет делать** ремейки.*

- (14) {*восьмерка оч хорошее место*} в джасте и лексе тоже умеют в коктейли {и стойки там приятные но больше всего мне сейчас в бульвардые нравится} = В Джасте и Лексе тоже **умеют готовить** коктейли.

Внутри этого типа глаголы, которые можно восстановить в парафразах, уже не настолько семантически пусты, как глаголы внутри первого типа, поскольку, в них заложен семантический элемент создания чего-либо. В целом, они могут быть сведены к лексической функции Caus, например, Caus (уют) = создавать уют. Тем не менее эти глаголы не обозначают никакой узко специфицированной деятельности, и также довольно легко восстанавливаются из контекста с высокой долей однозначности, хотя, конечно, в некоторых случаях может быть использован и близкий синоним, например, для (11) это мог бы быть глагол *изготавливать*, а для (14) *делать*.

Таким образом, представляется, что в описанных выше случаях мы имеем дело только со сменой модели управления: исходная модель управления *уметь* + инфинитив заменяется на *уметь* + *в* + *сущ.* в Вин.п., при этом инфинитив, который мог бы быть употреблен в парафразе предложения с новой моделью управления, с большей или меньшей точностью может быть восстановлен из контекста, а собственно глагол *уметь* сохраняет свое лексическое значение. В статье Martí 2015 показано, что опущение прямого объекта транзитивных глаголов в предложениях типа (15) связано с рутинными или конвенционализированными действиями.

- (15) *Peter is drinking in the balcony (alcohol).*

‘Питер пьет на балконе (алкоголь).’

Похоже, что в случае с *уметь* + *в* применима сходная логика, только действие здесь задается не глаголом, а существительным-актантом и ситуацией в целом. Если речь идет о питейном заведении и коктейлях (14), то исходя из общих представлений об устройстве таких заведений, можно предположить, что коктейли там готовят, хотя теоретически коктейли могли бы закупать на каком-нибудь производстве и продавать посетителям в банках или бутылках.

Видимо, в этом аспекте русский *уметь* стоит в одном ряду с модальными глаголами разных языков, в том числе типологически не похожих и генетически не связанных. Например, в (16) очевидно пропущен глагол движения, такой как, *gehen* ‘идти’ или *fahren* ‘ехать’, поскольку предлог *zu* обозначает цель движения и не входит в модель управления модального *müssen* ‘быть должным, нужно’.

НЕМЕЦКИЙ

(16) *Ich muss zur Arbeit.*

я должен.1SG к;ART;DAT работа

‘Мне нужно на работу.’

В (17) аналогичным образом по контексту восстанавливается глагол *shuō* ‘говорить’, поскольку *huì* ‘мочь, уметь’ является модальным глаголом и в норме не сочетается с существительными, а главное умение, которое связано со знанием иностранного языка, это именно навык говорить на нем.

КИТАЙСКИЙ (СТАНДАРТНЫЙ)

(17) *wǒ huì yīngyǔ.*

я уметь английский_язык

‘Я говорю по-английски.’

Пока кажется, что *уметь* + *в* — это пример языковой игры, в которой правила грамматики языка намеренно нарушаются.

4. Умение как обладание функцией

Отдельно следует оговорить группу корпусных примеров, которые тоже входят в категорию с сохранением глагола *уметь* при парафразе, хотя это и не единственная альтернатива. Их особенность состоит в том, что подлежащим группы *уметь* + *в* является неодушевленное существительное. Вообще говоря, толкование *уметь* не ограничивает круг его употреблений только одушевленными субъектами. Согласно «Малому академическому словарю», у глагола *уметь* в современном русском языке имеется два толкования:

1. Обладать умением делать что-л. благодаря знаниям или навыку к чему-л.
2. Обладать какой-л. способностью, характерной особенностью.

Толкование 2. за счет части «обладать характерной особенностью» вполне может быть применимо и к существительным неодушевленным. Тем не менее представляется, что неодушевленные существительные нельзя назвать типичными заполнителями валентности на субъект у глагола *уметь*. Хотя в основном корпусе НКРЯ можно найти примеры типа (18), неодушевленные существительные не входят в топ коллокатов.

(18) *Черт знает, может, действительно вода умеет запоминать и даже думать?*

Однако у *уметь* + *в* среди всех вхождений в подкорпусе социальных сетей НКРЯ 18 относятся к четко определенному классу, это предложения, где

подлежащим является не просто неодушевленное существительное, а некоторое устройство, которому приписываются те или иные функции. Поэтому для (19) и (20) возможны парафразы, в которых глагол *уметь* сохраняется, но более естественными являются парафразы при помощи выражения «обладать функцией».

(19) *Да, многие камеры умеют в вайфай директ или блютуз, {но качать равны по 20-50-100 Мб каждый через блютуз это земля пухом.} = Многие камеры **обладают функцией** вай-фай или блютуз. / Многие камеры умеют подключаться через вай-фай или блютуз.*

(20) *Что сафари, что хром давно умеют в уведомления с сайтов, {оло}. = Что Сафари, что хром давно **обладают функцией отправки уведомлений с сайтов**. / Что Сафари, что хром давно умеют отправлять уведомления с сайтов.*

Таким образом, о функции устройства можно сказать и используя традиционную модель управления *уметь* + *инфинитив*, однако, возможно, поскольку такие употребления являются периферийными для глагола *уметь*, новая модель управления выбрала их себе как одну из специализаций.

5. Новая семантика

Перейдем теперь к группе контекстов (21)–(24), парафразы которых не содержат сам глагол *уметь*.

(21) *Или что она вообще не умеет в сарказм и иронию {и всегда все понимает буквально, если старше.} = Или она вообще **не понимает сарказм и иронию**.*

(22) *Не думаю, что вискаша² умеет в онтологию {или знает, чем гносеология отличается от эпистемологии.} = Не думаю, что вискаша **разбирается в онтологии**.*

(23) *{Сколько раз уже говорили —} “не умеете в политику — не лезьте”)))) = **Не разбираетесь в политике, не лезьте**.*

(24) *Когда мужик не умеет в биологию. = Когда мужик **не знает биологию**.*

В (21)–(24) речь идет скорее о знаниях, понимании чего-либо, умении разбираться в какой-либо области, которые могут не иметь конкретных проявлений в виде обладания определенными практическими навыками.

² Грызун, обитающий в Южной Америке.

Поскольку исходно *уметь* относится к зоне динамической модальности (Nuys 2016), то прототипически он обозначает (не)возможность для участника (в основном агенса) осуществить ситуацию, описанную в предложении. Однако в (21)–(24) описаны не ситуации, а состояния, поскольку глаголы *понимать*, *разбираться* и *знать* являются стативными. Кроме того, в силу этой акциональной характеристики глаголов предложения лишены агенса, подлежащее здесь обозначает носителя состояния, пациенса. Значение, с которым мы имеем дело в этой группе контекстов, безусловно связано со значениями 1 и 2 по МАСу, в обоих случаях участнику ситуации приписывается некоторая ингерентная особенность, точнее способность, которая является его внутренней характеристикой. Различие состоит в том, что в исходном значении *уметь* приписывает скорее навыки, которые могут проявить себя в конкретных действиях, в то время как в новом употреблении *уметь + в* приписывает, в первую очередь, знание или понимание чего-либо. Если получить коллокации глаголы к *уметь*, то в топ-10 (согласно статистической мере Log-likelihood) войдут глаголы *делать*, *читать*, *ценить*, *пользоваться*, *плавать*, *держат* (*удар*, *равновесие*, *дистан-цию*, *голову*), *говорить*, *писать*, *любить*, *работать*. За исключением *ценить* и *любить*, все эти глаголы обозначают действия, легко доступные для пер-цепции внешнего наблюдателя. Скажем, если мы можем утверждать, что человек умеет плавать, значит, оказавшись в воде, он при желании поплывет, а не утонет. Что касается *ценить* и *любить*, то в сочетании с *уметь* они обозначают хотя и не навыки, но некоторые модели поведения человека, проявляющиеся в конкретных поступках (25).

(25) *Умел ценить чужой талант, помогал, продвигал, радовался успехам других иногда сильнее, чем своим.*

Здесь умение ценить чужой талант как раз проявляется в помощи, продвижении и радости за успехи других. Пожалуй, что понимание концепции сарказма не так далеко отстоит от умения ценить, в обоих случаях эти свойства проявляются в поведении. Но вот понимание или знание биологии и особенно онтологии — вещи, не имеющие под собой четкого эмпирического основания. От человека, про которого можно сказать, что он разбирается в биологии, не требуется выводить новые сорта картофеля или секвенировать ДНК. Что же касается философии, то тут даже сложно вообразить, какой навык можно использовать для вынесения суждения о знании философии. С учетом подобных контекстов представляется возможным утверждать, что новые употребления *уметь + в* — это явление не только морфосинтаксическое, но и семантическое, проявляющееся если не в появлении нового отдельного значения, то, по меньшей мере, в существенном расширении значения, зафиксированного в словарях.

6. Распространение новой модели

Новая модель управления, которая, вероятно, первой появилась именно у глагола *уметь*, распространяется на другие глаголы, на данный момент с уверенностью можно говорить о двух: *мочь* и *пытаться*. Первый выступает синонимом *уметь*. Второй, что соответствует его семантике, функционирует в предложениях, в которых субъект еще не приобрел навыки или знания, но стремится к этому. Несмотря на разницу в значении, оба глагола демонстрируют сходные с *уметь* типы употреблений. Во-первых, это владение конкретными навыками и умениями с возможной парафразой с сохранением *мочь* или *пытаться* (26).

(26) *а.я очень уважаю тех художников, кто может в динамику и лица.*

= *Я очень уважаю тех художников, кто **может изображать** динамику и лица.*

*б. {Вернее ты не просто дурачек, а} дурачек пытающийся в манипуляции терминами. = дурачок, **пытающийся манипулировать** терминами.*

Во-вторых, это обладание теоретическими знаниями, понимание какой-либо области (27).

(27) *а. Или чел который сидит в Госдуме совсем не может в матчасть.*

= *Или человек, который сидит в Госдуме, совсем не **понимает матчасть**.*

*б. Пытаюсь в философию, {пока остановился на Платоне.} = **Пытаюсь разобратся** в философии.*

Правда, в контекстах типа (27b) сложно не использовать *пытаться* в парафразе, в противном случае не удастся передать идею отсутствия у участника ситуации компетенций со стремлением их приобрести.

Кроме того, также фиксируются употребления, где устройствам приписываются некоторые функции (27), но только для глагола *мочь*.

(28) *а. {Напомните,} а станция мини до сих пор не может в звонки? = А станция мини до сих пор не **обладает функцией** звонков?*

Вероятно, *пытаться* не используется в контекстах такого рода потому, что не вполне понятно, что такое попытка обладания какой-либо функцией.

7. Заключение

Уже больше 10 лет в неформальном регистре русского языка функционирует новая модель управления глагола *уметь* с предлогом *в*. Наши данные показывают, что за этим явлением скрывается не только «порча языка», но и расширение значения глагола *уметь*, который теряет прототипическую связь с практическими умениями. Новая модель управления захватывает и другие глаголы (*мочь* и *пытаться*), также расширяя их семантику. Интересно понаблюдать за будущим этого языкового явления.

Литература

- Апресян Ю. Д. 2004. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций. *Вопросы языкознания*, №4, 3-18.
- Мельчук И. А. 1974. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»*. Москва: Наука.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Nuyts, J., van der Auwera J. (Eds.). 2016. *The Oxford Handbook of Modality and Mood*. Oxford University Press UK.
- Martí L. 2015. Grammar versus pragmatics: Carving nature at the joints. *Mind & Language*. 30(4), 437–473.

ЕСЛИ ВАМ КРАСИВО, ОСТАВАЙТЕСЬ: ЖИЗНЬ СУБЪЕКТА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ НА ПРОСТОРАХ ИНТЕРНЕТА

М. Б. Панич

МГУ имени М. В. Ломоносова
shmak1280@gmail.com

Поступая на ОТиПЛ в 2019 году, я была уверена, что буду заниматься чем-нибудь, связанным с изменениями в русском языке, причём в первую очередь в сфере семантики: мне всегда было интересно наблюдать за преломлением смыслов — с течением времени, в представлении разных людей, в зависимости от контекста. С тех пор мои научные интересы метались из стороны в сторону, но место семантике тоже нашлось, и за это я от всей души благодарна Ирине Михайловне, предложившей мне в начале третьего курса заняться наречиями эстетической оценки. Эта тема дала мне гораздо больше, чем я ожидала, и один из моих любимых сюжетов — вопрос о наличии в структуре таких наречий позиции субъекта оценки. Вопрос, открывающий дверь к самым последним, самым «живым» изменениям в языке. С момента защиты диплома на эту тему прошло уже целых два года, но друзья до сих пор присылают мне чужие тексты, в которых «кому-то красиво», и спрашивают, не то ли это, что было мне так интересно. И правда — то. О некоторых таких примерах — эта небольшая статья.

В разговорах о вынесении тех или иных оценочных суждений — не только в лингвистическом, но и в «общечеловеческом», бытовом контексте — речь нередко заходит о субъекте оценки — о том, чьи предпочтения, вкусы и(ли) представления о прекрасном в конкретном случае берутся в расчёт. Согласно классической работе Вольф 1978, «типичная квалификативная структура включает четыре элемента: собственно квалификацию — само П [прилагательное], субъект квалификации, объект квалификации и основание квалификации» (Вольф 1978: 35, цит. по Гращенков, Кобозева 2017: 143).

Однако структура некоторых классов оценочных предикатов оказывается сокращённой: так, если важность субъекта для предикатов гедонистической, или сенсорно-вкусовой оценки (подробнее см., например, Кобозева 2022) не вызывает сомнений (Н. Д. Арутюнова пишет, что «предикаты этой группы

<...> характеризуют в большей мере вкусы субъекта оценки (человека), чем её объект» (Арутюнова 1988: 76)), то, скажем, в случае этической оценки, то есть оценки с точки зрения соответствия некоторым моральным нормам, на первый план выходят именно эти нормы, а личные предпочтения конкретных людей роли практически не играют.

Интересно с этой точки зрения рассмотреть эстетическую оценку. С одной стороны, она объединяется с уже упомянутой этической оценкой в общую группу сублимированных оценок, которые, в отличие от оценок сенсорных, в большей степени доступны человеческому контролю, только эстетическая оценка связана с удовлетворением не нравственного чувства, а чувства прекрасного (см. там же). Объединяет их и общее представление о наличии некоторых эталонов и правил, а также практика «воспитания» — считается, что как моральные устои, так и художественный вкус можно и нужно развивать. С другой стороны, в случае эстетической оценки за идеей опоры на нормы и эталоны скрывается некоторое противоречие: так, если с этической правильностью при условии искренности побуждений невозможно «переборщить», то в сфере художественного мы имеем дело с тонкой гранью между эталонностью и посредственностью. Так, при несомненном наличии в сфере искусства некоторого свода правил наиболее высокую оценку зачастую получают те произведения, которые эти правила нарушают. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность. Эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом. Высокая эстетическая оценка имплицитно утверждает уникальность произведения искусства» (там же).

При этом речи о замене универсальной нормы субъективным вкусом здесь по-прежнему не идёт — вопрос о том, кто решает, в нужную ли сторону и достаточно ли далеко конкретное произведение отошло от общепринятых образцов, остаётся открытым. Более того, принципиальное отсутствие в структуре эстетической оценки позиции для субъекта иногда подаётся как одна из самых значимых её характеристик. Так, в статье «Виды эстетической оценки в представлении русского языка» А. Д. Шмелёв пишет: «Итак, *красивое* — это ‘то, на что приятно смотреть или что приятно слушать’? Такое толкование представляется недостаточным. <...> По-видимому, необходимо добавить, что *красивое* бывает приятно наблюдать или слушать даже при отсутствии личной заинтересованности. <...> В этом смысле *красота* является объективизированной характеристикой: не случайно слово *красивый* не имеет валентности субъекта оценки, хотя, конечно, мнения о том, является ли тот или иной объект или явление *красивым*, могут расходиться» (Шмелев 2004: 304). Соответственно, считается, что, несмотря на то что на концептуальном уровне

представление о наличии у эстетической оценки субъекта не кажется особенно странным, в плане выражения места ему не находится.

Но так ли это на самом деле? В статье Панич 2024, обобщающей и развивающей результаты бакалаврского диплома, посвящённого функционированию наречий эстетической оценки в русском языке (Панич 2023), была сделана первая попытка продемонстрировать зарождение новой тенденции: представление о субъективности эстетических предпочтений выходит из сферы прагматики и находит явное отражение в языке, в том числе в конструкции с дативным местоимением, см. примеры (1)–(3), взятые из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru):

- (1) Авг2005, 2005.03.28 13: 32. *Попробуйте их красить светлым лаком. И ей красиво, жалко грызть, и не вкусно совсем:*) [Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005)]
- (2) *Часто, когда ест что-нибудь сладкое: – Мне вкусно как!.. А сегодня новое. Рассказывает о пожаре, который видела осенью в Разливе: – Мне красиво как было!* [А.И. Пантелеев. Наша Маша (1966)]
- (3) *Какие бывают перегрузки на скорости два Эм, вам совершенно по фигу. Вам красиво, а мне мука.* [Андрей Дмитриев. Воскобоев и Елизавета (1992)]

Показательно, что в двух примерах из трёх присутствует некоторая (прямая или косвенная) отсылка к детской речи. Особенно хорошо это видно в примере (2): глядя на два последовательно приведённых восклицания, хочется заключить, для ребёнка просто нет разницы между *мне вкусно*, грамматичным и во взрослой речи, и окказиональным *мне красиво* — оба предиката в одинаковой мере допускают наличие выраженного субъекта оценки. Было бы интересно с этой точки зрения понаблюдать за естественной детской речью — возможно, удастся обнаружить схожие закономерности ещё для каких-нибудь официально «объективных» аксиологических предикатов.

Если говорить о письменных источниках, прежде всего фиксирующих взрослую речь (впрочем, кажется, порог вхождения в этом смысле неуклонно становится всё ниже и ниже), языковые изменения зачастую ярче всего проявляются в текстах в интернете, в первую очередь в социальных сетях. При обращении к подкорпусу социальных сетей в НКРЯ в мае 2023 удалось найти всего 9 примеров с конструкцией [дативное местоимение + *красиво*], однако на данный момент подобных вхождений уже несколько больше (см. ниже), и, вероятно, их число только продолжит расти.

Любопытно, что на эту тенденцию обращают внимание и сами носители языка. Так, пользовательница социальной сети ВКонтакте пишет¹: «*Не люблю выражение "мне красиво", которое последнее время обрело невероятную популярность. Ведь, если ты выкладываешь что-то, то тебе априори это нравится. Понравится ли кому-то ещё...не факт...а надо ли?»* (2024). Здесь важно отметить, что нелюбовь к «неимоверно популярному выражению» в данном случае объясняется не неграмматичностью или неестественностью, а только избыточностью выражения субъекта оценки: его наличие и совпадение с «говорящим» кажется автору явлением не только вполне допустимым, а даже само собой разумеющимся.

Конечно, немало и тех, кого подобная избыточность совсем не тревожит. Например, один из комментаторов к процитированному посту пишет: «*А мне нравится это выражение 😊 И мне красиво то, что Вы делаете 😊😊*». В социальной сети Telegram находится по меньшей мере 15 публичных каналов, название которых содержит сочетание *мне красиво*; в двух из них больше двух тысяч подписчиков. Создательница канала «Мама, мне красиво» так объясняет выбор названия: «<...> И этой красотой я стараюсь окружить его [своего сына — М.П.] во всем, что он видит, чтобы как можно чаще слышать от него “мама, мне красиво”». Здесь тоже можно усмотреть апелляцию к детской речи, однако регулярность, с которой эта конструкция встречается в текстах и в этом канале, и в схожих других, позволяет предположить, что она давно стала естественной и для взрослых носителей языка. Вот некоторые примеры:

- (4) *Доброе утро. Здесь место, где мне красиво 🌸 если тебе тоже... оставайся* [тг-канал @mnekrasiv00 (15.11.2020)]
- (5) *Мне очень красиво, а вам?* [тг-канал @mama_mne_krasivo (21.10.2024)]
- (6) *Я сегодня была на собеседовании в одном интересном местечке и меня попросили показать: «что вам красиво, любое – здание / аксессуар / хоть что?»* [тг-канал @mnekrasivoo (07.06.2022)]
- (7) *Если вы голодные, извините! Мне красиво!* [тг-канал @mnekrasivoo (13.03.2022)]
- (8) *Мне красиво, когда есть понимание как меняется лицо в зависимости от расположения источника света* [тг-канал @mnekrasivoo (12.03.2022)]
- (9) *Мне не красиво, когда в обществе поощряют ненависть по национальному признаку* [тг-канал @mnekrasivoo (12.03.2022)]

¹ Здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация.

Интересно обратить внимание на примеры (8) и (9). Здесь мы впервые имеем дело не с изолированным сочетанием, а с более сложной конструкцией с зависимой клаузой. При этом, например, в уже упомянутой классической работе Н. Д. Арутюновой отмечается, что для предикатов частной оценки, к которым относятся и предикаты эстетической оценки, такое употребление нехарактерно: «Основное синтаксическое различие между обще- и частно-оценочными значениями состоит в том, что общие оценки могут выступать как в функции модального оператора, в сферу действия которого входит пропозиция, так и в функции предиката, пригодного для характеристики объектов разных видов. Между тем частнооценочные значения обслуживают в основном вторую из названных функций. Можно сказать *Хорошо (плохо)*, что сейчас зима; *Хорошо*, когда зима, <...> но нельзя сказать *Красиво*, что сейчас зима, при том, что зима может быть исключительно красивой» (Арутюнова 1988: 77).

Пример (9), кроме того, интересен ещё и тем, что в данном случае *красиво* выражает скорее не эстетическую, а этическую оценку (которой, впрочем, тоже «не полагается» управлять целой клаузой: «Нельзя также сказать: *Безнравственно*, что ты так поступил, даже если поступок и в самом деле не отличался нравственностью» (там же)). При этом видно, что два предложения построены по единому образцу. Хочется предположить (это не противоречит и другим примерам, приведённым выше), что *мне красиво* — это просто альтернативный способ сказать *мне нравится*. Единственное отличие заключается в том, что, выбирая *мне красиво*, говорящий уточняет, о каких именно предпочтениях (чаще всего эстетических, хотя, как видно, встречаются и исключения) в данном случае идёт речь. В то же время вполне естественно, что для выражения этого нового смысла чаще всё-таки используется конструкция с невыраженным стимулом оценки: так, А. А. Бонч-Осмоловская пишет, что «конструкции типа NULL оказываются наиболее продуктивными, именно эта синтаксическая структура используется для окказионального образования предикативных конструкций с дативным субъектом» (Бонч-Осмоловская 2003: 172).

Красиво — самый частотный из предикатов эстетической оценки, однако новая тенденция затрагивает и других представителей этой группы, хоть и в меньшей степени. В примерах (10)–(11), приведённых ниже, видно, как старые формулировки переосмысливаются в рамках новой синтаксической структуры: в первом примере автор одного из телеграм-каналов с названием «Мне красиво» цитирует своего наставника и употребляет вполне нормативную конструкцию, а во втором — выражает собственные мысли уже новым способом:

- (10) *И ещё фраза: «Это настолько уродливо, что даже красиво». Так иногда говорил о разных вещах мой учитель по дизайну. Я иногда теперь это в жизни применяю* [тг-канал @mne_krasivoo (29.10.2021)]
- (11) *Вчерашняя подборка маникюров-уродцев вас впечатлила)) так много дизайнов 🤔🤔 А мне так уродливо, что красиво)))* [тг-канал @mne_krasivoo (24.03.2022)]

Некоторое количество интересующих нас примеров можно обнаружить и в НКРЯ. В подкорпусе социальных сетей по состоянию на 30.05.2025 удалось найти 27 вхождений (из них 26 — на конструкцию *мне красиво*, два из них приведены в (12)–(13), и только один пример с *некрасиво*, см. (14), примеров на *безобразно* и *уродливо* нет):

- (12) *Idk, зачем вам это, но мне было красиво* [Юля. Жизнь (2022)]
- (13) *Лишь бы вам было красиво, комфортно и чувствовалось, что с душой.* [kolokolschool. Гончарная школа (2021)]
- (14) *Как-то раз на семинаре, посвящённом гендеру, один юноша искренне и не без отчаяния воскликнул: "Слушайте, ну всё так, да, всё верно, но если женщины перестанут стараться быть похожими на моделей и перестанут носить каблуки — нам, мужикам, будет некрасиво!"...* [vk (28.07.2015)]

Здесь важно кратко отметить, что широкое распространение в схожих контекстах имеет конструкция «(как) по мне(,) красиво/некрасиво/...». Возможно, она также внесла свой вклад в растущую популярность интересующего нас сочетания, но этот вопрос требует отдельного изучения.

Выраженный субъект эстетической оценки встречается и в более литературных текстах. Особенно интересно, что не все они созданы в последние годы — истоки тенденции можно заметить ещё в 90-х:

- (15) *Они мало что понимают в деталях — им или красиво в целом, или некрасиво. И все тут.* [Г. М. Артемьева. Фата на дереве (2012)]
- (16) *Мы должны быть красивыми, нам должно быть красиво.* [Александр Сокуров. Александра (2007)]
- (17) *Как будто все это небо, и звезды, и туманности только и созданы, чтоб нам, глядящим, было красиво.* [Сергей Юрский. Вспышки. Заключительная глава книги // «Октябрь», 2001]
- (18) *Среди прекрасно изданных глянцевых журналов, где на обложках обворожительные красавицы вываливаются из кружевных лифчиков и*

почти на каждой странице «нам делают красиво», мое внимание привлёк журнал «Алла», где напечатан опус о В. Маяковском и его возлюбленной Лиле Брик. [Василий Катанян. Лоскутное одеяло (1990-1999)]

(19) *Глубоко ошибаются те люди, которые думают, что президент любит их за покладистость и угодливость, за умение «сделать ему красиво и приятно». [Вячеслав Костиков. Роман с президентом (1996)]*

(20) *Хотя бы неделю в году дайте пожить нам выдуманной жизнью, сделайте нам красиво, вдохните йод в наши бронхи, причастите нас теплым кагором на солнечной террасе, чтобы задрожало в знойном мареве и раскололось солеными брызгами наше чадное проклятие с запахом помойки и тухлой рыбы и хриплой частушкой у забора автобазы. [Алла Боссарт. Пастораль // «Огонек». № 10, 1991]*

(21) *Иван Иванович: Да, да! Сделайте нам красиво! В Большом театре нам постоянно делают красиво. [В. В. Маяковский. Баня (1929-1930)]*

Любопытны кавычки в примере (18): кажется, что они здесь выражают примерно тот же смысл, что и опубликованный два с лишним десятилетия спустя пост пользовательницы ВКонтакте — мол, такая конструкция есть, но так говорят другие, а я только пересказываю. Надо отметить, что примеры (18)–(21) в каком-то смысле спорны: можно предположить, что дативное местоимение в каждом случае относится не к оценочному предикату, а к глаголу. Однако семантическая связь местоимения с предикатом оценки не вызывает сомнения (очевидно, что создаваемая «красота» ориентирована в первую очередь на участника ситуации, выраженного дативным местоимением), и, кажется, можно предположить, что подобные конструкции представляют собой по меньшей мере промежуточную ступень на пути к интересующей нас конструкции.

Наконец, предикаты эстетической оценки с выраженным субъектом можно найти и за пределами литературных текстов и постов в социальных сетях. Авторы по крайней мере трёх видео (на разных платформах), посвящённых поиску культурных и(ли) биологических истоков свойственного человеку чувства прекрасного, выносят в заглавие вопрос «Почему нам красиво?»; исполнитель с псевдонимом Храбрый октябрь в 2021 году выпустил композицию с названием «Мне некрасиво», а в Саранске и Красноярске, судя по данным онлайн-карт, существуют сети салонов красоты и парикмахерских «Мне красиво».

Конечно, грань между ошибкой и языковой инновацией довольно расплывчата, а рассуждать о культурных и социологических причинах тех или иных языковых изменений — дело и вовсе рискованное. Однако мне кажется,

что в последние десятилетия мы действительно наблюдаем некоторое переосмысление ценностей в сфере эстетики, люди всё чаще говорят о том, что «красиво у каждого своё», и вполне можно ожидать, что язык рано или поздно перестроится в соответствии с этими новыми взглядами, тем более что подходящие инструменты в его инвентаре уже есть. Насколько устойчивой окажется описанная тенденция, покажет время, но пока что кажется достаточно вероятным, что в относительно недалёком будущем устоявшуюся структуру предикатов эстетической оценки — или (как знать?) не только эстетической — придётся пересмотреть.

Литература

- Арутюнова Н. Д. 1988. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт.* Москва: Наука.
- Бонч-Осмоловская А. А. 2003. *Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования.* Дисс. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ.
- Вольф Е. М. 1978. *Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков.* Москва: Наука.
- Гращенков П. В., Кобозева И. М. 2017. Семантические классы и управление прилагательных. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, Т. 2, 134–149.
- Кобозева И. М. 2022. Наречия оценки: корреляция семантических различий с синтаксическими (на примере наречий общей и гедонистической оценки). *Критика и семиотика*, № 1, 90–109.
- Панич М. Б. 2023. *Семантика и синтаксис наречий эстетической оценки в русском языке:* Дипломная работа, рукопись.
- Панич М. Б. 2024. Кому красиво? В поисках субъекта эстетической оценки. *Stephanos*. Т. 66, № 4, 82–90.
- Шмелев А. Д. 2004. Виды эстетической оценки в представлении русского языка. *Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного.* Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 303–312.

О КОНФЛИКТАХ ФОКУСОВ ЭМПАТИИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ¹

Е. В. Рахилина

О. Е. Пекелис

НИУ «Высшая школа экономики», Российский государственный

Институт русского языка

гуманитарный университет,

им. В. В. Виноградова РАН

НИУ «Высшая школа экономики»

rakhilina@gmail.com

opekelis@gmail.com

С эмпатией — в перспективе юбиляра

В статье на материале русского языка рассмотрено явление эмпатии в сопоставительном синхронно-диахроническом ракурсе. Продемонстрировано, что современный русский более чувствителен к конфликтам, проистекающим из несовместимости разных фокусов эмпатии, чем русский язык XIX в. Тем самым, чувствительность к эмпатии оказывается языковым параметром, способным быстро — менее чем за два века — менять свое значение.

1. Введение

Фокусом эмпатии, иначе, фокусом перспективы, называют участника ситуации или речевого акта, с точки зрения которого ситуация описывается (см. Kuno 1987; Oshima 2007; Nishigauchi 2014; Bylinina et al. 2015). Известно, что это явление вовлечено в разные сферы языка: например, оно может быть релевантно для локативных выражений, для оценочных предикатов, для анафорических местоимений, см. обзор в Bylinina et al. 2014. Считается, что локализация фокуса эмпатии ограничивается следующим общим принципом: в одной клаузе не может быть больше одного фокуса, в противном случае возникает конфликт разных фокусов (Тестелец 2001: 464). Так, в примере (1), согласно Падучева 1983: 195, форма личного местоимения *него* предпочтительнее, чем форма рефлексивного местоимения *себя*, потому что *себя* создает конфликт фокусов эмпатии. С одной стороны, выбор рефлексива помещает фокус эмпатии на подлежащее *он*: референту подлежащего принадлежит оценка задачи

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-18-00879.

как трудной. С другой стороны, наречие *слишком* выражает оценку с позиции говорящего.

(1) *Он всегда берется за слишком трудные для него (?себя) задачи.*

В настоящей работе явление эмпатии рассматривается в диахронической перспективе. Предмет нашего интереса — глагол *встретить*, некоторые употребления которого, как мы демонстрируем, создают конфликт фокусов эмпатии. Однако проблематичен этот конфликт только для современного языка: язык XIX в. был к нему не чувствителен. Тем самым, степень чувствительности к эмпатии оказывается параметром межъязыкового варьирования, посредством которого могут быть противопоставлены разные исторические периоды одного и того же языка, а значит, скорее всего, — и разные языки.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 описывается конфликт фокусов эмпатии, возникающий при глаголе *встретить* в современном языке. Раздел 3 посвящен регулярному случаю разрешения этого конфликта — в подчинительном контексте. В разделе 4 рассмотрены свойства глагола *встретить* в языке XVIII-XIX вв. В разделе 5 коротко обсуждаются другие глаголы, демонстрирующие, что случай глагола *встретить* не единичен.

2. *Встретить* в современном языке

Глагол *встретить* различает два значения в зависимости от того, была ли встреча случайной или запланированной (Активный словарь: 329). При случайной встрече *встретить* означает ‘идя куда-то или находясь где-то, увидеть кого-то’, ср. (2):²

(2) *Грачев в начале августа случайно встретил Никитина в кафе, где тот отдыхал с женой и маленьким ребенком.* [lenta.ru, 15.04.2019]

При запланированной встрече речь идет о том, что один человек намеренно приходит или приезжает в место прибытия другого, как в (3):

(3) *Десятки фанатов встретили Сергея Лазарева в аэропорту.* [Известия, 20.05.2019]

Встретить в значении случайной встречи подчиняется сегодня особому ограничению: в качестве прямого дополнения при *встретить* за редким исключением не может выступать местоимение 1-го лица единственного числа,

² Здесь и далее примеры с указанием источника, если не сказано иное, заимствованы из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

т. е. референтом дополнения не может быть говорящий. Ср. неудачное *Вчера он случайно встретил **меня** на улице* и нормальное *Вчера я случайно встретил **его** на улице*.

Это ограничение, как кажется, объясняется возникающим при дополнении 1-го лица конфликтом фокусов эмпатии. Механизм конфликта видится следующим. *Встретить* в значении случайной встречи относится к т. н. симметричным предикатам, т. е. к предикатам, имеющим две синтаксические валентности, эквивалентные в смысловом отношении (Иомдин 1980; Зализняк, Шмелев 1999). В самом деле, если X случайно встречается Y-а, это автоматически означает, что Y случайно встречается X-а. Синтаксически, однако, эта симметрия нарушается тем, что один из участников случайной встречи выражен подлежащим, а другой — дополнением: синтаксически приоритетный статус подлежащего смещает на него фокус эмпатии. Так, в предложении *Вчера Иван случайно встретил Петра на улице* ситуация встречи описывается с точки зрения Ивана: ‘Иван, идя по улице, случайно увидел Петра’. Но если при этом в качестве дополнения при *встретить* выступает местоимение *я*, в силу вступает еще один принцип: говорящий, если он выражен в предложении, обычно совпадает с фокусом эмпатии (Купо 1987: 212; Тестелец 2001: 463). Поскольку изначально, в силу симметричности глагола *встретить*, участники семантически эквивалентны, ни один из них не является «более сильным» фокусом, и возникает конфликт (см. также Купо, Kaburaki 1977: 642 об английском глаголе *meet*, демонстрирующем похожее поведение).

Заметим, что *встретить* в значении запланированной встречи не является симметричным предикатом: участник, выраженный подлежащим, планирует встречу, готовится к ней, а участник, выраженный дополнением, этого не делает. Закономерным образом, ограничению на лицо дополнения *встретить* в этом значении не подчиняется:

- (4) *Рада, что они встретили **меня** в аэропорту.* [Известия, 04.10.2019]

Показательно также, что при возвратном глаголе *встретиться*, который, как и *встретить*, может выражать идею случайной встречи, запрет на совпадение дополнения в дательном падеже с говорящим отсутствует, ср. (5).

- (5) *В Галиции мы застоялись. Как-то встретился **мне** Васька Резерв.
— Здравствуй, дружище!* [Комсомольская правда, 09.08.2014]

Дело в том, что дативное дополнение при *встретиться* с точки зрения выражаемой семантической роли соответствует подлежащему, а не прямому дополнению, при *встретить*, ср. ***мне** встретился Васька* vs. ***я** встретил Ваську*. Таким образом, фокус эмпатии при *встретиться* в общем случае помещается на дативном дополнении, так что совпадение референта этого дополнения с го-

ворящим не приводит к конфликту. Зато конфликт может возникнуть, если говорящий совпадает с участником в именительном падеже, ср. странное [?]*Вчера я случайно встретился ему на улице*. С одной стороны, в фокусе эмпатии здесь — говорящий, с другой стороны — сцена встречи представлена глазами участника в дательном падеже, отличного от говорящего.

3. Эффект подчинения

По данным НКРЯ, запрет на дополнение 1-го лица при *встретить* может нарушаться, когда *встретить* входит в состав зависимой клаузы. Ср. (6) и (7), где *встретить* обозначает случайную встречу:

- (6) *Если кто-то встретит меня на улице, подумает — богатая и счастливая!* [«Дружба народов», 2013]
- (7) *Подходит женщина: «Здравствуй, Андрей Григорьевич!» Это была тетя Тася Цыбулько. Мы оба, скорее всего, испытали шок. Она — потому, что встретила меня не в Питере, не в Москве, а рядом со своим домом. Я — потому, что просто хотел зайти к ним перед отъездом, при этом сказать, что я проездом на один день.* [А. Г. Евтушенко. Дневник (2008)]

Нарушение запрета в подчинительном контексте отвечает предположению о том, что источник запрета — конфликт фокусов эмпатии. В самом деле, известно, что в таком контексте говорящего как носителя точки зрения может заменять лицо, обозначенное подлежащим главной клаузы (Падучева 2018: 24, см. также Vylinina et al. 2015: 75 о сдвиге перспективы в подчиненной клаузе), ср. *кто-то* в (6), *она* в (7). Раз говорящий перестает быть фокусом эмпатии, конфликт пропадает.

В (6) и (7) зависимая клауза — финитная, но тот же эффект возникает в клаузе с деепричастием. В (8) и (9) речь идет о случайной встрече, при этом носителем точки зрения — фокусом эмпатии — выступает главное подлежащее: *Шпигель* в (8), *он* в (9).

- (8) *Поэтому, когда Шпигель, встретив меня на лестничной клетке, сказала что-то непонятное, я вежливо посоветовал ей «иметь хороший день».* [Новая газета, 18.12.2015]
- (9) *Однажды, встретив меня на Арбате, он меня спросил: «Выпить можешь?»* [Комсомольская правда, 24.08.2007]

Однако если *встретить* выступает в форме причастия, эффект подчинительного контекста обычно пропадает, ср. неудачное [?]*Встретившая меня Шпигель сказала что-то непонятное*. Можно предположить, что клауза с при-

частием не обладает той степенью предикативности, которая необходима для сдвига перспективы. На эту мысль наводит следующее наблюдение: запрет на употребление дополнения в 1-м лице ослабляется при наличии у причастия, наряду с дополнением, других зависимых, ср. (10) и (11). Зависимые чаще всего бывают у глагола и в этом смысле форсируют «глагольность».

- (10) *Но расплата оказалась неожиданной: встретившая меня на другой день мать этого мальчика закричала <...>. [Л. В. Оборин, Ю. В. Манн. «Гоголь, конечно, диктаторский. <...>» (07.10.2017)]*
- (11) *Коллега, встретивший меня, когда я бесцельно бродил по прекрасным улицам Копенгагена, дружески сказал: «Вы выглядите очень несчастным». [Д. С. Данин. Нильс Бор (1969-1975)]*

4. Встретить в языке XIX в.

Корпусные данные обнаруживают, что в языке XIX в. запрет на употребление при *встретить* дополнения в 1-м лице единственного числа отсутствовал или был менее выражен. Так, в (12) и (13) *встретить* указывает на случайную встречу и употребляется в независимой клаузе, а не в подчиненной:

- (12) *Черезъ нѣсколько дней встрѣтилъ меня Французъ на улицѣ и сказалъ, что предсказаніе мое сбылося. [И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света <...> (1809)]*
- (13) — *Кто ж тебе сказывал? — спросил он. — Соседка Прасковьи Михайловны давеча встретила меня. «Что, говорит, у вас скоро свадьба?» — да и рассказала... [И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842)]*

В (14) дополнение 1-го лица употребляется при *встретить* в значении случайной встречи и в форме причастия, не имеющего при себе других зависимых, кроме дополнения:

- (14) *Два казака, встретившие меня и следившие за убийцей, подоспели, подняли раненого, но он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «Он прав!» [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]*

В этих условиях, напомним, в современном языке *встретить* не используется.

5. Другие глаголы

Отличия современного языка от языка XIX в. в терминах эмпатии обнаруживаются не только в контексте глагола *встретить*. Другой пример того же рода связан с глаголами совместного действия, сочетающимися с предлогом *с*, ср. *поравняться* в (15), *обедать* в (16) и *протанцевать* в (17). С точки зрения современной нормы в таких контекстах предпочтительно использование личного местоимения вместо возвратного (см. подробнее Пекелис 2021):

(15) Он дал даме **поравняться с собою** (ср. с ним) и вдруг адски хранил.
[Н. С. Лесков. Кувырков (1863)]

(16) — Вы мне предлагаете **с собой** (ср. с вами) **обедать**? — проговорил он.
[И. С. Тургенев. Рудин (1856)]

(17) Но она <...> задумала во что бы то ни стало заставить **протанцевать с собой** (ср. с ней) мазурку распорядителя дворянских балов Зарежского.
(В. А. Шомпулев. Мой роман (1897–1908))

Обратим внимание, что, как и глагол *встретить*, глаголы совместного действия являются симметричными, т. е. вводят двух участников, равноправных в смысловом отношении. Так, в (15) не только дама равняется с ним, но и он равняется с дамой; в (16) не только говорящий обедает с адресатом, но и адресат — с говорящим, и т. д. Но механизм возникновения конфликта разных фокусов в этом случае несколько отличается и связан с особенностями употребления возвратного местоимения *себя*. С одной стороны, действие, выраженное в инфинитивной клаузе, представлено с точки зрения подразумеваемого подлежащего инфинитива: дамы в (15), говорящего в (16), Зарежского в (17). В этом отношении глаголы совместного действия ведут себя как *встретить*. С другой стороны, однако, употребление в составе инфинитивной клаузы *себя* (в отличие от личного местоимения) фиксирует фокус эмпатии на главном подлежащем, т. е. на нем в (15), на вас в (16) и на ней в (17). Связь между дистантным употреблением возвратного местоимения и возникновением эффекта эмпатии демонстрировалась для многих языков (ср., например, Oshima 2007); для русского она отмечалась (в других терминах) Е. В. Падучевой (1983).

Примеры, подобные (15)–(17), встречаются не только в текстах XIX в., но и в более ранние периоды, ср. (18). Это говорит о том, что чувствительность к конфликту разных фокусов возникла в русском языке совсем недавно — после XIX в.

- (18) *Вы б, бояре и воеводы [...] тем людем велели **ехати с собою** (ср. с вами) к государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси к Москве.* [Разрядная книга 1475–1598 гг. Разряды 1512–1598 гг. (1512–1598)]

Заметим, наконец, что сами по себе примеры с глаголами совместного действия и возвратным местоимением не доказывают, что отличие языка XIX в. от современного языка касается эмпатии. Глядя исключительно на эти примеры, можно было бы заключить, что отличие состоит в разных правилах употребления рефлексивного местоимения. Только совместное рассмотрение примеров с возвратным местоимением и конструкций с глаголом *встретить* позволяет предположить, что отличие должно пониматься шире — в терминах эмпатии.

6. Заключение

До сих пор понятия эмпатии или перспективы привлекались преимущественно при анализе языка в синхронном ракурсе. В настоящей работе мы сравнили эффекты эмпатии для двух исторических периодов существования одного и того же языка, разделенных небольшим промежутком, — современного русского и русского XIX в. Обнаружилось, что язык XIX в. был менее чувствителен к эмпатии, чем современный язык, т. е. даже такой небольшой временной разрыв между периодами может быть достаточным для возникновения в языке эффекта эмпатии.

Помимо глагола *встретить*, который был для нас главным предметом интереса, мы рассмотрели конструкции с другими глаголами, несколько отличающиеся от конструкции с *встретить* механизмом эмпатии. В своей совокупности наши данные позволяют предполагать системность произошедшего сдвига и ставят вопрос о закономерностях диахронического развития явления эмпатии в целом.

Литература

- Активный словарь русского языка. 2014. Т. 2. В—Г. Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. 1999. О том, чего нельзя сделать вместе. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.). *Типология и теория языка: от описания к объяснению*. Москва: “Языки русской культуры”.
- Иомдин Л. Л. 1980. Симметричные предикаты в русском языке и проблема взаимного залога. В. Ю. Розенцвейг (ред.). *Предварительные публи-*

- кации. Институт русского языка АН СССР; Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Выпуск 131. Москва. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.
- Падучева Е. В. 1983. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности. *Семиотика и информатика*, № 23, 3–32. (Переиздано в: Падучева Е. В. 2009. *Статьи разных лет*. Москва: «Языки славянских культур», 181–203.)
- Падучева Е. В. 2018. *Эгоцентрические единицы языка*. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Пекелис О. Е. 2020. Дистантное употребление рефлексива в составе инфинитивной клаузы в русском языке: XIX век vs. современная норма. *Scando-Slavica*, № 66 (2), 281–303.
- Тестелец Я. Г. 2001. *Введение в общий синтаксис*. Москва: РГГУ.
- Bylinina L., McCready E., Sudo Y. 2014. The landscape of perspective shifting. Talk given at the Workshop “Pronouns in Embedded Contexts at the Syntax-Semantics Interface”. Universität Tübingen.
- Bylinina L., McCready E., Sudo Y. 2015. Notes on Perspective-Sensitivity. In P. Arkadiev, I. Kapitonov, Y. Lander, E. Rakhilina and S. Tatevosov (eds.) *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 67–79.
- Kuno S. 1987. *Functional Syntax: Anaphora, Discourse and Empathy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kuno S., Kaburaki E. 1977. Empathy and syntax. *Linguistic Inquiry* №8, 625–672.
- Nishigauchi T. 2014. Reflexive Binding: Awareness and Empathy from a Syntactic Point of View. *Journal of East Asian Linguistics*, №23, 157–206.
- Oshima, D. Y. 2007. On Empathic and Logophoric Binding. *Research on Language and Computation*, №5, 19–35.

IV. ВОКРУГ КОННЕКТОРОВ

НЕКОМПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВНОЙ КОННЕКТОР *ТО... АТ* В БАРТАНГСКОМ ЯЗЫКЕ

О. И. Беляев

МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН
belyaev@ossetic-studies.prg

1. Введение

Системы полипредикации традиционно описываются в терминах специализированных лексических единиц, — союзов и союзных слов, — которые используются для выражения синтаксических и семантических отношений между частями сложного предложения. Однако класс элементов, способных маркировать связь между клаузами, гораздо шире и может включать в себя элементы других частей речи: частицы (ср. рус. *же*), существительные (*по той причине, что...*), наречия (*вероятно*) и др. В связи с этим в отечественной лингвистике в последние годы устоялось использование термина *коннектор* (Инькова 2018).

Коннекторы могут быть составными, т. е. включать в свой состав несколько частей, причём степень лексикализации таких сочетаний различна: например, русский коннектор *по той причине* допускает модификацию существительного *причина* указательными местоимениями и прилагательными (*по той простой причине, по той очевидной причине* и т. д.), тогда как коннектор *дело в том, что* такой модификации скорее не допускает (**то дело в том, что; ??важное дело в том, что*). Проблема статуса составных коннекторов особенно остро стоит для языков, имеющих богатый инвентарь специализированных средств маркирования различных полипредикативных отношений. Для современного русского языка И. М. Кобозевой и её коллегами была разработана база данных Рускон (Кобозева, Сердобольская 2023; Кобозева и др. 2023), в которой не только даётся лексикографическое описание различных коннекторов русского языка на базе существующих словарей, но и приводится информация о синтаксических свойствах составных коннекторов, что в дальнейшем в сочетании с корпусными данными может служить основанием для определения степени их лексикализации (см. Тимошенко и др. 2025).

Однако методы, разработанные Ириной Михайловной и её соавторами, могут быть релевантными и для языков с гораздо более «бедными» системами

полипредикации. В настоящей статье я попытаюсь показать, что в бартангском языке (памирские > иранские > индоевропейские), вся система полипредикации которого строится вокруг всего пяти союзов, тем не менее можно выделить как минимум один коннектор *то... ат*, который является не только составным, но и некомпозициональным и при этом обладает рядом нетривиальных синтаксических и семантических свойств.

Бартангский язык характеризуется чрезвычайно бедной системой коннекторов: все типы придаточных клауз обслуживают всего три союза (*ца*, *ди_{IN}* и *ди_{EX}*, см. Беляев 2025а), тогда как незаимствованных, полностью грамматизированных сочинительных союзов всего два: темпоральный *ху* ‘и’ и аддитивно-адверсативный *ат* ‘и, но, а’. Имеется также несколько союзов, заимствованных из таджикского, из которых широко употребляется только *йо* ‘или’, не имеющий исконных аналогов (см. общее описание союзов в работе Карамхудоев 1973: 266–280).

Вполне естественно, что в такой системе один союз маркирует очень широкий круг семантических отношений (Беляев 2025б). Например, подчинительный союз *ца* оформляет темпоральные (1), условные (2) и причинные (3) придаточные.

- (1) (*Арвахт*) *Ибод дарс ца дод, Асад китоб хойд.*
 когда И. урок SUBD LV.PST A. книга читать.PST
 ‘Когда Ибод делал уроки, Асад читал книгу’.
- (2) *Йу-йор аз мун ца пāwст, āз=ум*
 один-друг OBJ я.OBL SUBD спрашивать.PRS:3SG я.NOM=1SG
ар полїз
 loc.DOWN огород
 ‘Если кто-нибудь спросит, [передайте, что] я в огороде’ (Карамхудоев 1973: 43).
- (3) *Дад сарпиро аwқот кин-ум ху куд-ри*
 тогда сначала еда делать.PRS-1SG REFL собака-DAT
ди, йид=и аз мун ған бowaфодор ца
 LNK D2.SG.NOM=PTCL ABL я.OBL жена верный SUBD
 ‘Поэтому я сначала даю еду своей собаке, потому что она вернее моей жены’ (Соколова 1960: 145).

Для уточнения значений союзов могут использоваться корреляты в главной клаузе либо дополнительные показатели внутри зависимой клаузы. В большинстве случаев семантика таких элементов прозрачна: например, *цавахт* ‘когда’ используется в темпоральных придаточных (1), а причина может выражаться сочетанием обстоятельственного выражения *дондҷāt* ‘потому’ с сою-

зом *ди_{EX}* (4). В таких случаях можно говорить о том, что обобщённая семантика союзов уточняется обстоятельственными выражениями.

- (4) *Āz nūr sid-ow tar uf xīz na*
 я.NOM сегодня идти.INF-INF LOC.EQ D3.PL.OBL APUD NEG
ārđī-m, dondčīt di kor mun-ā lap
 мочь.PRS-1SG потому LNK работа я.OBL-POSS много
 ‘Я сегодня не могу прийти к ним, потому что у меня много дел’ (Карам-худоев 1973: 278).

Однако в бартангском языке имеется один случай, который не только не поддаётся композициональному анализу, но и, по-видимому, не укладывается в противопоставление сочинительных и подчинительных союзов. Речь идёт о сочетании сочинительного союза *am* ‘и’ с показателем *to* ‘пока’ в первой клаузе, которое обладает значением мгновенного предшествования (5).

- (5) *Šep to k-az wī um waid-ow xūd=am,*
 лев пока EMPH-OBJ D3.M.OBL D3.F.OBL реветь.INF-INF слышать.PST=CONJ
az xōč zibud
 ABL страх убежать.PST.M
 ‘Как только лев услышал его рёв, то от страха кинулся прочь’ (Соколова 1960, Басид 5: 17).

Эта конструкция интересна как с семантической, так и с формальной точки зрения, поскольку в ней сочинительный союз образует идиоматическое сочетание с компонентом одной из сочинённых клауз, что противоречит некоторым предположениям в литературе исследованиям идиом (ср. O’Grady 1998). В настоящей работе я привожу результаты предварительного исследования конструкции *to... am* на основании текстов в сборнике Соколова (1960).

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 описываются основные характеристики конструкции *to... am*, её исторические источники и соответствия в родственных языках. В разделе 3 приводятся результаты пилотного корпусного исследования на основании текстов, собранных В. С. Соколовой (1967), которое состоит из трёх частей: анализа частотности употребления составного коннектора (3.1), описания круга выражаемых им значений (3.2) и его позиционных свойств (3.3). Наконец, в разделе 4 содержатся предварительные обобщения, открытые вопросы и перспективы для дальнейшего исследования.

2. Конструкция *то... ат*: основные характеристики

Не вызывает сомнений, что семантика и синтаксис рассматриваемого коннектора не выводится композиционально из свойств его частей. Показатель *ат* представляет собой сочинительный союз, соединяющий составляющие различных категорий, в том числе именные группы (6) и клаузы (7).

- (6) *Йи мом=ат, йи набос=ан вач...*
 один бабушка=CONJ один внук=3PL быть.PF.PL
 ‘Жили бабушка и внучек...’ (Соколова 1960: 76).
- (7) *Йā понд тез-д=ат, соз лув-д.*
 D3.SG.NOM дорога идти.PRS-3SG=CONJ песня говорить.PRS.3SG
 ‘Он идёт по дороге и поёт’ (ibid.).

Союз *ат* при соединении клауз может выражать несколько сочинительных значений, общий обзор которых содержится в словаре В. С. Соколовой (1960: 76–79). В собственно темпоральной функции *ат* употребляется преимущественно для выражения одновременности двух ситуаций, как в (7). Для выражения последовательности событий в нарративе обычно используется другой сочинительный союз, *ху* (8).

- (8) *Оқил тар wī хўз йат ху йи-лāv дил.додан*
 О. LOC.EQ D3.M.OBL APUD прийти.PST SEQ один-часть ободрение
 чўз.
 делать.PST
 ‘Окил подошёл к нему и немного его подбодрил’ (Карамхудоев 1973: 269–270).

Значение мгновенного предшествования в (5), таким образом, возникает именно благодаря наличию в первой клаузе элемента *то* ‘пока’. На это указывает и Н. Карамхудоев: «В сочетании с предшествующим союзом *то*, а также местоименными наречиями *ўндер*, *ендер*, *умдер* в их временном употреблении союз *ат* выражает мгновенную последовательность действия (состояния)» (Карамхудоев 1973: 267). В. С. Соколова также выделяет у *то* значение ‘как только’ с последующим союзом *-ат* (Соколова 1960: 160). В близкородственном шугнанском языке Д. Карамшоев также отмечает аналогичное значение у сочетания *то* и *ат* (Карамшоев 1999: 93). В другом памирском языке — ваханском — Т. Н. Пахалина (1975: 116) также выделяет союз *tō* с аналогичным употреблением и набором значений: ‘как только’ (с использованием сочинительного союза *-ат* после клаузы) и ‘пока’.

Элемент *то* также не обладает в бартангском значением, из которого можно было бы вывести семантику мгновенного предшествования. Это слово

является заимствованием из таджикского; тадж. *to* (и его соответствие перс. تا *tâ*) используется как предлог со значением ‘до’, а также как союз с несколькими значениями: целевое, темпоральные ‘до’, ‘пока’ и некоторые другие. Значение, аналогичное бартангскому *to... at*, в персидских (Lazard 1957; Рубинчик 2001) и таджикских (Perry 2005) грамматиках не упоминается, однако в словаре В. Б. Иванова (2020) у персидского союза تا *tâ* выделяется значение ‘как только’, ‘едва только’ в функции придаточного времени. В качестве примера на такое употребление приводится (9).

- (9) *tâ* *mo'allem* *vâred-e* *otâq-e* *dars* *šod*,
пока учитель вошедший-EZ комната-EZ урок статья.PST[3SG]
šâgerd-ân *az* *jâ* *boland* *šod-and*
ученик-PL ABL место длинный статья.PST-3PL
‘Как только учитель вошёл в класс, ученики встали’ (Иванов 2020: 721).

Вполне возможно, что такие контексты, как (9), послужили источником для бартангской конструкции, однако, как видно из этого примера, между персидскими и бартангскими примерами имеется существенное отличие. В персидском в качестве показателя синтаксической связи выступает одиночный союз تا *tâ* в начальной позиции; такое употребление, таким образом, может рассматриваться наряду с другими темпоральными подчинительными функциями этого союза (‘пока’, ‘до тех пор’ и т. д.). В бартангском же, как мы увидим ниже, в функции мгновенного предшествования этот союз обязательно сочетается с сочинительным *at*.

Если говорить о круге значений самого *to* в бартангском языке, то он значительно уже, чем в персидском и таджикском: В. С. Соколова выделяет только два значения помимо обсуждавшегося выше идиоматического: «1. предлог; выражает предел во времени и пространстве (с последующим *-ac*)»; «2. союз: пока». При этом, как мы увидим ниже, в бартангских текстах *to* преобладает именно в идиоматическом значении.

Несмотря на то, что настоящее исследование основано на ранее опубликованных текстах В. С. Соколовой, следует отметить, что конструкция *to... at* существует и в современном бартангском языке. В частности, она встречается в устных текстах, записанных в 2023–2024 гг.:

- (10) *Во* *падум=ан,* *ху* *чиз* ***то*** *чам*
 снова D3.LOC.UP=3PL REFL вещь пока собрание
чуъ=ам, *йат=ан* *аруд.*
 делать.PST=CONJ прийти.PST=3PL D1.LOC.DOWN
 ‘И опять собрали свои вещи там (наверху) и пришли сюда (вниз).’
 {anoyatsho_jonali_almasti1_200624}

3. Свойства конструкции *то... ам* по данным текстов

3.1. Частотность употребления

Несмотря на то, что таджикское *то* заимствовано в бартангском в обоих своих основных значениях (предлог ‘до’ и союз ‘пока’), подавляющее большинство употреблений этого слова в корпусе текстов В. С. Соколовой приходится именно на обсуждаемую конструкцию мгновенного предшествования. Всего в текстах встретилось 38 вхождений *то*, из них в 32 случаях *то* употребляется вместе с последующим *ам* в темпоральном значении. В оставшихся пяти контекстах *то* имеет значение ‘пока’, ср. (11).

- (11) ***То*** *йим* *мāнд* *сawд,* *наол* *нод-д,*
 пока D1.SG.NOM сейчас идти.PRS:3SG саженец сажать.PRS-3SG
йā *рӯй* *дӯ-д,* *бād* *аз* *пӣнз* *сол ум*
 D3.SG.NOM рост падать.PRS-3SG после ABL пять год D3.F.OBL
хоҳ-ен *билāнд* *сāw-ан,* ***то*** *кӣп-т=ам*
 сук-PL длинный идти.PRS-3PL пока отрезать.PRS-3SG=CONJ
йодд *иди,* *āз=ти* *ар* *мӣ*
 прийти.PRS:3SG LNK я.NOM=FUT LOC.DOWN D1.M.OBL
хāц *мир-ум.*
 вода умирать.PRS-1SG
 ‘Пока он пойдет, посадит росток, пока тот вырастет, и через пять лет его сучья станут большими, и пока он (их) срежет и придет, я умру в этой воде’
 (Сипандж 11: 6).

В трёх примерах из этих при этом присутствует также союз *ам*, однако он в них имеет своё обычное значение и не входит в идиоматическое сочетание с *то*. Ср. (12), в котором в сферу действия *то* в значении ‘пока’ входят две клаузы, сочинённые союзом *ам*.

- (12) *Йим=ти* **то** *мāнд* *тар* *чōд савд=ат,* *азум*
 D1.SG.NOM=FUT пока сейчас LOC.EQ дом идти.PRS:3SG=CONJ ABL:D3.LOC
йодд *иди,* *āз=ти* *ўндер* *йи* *мйθ*
 прийти.PRS:3SG lnk я.NOM=FUT D1.LOC.IN один день
райс-ум.
 остаться.PRS-1SG
 ‘Пока он пойдет домой и пока оттуда придёт, я здесь на целый день останусь’ (Сипандж 11: 3).

3.2. Значения

Поскольку у меня пока не было возможности воспользоваться суждениями носителей бартангского языка, при анализе значений коннектора *то... ат* в опубликованных текстах я буду опираться на перевод, приводимый В. С. Соколовой, а также на общий контекст предложения.

Из 32 примеров на составной коннектор *то... ат* большинство — 18 — переводятся с использованием русского коннектора ‘как только’. Ещё в 12 примерах в переводе используются союзы ‘и’ и ‘когда’, однако большинство из них совместимы с интерпретацией мгновенного предшествования, ср. (13).

- (13) *Йā* *потхō-разен* *пай* *неwд* *сад,*
 D3.SG.NOM царь-дочь PROSP плакать.INF идти.PST.F
ум *йохх* *ар* *wй* *нец* **то** *чект=ат,*
 D3.F.OBL слеза LOC.SUB D3.M.OBL лицо пока капать.PST=CONJ
йā *агā* *суд.*
 D3.SG.NOM бодрый идти.PST.M
 ‘Царевна принялась плакать, и когда [= как только] её слеза капнула ему на лицо, он проснулся’ (Басид 6: 27).

Всего три примера из этой группы сложно отнести к мгновенному предшествованию: все они включают глаголы движения в первой клаузе и связаны с прерываемым предшествованием (14)–(16).

- (14) *И-лāв=ан* **то** *тойд=ат,* *тар* *wй* *чингāл* *хйз=ан*
 один-часть=3PL пока уйти.PST.PL=CONJ LOC.EQ D3.M.OBL лес APUD=3PL
фирент.
 достигать.PST
 ‘Немного прошли и дошли до того леса’ (Басид 5: 17).

- (15) **То** *қарйб* *сāw-ан=ат,* *авқотворй* *кихт* *камй*
 пока близко идти.PRS-3PL=CONJ питание делать.PRS:3SG недостаток
 ‘Когда они уже стали приближаться, не хватило пищи’ (Сипандж 9: 31).

- (16) *Йи* *дӯс* *дигер=ан* ***то*** *тойд=ат,* *тар* *wī*
 один немного другой=3PL пока уйти.PL=CONJ LOC.EQ D3.M.OBL
кочор *хйз=ан* *фирент.*
 вещь аруд=3PL достигать.PST
 ‘Они еще немного прошли и подошли к тому предмету’ (Басид 4: 10).

Единственный пример (17), в котором *то... ат* переведён как ‘а’, аналогичен (15) и может быть отнесён к этой же группе.

- (17) *И-лāv=ан* *сифāч* *ди,* ***то*** *қарйб=ан* *сач=ат,*
 один-немного=3PL подняться.PF.PL LNK пока близко=3PL идти.PF.PL=CONJ
аwқотворй кихт *камй.*
 питание делать.PRS:3SG недостаток
 ‘Некоторое время они поднимались и уже почти долетели, а пищи не хватает’ (Сипандж 9: 32).

Ещё один пример (18) переведён с использованием союза ‘пока’ (как у одиночного *то*), однако его можно понять и как мгновенное предшествование: «Как только те встают и выхватывают мечи, Муркоди тоже выхватывает меч...».

- (18) *Wāδ* ***то*** *индиз-ан=ат,* *ху* *чег-адас*
 D3.PL.NOM пока вставать.PRS-3PL=CONJ refl нож-ASSOC
зуwоδ-ан=ат, *Мурқодй* *мис* *ху* *шамшер*
 вынимать.PRS-3PL=CONJ M. ADD REFL меч
зуwоδ-δ *ху* *даδ* *аз* *уф* *арāй* *пālawон*
 вынимать.PRS-3SG seq тогда OBJ D3.PL.OBL три богатырь
шамшер *қатй* *дет=ат...*
 меч INS бить.PRS:3SG=CONJ
 ‘Пока те встают и вынимают мечи, Муркоди тоже выхватывает меч и убивает мечом тех трех богатырей...’ (Басид 3: 14)

Распределение значений *то... ат* в текстах представлено в таблице 1. Из 32 примеров на *то... ат* подавляющее большинство — 28 — можно отнести к мгновенному предшествованию; 4 представляют собой контексты с глаголами движения, обладающие неясной семантикой (15)–(18).

Таблица 1. Распределение значений *то... ат* в текстах

Значение	Количество
Мгновенное предшествование	28
Прерываемое предшествование (с глаголами движения)	4
Всего	32

3.3. Позиционные свойства

Как показано в работе Беляев 2025а, бартангские подчинительные союзы можно разделить на внутриклаузные *ца*, *ди_{IN}* и находящийся на периферии клаузы *ди_{EX}*. Последний традиционно трактуют как начальный, хотя, подобно персидскому *ke* и другим похожим союзам в иранских языках, он является энклитикой к предшествующей клаузе. Исходя из его семантики, возможно, его следует рассматривать как занимающий конечную позицию (Беляев 2025б). Оба внутриклаузных союза могут занимать непосредственно предглагольную позицию, см. (1)–(2) для *ца*; для *ди_{IN}* доступна также позиция после первой составляющей в клаузе.

Оба союза, традиционно относимые к сочинительным (*ху* и *ат*), энклитизируются к предшествующей клаузе; при этом *ху*, возможно, следует считать конечным подчинительным союзом, тогда как *ат* в своём адверсативном или контрастивном значении может занимать и как проклитика к следующей за ним клаузе (см. ремарку «допускает перед собой паузу» для значений 3 и 4 в Соколова 1960: 77–78).

В конструкции *то... ат* её компонент *ат* всегда занимает обычную для этого союза позицию, т. е. выступает энклитикой к предшествующей ему клаузе, содержащей *то*. В то же время позиция *то* не соответствует ни одному из известных в бартангском позиционных классов. В текстах В. С. Соколовой в 24 контекстах из 383 показатель *то* занимает вторую позицию, в 12 — начальную (ср. примеры (11) и (15)). Из 24 контекстов на *то* во второй позиции в 10 он является также предглагольным (ср. пример (18)), но в остальных таких контекстах между *то* и глаголом употребляются другие составляющие (ср. пример (5)). В двух примерах, один из которых представлен здесь как (13), *то* находится непосредственно перед глаголом, не являясь при этом начальным и не находясь во второй позиции. Таким образом, если не предполагать в (13) наличия барьера или топиализованной составляющей, следует признать, что у *то* имеется три альтернативных позиции: в порядке убывания числа при-

меров, вторая, начальная и предглагольная. Статистика позиций для *то* представлена в таблице 2.

Таблица 2. Распределение позиций союза *то* в текстах

Позиция в клаузе	Позиция относительно глагола	
	Не перед глаголом	Перед глаголом
Начальная	10	2
Вторая	14	10
Третья и далее	0	2
Всего	24	14

Насколько мне известно, союзы с таким позиционным распределением не зафиксированы ни в одном иранском языке, кроме осетинского, где именно так, судя по корпусным данным, ведут себя «плавающие» союзы (*цæмай* ‘чтобы’, *цыма* ‘будто’ и др., см. Беляев 2014). Возможно, такое сходство связано с общими для этих языков особенностями структуры клаузы; данный вопрос требует отдельного изучения.

4. Заключение

В настоящей работе представлен общий обзор употреблений полипредикативных конструкций с показателями *то... ат* в бартангском языке по данным текстов, собранных В. С. Соколовой (1960). Показано, что, в полном соответствии с данными грамматик, это сочетание имеет чаще всего значение мгновенного предшествования, при этом ни один из его компонентов не может иметь этого значения самостоятельно. Это говорит о том, что рассматриваемая конструкция представляет собой составной коннектор. Описаны также позиционные свойства его элементов: если *ат* имеет позицию, аналогичную позиции соответствующего сочинительного союза, то *то* может занимать в первой клаузе первую, вторую или непосредственно предглагольную позицию.

Коннектор *то... ат* представляет интерес как минимум с трёх точек зрения. Во-первых, в состав этого коннектора входит сочинительный союз *ат* и элемент *то*, способный занимать позицию внутри первой клаузы. Таким образом, компоненты коннектора не только разрывны, но и противоречат

некоторым ожиданиям того, как могут быть устроены идиоматические выражения. Так, в литературе получило известность т. н. ограничение на непрерывность (Continuity Constraint), которое было предложено У. О'Греди (O'Grady 1998). Это ограничение гласит, что идиома должна состоять из непрерывной цепочки вершин. Для бартангского *то... ат* это ограничение будет выполняться только в том случае, если *ат* является вершиной сочинительной конструкции (как в некоторых генеративных анализах, см. Johannessen 1998), а *то* — подчинительным союзом; или же оба элемента представляют собой два подчинительных союза, один из которых управляет другим. Оба предположения для бартангского языка достаточно неожиданны и требуют дальнейшей эмпирической проверки.

Во-вторых, позиция элемента *то*, способного, судя по всему, свободно занимать первую, вторую и предглагольную позиции в первой клаузе, не соответствует ни одному из известных в бартангском классов подчинительных союзов. В то же время союзы с точно такой же линейной дистрибуцией зафиксированы как минимум в одном другом иранском языке — осетинском. Такое сходство может следовать из общих для бартангского и осетинского (а также, возможно, других языков OV) особенностей структуры клаузы. Для того, чтобы понять природу дистрибуции *то*, следует обратить внимание на его просодические свойства в каждой из доступных позиций, что требует дальнейшего исследования на основе работы с носителями бартангского языка.

С синтаксической точки зрения также неясно, являются ли конструкции с *то... ат* сочинительными или подчинительными: выражение этой конструкцией конкретного темпорального отношения как будто бы указывает на подчинение, однако использование в ней сочинительного союза *ат* может говорить о сохранении ею сочинительных свойств.

Наконец, в-третьих, неясен путь развития у *то... ат* значения мгновенного предшествования. Если первичным значением для *то* в этой конструкции действительно является 'пока' (т. е. его источником является тадж. *то*, перс. *tâ*), то существующие типологические исследования не предсказывают такого диахронического развития. Так, в семантической карте Б. Кортманна (Kortmann 1997: 185) между значением непосредственного предшествования (IMANTE) и значениями зоны 'пока' (SIDUR, SICOEX, TAQUEM) находится значение одновременности (SIOVER), однако у конструкции *то... ат* последнего значения не зафиксировано. В соответствии со шкалой А. Л. Мальчукова и В. С. Храковского (Мальчуков 2001; Храковский 2009) контактное предшествование также не должно совмещаться со значением полной одновременности без промежуточных значений прерываемого предшествования и неполной одновременности. Развитие из целевого значения также представ-

ляется маловероятным. Учитывая такие примеры, как (9), значение мгновенного предшествования могло развиваться ещё в персидском из общего источника со значением ‘пока’; однако для перс. *tâ* в качестве источника предполагается ср. перс. *tāg* ‘часть’ (Hassandoust 2004/1383: 315), так что путь развития значения неясен.

Можно также осторожно предположить, что барт. *to* в значении мгновенного предшествования связано со словом *тов* ‘раз’ (также заимствования из тадж. *тоб* ‘поворот’, согласно Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1974: 82)) с выпадением конечного согласного. В таком случае путь развития «(один) раз» → как только’ является хорошо засвидетельствованным, ср. хотя бы англ. *once*, фр. *une fois* (букв. «один раз»). Однако *тов* как коннектор не функционирует. К тому же, переход от ‘раз’ к темпоральному значению должен был произойти именно на шугнано-рушанской почве, т. к. у таджикского слова, как и у перс. *tâb*, значение ‘раз’ не зафиксировано. Это оставляет такие примеры, как (9), без адекватного объяснения.

Итак, несмотря на то, что бартангский язык на первый взгляд обладает чрезвычайно бедной системой коннекторов, эта система обладает потенциалом для развития новых составных показателей, так что в конкретных предложениях общий смысл «универсального» показателя оказывается дополнительно специфицирован другими лексическими элементами. Это показывает важность исследования полипредикативных систем во всей их полноте, включая идиоматические и не до конца грамматикализованные сочетания, как это сделано для русского языка в базе данных Рускон, разработанной Ириной Михайловной и её коллегами (Кобозева, Сердобольская 2023; Кобозева и др. 2023). В рамках того же проекта были разработаны аналогичные базы данных для других языков: осетинского, бежтинского, уральских (<https://ruscon.ilingan.ru/>). Хотелось бы выразить надежду, что подробные описания семантических и синтаксических свойств коннекторов будут разрабатывать и далее, так что станет возможным построение более системной типологии полипредикативных конструкций, которая не будет ограничиваться полностью грамматикализованными или лексикализованными показателями.

Литература

- Беляев О. И. 2014. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук, МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Беляев О. И. 2025а. Позиционные классы союзов в бартангском языке. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, № 2, 70–87.

- Беляев О. И. 20256. Полифункциональные подчинительные конструкции в бартангском языке: к единому анализу. *Вопросы языкознания*, № 3, 30–61.
- Иванов В. Б. 2020. *Большой персидско-русский словарь*. В 3-х тт. Т. 1: От буквы « до буквы ٢. Москва: Наука.
- Инькова О. Ю. 2018. *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. Москва: ТОРУС ПРЕСС.
- Карамхудоев Н. 1973. *Бартангский язык (фонетика и морфология)*. Отв. ред. А. Л. Хромов, Н. Бозидов. Душанбе: Дониш.
- Карамшоев Д. 1999. *Шугнанско-русский словарь*. Под ред. А. Л. Грюнберга. В 3-х тт. Т. 3: Т–Ч. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. 2023. Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы Рускон). *Учёные записки Петрозаводского государственного университета*, Т. 46, № 7, 66–74.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А. 2023. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, Т. 9, № 4 (36), 36–47.
- Мальчуков А. Л. 2001. Опыт исчисления таксисных значений (на материале тунгусских языков). А. С. Шубик (ред.). *Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко*. СПб.: Издательство СПбГУ, 186–196.
- Пахалина Т. Н. 1975. *Ваханский язык*. Отв. ред. В. И. Абаев. Москва: Наука.
- Рубинчик Ю. А. 2001. *Грамматика современного персидского литературного языка*. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Соколова В. С. 1960. *Бартангские тексты и словарь*. Отв. ред. М. Н. Боголюбов. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Тимошенко С. П., Сердобольская Н. В., Кобозева И. М. 2025. Стастические метрики как критерии отбора составных коннекторов (на материале базы Рускон). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2025»*.
- Храковский В. С. 2009. Таксис: семантика, синтаксис, типология. В В. С. Храковский (отв. ред.). *Типология таксисных конструкций*. Москва: Знак, 11–113.

- Hassandoust M. 2004 (1383). *Farhang-e rišēšenâsi-ye zabân-e fârsi* [Этимологический словарь персидского языка]. Т. 1: â-t. Тегеран: Farhangestân-e zabân va adab-e fârsi.
- Johannessen J. B. 1998. *Coordination*. Oxford: Oxford University Press.
- Kortmann B. 1997. *Adverbial subordination: A typology and history of adverbial subordination based on European languages*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Lazard G. 1957. *Grammaire du persan contemporain*. Paris: Klincksieck.
- Morgenstierne G. 1974. *Etymological vocabulary of the Shughni group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- O'Grady W. 1998. The syntax of idioms. *Natural Language & Linguistic Theory*, № 16, 279–312.
- Perry J. R. 2005. *A Tajik Persian reference grammar*. Leiden: Brill.

К ВОПРОСУ О «НЕОДНОЗНАЧНОСТИ» КОННЕКТОРОВ, ИЛИ РОЛЬ КОНТЕКСТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

О. Ю. Инькова

Женевский университет, Институт проблем информатики РАН
Olga.Inkova@unige.ch

Введение

Мое исследование посвящено функциональным особенностям коннекторов, теме, которая увлекает меня уже не одно десятилетие и которая близка и нашему юбиляру, причем последнее время и в сопоставительном аспекте. Это дает нам возможность встречаться на конференциях группы по сопоставительной лингвистике текста СоЛиТекст, где выступления Ирины Михайловны ждут как праздник, а ее участие в дискуссиях — всегда доброжелательное, что нынче редкость, компетентное, открывающее новые перспективы исследования, — задает тон всей конференции. Выбранная мной тема стоит на стыке семантики и прагматики и использует данные сопоставительного изучения языков, поэтому я надеюсь, что она будет интересна юбиляру.

В последнее время в литературе о коннекторах стало появляться все больше работ, в которых говорится о возможности этих языковых единиц «совмещать» значения. Причем речь идет не о полисемии и не об омонимии, а именно, если можно так сказать, о наличии у коннектора одновременно двух значений. Например, в монографии Zufferey, Degand 2024: 147 указано, что фр. *tant que* выражает одновременно временное и условное значения во всех своих употреблениях¹, а в работе Кобозева и др. 2023: 41 — что русск. *в то же время* совмещает временное и противительное значения, а *разве* — мерологическое значение аддитивности и противительности. Посмотрим на примере

*Работа выполнена в Федеральном исследовательском центре «Информатика и управление» Российской академии наук с использованием ЦКП «Информатика» ФИЦ ИУ РАН.

¹ «For example, the French connective *tant que* simultaneously conveys a meaning of temporality and condition in all of its uses».

фр. *tant que* и русск. *в то же время*², насколько правомерны данные утверждения и не идет ли речь скорее о свойствах контекста, с которыми совместимы коннекторы и которые могут быть общими для нескольких дискурсивных отношений.

1. *Tant que*

Французский коннектор *tant que* ‘пока’ мало изучен. В монографии Ben Namad 2024, посвященной показателям одновременности во французском языке, он лишь упомянут, а в обширной библиографии работ о лексических и грамматических единицах французского языка Dendale 2024, фигурируют всего несколько исследований, прямо или косвенно посвященных семантике данного коннектора (Franckel 1989; Weill 2008, 2019; Hédiard 2005). Грамматики и словари (ср. из наиболее авторитетных Grevisse 1986, TLFi) отмечают у него два значения³: одновременности, когда ситуации имеют одинаковую длительность (1)⁴, и предела, когда коннектор вводит положение вещей *P*, кладущее конец другому (*Q*), как в (2).

- (1) *Tant que vous serez animés de cet esprit, rien ne pourra vous résister.*

Пока вы воодушевлены этим духом, ничто не сможет сопротивляться вам. [М.-Р. Rey. *L’Effroyable tragédie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie* (2012), перев. А. Ю. Терещенко (2015)]

- (2) *Au fond de toi, tu te doutes bien que Joanna se prénomme Janine mais tant que tu n’as pas joué, tu t’en moques.*

В глубине души ты догадываешься, что Иоанну зовут попросту Жаниной, но **пока** ты с ней не переспал, тебе на это начхать. [F. Beigbeder. *99 francs* (1997-2000), перев. И. Волевич (2002)]

² О семантике *разве* см. Инькова, Манзотти 2019: гл. 4, Инькова 2022.

³ Временное значение не следует путать со значением образа действия, часто с количественным оттенком, лежащим в основе скалярной интерпретации, и его результата: D’Artagnan marcha *tant qu’il trouva à louer une chambre qui convînt à l’exiguïté de ses ressources* ‘Д’Артаньян (долго) ходил и наконец снял комнату, которую позволяли его скромные ресурсы’ (перевод наш) (Dumas, *les Trois Mousquetaires*, пример Weil 2008: 161). Это значение передается сочетанием *tant* с союзом *que*, которое не полностью грамматикализовалось, поскольку составляющие показателя могут быть разделены текстом, что невозможно в случае временного *tant que*.

⁴ При отсутствии иных ссылок используемые примеры заимствованы из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В обоих временных значениях *tant que*, как видим, может быть переведен русск. *пока*, который, по нашим данным⁵, является его наиболее частотным функциональным эквивалентом: *пока* переводит *tant que* в 55% случаев и служит стимулом для его появления в переводе в 78% случаев. Важным для моего анализа представляется тот факт, что у *пока* не отмечается какого бы то ни было совмещения временного значения с условным и что *tant que* лишь один раз переведен показателем условных отношений *если* (6), к чему я вернусь.

Как и в случае русск. *пока*, во втором значении — временного предела — в части предложения, вводимой *tant que*, появляется отрицание⁶. В этом значении *tant que* могло сочетаться с коннектором *jusqu'à (ce que)* 'до тех пор': *jusqu'à tant que* (3). Эта форма сегодня считается устаревшей или диалектальной (Grevisse 1986: 1652), чего нельзя сказать про русск. *пока*, которое является обязательным элементом коннектора *до тех пор, пока*:

- (3) *J'engage donc ma correspondante <...> à continuer de parler comme les siens parlaient jusqu'à tant qu'on lui apporte la preuve qu'ils parlaient mal* (пример Grevisse 1986: 1652)

Я предлагаю моей собеседнице <...> продолжать говорить как ее предки **до тех пор, пока** ей не представят доказательства, что они говорили плохо (перевод мой).

Временное значение *tant que* имеет, однако, свою особенность: коннектор представляет вводимое им положение вещей как временное *P*, преходящее, что характеризует и русск. *пока* (Инькова 2024а). Но у французского коннектора это связано с тем, что входящее в его состав анафорическое наречие *tant* 'столько' является квантификатором, поэтому *tant que* означает 'определенное количество времени', и это количество определяется *P*. Ср. в этом отношении высказывание, которое допускает двойную интерпретацию *Tu peux crier tant que tu voudras, je ne céderai pas*: 'Ты можешь кричать, *сколько* хочешь, я не уступлю', т. е. буквально 'столько времени / столь долго, сколько тебе хочется'.

В рамках этого исследования меня будут интересовать только случаи, ставшие частотными с начала XX века, когда в части предложения, вводимой *tant que*, появляется отрицание, и на специфику которых, по справедливому замечанию И. Вайль (Weil 2008), не обращают внимание исследователи. В нашем корпусе предикат придаточного предложения таких высказываний

⁵ Для сопоставительной части исследования используется материал из Надкорпусной базы данных коннекторов, в которой были сформированы 84 двуязычные аннотации с *tant que* во временном значении (69 в направлении перевода русский – французский, 25 в направлении перевода французский – русский).

⁶ Это употребление зафиксировано у *tant que* начиная с XV-го века (Weil 2008).

имеет форму настоящего или прошедшего (*passé composé*) времени с результативным значением (5), а предикат главного — настоящего, которое может интерпретироваться как вневременное. Кроме того, между ситуациями *P* и *Q* можно установить причинно-следственное отношение или, по крайней мере, отношение импликации. Наконец, придаточное всегда находится в подпозиции и не отделено от главного запятой. Ср. (2) с препозицией придаточного и (4) с запятой, которые имеют только временную интерпретацию, поскольку соблюдены не все перечисленные условия, и (5) без запятой, в котором *tant que* может быть заменено на *si* ‘если’ без существенного изменения смысла (за исключением оттенка временности, привносимого *tant que*: изменение ситуации *P* положит конец ситуации *Q*):

- (4) *La seule pensée d'être un fuyard est contraire à mes sentiments. C'est pourquoi je ne quitterai pas Moscou, tant que rien n'est décidé.*

Душе моей противна мысль быть беглецом: для того не выеду из Москвы, **пока** всё **не** решится... [M.-P. Rey. *L'Effroyable tragédie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie* (2012), перев. А. Терещенко (2015)]

- (5) *Noter la présence ou l'absence, isolément, d'une forme ou d'un thème littéraire à tel ou tel point de l'évolution diachronique ne signifie rien tant que l'étude synchronique n'a pas montré quelle est la fonction de cet élément dans le système.*

Отметить наличие или отсутствие той или иной отдельной литературной формы или мотива в той или иной точке диахронической эволюции — мало что дает, **пока** синхронический анализ **не** показал, какова функция этого элемента в системе. [G. Genette. *Figures I* (1966), перев. Е. Гальцова и др. (1998)]

Функция высказываний типа (5) не столько локализовать во времени положение вещей *Q*, сколько обосновать истинность утверждения, содержащегося в главном предложении (Weil 2008: 167; Franckel 1989: 398). Поэтому неслучайно такие высказывания используются часто в научных текстах. На их особую семантику указывает и тот факт, что *tant que* может переводиться в них не только *пока* (*ne*), но и *если* (6) и *когда* (7), которому тоже свойственна — в определенных контекстах — условная интерпретация:

- (6) *La durée du deuxième <...> est aussi indéterminée, mais la formule employée («beaucoup d'années passèrent») <...> oblige à placer le second retour; et donc la matinée Guermantes <...> après 1922, date de la mort de Proust: ce qui est sans inconvénient tant que l'on ne prétend pas identifier le héros à l'auteur.*

Продолжительность второго пребывания в клинике <...> также не определена, однако употребленное в тексте выражение («много лет прош-

ло») <...> вынуждает нас поместить второй возврат и, следовательно, утренник у Германтов <...> после 1922 года, то есть после смерти Пруста; что вовсе не представляется несообразностью, **если не** стремиться отождествить героя с автором. [G. Genette. Figures III (1972), перев. Е. Васильева и др. (1998)]

- (7) <...> *l'intensité de sa mimique ne parvint pas à remplacer cette lumière qui reste absente de nos yeux tant que nous ne savons pas de quoi on veut nous parler <...>*. ее резкая мимика не могла, однако, заменить огонек, который не зажигается в наших <...> глазах, **когда** мы не понимаем, о чем с нами говорят <...> [G. Genette. Figures III (1972), перев. Е. Васильева и др. (1998)]

О 'мотивирующей' функции таких высказываний свидетельствует и зафиксированный нами перевод русск. *поскольку*, снова в научном тексте, фр. *tant que*. При этом переводчик счел необходимым изменить порядок следования предложений, поставив придаточное в постпозицию, что говорит о важности этого условия для такой интерпретации высказывания.

- (8) *Этот, данный Луначарским, генетический анализ полифонии Достоевского, безусловно, глубок и, поскольку он остаётся в рамках историко-генетического анализа, не вызывает серьёзных сомнений.* Cette analyse de Lounatcharski est incontestablement profonde et n'appelle pas de réserves sérieuses **tant qu'**elle reste historico-génétique. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963), trad. I. Kolitcheff (1970)]

Следует ли в проанализированных случаях говорить о «совмещении» значений у *tant que*, тем более что коннектор сохраняет свое временное значение? Такое решение кажется нам не совсем правомерным, в частности, потому что следовало бы признать такое совмещение значений и у русск. *пока (не)*, которое вполне может служить переводным эквивалентом *tant que* в таких контекстах:

- (9) *Noter la présence ou l'absence, isolément, d'une forme ou d'un thème littéraire à tel ou tel point de l'évolution diachronique ne signifie rien tant que l'étude synchronique n'a pas montré quelle est la fonction de cet élément dans le système.*

Отметить наличие или отсутствие той или иной отдельной литературной формы или мотива в той или иной точке диахронической эволюции — мало что дает, **пока** синхронический анализ **не** покажет, какова функция этого элемента в системе. [G. Genette. Figures I (1966), перев. Е. Гальцова и др. (1998)]

По-видимому, более обоснованно полагать, что контекст таких высказываний имеет общие свойства с контекстом условных отношений: поскольку говорящий формулирует некоторую научную гипотезу, то до обоснования ее истинности (в которой он, тем не менее, уверен) она может не иметь статуса факта у слушающего.

Еще менее правомерным кажется утверждение о том, что *tant que* совмещает условное и временное значения во всех своих употреблениях. Ошибочность этого утверждения особенно хорошо видна, если учесть, что при употреблении *tant que* вводимое им положение вещей имеет статус факта, истинность которого известна говорящему, тогда как при условных отношениях (по крайней мере, установленных на пропозициональном уровне) оно имеет как минимум статус гипотезы как для говорящего, так и для слушающего.

2. В то же время

Коннектору *в то же время* я посвятила несколько статей, в которых была описана система его значений, а также факторы, влияющие на ту или иную его интерпретацию. (ср., например, Инькова 2024б), поэтому здесь сделаю лишь несколько уточнений относительно «совмещения» у этого коннектора временного и противительного значений. В предыдущих работах было показано, что базовым значением *в то же время* является значение одновременности, устанавливаемое на пропозициональном уровне, причем обычно в рамках предложения и в сочетании с союзом *и*.

- (10) *Чу, чу, чу, детинушка! – сказала Нина Михайловна, любовно глядя на сына и в то же время* скованно улыбаясь в сторону гостя, в мою то есть, отчего лицо ее приобрело черты ооченелости. [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

В то же время может устанавливать отношения и на иллокутивном уровне. Отношение одновременности между положениями вещей преобразуется в отношение одновременности иллокутивных актов: сообщая *P*, я одновременно сообщаю и *Q*. В данном случае лучше говорить об отношении сосуществования.

- (11) По нашим данным, 70% девушек твердо собираются покинуть свой город, и 17% пока колеблются; **в то же время** среди юношей уверенных — 54%, а колеблющихся — 28%. [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005]

Замечу, что это отношение устанавливается чаще между независимыми высказываниями (13)-(14) или частями предложения, отделенными точкой с запятой, как в (11), что вполне объяснимо: законченный иллокутивный акт более естественно оформить и законченным высказыванием, хотя это правило не является абсолютным. Симптоматичным с этой точки зрения является стремление автора разделить знаком препинания фрагменты текста даже там, где это противоречит правилам пунктуации, как в (12).

- (12) *Естественно, это сложно — много работать, и в то же время оставаться и дома красивой, хозяйственной, веселой, милой...* [С. Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15]

Кроме того, в зависимости от контекста, а точнее от смыслового соотношения фрагментов текста, связанных коннектором, отношение между ними может быть понято как близкое аддитивному или же как отношение «вопреки ожидаемому». Последняя интерпретация становится возможной, когда положения вещей воспринимаются как разнонаправленные аргументы.

- (13) *Пожирая леса, дороги производят недостаток топлива для домов. Этот недостаток на огромном пространстве Руси вознаграждается потреблением соломы и других органических остатков. В то же время запасенные веками залежи тучного чернозема на полях, которые до нашего времени никогда не были паханы от начала мира, также быстро истощаются, <...>* [К. Н. Леонтьев. Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни (1884)]

- (14) *Данные переписи показали, что при Ново-тихвинском женском монастыре жили 104 человека, а при Девичьем — 305 человека. В то же время по отчетам адресного стола за 1913 г. в монастыре числилось значительно больше — 700 человек.* [Е. А. Заболотных. Перепись домовладельцев Екатеринбурга 1913 г.: информационные возможности источника для реконструкции религиозного ландшафта города // «Церковь богословие история», 2020]

В (13) *в то же время* можно заменить на *кроме того* (ср. присутствие во втором фрагменте текста *также*), а в (14) — на *однако* без существенного изменения смысла целого.

Из этого не следует, тем не менее, что *в то же время* может без поддержки контекста устанавливать эти отношения, а *мена в то же время* и коннекторов этих групп не всегда возможна. Ср. невозможность заменить *в то же время*

в (11) ни на *кроме того*, ни на *однако*, а также неприемлемость обратной замены в (15) и (16):

(15) *Модель СПИИ РАН также представляется в виде графовой структуры и может быть расширена путем добавления новых элементов в множества терминальных и нетерминальных символов, а также посредством расширения правил вывода. Кроме того, двухуровневая модель может быть представлена как в текстовом, так и в графическом виде. Основным же недостатком двухуровневой модели СПИИ РАН является <...> [В. А. Сердюк. Анализ современных тенденций построения моделей информационных атак // «Информационные технологии», 2004] — ?? в то же время*

(16) *В общем, можно взяться за дело собственными силами и, вполне вероятно, в конце концов удастся достичь результата. Однако сколько времени уйдет на это, и каких усилий может это стоить ИТ-отделу, не имеющему реального опыта подобных проектов? [Н. Дубова. Вокруг ITSM // «Computerworld», 2004] — ?? в то же время*

Это говорит о том, что то или иное значение, выделяемое у *в то же время*, является результатом интерпретации высказывания в целом, а не исключительно вкладом коннектора. Ср. в этом отношении *Цветок завял, хотя я его много поливала* и *Цветок завял, потому что я его много поливала*, где интерпретацию высказывания — уступительная vs причинная — меняет именно коннектор при одинаковом семантическом наполнении. При этом на иллюкутивном уровне базовое значение одновременности у коннектора отсутствует: положения вещей могут быть нелокализованными во времени или локализованы на разных отрезках временной оси. В (12) выше, например, понятно, что положения вещей «много работать» и «оставаться и дома красивой...» находятся на разных временных отрезках.

Вклад *в то же время* в общую семантику высказывания заключается в указании на сосуществование положений вещей или иллюкутивных актов. При этом особо указывать на это сосуществование, которое могло бы остаться немаркированным, имеет смысл в тех случаях, когда сосуществует несовместимое. Отсюда и возникают те оттенки противительности или даже уступительности, которые характерны для высказываний с *в то же время* как на пропозициональном уровне (при сохранении базового значения одновременности), так и на иллюкутивном (с утратой этого значения).

В виде заключения

Анализ семантики двух коннекторов — фр. *tant que* и русск. *в то же время* — позволяет, на мой взгляд, говорить не столько о «совмещении» значений у коннекторов, сколько о совместимости коннекторов с контекстами, характерными также для показателей дискурсивных отношений других семантических классов. Мы видели, что некоторые контексты являются общими для *в то же время* и коннекторов, выражающих отношение «вопреки ожидаемому» или аддитивность, а у фр. *tant que* — общими с условными отношениями, причем лишь с одной их разновидностью. Именно вопрос об изучении свойств контекста, необходимых для установления дискурсивного отношения и использования его показателей, является, на мой взгляд, перспективным направлением исследования связности текста в целом.

Литература

- Инькова О. Ю. 2022. *Разве*: к вопросу о семантической эволюции. В Е. С. Шереметьева и др. (ред.) *Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сборник научных статей*. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 203–209.
- Инькова О. Ю. 2024а. *Пока*: от наречия к союзу. Сообщение на международной конференции «Лингвистический форум 2024: Семантические переходы в языках мира», 21–23 ноября 2024 года, Москва, Институт языкознания РАН.
- Инькова О. Ю. 2024б. *В то же время* и *вместе с тем*: семантическая эволюция и функциональные особенности. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, № 2, 111–132.
- Инькова О. Ю., Манзотти Э. 2019. *Связность текста: мереологические логико-семантические отношения*. М.: ЯСК.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А. 2023. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, № 4 (36), 36–47. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-36-47>.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Ben Hamad L. 2024. *L'expression de la simultanéité en français. Le cas des locutions conjonctives*. Paris: Honoré Champion.

- Dendale P. 2024. *Lexicales. Bibliographie en ligne d'études linguistiques portant sur des unités lexicales et grammaticales du français*, édition 22.3, URL: <https://www.uantwerpen.be/lexicales>.
- Franckel J.-J. 1989. *Avant que, tant que, jusqu'à ce que*. J.-J. Franckel (éd.) *Étude de quelques marqueurs aspectuels du français*. Genève / Paris: Droz, 377–404.
- Grevisse M. 1986. *Le bon usage. Grammaire française*, 12e éd. Paris: Duculot.
- Hédiard M. 2005. Analyse sur corpus de l'expression du temps en français et en italien: valeur ponctuelle vs valeur durative dans les emplois de *jusqu'à ce que* et de *tant que*. In G. Williams (éd.) *La linguistique de corpus*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 168–178.
- TLFi – *Le Trésor de la Langue Française informatisé* (version informatisée et mise à jour du *Trésor de la langue française: dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960)*, B. Quemada (dir.). Paris: Klincksieck-Gallimard, 1971–1994), URL: <http://atilf.atilf.fr>.
- Weill I. 2008. De *Tant que* à *Tant que ... ne ...*, *Linx*, № 59, 149–170.
- Weill I. 2019. Étude du marqueur *tant que* en diachronie. In M.-G. Grossel et al. (éds), *Uns clers ait dit que chanson en ferait. Mélanges de langue, d'histoire et de littérature offerts à Jean-Charles Herbin*, Tome 2. Valenciennes: Presses Universitaires de Valenciennes, 799–813.
- Zufferey S., Degand L. 2024. *Connectives and Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КОННЕКТОРОВ «И» И «ПОТОМ» В РУССКОЙ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

А. А. Кибрик

Институт языкознания РАН,
МГУ имени М. В. Ломоносова
aakibrik@iling-ran.ru

Е. Д. Соловкова

МГУ имени М. В. Ломоносова
katerina.solovkova@mail.ru

Исследование посвящено проблеме употребления коннекторов в русском устном и письменном дискурсе. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать употребление коннекторов *и* и *потом* с опорой на аппарат Теории риторической структуры и сопоставить их употребление в устном и письменном дискурсе. Данными для анализа послужили рассказы из устно-письменного корпуса «Веселые истории из жизни». В результате исследования был получен ряд выводов, в том числе о меньшей частотности коннекторов в письменном модусе дискурса и о различиях в наборе риторических отношений в устном и письменном модусах.

1. Введение

Как известно, в речи (дискурсе) употребляются особые лексические средства — дискурсивные маркеры. Само название этих единиц подсказывает, что они служат организации дискурса. Естественно ожидать, что дискурсивные маркеры должны быть чувствительны к различным типам дискурса, в том числе к такому наиболее фундаментальному различию, как различие между устным и письменным модусами. Это относится и к такому подклассу дискурсивных маркеров, как коннекторы. Задача настоящей работы — рассмотреть два русских коннектора — *и* и *потом* — с точки зрения различия их употребления в различных модусах.

На наше исследование большое влияние оказали работы Ирины Михайловны Кобозевой в области дискурсивных маркеров. Одним из авторов был прослушан посвященный этой теме спецкурс Ирины Михайловны, что очень помогло в процессе нашего исследования. Авторы глубоко благодарны Ирине Михайловне и за ее работы в области дискурсивных маркеров, и за ее огромный вклад в самые разные области лингвистики.

2. Цели исследования

В лингвистической литературе используется множество терминов для обозначения и описания дискурсивных маркеров и смежных с ними средств. Помимо собственно дискурсивных маркеров (Schiffrin 1987, Fraser 1999), обсуждаются также прагматические маркеры (Fraser 1996, Богданова-Бегларян и др. 2021), дискурсивные частицы (Schourup 1985), дискурсивные слова (Ба-ранов и др. 1993, Киселева и Пайар ред. 1998, 2003) и др. Функции и состав этих единиц понимаются по-разному в зависимости от подхода исследования. Мы понимаем дискурсивные маркеры как лексические средства, позволяющие встроить ту или иную дискурсивную единицу в дискурс (Кибрик 2024: 235). Дискурсивные маркеры подразделяются на два основных класса. Один из них — коннекторы, встраивающие дискурсивные единицы в дискурсивную структуру. Второй класс — процессуальные маркеры, встраивающие дискурсивные единицы в процесс речепорождения, осуществляемый говорящим. Настоящая статья посвящена первому классу дискурсивных маркеров — коннекторам.

Согласно определению, предложенному И. М. Кобозевой на спецкурсе, посвященном проблематике коннекторов, *коннекторы* выполняют *связующую функцию*, а именно служат для маркирования логико-семантических отношений (ЛСО) между единицами дискурса (ДЕ), выделяемыми на разных уровнях его структуры, от локального (между элементарными дискурсивными единицами, ЭДЕ) до глобального уровня; ср. также аналогичное понимание коннекторов в Zufferey and Degand (2024: 49). При выделении «коннекторных» употреблений *и* и *потом* из языкового материала мы опирались на данное определение.

Исследование проводилось со значительной опорой на положения и понятия Теории риторической структуры (ТРС), представленные в работе Mann and Thompson 1987. Выявленные особенности употребления рассматриваемых коннекторов далее будут описаны с помощью маркируемых ими риторических отношений и риторической структуры контекстов, в которых они возникают. В работе использовался набор риторических отношений, дополненный для русского языка, в том числе устных рассказов, в работе Литвиненко и др. (2009: 438–440), Литвиненко 2001. Правила членения текста на ЭДЕ были взяты из Литвиненко 2001.

Исследование проводилось главным образом на материале параллельного устно-письменного корпуса русских рассказов «Веселые истории из жизни» (ВИИЖ): корпус состоит из 40 пар рассказов взрослых людей (от 18 до 60 лет) о смешных происшествиях в их жизни. От каждого рассказчика было получено по два рассказа об одном и том же событии, устный и письменный. Общая

длительность устной части корпуса — около 1 часа 10 минут; объем — около 7 тысяч словоупотреблений. Объем письменной части — около 10 тысяч словоупотреблений (см. п. 1 в разделе Источники). В ходе анализа данных из корпуса (как из устной, так и из письменной части) были извлечены и вручную размечены все контексты употребления рассматриваемых коннекторов. К каждому контексту подписывалось маркируемое коннектором отношение, при необходимости строились деревья риторической структуры. Затем данные анализировались и обсчитывались, были проведены статистические тесты для установления значимости выявленных различий в частотности коннекторов. Некоторые иллюстративные примеры в разделе 3 взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В разделе 3 мы приведем предварительный список основных риторических отношений для коннекторов *и* и *потом*. Далее мы представим выявленные особенности употребления рассматриваемых коннекторов в устной (раздел 4) и в письменной (раздел 5) речи. В разделе 6 содержится сравнительный анализ употреблений в различных модусах дискурса. В последнем разделе 7 мы приведем краткие выводы.

3. Предварительные списки риторических отношений, маркируемых коннекторами *и* и *потом*

В первую очередь стоит отметить, что оба рассматриваемых коннектора считаются являются многозначными. Так, в Русской грамматике (том I, с. 714) указано, что коннектор *и* многозначен. В рамках данной работы описание возможных значений производилось на основе положений Теории риторической структуры.

С точки зрения ТРС, коннекторы имеют некоторый потенциал, касающийся того, какие риторические отношения (далее — РО) они могут маркировать, поэтому для описания спектра значений уместно указать для каждого из рассматриваемых коннекторов список таких отношений.

Предварительный список маркируемых коннектором *и* отношений приведем по Kobozeva 2012, одновременно определяя отношения на основе Mann and Thompson 1987 и иллюстрируя их примерами:

1. Конъюнкция — многоядерное отношение, в котором конъюнкты соединяются, образуя единство, в котором каждый из них выполняет одну и ту же роль:

- (1) *а впереди едет машина,*
и стоят там милиционеры ВИИЖ (FS_02-f_sp: 20-21)¹.

2. Детализация — асимметричное отношение, в котором сателлит (С) описывает дополняющую ядро (Я) деталь либо некий элемент, логически выводимый из Я с помощью одного из следующих соотношений (первый элемент в паре — Я, второй — С): 1. множество — член множества; 2. абстрактное — конкретное; 3. целое — часть; 4. процесс — шаг процесса; 5. объект — признак; 6. общее — частное:

- (2) [*Он живет в Петербурге*], (*и его дом окнами выходит на Невский проспект*)² (Kobozeva 2012).

3. Обстоятельство — асимметричное отношение, в котором С задает рамку, внутри которой адресат³ должен воспринимать Я:

- (3) (*Но проходит немного времени*), [*и ... «как хороши, как свежи были розы»*] (Kobozeva 2012).

4. Волитивная (-ый) / неволитивная (-ый) причина (результат) — 4 асимметричных отношения, в которых С (Я) описывает ситуацию, которая, вызывая / не вызывая у субъекта Я (С) намерение произвести Я (С), вызвала Я (С):

- (4) *Он звал меня по имени, и я откликнулся ему* (НКРЯ).

В зависимости от более широкого контекста, ядром в (4) может быть признана любая из двух соединяемых ДЕ, и соответственно отношением между ними будет либо волитивная причина, либо волитивный результат.

5. Условие — асимметричное отношение, устанавливающееся между Я и С, указывающее, что реализация Я зависит от реализации С:

- (5) (*Помогите нам, Марджори*), [*и мы сделаем для вас что угодно*] (НКРЯ).

¹ Здесь и далее в качестве ссылок на примеры из корпуса ВИИЖ дается код записи корпуса, из которой взят языковой материал, и номера строк, соответствующие приведенному фрагменту. В примерах мы используем минимальный вариант транскрипции, представленный в ВИИЖ, причем дополнительно мы опускаем разметку пауз.

² Здесь и далее в примерах для асимметричных отношений ядро указано в квадратных скобках, сателлит — в круглых.

³ Здесь и далее оригинальные термины Mann and Thompson 1987 — «пишущий» и «читатель» заменены на «адресант» и «адресат» соответственно в связи с тем, что отношения применяются не только к письменному, но и к устному модусу.

6. Уступка — асимметричное отношение, при котором адресант признает возможность или очевидность несовместимости ситуаций, описанных в Я и С; адресант преподносит ситуации в Я и С как одновременно имеющие место; то, что Я и С одновременно имеют место, увеличивает позитивный взгляд адресата на Я:

- (6) *(Это действительно такой остров языков, совершенно поразительный, с колоссальным лингвистическим разнообразием, самым большим в мире).*
[И там почти ничего не сделано] (НКРЯ).

7. Контраст, или противопоставление, — симметричное отношение, соединяющее два Я. Ситуации, описываемые в ядрах, понимаются как в некотором роде различные по одному или нескольким параметрам и сопоставляются / противопоставляются по этим параметрам:

- (7) *И я так судорожно их читала, и не могла понять, что же мне делать* (НКРЯ).

8. Последовательность — многоядерное отношение, в котором Ядра Я1 ... Яп представляют собой ситуации, упорядоченные во времени:

- (8) *Петя подмел пол и вымыл посуду* (Kobozeva 2012).

9. Оценка — асимметричное отношение, в котором С связывает Я и степень положительного взгляда адресанта на Я:

- (9) *[И она будет драться за тебя, зубами вцепится, не отдаст] — (и права)* (Kobozeva 2012).

10. Интерпретация — асимметричное отношение, в котором С связывает Я с некоторым набором представлений, которые не выводятся из Я и не связаны с положительной оценкой Я со стороны адресанта:

- (10) *[Человек должен трудиться], (и в этом одном заключается смысл и цель его жизни)* (Kobozeva 2012).

11. Следование — симметричное отношение, было введено в работе Кибрик и др. 2009: 436; является многоядерным аналогом описанных в п. 4 причинно-следственных отношений:

- (11) 1. *Я напишу об этом в газете,*
2. *и все узнают!* ВИИЖ (FS_13-f_sp: 32-33)

Коннекторы типа *потом* происходят из наречий, которые И. М. Кобозева называет *наречиями временного следования* (НВС) (Kobozeva 2021). Очевидно, что временной компонент значения для них является первостепенным

и основным, но тем не менее не единственным. Приведем список РО, маркируемых коннектором *потом*; этот список выделен на основе словарных определений Кузнецов 1998, Ушаков 2005 и анализа корпусных данных:

1. Последовательность — многоядерное отношение, в котором Ядра Я1 ... Яп представляют собой ситуации, упорядоченные во времени: *Сперва поработаем, **потом** отдохнём* (Кузнецов 1998).
2. Конъюнкция — многоядерное отношение, в котором конъюнкты соединяются, образуя единство, в котором каждый из них выполняет одну и ту же роль: *Здесь грязно, тесно, **потом** нам здесь просто не нравится* (Кузнецов 1998).

Важно, что РО Конъюнкция *потом* маркирует только в так называемых *иллокутивных* употреблениях (Санников 2005; Урысон 2011), то есть таких, где коннектор выражает связь не между пропозициями, а между речевыми актами, а именно сигнализирует, что следующее высказывание несет дополнительную информацию к предыдущему.

Представляется, что указанные выше РО релевантны и для устного, и для письменного модуса дискурса. Данные списки РО мы несколько уточним ниже для употреблений *и* и *потом* в устном и письменном модусах дискурса.

4. Употребление *и* и *потом* в устной речи

Начнем изложение результатов исследования с устного модуса в качестве базовой разновидности дискурса. После сплошного анализа языкового материала из устного подкорпуса ВИИЖ мы получили следующие списки отношений. В таблице ниже приведены все РО, отмеченные для коннекторов, а также число вхождений коннекторов в подкорпус в роли маркера соответствующего отношения:

Таблица 1. Риторические отношения, выражаемые коннекторами *и* и *потом* в устном подкорпусе ВИИЖ

Риторическое отношение	Число вхождений для <i>и</i>	Число вхождений для <i>потом</i>
Конъюнкция	118	—
Последовательность	84	11 (вне соч. с другими коннекторами)
Следование	29	—

Риторическое отношение	Число вхождений для <i>и</i>	Число вхождений для <i>потом</i>
(Не)волитивная причина	21	—
Детализация	12	—
Сеттинг	10	—
Концовка	3	—
Всего	277	11

Как видно по числу вхождений, для коннектора *и* наиболее частотным отношением является РО Конъюнкция, а для коннектора *потом* встретилось лишь РО Последовательность. Отметим, что коннекторы используются как на локальном уровне (между ЭДЕ), так и на глобальном уровне дискурса (между несколькими ЭДЕ).

Приведем пример использования на локальном уровне для каждого коннектора:

(12) *а впереди едет машина,*
и стоят там милиционеры ВИИЖ (FS_02-f_sp: 20-21).

(12а) *минут десять играла музыка,,,*
потом музыку сломали,,, ВИИЖ (FS_18-f_sp: 23-24).

За примером маркирования РО Конъюнкция на глобальном уровне для коннектора *и* читатель может обратиться к фрагменту ВИИЖ (FS_06-f: 3–9) по ссылке в конце статьи: конъюнктами в данном случае являются группы 3–7 и 8–9. Для коннектора *потом* и РО Последовательность можно обратиться к фрагменту ВИИЖ (FS_30-m: 29–54), где ядрами являются группы 29–51 и 52–54.

В контекстах с РО Конъюнкция для коннектора *и* была выявлена возможность употребляться иллокутивно; это употребления, синонимичные одному из значений коннектора *потом*, выделенному в предыдущем разделе — ‘кроме того, в добавление к сказанному’. Ср.:

(13) *закурили,*
и *думаем,*
что делать,
потому что денег-то на штраф нету,
и штраф-то мы не знаем сколько! ВИИЖ (FS_02-f_sp: 26–30)

РО Последовательность является для *и* вторым по частотности вхождений. Важно отметить, что в семантике самого *и* отсутствует обязательный компонент со значением последовательности, ср. пример из работы Кобозева 2014: *Петя подмел пол и вымыл посуду. Посудой он занимался сначала, а за пол взялся потом.* Последовательная интерпретация в таких случаях возникает благодаря контексту: маркирование РО Последовательность с помощью *и* имеет место в основном в контекстах однородных предикатов совершенного вида прошедшего времени: в устном подкорпусе из 83 вхождений коннектора *и* в контексте РО Последовательность в 43 случаях коннектор соединяет именно ДЕ с такими предикатами. Как правило, в этих контекстах РО Последовательность устанавливается на локальном уровне, между ЭДЕ, состоящих из одной клаузы. Соединение групп из нескольких ЭДЕ возможно, если один из предикатов является глаголом речи, мысли или чувства с сентенциальным актантом, который при указанных типах предикатов выделяется в отдельную ЭДЕ в соответствии с Литвиненко 2001. Последовательная интерпретация в несовершенном виде (24 случая) возможна в случаях употребления предикатов в форме нарративного настоящего времени (14) или в случае с хабитуалисом (15).

(14) *Брентон на него так смотрит,*

и говорит:

«Mein Mutter!»

И проходит! ВИИЖ (FS_18-f_sp: 269–272)

(15) *короче брала Ваську-кота,*

за передние лапы,

поднимала,

соответственно он был с моим || ростом с меня,

и говорила: ВИИЖ (FS_22-f_sp: 9–13)

Кроме того, как видно в Таблице 1, некоторые отношения из предварительного списка (раздел 3) не встретились — предположительно, из-за ограниченного объема данных. С другой стороны, к предварительному списку РО для коннектора *и* добавились отношения Концовка и Сеттинг. Это оформительные отношения, выделенные для жанра рассказа в Литвиненко 2001. Как правило, коннектор *и* употребляется в качестве маркера данных отношений в составе устойчивых выражений: в случае РО Сеттинг (16) за *и* часто следуют слова типа *вот, однажды*, а в случае РО Концовка (17) — *всё*.

(16) Сеттинг:

Забавная история.

Это было еще давно,

в школьные годы у меня был приятель,

который активно занимался спортом.

Он занимался бодибилдингом.

И вот однажды он перезанимался бодибилдингом,

ВИИЖ (FS_26-m_sp: 1-6).

(17) Концовка:

решили купить ему ещё один кактус,

и назвали его Rembrandtplein,

<...>⁴

Вот,

И всё ВИИЖ (FS_04-f_sp: 91-92, 97-98).

Обобщить особенности употреблений *и* и *потом* как маркеров РО Конъюнкция и Последовательность можно следующим образом. Коннектор *потом* маркирует Конъюнкцию исключительно в иллокутивном употреблении; в устном подкорпусе ВИИЖ таких случаев не встретилось. В то же время коннектор *и* маркирует Конъюнкцию как в пропозициональном, так и в иллокутивном употреблении. При этом Последовательность коннектор *и* мар-кирует на локальном уровне в контекстах однородных предикатов, поскольку имеет более избирательную «сочетаемость», нежели *потом*: соединяемые си-туации должны быть отделены друг от друга минимальным отрезком времени или принадлежать к некому единому сценарию развития событий, в то время как *потом* не избирателен в отношении контекстов, в которых может встре-чаться в роли маркера данного РО.

5. Употребление *и* и *потом* в письменной речи

В данном разделе приведем список отношений, выявленный на материале письменного подкорпуса ВИИЖ.

Как видно из таблицы 2, число употреблений для обоих коннекторов меньше, чем в устном модусе. Подробнее этот факт и возможные его причины мы обсудим в разделе 6.

⁴ Здесь и далее значком <...> для краткости обозначается пропуск фрагмента дискурса, нерелевантного для анализа.

Таблица 2. Риторические отношения, выражаемые коннекторами *и* и *потом* в письменном подкорпусе ВИИЖ

Риторическое отношение	Число вхождений для <i>и</i>	Число вхождения для <i>потом</i>
Конъюнкция	69	—
Последовательность	66	12 (вне соч. с другими коннекторами)
Следование	17	—
(Не)волитивная причина	7	—
Сеттинг	5	—
Обстоятельство	5	—
Детализация	4	—
Противопоставление	4	—
Уступка	1	—
Всего	178	12

Кроме того, очевидно, что набор встретившихся РО для коннектора *и* отличается для устного и письменного модуса: в письменном модусе встретилось больше отношений из списка, приведенного в разделе 3, что может говорить о том, что в письменной речи используется более разнообразный набор РО. При этом на письме не было выявлено ни одного случая маркирования РО Концовка при помощи *и*. Можно предположить, что такое маркирование чаще имеет место в устной речи из-за более активного онлайн-взаимодействия говорящего с адресатом.

6. Сопоставительный анализ употреблений коннекторов в устной и письменной речи

В первую очередь было обнаружено, что оба коннектора употребляются на письме с меньшей частотой: 276 вхождений *и* в устном подкорпусе и 178 в письменном (при подсчете учитывались лишь коннекторные употребления

рассматриваемых единиц). Для *потом* небольшая разница обнаружилась лишь с учетом употреблений *потом* в сочетании с другими коннекторами: 22 вхождения в устном корпусе и 18 в письменном (вне сочетаний число употреблений почти одинаковое — 11 в устном и 12 в письменном, см. таблицы 1 и 2).

Для установления статистической значимости различий в частотности употреблений был проведен статистический тест однородности выборок Вилкоксона: для каждой истории в устном и письменном подкорпусе считалось количество вхождений коннектора, затем при помощи кода на языке программирования Python считалась статистика Вилкоксона. Размер корпуса при этом не учитывался.

Для коннектора *и* различие в частоте употребления оказалось статистически значимым (*p*-value, равное 0.001, дало основание отвергнуть гипотезу об однородности в пользу альтернативы: более частого употребления *и* в устной речи). Для этого факта возможны несколько причин. Приведем здесь те из них, которые, на наш взгляд, имеют наибольший вес.

Причина 1. Более свободное употребление коннектора *и* для соединения крупных ДЕ в устном дискурсе: в устной речи коннектор *и* часто возникает при переходе к новой крупной группе-конъюнкту, после нескольких сателлитов предыдущей группы (49 случаев). Ср. структуру ниже:

(18) 1. У меня сестра-близнец.

2. **И** когда мы с ней были маленькие,

3. то есть мы все вместе делили пополам,

4. там несмотря на еду,

5. вещи,

6. игрушки разные.

7. **И** с двух лет нас воспитывала бабушка...

ВИИЖ (FS_06-f_sp: 2-8)

Рисунок 1. Риторическая структура для примера (18)

При этом в похожих структурах письменного дискурса коннектор и скорее не возникает и более склонен к более узким контекстам:

- (18a) *У меня есть сестра-близнец, которую зовут Катя. <...> Когда мы были маленькие, мы всегда все делали вместе **и** все делили пополам: еду, игрушки, одежду. Нас с двух лет воспитывала бабушка ВИИЖ (FS_06-f_wr).*

Предположительно, данное положение дел можно связать с маркированием вспомогательных иллокуций в устной речи. Возможно, в подобных случаях *и* выполняет метатекстовую функцию, т. е. связан с планированием текста говорящим (Дараган 2001), на что также может указывать удлиненное произнесение коннектора в данных случаях. Поскольку в письменном дискурсе пишущий располагает большим количеством времени на планирование и меньше вовлечен во взаимодействие с аудиторией, можно предположить, что метатекстовые маркеры будут представлены на письме меньше.

Причина 2. Использование более специфицированных маркеров РО на письме: в устной речи коннектор *и* может чаще, чем на письме, маркировать некоторые РО, для которых в русском языке есть более специализированные маркеры — в особенности это касается причинных РО:

- (19) *На самом деле просто она не успевала выйти в переднюю дверь, которая открывалась, **и** решила... попросила, чтобы открыли заднюю ВИИЖ (FS_21-m_sp: 22-25).*
- (19a) *На самом деле, таким образом она всего лишь попросила водителя открыть заднюю дверь, **потому что** не успевала выйти через переднюю ВИИЖ (FS_21-m_wr).*

Кроме того, на письме, по-видимому, для коннектора *и* нехарактерно маркирование РО Концовка: ни одного такого случая в письменном корпусе выявлено не было.

Что касается коннектора *потом*, то в тех случаях, когда он употребляется в роли коннектора самостоятельно, а не в качестве лексического конкретизатора к другому коннектору (сочетания типа *и потом, а потом* и т.д.), статистически значимого различия в частотности этого коннектора между устным и письменным модусами выявлено не было. С учетом вхождений *потом* в корпус в роли лексического конкретизатора различие в частотности употреблений между устным и письменным модусами значимо, однако *p-value*, равное 0.048, при этом лишь немного меньше уровня значимости 0.05, так что для более точных результатов, вероятно, необходимо обратиться к большему массиву данных.

Меньшую частотность *потом* на письме можно объяснить тем, что в устной речи коннектор чаще употребляется в роли конкретизатора при других коннекторах, в то время как на письме для выражения РО Последовательность могут использоваться более специфицированные маркеры или синтаксические структуры:

- (20) *однажды значит сказала,*
что прочитала тест психологический,
<...>

Потом посмотрела на меня так задумчиво ВИИЖ (FS_30-m_sp: 29-54).

- (20а) *предложила простой психологический тест <...>. Закончив изложение,*
девушка задумчиво посмотрела на меня ВИИЖ (FS_30-m_wr).

7. Заключение

В результате исследования было выявлено, что контексты употребления *и* и *потом* в некоторых случаях пересекаются. Оба коннектора способны маркировать РО Конъюнкция и Последовательность, однако в несколько различных контекстах: *потом* маркирует РО Конъюнкция исключительно в иллокутивных употреблениях, в то время как для *и* употребление в контексте РО Конъюнкция является наиболее частотным и характерным как в пропозициональных, так и иллокутивных употреблениях.

В устном дискурсе РО Последовательность маркируется коннектором *и* в основном между однородными предикатами совершенного вида прошедшего времени, и последовательная интерпретация в таких случаях зависит от свойств контекста — адресат интерпретирует ситуации как следующие друг за другом во времени в соответствии с принципом иконичности, если не сказано иного, причем соединяемые ситуации должны быть отделены друг от друга минимальным отрезком времени. В то же время, *потом* как маркер Последовательности в этом отношении не избирателен.

В письменной речи оба коннектора употребляются с меньшей частотой, нежели в устной. В случае коннектора *и* это различие статистически значимо и может объясняться тем, что в устном дискурсе он более свободно употребляется для соединения крупных конъюнктов, что, вероятно, может быть также связано с маркированием вспомогательных иллокуций. Кроме того, на письме чаще используются маркеры РО с более специализированным значением (как вместо *потом*, так и вместо *и*), которые, к тому же, не всегда представлены коннекторами, а могут быть выражены синтаксическими конструкциями.

Наконец, маркирование некоторых риторических отношений, характерное для коннектора в устной речи, не встречается на письме – таково РО Концовка для коннектора *и*, и, предположительно, РО Конъюнкция для коннектора *потом*.

Литература

- Дараган Ю. В. 2002. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи. *Диалог*.
- Инькова-Манзотти О. Ю. 2001. *Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование)*. Москва.
- Кузнецов С. А. 1998. *Большой толковый словарь русского языка*. С. А. Кузнецов (ред.). РАН, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург, Норинт.
- Кибрик А. А. 2024. Теория дискурса. А.Е. Кибрик и др. *Введение в науку о языке: лингвистика XXI века. Том 1: I. Теория языка. II. Язык и познание*. М: ЛЕНАНД, 191–240.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. 2024. Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы Рускон) *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, №7.
- Кобозева И. М. 2019. Скрипт как когнитивный фактор, регулирующий экспликацию или имплицирование таксисных отношений в сложном предложении и тексте. *Когнитивные исследования языка*, № 36, 171-178.
- Кобозева И. М. 2014. Семантика союза И. *Материалы семинара «Когнитивные аспекты лексикографии» в НИВЦ, МГУ*.
- Литвиненко А. О., Кибрик А. А., Подлесская В. И. 2009. Анализ рассказов о сновидениях с точки зрения иерархической структуры дискурса. А. А. Кибрик, В. И. Подлесская (ред.). *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. Москва: Языки славянских культур, 431-463.
- Литвиненко А. О. 2001. Описание структуры дискурса в рамках Теории Риторической Структуры: применение на русском материале. *Труды Международного Семинара Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы*. Аксаково, 159-168.
- Подлесская В. И., Кибрик А. А. 2009. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Москва: РГГУ, 390-395.

- Санников В. З. 2005. Иллокутивное употребление или синтаксический эллипсис? *Русский язык в научном освещении*. Москва: Языки славянской культуры, 121–136.
- Урысон Е. В. 2013. Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей. *Вопросы языкознания*, № 3, 3–24.
- Ушаков Д. Н. 2005. *Толковый словарь современного русского языка*; Татьяначенко Н.Ф. (ред). Москва: Альта-Пресс.
- Шведова Н. Ю. и др. (ред.) 1980. *Русская грамматика*. Москва: Наука.
- Bogdanova-Beglarian N. Filyasova Yu. 2018. Discourse vs Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study. *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*. Vienna ART Conference Proceedings, 123–130.
- Fraser B. 1990. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*. Vol.14, №3, 383–398
- Kobozeva I. 2012. Conjunctions As Markers of Rhetoric Relations in Discourse: The Case of Russian 'и'. *L'Analisi Linguistica E Letteraria*, vol. 19, №2, 365–87.
- Kobozeva I. 2021. The influence of syntactic position and accentuation on the semantic interpretation of russian temporal adverbs: *zatem* and *potom*. *Russian Grammar: System Language Usage - Language Variation*. Vol. 1 of *Linguistica Philologica*. Peter Lang Verlag Berlin, 289–312
- Mann W., Thompson S. 1987. *Rhetorical structure theory: A theory of text organization*. Univerisity of Southern California.
- Schiffrin D. 1987. *Discourse markers*. New York: Cambridge University Press.
- Schourup L. 1985. *Common Discourse Particles in English Conversation*. London: Routledge.
- Schourup L. 1999. Discourse markers. *Lingua* 107, 227–265.
- Taboada M. 2006. Discourse markers as signals (or not) of rhetorical relations. *Journal of Pragmatics*, № 38, 567–592
- Taboada M., Mann W. 2006. Rhetorical Structure Theory: Looking Back and Moving Ahead. *Discourse Studies*, 8 (3), 423–459.
- Zufferey S., Degand L. 2024. *Connectives and Discourse Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Источники

- А.А. Кибрик, В. И. Подлесская, Н.А. Коротаев [и др.] *Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи. Веселые истории из жизни*. URL: <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>
Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/>

ТИПЫ УПОТРЕБЛЕНИЙ КОННЕКТОРА *ТАК* В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ И ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Г. И. Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
galinak03@gmail.com

1. Введение

Одно из важных направлений в научном творчестве Ирины Михайловны Кобозевой — исследование коннекторов (как в плане синхронии, так и в плане диахронии), ср., например, Кобозева 2024; Кобозева, Инькова 2018; Кобозева, Сердобольская 2023; Кобозева и др. 2023; Кобозева, Сердобольская 2024. В данной статье, вдохновленной трудами Ирины Михайловны Кобозевой, будет рассматриваться формирование коннектора *так* и типы его употреблений.

Так — слово с уникальными системными связями и большим семантическим и функциональным диапазоном: оно может употребляться как местоименное наречие степени или образа действия (*Мы так ждали!*; *Вот так надо прибор включать*), как пропозициональное местоимение (*Так получилось*); как частица (*Это я так, позлить вас*), как вводное слово (в значении ‘например’); как коррелят — часть двухместных коннекторов типа *если... так*; наконец, как собственно коннектор — средство связи предикативных единиц.

В словарях основным значением *так* (в статусе служебной единицы) считается импlicative значение (значение следствия): ‘следовательно, значит, стало быть’; ‘вследствие этого, поэтому’ (МАС); ‘следовательно, значит, стало быть’; ‘вследствие этого, потому, в связи с этим’ (БТС). При этом в составе сложного предложения *так* считается союзом: *Зрение слабеет, так приходится надевать очки*, в начале реплики — частицей: *Так вы приедете?*; *Так ты женат!* (примеры из БТС; в словарях выделяется также значение несоответствия, ср. *Говорила я, так ты слушать не хотел* [А. Н. Островский. Гроза], которое в данной статье не рассматривается).

В современной литературе по союзам принято выделять наряду с «дескриптивным» также иллокутивное употребление союзов, ср. Иорданская 1988; Иорданская 2007; Падучева 1985; Санников 2010.

В классификации О. Ю. Иньковой (Инькова, Манзотти 2019: 64–65) выделяется даже не два, а три типа употреблений коннекторов, обслуживающих различные логико-семантические отношения, которые должны рассматриваться на трех уровнях: пропозициональном, уровне высказывания (иллокутивное употребление коннекторов) и метаязыковом.

Из приводимого далее материала будет видно, что у конструкций обусловленности с союзами *если... то, если... так* и с коннектором *так* можно усмотреть как минимум два типа употреблений:

(а) пропозициональный уровень:

- (1) *Да на моего если начинать давить [P], так сразу забывает, что любит [Q]* [Наши дети: (форум) (2005)]

— связь между пропозициями (ситуациями): Q – следствие (результат) P;

(б) уровень высказывания:

- (2) — *А если писать будете, так там наверху стол...* [Николай Климонтович. Парадокс о европейце // «Октябрь», 2013]

— иллокутивные конструкции рассматриваются в литературе как результат своего рода эллипсиса (компрессии): ‘если хотите писать, имейте в виду, что наверху стол’, ср. Санников 2010.

Аналогичные — т.е. иллокутивные — употребления есть и у одиночного коннектора *так* (см. примеры ниже).

Предложенная в Инькова, Манзотти 2019: 60–61 классификация типов логико-семантических отношений и уровней их анализа «предназначена в первую очередь для анализа монологического текста».

Ниже мы постараемся показать, что (1) *так* выполняет функцию коннектора не только в монологических, но и в диалогических употреблениях; (2) выделяемые логико-семантические отношения и уровни анализа применимы не только к сложным предложениям с коннектором *так*, но также к репликам диалога; (3) именно в составе реплик диалога *так* может иметь не только имплицативное, но и другое значение, не отмеченное в словарях.

2. Имплицативное (следственное) значение коннектора *так* в сложном предложении

Типичное (основное) значение коннектора *так* можно назвать имплицативным: *P, так Q* = ‘Q – следствие P / результат P / вывод из P’. В РГ-80 такие значения называются значениями обусловленности. Поскольку значения обусловленности (условия, причины, следствия, логического вывода,

причинно-следственные, условно-следственные и т. п.) по своей природе «двучленны» (предполагают связь между двумя фактами, двумя событиями, двумя пропозициями), *так* естественным образом употребляется в качестве коррелята (заключительной частицы) в так называемых двойных союзах — наряду с коррелятом *то*: *если... то / если... так; когда... то / когда... так; поскольку... то / поскольку... так* — в условно-следственных и причинно-следственных конструкциях. Затем происходит редукция основной части союза и постепенная автономизация *так*, которое функционирует уже в качестве самостоятельного коннектора в условно-следственных и собственно следственных конструкциях. Так выглядит эволюция (логика формирования) коннектора *так* в первом приближении. Однако реальная картина оказывается значительно сложнее.

2.1. *Так* в составе условно-следственного союза *если... так*

Двучленная конструкция с «полным» (двойным) союзом наиболее эксплицитно репрезентирует отношения обусловленности:

- (3) *Признаешь ты свой долг? Признаю... А **если** признаешь, **так** нужно платить* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат (1895)]
- (4) ***Если** она не заплатит, **так** не выпускай со двора ее пожитков* [П. А. Каратыгин. Дом на Петербургской стороне (1838)]

2.2. Псевдоавтономное употребление *так*: редукция двойного союза

Так отличается от *то*, в частности, тем, что может выражать имплицитивные значения как бы самостоятельно, в отсутствие первой части союза:

***Если** помирать, **так** с музыкой – Помирать – **так** с музыкой.*

*VS. **Если** помирать, **то** с музыкой – *Помирать – **то** с музыкой.*

Так выступает как «усеченный» вариант двойного союза:

- (5) *Помогли **бы** с техникой, **так** люди **бы** все и вспомнили* [«Аргументы и факты», 2003.07.23]
- (6) *Вот **бы** еще сельский сервис был поприветливее, да автобусное расписание поудобнее, **так** и вообще можно было бы считать ферAPONTOBCKИЙ музей образцовым европейским музеем и культурно-туристическим центром с большим и славным будущим* [«Известия», 2002.08.05]

- (7) *Чуть холоднее двенадцати-пятнадцати градусов тепла — так тут уже все в роскошных шубах* [«Домовой», 2002.02.04]

Такие предложения в литературе рассматриваются по-разному: иногда как сложноподчиненные с союзом *так*, иногда как бессоюзные с частицей *так*, однако сути дела это не меняет: это в любом случае двучленные (состоящие из двух предикативных частей) условно-следственные конструкции.

2.3. Значение собственно следствия

Если первая часть двучленной конструкции не находится в сфере действия условного оператора и представляет собой реальную ситуацию (утверждение / сообщение / факт), *так* выступает просто в значении следствия (‘значит, поэтому’):

- (8) — *А у меня, вот, знаете ли, мать болеет, так приходится работу на дом брать* [В. А. Мухарьямов. Брагины // «Волга», 2009] – ‘Р (мать болеет), поэтому Q (беру работу на дом)’.
- (9) *Там у подружки кошка окотилась, так моя девица мне ежедневно названивает, консультируется — когда у котят глазки открыться должны?* [Наши дети: Подростки (2004)]
- (10) *У моей мелкой дисплазия, так я тоже, видимо, всю жизнь буду бояться чего-нибудь с суставами* [Наши дети: Подростки (2004)]

Теоретически такие конструкции тоже можно было бы рассматривать как результат усечения причинно-следственного двойного союза типа *поскольку... так*, ср.:

- (11) *Рассуждала будущая мамаша примерно так: поскольку она ребенка не планировала, так и воспитывать его не собирается* [«Столица», 29.09.1997];
- (12) *Конечно, лучше бы без кровянки, но поскольку уже пустили, так чего зря болтать...* [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969-1971)].

Однако, судя по данным НКРЯ, двойной причинный союз *поскольку... так* встречается крайне редко. В основном корпусе НКРЯ нашлось только 3 примера, в то время как конструкция «*Поскольку Р, то Q*» с нейтральным коррелятом *то* встречается в основном корпусе НКРЯ более 700 раз. Таким образом, приходится констатировать, что основной вид причинного двойного союза — с коррелятом *то* (*поскольку... то, так как... то*). Поэтому конструкцию «*Р, так Q*» приходится рассматривать не как результат преобразования

(редукции) исходной конструкции «*Поскольку P, так Q*», а как автономную синтаксическую структуру с коннектором *так*.

Отметим также, что происхождение условно-следственной конструкции «*P, так Q*» из «полной» конструкции «*если P, так Q*» — всего лишь правдоподобное допущение. Конструкции «*если P, так Q*» и «*P, так Q*» тоже могут быть независимыми репрезентантами условно-следственного значения.

2.4. Компрессия первой части двучленной структуры

До сих пор мы рассматривали не только семантически, но и синтаксически двучленные конструкции, где обе части выражены эксплицитно. Теперь мы переходим к редуцированным конструкциям, где первая часть отсутствует и должна быть реконструирована адресатом. Такие конструкции характерны для диалогического режима, но встречаются и в монологическом.

Условно-следственное значение:

- (13) *Гляжу я вот на некоторых наших артистов и думаю, вот из этого получился бы классный продажник долларов на 1500-2000 в месяц, из этого преуспевающий бизнесмен, из этого пиарщик, эта серая мышка секретаршей бы зарабатывала раза в 3 больше, чем на сцене... И я думаю, они это знают. Так в чем же дело? А мне кажется, что они нас всех водят за нос!* [Запись LiveJournal (2004)]

Реконструируется следующая структура:

‘Если эти артисты могут быть бизнесменами, пиарщиками и т. д., то возникает вопрос: почему они артисты [зачем они стали артистами]?’

Собственно следствие:

- (14) *Пришли за 5 минут до отхода поезда, так нам пришлось бегом бежать по перрону* — ‘поскольку времени оставалось мало, то нам пришлось бежать бегом’

Надо заметить, впрочем, что материал для реконструкции в обоих приведенных примерах содержится в левом контексте и без труда извлекается из него.

3. Диалогический режим

В диалогическом режиме, как и в монологическом, *так* выступает как маркер определенных логико-семантических отношений.

3.1. Значение следствия

В начале реплики, как и в полноценном сложном предложении, *так* подразумевает исходную двучленную структуру, первая часть которой эксплицитно не выражена, но легко восстанавливается:

- (15) — *Значит, есть климат-контроль, — опять вздыхает он [гаишник] и произносит вдруг очень решительно. — А у меня-то нет! Я достану сто рублей и протягиваю ему. — Ну, так купите, — говорю [«Автопилот», 2002.01.15]*

— ‘Если у вас нет климат-контроля (Р), так купите его (Q)’, пропозиция Р извлекается из речи собеседника.

«Диалогические» употребления *так*, как и «монологические», достаточно разнообразны. Это связано, в частности, с иллокутивными типами ответных реплик. Под иллокутивными типами здесь понимается не иллокутивное употребление (о нем будет сказано отдельно), а иллокутивные функции высказываний — побуждение, обещание, вопрос и т. д. Дальше приводятся несколько типов реплик (список, разумеется, неполный).

— Императивный тип (как в примере (15): *Ну, так купите климат-контроль*):

- (16) — *Душно здесь. — Так открой форточку.*

— «Обвинительный» тип (в широком смысле — осуждение, упрек, претензия):

- (17) — *Боюсь, мы не успеем на этот автобус. — Так надо было раньше выходить / Так что ж ты так долго возился!* — ‘Если ты хочешь успеть на автобус, нужно раньше выходить’.

— Вопросительный тип:

- (18) *Такую бумагу составить можно. И тогда я смогу забрать вас с собой. Снимем для вас квартиру. /.../ Я поворачиваюсь к нему и говорю — так ты хочешь, чтобы мы поехали с тобой в Москву? [Q] А он говорит — ну, да. Только надо сначала подписать эту бумагу [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]*

В (18) *так* репрезентирует вывод (умозаключение), но протазис Р извлекается из реплики собеседника: ‘Если ты планируешь составить бумагу и снять для нас квартиру [Р], значит [= можно заключить, что], ты хочешь, чтобы мы поехали с тобой в Москву? [Q]’

Строго говоря, *так* может маркировать и более сложную логическую цепочку, чем двучленная конструкция ‘если... так’, но мы ограничиваемся минимальной реконструкцией.

Из приведенных примеров видно, что в репликах диалога *так* остается коннектором: соединяет наличную, материально выраженную пропозицию и реконструируемую. Для частиц такая реконструкция полной семантической структуры в высшей степени характерна: например, в случае частицы *даже* — *Даже Джон любит Мэри* — реконструируется целый комплекс пропозиций, ср. Крейдлин 1975; Богуславский 1996. В наших примерах реконструируется (в простейшем случае — просто извлекается из реплики собеседника) первая часть двучленной конструкции.

Есть тип реплик, в которых *так* маркирует неожиданную ситуацию. Это может быть:

— Неожиданность для говорящего:

- (19) — *Здравствуйте, — доносится до меня из комнаты. — А-а, так вас тут много. Учительницу пришли проводить свою?* [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)]

Это употребление похоже на вопрос (ср. (18): ...*так ты хочешь, чтобы мы поехали с тобой в Москву?*). *Так* синонимично *значит* и обозначает вывод-открытие.

— Неожиданность для адресата:

- (20) *Только мужчина может оценить сексуальную привлекательность самых интимных предметов женского гардероба. — Так мой папа — он, собственно, является президентом компании La Perla — и есть главный цензор на этапе подготовки коллекции* [«Домовой», 2002.06.04]

‘Да, только мужчина может оценить, поэтому цензор — мой папа [мужчина], — хотя вы этого не знали’ (естественное следствие, но неожиданное для адресата).

3.2. Значение причины

Во всех приведенных выше примерах прослеживается именно имплицативное (следственное) значение *так*. Однако есть еще один, так сказать, противоположный — и в этом смысле парадоксальный — тип употребления *так*, который не зафиксирован в словарях. Он представлен в примерах типа (21):

- (21) — *А где Петя?* [Р'] / *Я смотрю, Пети нет* [Р] — *Так он еще вчера уехал* [Q]

Так выражает здесь значение причины, а вся реплика может служить ответом на *почему*-вопрос (объяснением):

(21a) — *Почему Пети нет?* [P] — *Так он еще вчера уехал* [Q]

Кроме того, в данном диалоге *так* обслуживает оба уровня — и пропозициональный, и иллокутивный. На уровне связи пропозиций *так* вводит причину: ‘Петя отсутствует [P], потому что он вчера уехал’ [Q]. На уровне высказывания *так*-реплика является опровержением ошибочного предположения, ошибочного ожидания собеседника (‘ожидалось, что Петя будет’), которое выводится из реплики P: ‘Твое ожидание / предположение (‘Петя будет’), ошибочно: имеет место P (‘Пети нет’), потому что Q (‘Он уехал’)’.

В примере (21) причинное («объяснительное») *так* вводит новое знание, неожиданное для собеседника или даже противоречащее его ожиданиям. При этом в большинстве рассмотренных выше примеров с имплицативным *так* этот коннектор вводит, наоборот, естественное, даже тривиальное следствие. Это элементарный, очевидный логический вывод, который говорящий в ответной реплике предлагает собеседнику, — однако собеседник и сам мог бы без труда прийти к такому выводу: (16a) ‘если душно, надо открыть форточку’; (17a) ‘если боишься опоздать, надо раньше выходить’. Это происходит потому, что имплицативная структура ответной реплики базируется на исходной реплике. Такие тавтологически избыточные операции характерны именно для диалогического употребления *так*, — в монологическом режиме обе части — P и Q — являются знанием автора высказывания (и слушающий не может вывести Q из P), ср.: *У меня мать болеет* [P], *так приходится работу на дом брать* [Q] — трудно предсказать, что следует из P; это могло быть, например: ... *так пришлось нанять сиделку / так пришлось уволиться* и т. п.

Однако с одним типом употребления имплицативного *так* у причинного *так* все-таки есть сходство — когда «*так Q*» вводит новую, неизвестную собеседнику информацию, ср. (20).

Семантически, так сказать, на пропозициональном уровне, ‘потому что’ и ‘поэтому’ не взаимозаменяемы:

Пети нет, потому что он уехал ≠ **Пети нет, поэтому он уехал*

Но с точки зрения функции *так*-реплика и в (20), и в (21) — это объяснение: говорящий объясняет ситуацию, неизвестную или непонятную для собеседника.

Интересно, что в Инькова, Манзотти 2019: 193 по поводу следственного значения *так* отмечается, что *так*, «в отличие от русск. *значит, тогда, следовательно* /.../, представляет вводимое следствие не как результат рассуж-

дения, умозаключения, а как нечто естественное, очевидное (ср. /.../: *Машины в гараже нет. Значит / Следовательно / *Так (,) она еще не вернулась*)».

Сохраняется ли эта естественность и очевидность у *так* в примерах, где *так* вводит информацию, противоречащую ожиданиям собеседника? Парадоксальным образом, сохраняется — в случае (21) *Так он еще вчера уехал* совмещаются оба значения — неожиданности и естественности: ситуация Р является неожиданной для собеседника, но говорящему известно, что Q, и связь между Q и Р естественна для говорящего ('Разумеется / конечно / естественно, Пети нет, потому что он уехал').

3.3. Пропозициональное и иллокутивное употребление причинного *так*

Причинное *так*, как и имплицативное, имеет пропозициональное и иллокутивное употребление.

Пропозициональное употребление может просто фиксировать связь между фактами/пропозициями:

(22) *Почему ты не купил хлеба? — Так у меня времени не было.*

— 'Я не купил хлеба, потому что не было времени'.

В более сложных случаях требуется восстановление пропущенных звеньев:

(23) — *Почему ты не купил хлеб? — Так я на электричку опаздывал.*

— 'Я не купил хлеба, потому что у меня не было времени, потому что я опаздывал на электричку'.

Иллокутивное употребление:

(24) — *Почему ты не купил хлеб? — Так я еще вчера предупредил, что у меня не будет времени.*

≠ 'Не купил, потому что предупредил';

= 'Неправомерно ожидать Р, потому что я предупредил, что Q и, следовательно, не-Р'.

Рассмотренный материал показывает, что у «одночленных коннекторов» типа *так* обнаруживаются гораздо более широкие возможности употребления, чем у классических двойных союзов типа *если... так*. *Так* может употребляться не только в монологическом, но и в диалогическом режиме, присоединяя реальную пропозицию к реконструируемой. А с другой стороны, *так* может использоваться во фрагментах текста более крупных, чем сложные предложения, маркируя операцию возвращения к теме (от которой отклонилось повествование):

(25) *Философ (к председателю). Итак, вы все знаете. Председатель. Знаю. Философ. И я прошу полномочий. Поэт. Я просил ее! Художник. Пусть она будет моя! Писатель. Так что же с публикацией...* [Ordinamenti // «Экран и сцена», 2004.05.06]

Таким образом, изучение коннекторов типа *так* является перспективным направлением исследований.

Литература

- Богуславский И. М. 1996. *Сфера действия лексических единиц*. Москва: ЯРК.
- Евгеньева А. П. (ред.). 1981-1984. *Словарь русского языка: в 4-х тт. (МАС)*. Москва.
- Инькова О. Ю., Манзотти Э. 2019. *Связность текста: мереологические логико-семантические отношения*. Москва: ЯСК.
- Иорданская Л. Н. 1988. Семантика русского союза РАЗ (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами). *Russian Linguistics*, № 12, 239–267.
- Иорданская Л. Н. 2007. Риторические подчинительные союзы. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. *Смысл и сочетаемость в словаре*. Москва: ЯСК, 415–501.
- Кобозева И. М. 2024. Оценка в семантике союзов (заметки на полях двух грамматик). В М. Л. Ковшова (ред.). *Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой*. Москва: Канцлер, 157–167.
- Кобозева И. М., Инькова О. Ю. 2018. Как и его двухместные варианты. В О. Ю. Инькова (ред.). *Семантика коннекторов: контрастивные исследования*. Москва: ТОРУС ПРЕСС, 168–239.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. 2023. Конструкции причины с как(о) в истории русского языка. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, № 2, 9–29.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. 2024. Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы Рускон). *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. Т. 46, № 7, 1–9.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты. *Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates*. Т. 9, № 4, 2023, 36–47.
- Крейдлин Г. Е. 1975. Лексема ДАЖЕ. *Семиотика и информатика*. Вып. 6, 102–104.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). 2008. *Большой толковый словарь русского языка (БТС)*. Санкт-Петербург, Москва: Норинт; Рипол классик.

- Падучева Е. В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука.
- Санников В. З. 2010. Иллокутивное употребление как вид синтаксического эллипсиса. В Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. Москва: ЯСК, 209–226.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1980. *Русская грамматика (РГ-80)*. В 2-х тт. Т. II. *Синтаксис*. Москва: Наука.

ЦИ ПОИДЕТЬ РАТЬ ЗА ВОЛОКЪ: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ СЛУЖЕБНОГО СЛОВА ЦИ (ЧИ) В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

А. В. Птенцова

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
anna.ptentsova@gmail.ru

*Дорогой Ирине Михайловне Кобозевой —
знатоку коннекторов и прочих служебных слов.*

1. Введение

В настоящей статье предлагается краткое описание семантики древнерусского служебного слова *ци* и его варианта *чи*, выполнявших в языке XI–XIV вв. функции союза и частицы. Поскольку оба варианта находятся в конце выстроенных в алфавитном порядке словников исторических словарей русского языка, над двумя из которых работа в настоящее время еще не завершена, единственное лексикографическое описание *ци* (*чи*), существующее на сегодняшний день, представлено в Срезневский 1903.

Как показывает обращение к данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ²), описание Срезневского, весьма подробное и содержащее обширный иллюстративный материал, все же нуждается в дополнениях и некоторой корректировке³.

¹ Исследование поддержано грантом РНФ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

² Поиск проводился в объеме древнерусского подкорпуса и подкорпуса берестяных грамот (далее гр.); дата обращения — 23.03.2025.

³ Описанию служебных слов *ци* (*чи*), а также их сопоставлению со служебным словом *ли* были посвящены работы Птенцова 1998 и Птенцова 2000, однако эти работы были написаны до появления НКРЯ. Обращение к корпусу позволяет существенно расширить объем материала за счет включения некоторых не учтенных в указанных работах летописных и переводных текстов, а также значительного числа деловых памятников — договоров, завещаний, данных и т. д. Кроме того, за прошедшие годы заметно

В этом словаре вокабула *ци* отделена от вокабулы *чи*. Для *ци* указаны значения ‘разве’, ‘не... ли’, ‘ли’, ‘или’, ‘если’; для *чи* – ‘разве’, ‘разве не’, ‘или’, ‘если’, а также ‘хотя’, ‘хотя бы’ и ‘что’ (Срезневский 1903: 1516–1517, 1439–1441).

Отметим, однако, что три последние значения *чи*, не имеющие параллелей в структуре многозначности *ци*, имеют лишь по одной иллюстрации в каждом случае и являются скорее контекстуальными (о последнем из этих значений см. ниже). Кроме того, большинство фиксаций *чи* приходятся на памятники, отражающее цоканье (Слово о полку Игореве; Новгородская I летопись по Синодальному списку; новгородские грамоты на бересте и др.); для всех этих случаев существует вероятность смешения *ци* и *чи* на письме. Наконец, наблюдаются колебания в употреблении этих слов в составе одного и того же чтения; есть и случаи использования *ци* и *чи* в одном значении в составе общего контекста, ср. (3).

Ввиду сказанного кажется целесообразным для древнерусского периода рассматривать *ци* и *чи* как одну лексическую единицу, несмотря на то, что этимологически они различны⁴. Отметим, что та же позиция отражена в (Зализняк 2004: 816, 817).

Отметим также, что вариант *ци*, судя по данным НКРЯ, является заметно более употребительным: на 129 случаев *ци* приходится лишь 19 случаев *чи* (различий в типах текстов здесь не наблюдается; не имеет также значения и то, является ли текст оригинальным или переводным).

2. *Ци* (*чи*) в функции вопросительной частицы

2.1. Большую часть употреблений *ци* (*чи*) составляют контексты, где данное слово выполняет функцию вопросительной частицы, что соответствует описанию словаря Срезневского, в котором соответствующее значение указывается первым для обоих вариантов.

Почти во всех случаях вопросительное значение оказывается осложнено дополнительными модальными компонентами. В большинстве контекстов *ци* (*чи*) маркирует риторический вопрос (этот факт также отражен словарем, предлагающим здесь для перевода современный эквивалент *разве*). Ср.

пополнился корпус берестяных грамот; среди прочего, увеличилось и число фиксаций данного служебного слова в этом типе источников.

⁴ Ср. Фасмер 1973, где отмечается, что *ци* «не во всех случаях тождественна *чи*». Ср. также (ЭССЯ 1976: 194), (ЭССЯ 1977: 109–110).

- (1) <...> Я въ сѹ недѣлаю цѣтъ до мнѣ зѣла имееши оже е[с]и кѣ мѣнѣ н[ѣ при]ходилъ а азъ тѣ есмѣла акы братъ совѣ ци оуже ти есмь задѣла сълюци
‘Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я относилась к тебе как к брату! Неужто я отяготила тебя тем, что посылала к тебе?’ (гр. 752, 1100-1120)⁵.
- (2) вѣчеславъ же р(ѣ)є сѣу вѣ ти помози. Уже на мене еси ч(ѣ)тъ възложилъ <...>
то ци мене еси поч(ѣ)тилъ бѣ еси. поч(ѣ)тилъ
‘Вячеслав же сказал: «Сын, помоги тебе Бог, что ты возложил на меня честь
<...> Разве ты меня почтил? Ты Бога почтил!» (Киевская летопись, XII в.)
- (3) реклъ еси тако хотѣлъ быхъ быти тако же и ты но не могу да ныни что видиши
на мнѣ жестоко сѣще тако же еси реклъ чи не можеши молчати тако же азъ чи
не можеши сѣхъ книгъ чести <...> ци не можеши сѣ любити сѣ всеми
‘Ты сказал, что «я хотел бы быть, как ты, но не могу». Но что ты видишь
в моей жизни трудного, о чем ты сказал? Разве ты не можешь молчать, как я;
разве не можешь читать святыя книги; <...> разве не можешь жить
в любви со всеми?’ (Житие Андрея Юродивого, сер. XI–сер. XII вв.)

Таким образом, *ци (чи) Р* выражает здесь значение ‘По мнению говорящего, верно, что не Р’ (и, соответственно, *ци (чи) не Р* означает ‘По мнению говорящего, верно, что Р’)⁶.

⁵ А. А. Зализняк комментирует этот текст следующим образом: «По содержанию грамота уникальна. Ее едва ли можно истолковать иначе, как любовное письмо: при других мыслимых интерпретациях непонятно, как объяснить тему возможной обиды («задетости») адресата» (Зализняк 2004: 250). Ср. также: «After its discovery in 1993, №752 caused a small sensation in the international press. Articles came out with amusing titles like ‘From Russia without Love’ (*Washington Post*) and ‘Love in a Wet Climate’ (*History Today*). The latter dubbed №752 “Russia’s oldest love letter”» (Schaeken 2018: 97–98). Эти обстоятельства и позволяют, как кажется, считать, что вопрос, заданный адресату, является риторическим (ср., однако, примечание 7).

⁶ Как отмечалось выше, в Срезневский 1903 для передачи значения частицы в составе риторических вопросов предлагается не только эквивалент *разве*, но и *разве не*. Значение ‘разве не’ иллюстрируется одним примером – известным фрагментом «Слова о полку Игореве» *а чи диво сѣ братіє стару помолодити*. Однако перевод *чи диво* как ‘разве не диво’ (то есть ‘верно, что диво’) противоречит как конкретному контексту «Слова», так и указанной семантике самой частицы в контекстах вида (1)–(3). Очевидно, и в данном случае *чи* означает ‘разве’. Ср. также обширную подборку переводов этого фрагмента на сайте Б. Орехова «Слово о полку Игореве: Корпус»: <http://nevmenandr.net/slovo/fragm.php>.

2.2. Весьма близким риторическому вопросу является еще один тип употреблений вопросительного *ци* (*чи*), где его значение можно передать при помощи конструкции (*уж*) *не... ли*; ср.:

- (4) *се же видихомъ полки половѣцкии ѡжи мнози соуть тоу же ци вса си соуть совокоупили*

‘Вот мы видим полки половецкие, многочисленные. Уж не все ли они здесь собрались?’ (Киевская летопись, XII в.)

Ци Р? предполагает здесь, что, по мнению говорящего, Р возможно, хотя и маловероятно. Хорошим аналогом древнерусской частицы в подобных случаях является также *неужели*, передающее сомнение говорящего в истинности Р (ср. для (4): ‘Неужели они все здесь собрались?’). Ср. еще:

- (5) [Феодора] *гѣше кто тѣ сѣмо присла <...> ци оуже преставился еси тако сѣмо приде <...> рекохъ к ней гѣе моа азъ ти не оумрохъ*
 ‘[Феодора] спросила: «Кто тебя прислал сюда? <...> Уж не преставился ли ты / Неужели ты преставился, что пришел сюда?» <...> Я ответил ей: «Госпожа моя, я не умер»’ (Житие Василия Нового, кон. XI в.)

Подобные контексты уместно, как кажется, определить как контексты неуверенного предположения. Говорящий имеет предварительное мнение о предмете вопроса, но наблюдаемая ситуация заставляет его — с большой долей неуверенности — предположить обратное (ср. подходящее для описания случаев такого типа выражение *глазам своим не верю*).

Необходимо подчеркнуть, что вопрос, вводимый здесь при помощи частицы, хотя и весьма близок риторическому, однако не совпадает с ним, поскольку является «настоящим», требующим ответа (ср. (5), где ответ содержится эксплицитно). Риторический вопрос *ци* (*чи*) *Р?* указывает, что говорящий твердо убежден в том, что верно не Р (или даже знает это⁷); неуверенное предположение *ци* (*чи*) *Р?* означает, что говорящий в принципе готов допустить, что Р имеет место⁸.

2.3. Отдельным типом употреблений вопросительного *ци* (*чи*), является такой, где значение частицы можно передать при помощи современного коннектора *а вдруг*, а также разг. *а ну как* и *а что, если*. Ср.:

⁷ Ср. *стополкъ про волость чи не оуби бориса и гѣбѣа* ‘Разве Святополк за власть не убил Бориса и Глеба?’ (Киевская летопись, XII в.).

⁸ Строго говоря, существует некоторая вероятность, что процитированный выше в примере (1) фрагмент гр. 752 *ци оуже ти есмь задѣла* также относится к числу контекстов, выражающих неуверенное предположение, а не риторический вопрос, что лишний раз свидетельствует о близости двух данных типов.

- (6) онъ же [Святослав] ѡубоувѣса. новгородѣ. чи прѣльстивѣше ма имѹтъ. и бежа отаи въ ноцѣ
 ‘Он же, испугавшись новгородцев: «А вдруг они сговорятся и схватят меня?» — тайно ночью бежал’ (Новгородская первая лет. по Синодальному сп., 1141 г.);
- (7) ꙗ даша посадничество павшѣ онаньиничю. а тысячско(ѣ) не даша никому (ж). ци бѹдетъ кондратъ живѣ
 ‘И дали [новгородцы] посадничество Павше Онаньиничу, а место тысяцкого не отдали никому: «Вдруг Кондрат окажется жив?»’ (там же, 1268 г.).

Значение *чи* в (6) передано в Срезневский 1903 при помощи изъяснительного союза *что*. Но, хотя введение прямой речи посредством изъяснительных союзов является регулярным синтаксическим приемом в древнерусском языке, *ци* (*чи*) к числу этих союзов не относится и указанный перевод, безусловно, неточен. *Чи*, по всей вероятности, непосредственно входит здесь в состав прямой речи Святослава — вопроса, обращенного, по-видимому, к самому себе.

Контекст (7) также приводится в словаре Срезневского; значение *ци* определяется как условное, однако очевидно, что условные союзы — ни древнерусские, ни современные — не могут выступать здесь аналогом *ци*. Кажется весьма вероятным, что и в данном случае частица вводит прямую речь совещавшихся новгородцев.

Назовем подобные случаи контекстами опасения⁹. Следует пояснить, что не только в отношении (6), но и в отношении (7), где *ци* формально вводит указание на позитивную ситуацию (*боудеть кондратъ живѣ*), уместно говорить об опасении: наличие нового посадника при живом прежнем, безусловно, является плохим положением дел.

Таким образом, *ци* (*чи*) *Р?* указывает здесь, что, по мнению говорящего, существует вероятность негативной ситуации *Р* или негативных последствий ситуации *Р*, и поэтому необходимо действовать исходя из предположения, что *Р* имеет или будет иметь место. Ср. еще:

- (8) и ѡрекоша дружинѣ ѡлгови кѣже не страпаи ꙗди вборзѣ всеволодичѣ бо не добрѣ житѣ съ ѡцѣмъ твоимъ и с тобою а чи что замыслитъ лихое
 ‘... Всеволодич не мирно жил с отцом твоим и с тобой — а вдруг что замыслит лихое?’ (Киевская лет., XII в.).

⁹ Ср. термин «апрехенсив», используемый в (Добрушина 2006: 30 и далее).

2.4. Итак, выражение дополнительных модальных смыслов является, по-видимому, почти обязательной функцией данной вопросительной частицы. Что же касается возможности маркировать «чистый» вопрос, то, хотя она и существует для *ци (чи)*, однако реализуется, судя по данным НКРЯ, исключительно редко. Два таких случая обнаруживается в Вопросании Кириковом. Рассмотрим один из них:

- (9) Рѣхъ *ци* приливати воды к виноу <...> яко то ѣ великое говѣннѣ творимъ <...>
досыти рѣ(ѣ) Одино ви(и)
‘Я спросил: «Надо ли доливать воды к вину <...>, если это в Великий пост? <...> Он ответил, что достаточно одного вина»’ (Вопрошание Кириково, сер. XII в.).

Как видно из контекста, у говорящего здесь нет предварительного твердого убеждения, мнения или опасения относительно предмета вопроса. Однако, кроме двух употреблений в данном памятнике, других надежных примеров такого рода в материалах НКРЯ не фиксируется. Ср. следующий фрагмент берестяной грамоты:

- (10) <...> да цто вы еси господи(не) (...)лилесь *ци* поидеть рать за волокъ цтобы вѣ{іе}стка была напс(ана) <...>
‘И ты бы, господин, позаботился о том, чтобы было письменное известие, пойдет ли рать за Волок’ (гр. 1132, 1360-1380; пер. А. А. Гиппиуса¹⁰).

Помимо предложенного А. А. Гиппиусом перевода *ци* посредством вопросительной частицы *ли*, контекст (10) позволяет допустить интерпретацию *ци* как условного союза (‘... позаботился о том, чтобы было письменное известие, если пойдет рать за Волок’; см. раздел 3).

3. *Ци (чи)* в функции условного союза

Еще одной регулярной функцией служебного слова *ци (чи)* является употребление в роли условного союза. В этой функции *ци (чи)* регулярно выступает в древнерусских текстах данных, договоров, докончаний, завещаний и под. Ср.:

- (11) аще кто диволѣмъ потъченъ и злыми члѣвк[ы] [н]аваж[ен]ъ ц[и] [за]хочеть ѿати ѿ нивѣ ли ѿ пожнь ли или ѿ ловиць а боуди емоу противн[ъ] стѣи сѣсъ и въ сѣ вѣкъ и въ боудущи
‘Если кто-то, подстрекаемый дьяволом или введенный в соблазн людьми, захочет отнять [какую-либо часть] от нив, сенокосов или от охотничьих

¹⁰ Гиппиус 2021: 85

угодий, пусть будет против него Святой Спас и в этот век, и в будущий’ (Данная Варлаама Хутынского Хутынскому монастырю, 1192–1210).

Деловые тексты — не единственный тип памятников, в которых реализуется указанная функция, ср. еще:

(12) да чи кто васъ бра(т)ѣ имѣеть какоу винѣ дѣевнѣиже ѿлоучаетъ ѿ поповства а бѣ дѣла и своего сп(с)енїа не моѣте оутанти мене
‘Если кто-то из вас, братья, имеет какую-либо душевную вину, исключаящую поповство, ради Бога и своего спасения, не утаите от меня’ (Почтение Ильи-Иоанна Новгородского, 1165–1186);

(13) а гюрги мнѣ братъ есть но моложию мене а ꙗ старъ есмь а хотѣлъ быхъ <...> свое старшинство ѿправити ци боудеть ны съ соудити пре(д) бѣи а бѣ на правду призритъ
‘Юрий мне брат, но младший, а я старший. Я хотел бы <...> свое старшинство подтвердить. Если случится нам судиться перед Богом, то Бог выступит за правду’ (Киевская лет., XII в.).

Интересно, что в подавляющем большинстве случаев вводимая союзом *клауза* указывает на негативную ситуацию, что сближает условное *ци (чи)* с *ци (чи)* опасения. Ср. еще один фрагмент из обсуждавшейся выше грамоты:

(14) ти ти боудоу задѣла своимъ възоумьемъ аже ми съ поцьнѣши насмихати а соудити бѣ [и] моѣ хоудость
‘Если я тебя по своему неразумию отяготила, если начнешь надо мной насмеяться, то пусть судит [тебя] Бог и я’ (гр.752, 1100–1120).

4. *Ци (чи)* в функции разделительного союза

Данная функция также весьма частотна для данного служебного слова в памятниках различных жанров. Ср.:

(15) Снм же стѹживши себе жена мыслити нача что бы створити имѣти ли бы иконы ци не имѣти или камо ꙗ дѣти ꙗко осквернены сѹтъ
‘Огорчившись этим [осквернением икон], женщина стала думать, что [ей] делать — оставить [у себя] иконы или не оставить, или куда-нибудь их деть, потому что они осквернены’ (Житие Андрея Юродивого, сер. XI–сер. XII вв.).

Отметим, что, судя по контекстам НКРЯ, *клауза*, вводимая разделительным *ци (чи)*, всегда следует за *клаузой*, вводимой частицей *ли* в вопросительном или условном значении. При этом *ли* часто дублируется в *клаузе*,

присоединяемой при помощи *ци (чи)*, занимая постпозицию к нашему служебному слову. Ср., например:

(16) *а повѣж ми то самъ ли есь в бѣрестѣи сѣлѣ своєю волею ци ли велениемъ ѿца своего*

‘Скажи мне, сам ли ты по своей воле сел в Берестье или повелением своего отца?’ (Волынская лет., вторая пол. XII в.);

(17) *[ѿо пѣ]тра ко коузм[ѣ] тазо тобѣ братоу своему приказале про собе [так]о оурадил[о] ли са со тобою ци ли не оурадил[о] са ти ты со дроцилоу по сомолове прави*

‘...Урядился ли он [Дрочила] с тобой или не урядился, а ты с Дрочилой [все равно] исполняй [все] по уговору’ (гр. 344, 1300–1320; пер. А. А. Зализняка).

5. Заключение

Итак, *ци* и *чи* в древнерусскую эпоху выступают в качестве вариантов одного служебного слова. Материалы исторических подкорпусов НКРЯ позволяют выстроить следующую структуру его многозначности: 1. Вопросительная частица: 1) вводящая риторический вопрос; 2) вводящая клаузу, выражающую неуверенное предположение; 3) вводящая клаузу, выражающую опасение; 4) вводящая «чистый» вопрос (первые три случая фиксируются регулярно, последний исчезающе редко). 2. Условный союз (вводит по преимуществу клаузы, указывающие на негативное положение дел). 3. Разделительный союз.

Отметим в заключение еще одно важное свойство *ци (чи)*: в абсолютном большинстве случаев (за исключением лишь некоторых употреблений в роли разделительного союза) это слово используется в составе прямой речи или в контекстах, максимально близких прямой речи, а именно в разного рода деловых документах типа договоров или завещаний, которые выстраиваются по модели, весьма напоминающей прямую речь, и характерным образом используют формы местоимений и глаголов 1 и 2 лица.

Перечисленные особенности *ци (чи)* во многом точно отражены в Срезневский 1903, однако вместе с тем описание словаря нуждается, по-видимому, в некоторой корректировке: необходимо учесть факт объединения этимологически различных служебных слов в одну лексическую единицу древнерусского языка; следует описать как отдельные значения (или по крайней мере, как отдельные типы употреблений) *ци (чи)* неуверенного предположения и опасения; кроме того, нужно отразить в описании редкость

использования этого слова для введения «чистого» вопроса, а также тот факт, что *ци* (*чи*) используется практически только в составе прямой речи.

Литература

- Гиппиус А. А. 2021. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. *Вопросы языкознания*, № 5, 66–92.
- Добрушина Н. Р. 2006. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения. *Вопросы языкознания*, № 2, 28–67.
- Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. Москва: ЯСК.
- Птенцова А. В. 1998. *Семантика и функции служебных слов ци (чи) и ли в языке памятников древнерусской письменности (XI–XIV вв.)*. Автореферат канд. дисс. Москва,
- Птенцова А. В. 2000. Семантика и функции служебного слова *ци* (*чи*) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и современных диалектах. *Вопросы русского языкознания*, вып. VIII. Москва: Издательство МГУ.
- Срезневский И. И. 1903. *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. III. СПб: Типография Императорской академии наук.
- Фасмер М. 1973. *Этимологический словарь русского языка*, вып. IV. Москва: Прогресс.
- Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 3. 1976. Вып. 4. 1977. Москва: Наука.
- Schaeken, Jos. 2018. *Voices on Birchbark. Everyday communication in Medieval Russia*. Leiden-Boston: Brill.

КОНСТРУКЦИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘КАЗАТЬСЯ’ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА: ПЕРВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ¹

Ю. В. Синицына

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
jv.sinityna@yandex.ru

1. Введение

Исследование посвящено описанию свойств конструкции с глаголом *potânê* и сравнительным показателем *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < уральские):

- (1) *pet'a-lâ ton košk-i-d kad' pot-i-z.*
Петя-DAT ты уходить-PST-2SG EQU выйти-PST-3SG
‘Пете кажется, что ты ушел’.

Согласно определению И. М. Кобозевой и ее соавторов (2023: 38), в данной конструкции *kad'* выступает в функции коннектора, то есть этот показатель соединяет клаузы в полипредикативных структурах.

Глаголы типа *казаться*, *seet* и т. д. отнесены в Dixon 1995: 176 к группе вторичных концептов (Secondary concepts), которые сами не описывают ситуацию, а изменяют ее характеристики. Например, такие предикаты указывают на степень уверенности говорящего в сообщаемой информации. Ввиду особой семантики такие конструкции не всегда рассматриваются вместе с конструкциями с сентенциальными актантами (КСА) с первичными предикатами (например, со значением ‘хотеть’, ‘говорить’ и т. д.).

Вместе с тем немало конкретно-языковых и типологических исследований посвящены средствам выражения эпистемической модальности, к которым можно отнести конструкции с глаголом типа *seet* или *казаться* (Cornillie 2007; Aijmer 2009 и др.). Однако такие исследования скорее сосредоточены на вопросах семантики. Например, в Aijmer 2009 уточняются функции

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 25-18-00222, выполняемым в ГИРЯ им. А. С. Пушкина.

эпистемических предикатов в зависимости от способа ввода сентенциального актанта. Морфосинтаксические свойства единиц, связывающих клаузы в конструкциях с эпистемическими предикатами, отходят на второй план.

Наше исследование призвано в первую очередь рассмотреть некоторые синтаксические свойства конструкции [*X kad' potânâ*], где *X* — зависимая часть. Мы сравним эту конструкцию с КСА, в которых зависимая предикация вводится с помощью союза *šü(ä)sa* ‘что’, ориентируясь на данные Давидюк 2023, 2024; Хомченкова 2024.

Материал для нашего исследования собран методом анкетирования в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан в 2024 г., также мы использовали данные корпуса татышлинского удмуртского (объем на март 2025 г. — ок. 55 тыс. словоупотреблений)². Примеры, полученные при анкетировании, приводятся без помет в фонологической транскрипции. В примерах из других источников сохранена система записи.

2. Обзор предыдущих исследований

Показатель *кадь* описывается в грамматиках литературного удмуртского как служебное слово со сравнительным значением (Перевозилов (ред.) 1962: 331; Яшина 1963: 5). Основная функция *кадь* — выражение сравнения по сходству, при этом *кадь* сочетается не только с именными группами, но и с нефинитными глагольными формами, наречиями, а также послеложными группами (2) (Яшина 1963: 12–20).

(2) <i>Со-ос</i>	<i>сьöд</i>	<i>нюлэс</i>	<i>пöл-тй</i>	<i>пушнер</i>	<i>пöл-тй</i>
он-PL	черный	лес	среда-PROL	крапива	среда-PROL
<i>кадь</i>	<i>ветл-о</i>		<i>был-эм.</i>		
как	ходить-PRS.3PL		быть-PST2		
‘Они ходили по лесу, как по крапиве’ (Яшина 1963: 9).					

Исследование Синицына и др. 2024 посвящено поиску семантического инварианта, объединяющего употребление *kad'* в разных контекстах: сравнительных, приблизительного количества, специальных глагольных конструкций, самостоятельного употребления в функции частицы с ирреальным значением. В данном исследовании высказывается предположение, что *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка функционирует как оператор, вводящий сравнение с некоторым стандартом, заданным эксплицитно или вычисленным из контекста (в зависимости от конкретного употребления маркера). Конструкции с глаголом *potânâ* кратко рассмотрены в данной работе и вписаны

² <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>

в общую модель полисемии *kad'*, однако проблематика статьи не предполагала подробного обсуждения синтаксических свойств для каждого контекста употребления *kad'*.

Конструкции со сравнительным маркером *кадь* и глаголом *потыны* ‘выходить’ на материале литературного варианта удмуртского обсуждаются в Алатырев (ред.) 1970, Шутов 2002, однако в данных работах не проводится последовательного сопоставления свойств таких конструкций с КСА, включающими средства ввода зависимой предикации (например, союз *шуыса* ‘что’). В обзоре свойств КСА в ряде финно-угорских языков (Сердобольская и др. 2012) интересные нас конструкции не упомянуты.

Для целей нашего исследования отметим, что для КСА с союзом *šü(ä)sa* ‘что’ в татышлинском говоре удмуртского языка характерна вариативность порядка следования матричной и зависимой клауз (3). Помимо этого, субъект зависимой клаузы может быть оформлен аккузативом (4).

- (3) а. [vas'a tod-e] [pet'a košk-i-z šüäsa].

Вася знать-PRS.3SG Петя уехать-PST-3SG COMP

- б. [vas'a [pet'a košk-i-z šüäsa] tod-e].

Вася Петя уехать-PST-3SG COMP знать-PRS.3SG

‘Вася знает, что Петя ушел’. (Давидюк 2023: 28)

- (4) vas'a tod-e mon-e košk-i-z šüsa.

Вася знать-PRS.3SG я-ACC уехать-PST-3SG COMP

‘Вася знает, что я ушел’. (Давидюк 2024)

Наконец, в КСА с союзом *šü(ä)sa* возможна стратегия с индексикальным сдвигом (indexical shift). Данное явление заключается в интерпретации действительных выражений (например, личных местоимений, в том числе нулевых) в зависимой клаузе относительно субъекта пропозициональной установки (Deal 2019). Например, в (5) нулевое местоимение ‘я’ в зависимой клаузе соотносится с субъектом матричного предиката (*ruslan*), а не говорящим.

- (5) *ruslan šäp biz'a-l-is'ko-Ø šüsa vera-Ø-z.*

Руслан быстро бежать-ITER-PRS-1SG COMP говорить-PST-3SG

‘Руслан_i сказал, что он_i быстро бежит’. (Хомченкова 2024: 154)

3. Свойства конструкции [X *kad'* *potânâ*] в татышлинском говоре удмуртского языка

Как было показано в предыдущем разделе, в КСА с союзом *šü(ä)sa* допускается два порядка следования матричной и зависимой клауз. В случае КСА с глаголом *potânâ* носители предпочитают вложение зависимой предикации

в матричную клаузу (6а). Соположение в (6б) оказалось приемлемо в меньшей степени.

- (6) а. *pet'a-lâ* *az'palan* *urom-jos-âz* *mân-o*
 Петя-DAT впереди друг-PL-POSS.3SG идти-PRS.3PL
kad' *pot-i-z*
 EQU выйти-PST-3SG
- б. *pet'a-lâ* *pot-i-z* *az'palan* *urom-jos-âz*
 Петя-DAT выйти-PST-3SG впереди друг-PL-POSS.3SG
mân-o *kad'*
 идти-PRS.3PL EQU
 'Пете казалось, что впереди идут его друзья'.

Кроме этого, в конструкции с *potânâ* невозможно заменить *kad'* на *šû(ă)sa* (7). В то же время *šû(ă)sa* используется с другими матричными предикатами с похожим значением — например, 'видеться' (8).

- (7) **pet'a-lâ* *az'palan* *urom-jos-âz* *mân-o* *šûsa*
 Петя-DAT впереди друг-PL-POSS.3SG идти-PRS.3PL COMP
pot-i-z
 выйти-PST-3SG
 Ожид. 'Пете казалось, что впереди идут его друзья'.
- (8) *pet'a-lâ* *az'palan* *urom-jos-âz* *mân-o* *šûsa*
 Петя-DAT впереди друг-PL-POSS.3SG идти-PRS.3PL COMP
adž'-is'k-i-z
 видеть-DETR-PST-3SG
 'Пете казалось (досл. 'виделось'), что впереди идут его друзья'.

Также *kad'* нельзя заменить на другой сравнительный показатель *s'ain* (диалектный вариант литературного удмуртского *сямен*):

- (9) **mânâm* *ton* *košk-i-d* *s'ain* *pot-e*
 я.DAT ты уйти-PST-2SG подобно выйти-PRS.3SG
 'Мне кажется, что ты ушел'.

Таким образом, глагол *potânâ* 'выходить' образует специальную конструкцию с эпистемическим значением в сочетании со сравнительным показателем *kad'*, выступающим в функции коннектора.

Рассмотрим далее допустимые способы выражения зависимой части и стратегии согласования главного предиката. Если в зависимой части находится прилагательное, *kad'* необязателен (10), что также характерно и для литературного удмуртского (11).

- (10) *vas'a d'užât (kad') pot-i-z.*
 Вася высокий EQU выйти-PST-3SG
 ‘Вася показался высоким’.

- (11) *ma корка мыным туж чебер пот-э*
 этот дом я.DAT очень красивый выйти-PRS.3SG
 ‘Этот дом мне кажется очень красивым’. (Вахрушев (ред.) 1983: 353)

В (10) субъект именной предикации является также субъектом глагола *potânâ*, что следует из примера (12), где *potânâ* согласуется с *ton* ‘ты’.

- (12) *ton ruslan-lâ viz'mo kad' pot-is'ko-d.*
 ты Руслан-DAT умный EQU выйти-PRS-2SG
 ‘Ты кажешься Руслану умным’.

Возможна стратегия согласования *potânâ* с участником, имеющим роль экспериенцера (13). В данном случае *kad'* обязательно должен быть выражен, а субъект зависимой предикации предпочтительно маркируется аккузативом.

- (13) *mon vas'a-jez /^{??}vas'a d'užât kad' pot-is'ko-Ø*
 я Вася-ACC Вася высокий EQU выйти-PRS-1SG
 ‘Мне кажется, что Вася высокий’.

Показатель *kad'* обязателен к выражению независимо от стратегии согласования, если предикат зависимой части выражен существительным (14)–(15) или послеложной группой (16)–(17). Заметим также, что в примерах (15) и (17) субъект зависимой части может быть выражен номинативом, в отличие от примера (13) выше.

- (14) *vas'a povar *(kad') pot-e.*
 Вася повар EQU выйти-PRS.3SG
 ‘(Мне) кажется, что Вася повар’.

- (15) *mon vas'a povar *(kad') pot-is'ko-Ø*
 я Вася повар EQU выйти-PRS-1SG
 ‘Мне кажется, что Вася повар’.

- (16) *mânâm kn'iga žök vâl-ân *(kad') pot-e*
 я.DAT книга стол верх-LOC EQU выйти-PRS.3SG
 ‘Мне кажется, что книга на столе’.

- (17) *mon kn'iga žök vâl-ân *(kad') pot-is'ko-Ø.*
 я книга стол верх-LOC EQU выходить-PRS-1SG
 ‘Мне кажется, что книга на столе’.

Если в зависимой части находится финитная предикация, использование *kad'* обязательно. Стратегия с дативным экспериенцером приведена в (6а), но также возможно согласование *potânê* с номинативным экспериенцером по лицу и числу (18). При этом предпочтительно, чтобы субъект зависимой предикации был маркирован аккумулятивом.

- (18) *pet'a ton-e košk-i-d kad' pot-i-z*
 Петя ты-ACC уйти-PST-2SG EQU выйти-PST-3SG
 ‘Пете показалось, что ты уехал’.

Стратегии выражения зависимой части и (не)обязательность выражения *kad'* при глаголе *potânê* суммированы в таблице 1. Обозначение (*kad'*) свидетельствует о том, что *kad'* не является обязательным элементом конструкции, звездочка (*) перед скобкой указывает на то, что показатель нельзя опустить.

Таблица 1. Выражение *kad'* в конструкции с глаголом *potânê* в зависимости от способа выражения зависимой предикации

Чем выражена зависимая предикация	Субъект при глаголе <i>potânê</i>	
	Совпадает с субъектом зависимой предикации	Номинативный экспериенцер
Прилагательное	(<i>kad'</i>)	*(<i>kad'</i>)
Именная группа	*(<i>kad'</i>)	*(<i>kad'</i>)
Послеложная группа	*(<i>kad'</i>)	*(<i>kad'</i>)
Финитная предикация	*(<i>kad'</i>)	*(<i>kad'</i>)

Как видно из таблицы, *kad'* не является обязательным к выражению элементом, только если зависимая часть выражена прилагательным и ее субъект является также субъектом *potânê*. Это отличает КСА с *potânê* в значении ‘казаться’ от КСА с другими предикатами и союзом *šû(ă)sa*. Последний используется только при наличии финитной зависимой предикации, см. (3)–(5) выше, а также Давидюк 2023. Другие стратегии оформления зависимого актанта — например, инфинитив при глаголе *malpanê* в случае кореферентности субъектов (19) не требует данного союза.

- (19) *Pijaš malpa-Ø koč'jš-se s'ud-ijnj.*
 мальчик думать-PRS.3SG кошка-POSS.3SG.ACC кормить-INF
 ‘Мальчик думает покормить кошку’. (Корпус, MFT-06082022_o-komikse)

Тем не менее, аналогично КСА с союзом *šü(ä)sa* (Давидюк 2024) в конструкции $[X \text{ kad}' \text{ potânâ}]$ возможно оформление субъекта зависимой предикации аккузативом, что было показано в примере (18). Мы оставим подробное сравнение свойств таких конструкций для дальнейших исследований, но отметим, что в конструкции $[X \text{ kad}' \text{ potânâ}]$ аккузативный субъект невозможен при безличной стратегии (20), тогда как предикат *adž'is'kânâ* ‘видеться’, экспериенцер при котором также выражается с помощью датива, допускает аккузативное маркирование зависимого субъекта (21).

- (20) **pet'a-lâ ton-e košk-i-d kad' pot-i-z.*
 Петя-DAT ты-ACC уйти-PST-2SG EQU выйти-PST-3SG
 Ожид. ‘Пете показалось, что ты уехал’.

- (21) *ruslan-lâ adž'-is'k-i-z mon-e bert-e šüsa.*
 Руслан-DAT видеть-DETR-PST-3SG я-ACC возвращаться-PRS.3SG COMP
 ‘Руслану видно, что я возвращаюсь’. (Давидюк 2023: 30)

Наконец, конструкция $[X \text{ kad}' \text{ potânâ}]$ допускает стратегию с индексикальным сдвигом (22), аналогично КСА с союзом *šü(ä)sa*, что было продемонстрировано в (5) в разделе 2.

- (22) *vas'a-lâ kârž'a-nâ bâgat-is'ko-Ø kad' pot-e.*
 Вася-DAT пить-INF мочь-PRS-1SG EQU выйти-PRS.3SG
 ‘Вася_i думает, что он_i умеет пить’.

4. Обсуждение результатов и перспективы дальнейших исследований

Сравнение рассмотренных в предыдущем разделе свойств конструкции $[X \text{ kad}' \text{ potânâ}]$ и КСА с союзом *šü(ä)sa* представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы, КСА с *potânâ* и сравнительным маркером *kad'* имеет некоторые общие свойства с КСА с другими матричными предикатами: в обоих типах КСА возможно аккузативное маркирование субъекта зависимой предикации, а также допускается стратегия с индексикальным сдвигом. В то же время элемент *kad'* в КСА с *potânâ* более тесно связан с предикатом по сравнению с союзом *šü(ä)sa*, используемым в КСА с другими предикатами, что следует из его обязательного использования не только при вводе финитных СА, но почти при всех типах неглагольных зависимых предикаций.

Таблица 2. Свойства конструкции [X *kad' potânâ*] и КСА с союзом *šû(ä)sa*

Свойства	Тип КСА	
	[X <i>kad' potânâ</i>]	КСА с <i>šû(ä)sa</i>
Тип вводимой предикации	Неглагольные предикации, финитные клаузы	Финитные клаузы
Порядок матричной и зависимой клауз	[_{main} [_{sub}]] ? _[main] [_{sub}]	[_{main} [_{sub}]] [_{main}] [_{sub}]
Аккузативное маркирование субъекта зависимой предикации	ОК	ОК
Индексикальный сдвиг	ОК	ОК
Другое	<i>kad'</i> не выражается при зависимых прилагательных	Используется со множеством предикатов (Давидюк 2023: 2-3)

Помимо внутриязыкового сравнения свойств КСА с разными коннекторами представляет интерес типологическое исследование КСА, в которых зависимая предикация вводится при помощи коннектора со сравнительным значением. Среди уральских языков подобные конструкции зафиксированы, например, в горномарийском. В (23) в роли коннектора выступает показатель *la*, являющийся также показателем сравнительного падежа (Саваткова 2002: 101–102). В то же время (23) демонстрирует возможность *la* присоединяться к финитной форме глагола в некоторых говорах, что свидетельствует о его переходе в данной функции из падежных показателей в разряд транскатегориальных (подробнее см. Сеницына 2019).

(23) горномарийский, говор с. Микряково (< уральские)

<i>män'</i>	<i>xvoraj-en</i>	<i>kolt-en-äm-lä</i>	<i>čiš-eš</i>
я	болеть-CVB	отправить-PRET-1SG-SIM	казаться-NPST.3SG

‘Кажется, я заболела’.

Также конструкции со значением ‘казаться’ и схожей структурой, предполагающей участие элемента со сравнительным значением в связывании матричной и зависимой предикаций, зафиксированы в нескольких тюркских языках. Во-первых, КСА с глаголами *тоелу* ‘чувствоваться’ и *күренү* ‘виднеться’ и сравнительными коннекторами *кебек*, *сыман*, *шикелле*, имеются в татарском языке (ТГ 1992: 365-366)³:

(24) татарский (< тюркские)

<i>Сиңа</i>	<i>мин</i>	<i>кил-мә-мен</i>	<i>кебек</i>	<i>тоел-ган.</i>
ты.DAT	я	прийти-NEG-1SG	EQU	чувствоваться-PST

‘Тебе казалось так, что я не приду’. (ТГ 1992: 365)

Выступая в функции стандарта сравнения, показатели *кебек*, *шикелле*, *сыман* сочетаются с нефинитными глагольными формами (Burbiel 2018: 658), см. также Элементы 2017: 497 о сравнительных конструкциях в мишарском диалекте татарского языка. Из корпусных данных и грамматических описаний татарского, однако, на данный момент не ясно, насколько обязательно использование *кебек* (или другого сравнительного маркера) при глаголах *тоелу* ‘чувствоваться’ и *күренү* ‘виднеться’, возможно ли заменить данные маркеры на другие способы подчинительной связи и т. д.

Сравнительный маркер *gibi* в турецком языке употребляется в конструкциях с глаголами *gel-* ‘приходить’ (25), *görün-* ‘выглядеть’, *gözüük-* ‘казаться’.

(25) турецкий (< тюркские)

<i>sen</i>	<i>fazla</i>	<i>iç-miş-sin</i>	<i>gibi</i>	<i>gel-iyor.</i>
ты	слишком	пить-REP.PST-2SG	EQU	прийти-PRS.PROG

‘Кажется, ты выпил слишком много’. (Kornflit 1997: 412)

Существуют разные мнения относительно «идиоматизированности» таких конструкций: в Kornfilit 1997: 404 высказывается предположение, что послелог *gibi* инкорпорирован в глагол *gel-* ‘приходить’, и вся новая конструкция таким образом получает значение ‘казаться’. Аналогично конструкция *gibi gel-* трактуется в Göksel, Kerslake 2005: 357. В то же время в Turgay, İskender 2020

³ В этой связи стоит обратить внимание на продолжительные тесные контакты удмуртского языка и тюркских идиомов, что привело к заимствованиям на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях, подробнее см., например, Тараканов 2012.

на основе ряда тестов, например, на основе запрета на вынос на левую периферию целого комплекта [*gibi* + предикат] при допустимом выносе одного предиката, делается вывод, что *gibi* — самостоятельная единица, имеющая свою проекцию в синтаксическом представлении.

5. Заключение

Таким образом, мы сравнили свойства конструкции [*X kad' potânâ*] и КСА, в которых зависимая предикация вводится с помощью союза *šü(ä)sa* ‘что’, и выявили общие черты (допустимость аккузативного маркирования субъекта зависимой предикации и конструкций с индексикальным сдвигом) и ряд отличий, касающихся типов зависимой предикации, которую могут присоединять коннекторы *kad'* и *šü(ä)sa*, и приемлемого порядка следования матричной и зависимой части. Кроме этого, мы привели примеры аналогично устроенных конструкций со значением ‘казаться’ и коннекторами, имеющими сравнительную семантику, в некоторых уральских и тюркских языках. Привлечение ареальных и типологических данных позволит в дальнейшем выявить общие закономерности и различия в функционировании сравнительных коннекторов при предикатах со значением ‘казаться’.

Список условных сокращений

1,2,3 — лицо; ACC — аккузатив; COMP — комплементаризер, CVB — конверб; DAT — датив; DETR — детранзитив; EQU — экватив; LOC — локатив; INF — инфинитив; ITER — итератив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — поссессив; PRET — претерит; PROG.PRS — прогрессивное настоящее время; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST(2) — прошедшее время; REP.PST — эвиденциальное прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Алатырев В. И. (ред.) 1970. *Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения*. Ижевск: Удмуртия.
- Вахрушев В. М. (ред.) 1983. *Удмуртско-русский словарь. Ок. 35000 слов*. Москва: Русский язык.
- Давидюк Т. И. 2023. *Конструкции с сентенциальными актантами в татыш-линском говоре удмуртского языка*. Рукопись.

- Давидюк Т. И. 2024. Конструкции с аккузативным субъектом в татышлинском говоре удмуртского языка. Тезисы конференции «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ / ИЯз РАН, 12–13 апреля 2024 г.).
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А. 2023. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. Том 9. № 4 (36), 36–47.
- Перевощиков П. Н. (отв. ред.). 1962. *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Саваткова А. А. 2002. *Горное наречие марийского языка*. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola.
- Сердобольская Н. В., Ильевская А. А., Минор С. А., Митева П. С., Файнвейц А. В., Матвеева Н. С. 2012. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках. Кузнецова А. И., Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю., Сай С. С., Калинина Е. Ю. (ред.). *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Языки славянских культур, 382–447.
- Синицына Ю. В. 2019. Полисемия и морфологический статус горномарийского показателя *-la*. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, № 2, 265–297.
- Тараканов И. В. 2012. К истории изучения удмуртско-тюркских языковых контактов. *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*, № 2, 23–31.
- Татарская грамматика*. 1992. Т.3. Синтаксис / Ред. Закиев М. З. Казань: Татарское книжное издательство.
- Шутов А. Ф. 2002. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ижевск.
- Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*. 2017. / Ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. М.: Буки Веди.
- Яшина Р. И. 1963. *Сравнительные конструкции в удмуртском языке*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Aijmer K. 2009. Seem and evidentiality. *Functions of Language*, №16, 63–88.
- Burbiel G. 2018. *Tatar grammar. A Grammar of the Contemporary Tatar Literary Language*. Stockholm, Moscow: Institute for Bible Translation.

- Cornillie B. 2007. *Evidentiality and epistemic modality in Spanish (semi)-auxiliaries. A cognitive-functional approach*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Deal A. R. 2019. *A theory of indexical shift: Meaning, Grammar, and Crosslinguistic Variation*. Cambridge: The MIT Press.
- Dixon R. M. W. 1995. Complement Clauses and Complementation Strategies. Palmer F. R. (ed.). *Grammar and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 175–221.
- Göksel A., Kerslake C. 2005. *Turkish: A comprehensive grammar*. London, New York: Routledge.
- Kornflit J. 1997. *Turkish*. London: Routledge.
- Turgay T., İskender H. 2020. [Gibi + subjectless predicate] Constructions of Turkish. *Studies in Turkish Language and Literature: Cultural Readings*, Eğitim Yayınevi, 139–158.

ИМЕННОЕ СОЧИНЕНИЕ В ГОРНОМАРИЙСКОМ, УДМУРТСКОМ, МОКШАНСКОМ И МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАРКА)¹

И. А. Хомченкова

МГУ имени М. В. Ломоносова
irina.khomchenkova@yandex.ru

Одна из тем, в которой наш юбиляр Ирина Михайловна Кобозева является главным специалистом — коннекторы, т. е. «языковые единицы, выполняющие в тексте связующую функцию» (Инькова (ред.) 2018: 3), которые могут соединять клаузы в полипредикации (Кобозева и др. 2023: 38).

В статье я рассмотрю соединение единиц более низкого уровня, чем клауза — именных групп (ИГ) — в типологической перспективе. В качестве материала исследования был выбран перевод одного из новозаветных текстов, а именно Евангелия от Марка (Мк), на четыре финно-угорских языка: горномарийский, удмуртский, мокшанский и мансийский (см. информацию о переводах в списке источников).

Новый Завет представляет собой большой многоязычный параллельный корпус (de Vries 2007), который позволяет проводить типологические исследования, в том числе внутригенетические. Безусловно, переводы Библии могут не быть надежным источником данных, например, из-за стилистической маркированности и возможного калькирования (Wälchli 2007: 131). Таким образом, в текущем исследовании будут сделаны выводы относительно конкретных «докулектов» (Cysouw, Good 2013), а не языков в целом.

Всего было отобрано 63 контекста, содержащие сочинение ИГ. Стихи, в переводах которых были расхождения по языкам, исключались из рассмотрения. Например, в мансийском переводе стиха 6:36 сочинительная конструкция отсутствует, в отличие от, например, горномарийского, ср. манс. *ляпа пāвл-ыт-н* (ближний деревня-PL-LAT) ‘в ближние деревни’ и горномар. *лишбѣл*

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 22-18-00285-П, выполняемым в МГУ имени М. В. Ломоносова.

сола-влă-шкăй дă ёл-ем-влă-шкăй (ближний деревня-PL-ILL и жить-NMLZ-PL-ILL) ‘в ближние деревни и селения’.

В дальнейшем этот набор контекстов можно использовать и для других исследований; он позволит определить инвентарь сочинительных союзов в малоописанных языках, расширить наши представления об их дистрибуции, выявить типологические закономерности в их использовании.

Все контексты были размечены по следующим параметрам: количество конъюнктов, семантический тип референта, количество показателей. Последний параметр характеризовал не контекст в целом, а конкретный перевод на каждый из рассматриваемых языков.

Количество конъюнктов. По этому параметру контексты были разделены на две группы: с двумя конъюнктами (48 контекстов) и с тремя или более конъюнктами (15 контекстов).

В первой группе контекстов можно увидеть показатели, которые не способны сочинять более двух конъюнктов, ср., например, комитативное сочинение в русском: *Анна с Машей придут*, но **Анна с Машей с Наташей придут* (McNally 1993: 351).

Конструкции с тремя и более конъюнктами интересны с точки зрения возможности опущения союзов. Существует три варианта: а) все союзы, кроме последнего, могут/должны опускаться (ср. рус. *Анна, Маша и Наташа*); б) все союзы могут/должны быть выражены (ср. рус. *Анна, и Маша, и Наташа*); в) все союзы, в том числе последний, могут/должны опускаться (ср. рус. *Анна, Маша, Наташа*), см. Haspelmath 2007: 12–13. Например, в кантонском диалекте китайского языка сочинительный союз, который используется в конструкциях с двумя конъюнктами, не может употребляться в конструкциях с тремя и более конъюнктами (Matthews, Yip 1994: 289). В понпейском языке (< АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ) опущение союзов невозможно (Rehg 1981: 333).

Семантический тип референта. На основе параметров, описанных в Haspelmath 2004, 2007, были выделены следующие группы контекстов:

- Личные имена (например, *Иаков и Иоанн*) — 18 контекстов. Согласно Voorhoeve 1965: 171–172, в языке аснат (< ТРАНСНОВОГВИНЕЙСКИЕ) для сочинения личных имен используется союз *enĕrím* (X *enĕrím* Y), а для сочинения остальных ИГ — союз *am* (X *am*, Y *am*).
- Термины родства (например, *отец и мать*) — 5 контекстов. Так, в языке дияри (< ПАМА-НЬЮНГА) союз *ua* может опускаться только в конструкциях с парами людей (в особенности с терминами родства) из одного поколения (Austin 1981: 231). Термины родства также часто встречаются в составе парных слов, см. Wälchli 2005.

- Одушевленные (например, *первосвященники и книжники*) — 22 контекста; из них в 4 стихах (1:36, 2:18, 13:32, 16:7) сочиняются ИГ с разным типом референта (например, *Симон и бывшие с ним*). Согласно Ross 2002: 228, в языке таких (< АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ) ИГ с одушевленными референтами сочиняются с помощью комитативного показателя *da*, а неодушевленные — посредством соположения.
- Топонимы (например, *Тир и Сидон*). Они обозначают неодушевленные объекты, но сближаются с личными именами.
- Неодушевленные (например, *мечи и колья, день и ночь, грехи и хуления*).
- Разные (например, *дома, братья, дети и земли*, где сочиняются термины родства и существительные, обозначающие неодушевленные объекты).

Номера стихов и количество соответствующих контекстов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Контексты с сочинительными конструкциями в Евангелии от Марка: семантическая характеристика референтов

Тип	Количество	Контексты
личные имена	16	1:29 (×2), 3:17, 3:18–19, 6:3, 9:2, 9:4, 10:35, 10:41, 12:26, 13:3, 14:33, 15:40 (×2), 15:47, 16:1
термины родства	5	3:31, 3:35, 7:10, 10:7, 10:19
одушевленные	22	1:19, 1:36, 2:16, 2:18, 6:21, 7:1, 7:5, 8:34, 10:6, 10:33, 11:15, 11:18, 11:27, 12:13, 13:9, 13:17, 13:32, 14:1, 14:43, 14:53, 15:31, 16:7
топонимы	3	3:8, 7:24, 11:1
неодушевленные	14	1:6, 3:28, 4:41, 5:5, 5:14, 6:8, 6:41, 7:21–22, 11:15, 12:33, 13:22, 13:31, 14:43, 14:48
разные	3	6:4, 8:35, 10:30

Были исключены из рассмотрения контексты с вариативностью по языкам, т. е. если в некоторых языках сочинялись, например, одушевленные ИГ, а в некоторых — неодушевленные, ср. мокш. *фарисейх-нень шапафтома-до-ст* и *Ирод-онь шапафтома-да* (фарисей-DEF.PL.GEN закваска-ABL-POSS.3PL и

Ирод-GEN закваска-ABL) '[берегитесь] **закваски** фарисеев и **закваски** Ирода' и манс. *Фарисей-т ос Ирод-хѳн нѳнъсум вит-нъл* (фарисей-PL и Ирод-царь закваска вода-ABL) '[берегитесь] закваски **фарисеев** и **Ирода**' (Мк 8:15).

Количество показателей. Для каждого перевода был отмечен синтаксический тип конструкции: асиндетическое (удм. *атай-зэ, анай-зэ* 'отец-ACC.POSS.3SG мать-ACC.POSS.3SG') / моносиндетическое (удм. *ин но музъем* 'небо ADD земля') / полисиндетическое (удм. *атай-дэ но, анай-дэ но* 'отец-ACC.POSS.2SG ADD мать-ACC.POSS.2SG') сочинение или парное слово. Парными считались слова типа горномар. *ѳтя-ѳвѳ-жѳѳ-м* 'отец-мать-POSS.3SG-ACC', где не было сочинительного средства, а падежные и/или посессивные показатели оформляли только последнее слово.

Сочинительные средства, которые встретились в переводах Евангелия от Марка на рассматриваемые языки, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Показатели в сочинительных конструкциях в горномарийском, удмуртском, мокшанском и мансийском в Евангелии от Марка

Перевод	Моносиндетическая конструкция		Полисиндетическая конструкция
	Комитативный показатель	Сочинительный союз	
Горномарийский	X <i>дон</i> Y	X <i>дѳ</i> Y	X- <i>ат</i> Y- <i>ат</i>
Мокшанский	X <i>мархта</i> Y X Y <i>мархта</i>	X <i>и</i> Y	X- <i>ге</i> Y- <i>ге</i> <i>аф</i> X <i>аф</i> Y
Удмуртский	X- <i>ен</i> Y X Y- <i>ен</i>	X <i>но</i> Y	X <i>но</i> Y <i>но</i>
Мансийский	—	X <i>ос</i> Y	X- <i>з</i> Y- <i>з</i>

В горномарийском языке существует союз *дон*, который является исконно марийским сочинительным союзом (Саваткова 2002: 256), развившимся из комитативно-инструментального послелога *доно* (Галкин 1964: 178–179; Майтинская 1982: 99). Союз *дѳ* считается заимствованным из русского языка (Галкин 1964: 177, Майтинская 1982: 103). Единица *ат* является аддитивной частицей, которая также имеет сочинительные функции в полисиндетическом употреблении (Саваткова 2002: 256, 269).

В мокшанском языке есть комитативный послелог *мархта*, который употребляется и в сочинительных конструкциях (Козлов 2018: 164; Khomchenkova 2019), а также союз *и*, заимствованный из русского языка (Коляденков 1954: 269–270). Существует и аддитивная частица *-ге* (Коляденков 1962: 347), которая может употребляться бисиндетически. Такое же употребление есть и у показателя *аф* ‘NEG’ в отрицательных конструкциях (Коляденков 1962: 347).

В удмуртском языке показатель инструментального падежа *-ен* также имеет сочинительные функции (Перевощиков (отв. ред.) 1962: 102–103), а аддитивная частица может выступать как сочинительный союз как в моносиндетической, так и в полисиндетической конструкции (Перевощиков (отв. ред.) 1962: 324, 325).

Основное сочинительное средство в мансийском языке — аддитивная частица *ос* (Сайнахова 1966: 216, 218). Сочинительные функции также имеет показатель двойственного числа *-(u)г* (Ромбандеева 1973: 42) в бисиндетической конструкции (Хомченкова, Жорник 2021: 132).

Важно отметить, что в рассмотрение входили в том числе контексты, содержащие сочинение зависимых у послелогов, поскольку в некоторых языках в них вместо послелогов могут использоваться падежные показатели, ср. горномар. *лѳѳм окса-м погы-шы-влӓ дӓ сулык-ан-влӓ доно* (имя деньги-АСС собирать-РТСР.АСТ-PL и грех-PROP-PL с) и удм. *выт бича-сь-ёс-ын, сьӧлык-о-ос-ын* (подать собирать-РТСР.АСТ-PL-INS грех-ATTR-PL-INS) ‘с мытарями и грешниками’ (Мк. 2:16): в горномарийском употребляется послелог *доно* и сочиняются его зависимые, в то время как в удмуртском сочиняются ИГ в форме инструментального падежа. На этом основании в выборку попал контекст 13:9 с сочинением зависимых послелога во всех четырех языках, ср. горномар. *вуйлаты-шы-влӓ дӓ кугижӓ-влӓ анзы-кы* (возглавлять-РТСР.АСТ-PL и царь-PL передняя_часть-ILL2) ‘перед правителями и царями’, а также контекст 8:35, содержащий сочинение послеложных групп, ср. горномар. *Мӓнь верц-ем дӓ Пурь Увер верц* (я за-POSS.1SG и добрый весть за) ‘ради Меня и Евангелия’. (Во втором случае происходит сочинение послеложных групп, а не их зависимых предположительно из-за того, что при употреблении с местоимениями 1-го и 2-го лица послелоги присоединяют посессивные показатели, и из-за этого их форма не совпадает.)

Обсудим некоторые наблюдения, которые нам удалось сделать на рассмотренном материале.

Сочинение более двух конъюнктов. В этом случае возможны как конструкции с соположением (во всех языках встретился как минимум один контекст), так и союзные конструкции. Во всех случаях союз размещался только перед последним конъюнктом, кроме стиха 6:4, где в мокшанском

языке союз *и* был употреблен после первого и второго конъюнкта ('но только не в отечестве своем **и** не у сродников **и** не в доме своем'):

- (1) *но аньцек аф эсь мастор-со-нза и аф эсь*
 но только NEG REFL земля-IN-3SG.POSS и NEG REFL
ломан-ензо-н ётк-са, и аф эсь куд-со-нза.
 человек-3SG.POSS-GEN между-IN и NEG REFL дом-IN-3SG.POSS
 '[Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести] разве только в отечестве
 своем и у сродников и в доме своем.' (Мк. 6:4)

Парные слова. В выборке встретились контексты, в которых возможно употребление парных слов (см. о парных словах в финно-угорских языках Шибасова 2006).

В группу «термины родства» попало пять контекстов: 'его мать и братья', 'брат, сестра и мать' и 'отец и мать' (×3). В горномарийском в последних трех контекстах употребляется парное слово *äтя-ävä* 'родители', букв. 'отец-мать' (Саваткова 2008: 25). В двух стихах посессивный показатель присоединяется в конце слова, а в одном — после каждого элемента парного слова; падежный показатель всегда располагается в конце, ср. *äтя-ävä-т-ём* 'отец-мать-POSS.2SG-ACC' (7:10), *äтя-ävä-жём-м* 'отец-мать-POSS.3SG-ACC' (10:7) и *äтя-т-ävä-т-ём* 'отец-POSS.2SG-мать-POSS.2SG-ACC' (10:19). Именно в этих трех контекстах в мансийском языке используется конструкция с двойным употреблением показателя двойственного числа (2). На то, что этот числовой показатель является сочинительным в такой конструкции, указывает глагольное согласование с прямым дополнением по двойственному, а не множественному числу. Слова такого типа называются аддитивными сложными словами (additive co-compounds, Wälchli 2005: 137), поскольку обозначают пару объектов.

- (2) *Таимăгыс хум сян-яг-е-äс-яг-е*
 поэтому мужчина мать-DU-POSS.3SG-отец-DU-POSS.3SG
хул-и-яг-е.
 оставить-NPST-DU.O-3SG.S
 'Посему оставит человек отца своего и мать.' (Мк. 10:7)

Еще один релевантный контекст найден в группе неодушевленных объектов. В нем парные слова использованы в горномарийском (Саваткова 2008: 68) и мокшанском языках: горномар. *йыд-шы-кечй-жй* (ночь-POSS.3SG-день-POSS.3SG) и мокш. *ши-нек-ве-нек* (день-COM-ночь-COM) '[всегда,] ночью и днем, [в горах и гробах, кричал он и бился о камни]' (5:5). В мокшанском используется комитативный показатель в двойном употреблении, что типично в ситуациях с полным охватом (Коляденков 1962: 159). Такие парные слова

называются обобщающими (generalizing co-compound, Wälchli 2005: 139), поскольку они означают понятия типа ‘всё’, ‘все’, ‘всегда’, ‘везде’.

Эмфатическое сочинение. Сочинительные конструкции могут быть контрастивными, или эмфатическими. В этом случае подчеркивается, что каждый конъюнкт рассматривается отдельно (Haspelmath 2007: 15). Например, к этому типу относятся бисиндетические конструкции с союзом *и* в русском языке, ср. *(*)и горномарийский и луговой марийский похожи*: две сущности не могут быть похожи по отдельности.

Важно рассматривать отдельно утвердительные и отрицательные предложения, поскольку в последних могут употребляться другие показатели (Haspelmath 2007: 17). В горномарийском и удмуртском в обоих типах используются аддитивные частицы в полисиндетической конструкции, а в мокшанском — отрицательный показатель: *аф кяскав, аф киш, аф сере-нь ярмак* (NEG мешок NEG хлеб NEG медь-GEN деньги) ‘[И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха:] ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе’ (Мк. 6:8). (В мансийском языке во всех случаях было употреблено стандартное сочинение «X ос Y».)

Единственный стих, в котором в мокшанском языке употреблена эмфатическая конструкция в утвердительном предложении, представлен в (3). Однако он не был внесен в список рассматриваемых контекстов, поскольку в мансийском варианте использован дизъюнктивный союз: *тавман нӓй-н, тавман вит-н* (или огонь-LAT или вода-LAT) ‘то в огонь, то в воду’.

- (3) *Ламоксть кяжи ваймопожф-сь ёря-зе*
 неоднократно злой дух-DEF.SG бросать-PST.3SG.O.3SG.S
сонь тол-ти-ге и вед-ти-ге.
 он.GEN огонь-DEF.DAT-ADD и вода-DEF.DAT-ADD
 ‘И многократно дух бросал его и в огонь и в воду, [чтобы погубить его].’
 (Мк. 9:22)

В отобранных контекстах в 6 стихах использована эмфатическая конструкция в утвердительных предложениях в одном из языков (2:18, 3:28, 3:35, 5:5, 7:10, 10:19); в одном стихе — в двух языках (горномарийском и удмуртском): ‘И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?’ (Мк. 4:41), см. горномар. *мардеж-ӓт, тангыж-ат* (ветер-ADD море-ADD), удм. *тӧл но, зарезь но* (ветер ADD море ADD) ‘и ветер, и море’.

В двух стихах (6:8, 13:32) представлена отрицательная эмфатическая конструкция в трех языках (горномарийском, удмуртском и мокшанском).

Бессоюзное сочинение. Во всех языках как минимум в одном контексте встретилось бессоюзное сочинение, см. таблицу 3. При этом обращает на себя

внимание большое количество таких конструкций в удмуртском языке (21 контекст).

Таблица 3. Конструкции с бессоюзным сочинением (juxt) vs все остальные конструкции (&)

Горномар.	Удм.	Мокш.	Манс.	Кол-во
&	juxt	&	&	14
juxt	juxt	&	&	3
juxt	juxt	juxt	&	2
&	juxt	juxt	&	1
juxt	&	&	&	1
&	&	&	juxt	1
juxt	juxt	&	juxt	1
&	&	&	&	40

Комитативное сочинение. Комитативный показатель, который употребляется в сочинительных конструкциях, зафиксирован в горномарийском, удмуртском и мокшанском, см. таблицу 4. Чаще всего он встретился в горномарийском (14 раз), 10 раз — в удмуртском и два раза — в мокшанском.

Таблица 4. Конструкции с комитативным сочинением (com) vs все остальные конструкции (&)

Горномар.	Удм.	Мокш.	Кол-во
com	&	&	8
&	com	&	5
com	com	&	5
&	&	com	1
com	&	com	1
&	&	&	43

В мокшанском комитативный показатель был использован с терминами родства, ср. *аля-нц мархта тядя-нц* (отец-3SG.POSS.SG.GEN с мать-3SG.POSS.SG.GEN) '[Посему оставит человек] отца своего и мать) и одушевленными существительными (4). В первом случае послелог располагается между двумя конъюнктами «X COM Y», а во втором — после второго «X Y COM».

- (4) *Тяко-нь лаца озкс-вяти-ень оцю-ня-тне-вок*
 единственный-GEN как моление-правитель-GEN большой-DIM-DEF.PL-ADD
кой-ти тонафт-ых-не-нь мархта
 обычай-DEF.DAT.SG изучить-CAUS-PTCP.ACT-DEF.PL-GEN с
рах-се-с-ть и корхне-с-ть фкя-фкя-нди:
 смеяться-FREQ-PST.3-PL и говорить-FREQ-PST.3-PL один-один-DAT
 'Подобно и первосвященники с книжниками, насмехаясь, говорили друг другу: [других спасал, а Себя не может спасти].' (Мк. 15:31)

В удмуртском комитативный падежный показатель употреблен с личными именами (5 контекстов), топонимами (2 контекста), терминами родства (1 контекст) и одушевленными существительными (2 контекста). В одном случае показатель располагается после второго конъюнкта:

- (5) *Калык-ез дышет-ск-ись-ёс-ын-ыз чош*
 народ-ACC учить-DETR-PTCP.ACT-PL-INS-POSS.3SG вместе
мат-а-з отьы-са, со-ос-лы со вера-Ø-з
 близко-LOC/ILL-POSS.3SG звать-CVB тот-PL-DAT тот сказать-PST-3SG
 'И, подозревая народ с учениками Своими, сказал им: [кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною]' (Мк. 8:34)

В горномарийском комитативный маркер встретился с личными именами (5 контекстов), топонимами (1 контекст), одушевленными (6 контекстов) и неодушевленными (2 контекста) объектами, ср. (6). Во всех случаях он находился между двумя конъюнктами. Более широкая сфера употребления может свидетельствовать о высокой степени его грамматикализации из комитативного маркера в сочинительный союз; как сочинительный союз он и рассматривается в грамматиках (Саваткова 2002: 256).

- (6) *Вара Иисус вѣиц сыкыр дон кок кол-ым нӓл-ѣн*
 потом Иисус пять хлеб с два рыба-ACC брать-PRET
 'Он взял пять хлебов и две рыбы.' (Мк. 6:41).

Таким образом, даже небольшой набор контекстов позволяет сделать ряд наблюдений о дистрибуции сочинительных показателей. В дальнейшем плани-

руется рассмотреть и другие книги Нового Завета, а именно Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна, Евангелие от Матфея, Деяния святых апостолов и Откровение Иоанна Богослова, а также проанализировать данные не только финно-угорских языков.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ATTR — атрибутивизатор; COM — комитатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEF — определенное склонение; DETR — детранзитив; DU — двойственное число; GEN — генитив; ILL, ILL2 — иллатив; IN — инессив; INS — инструменталис; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; O — объектное спряжение; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; PTCP.ACT — активное причастие; S — субъектное спряжение; SG — единственное число.

Источники

- Библия на удмуртском языке (Библия удмурт кылын). Институт перевода Библии, 2014 (электронный ресурс). URL: https://finugorbib.com/bible/udmurt/00_a_about_ru.html (дата обращения: 17.03.2025).
- Евангелие от Марка на мансийском языке (Марк хум хансум Ёмас Ля́ххал), Институт перевода Библии Хельсинки, 2016 (электронный ресурс). URL: https://finugorbib.com/bible/mansi/00_a_about_ru.html (дата обращения: 17.03.2025).
- Новый Завет на горномарийском языке (Кырык марла У Согонь). Институт перевода Библии, 2014 (электронный ресурс). URL: https://finugorbib.com/bible/hill_mari/00_a_about_ru.html (дата обращения: 17.03.2025).
- Новый Завет на мордовском-мокша языке (Од Соткс мокшекс). Институт перевода Библии Хельсинки, 2016 (электронный ресурс). URL: https://finugorbib.com/bible/moksha/00_a_about_ru.html (дата обращения: 17.03.2025).

Литература

- Галкин И. С. 1964. *Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I*. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Инькова О. Ю. (ред.). 2018. *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. Москва: Торус Пресс.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А. 2023. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты. *Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования*, № 4 (36), 36–47.
- Козлов Л. С. 2018. Локативные падежи. С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.). *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Москва: Буки Веди, 154–182.
- Коляденков М. Н. 1954. *Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Часть II. Синтаксис*. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Коляденков М. Н. 1962. *Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Часть I. Фонетика и морфология*. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Майтинская К. Е. 1982. *Служебные слова в финно-угорских языках*. Москва: Наука.
- Саваткова А. А. 2002. *Горное наречие марийского языка*. Szombathely: Berzsenyi Dániel Főiskola.
- Саваткова А. А. 2008. *Словарь горномарийского языка*. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Хомченкова И. А., Жорник Д. О. 2021. Именное сочинение и комитативные конструкции в северных диалектах мансийского языка. *Урало-алтайские исследования*, № 4 (43), 124–148.
- Шибасова Н. Л. 2006. Типология парных слов (на материале некоторых финно-угорских языков). Дисс. ... к. филол. н. М.: МГУ.
- Austin P. 1981. *A Grammar of Diyari, South Australia*. Cambridge: CUP.
- Cysouw M, Good J. 2013. Languoid, Doculect, and Glossonym: Formalizing the Notion 'Language'. *Language Documentation & Conservation*, № 1 (7), 331–359.
- de Vries L. 2007. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research. *STUF — Language Typology and Universals*, № 2 (60), 148–157.
- Haspelmath M. 2004. Coordinating constructions: An overview. In M. Haspelmath (ed.). *Coordinating Constructions*. Amstersam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 3–39.

- Haspelmath M. 2007. Coordination. In T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge: CUP, 1–51.
- Khomchenkova I. 2019. On the syntax of comitative constructions in some Finno-Ugric languages. In A. van Alem et al. (eds.). *ConSOLE XXVII: Proceedings of the 27th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe (21–23 February 2019, Humboldt-Universität zu Berlin)*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 135–149.
- Matthews S., Yip V. 1994. *Cantonese: A Comprehensive Grammar*. New York: Routledge.
- McNally L. 1993. Comitative coordination: A case study in group formation. *Natural Language & Linguistic Theory*, № 2 (11), 347–379.
- Rehg K. L. 1981. *Ponapean Reference Grammar*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Ross M. 2002. Takia. In J. Lynch, M. Ross, T. Crowley (eds.). *The Oceanic languages*. Richmond: Curzon, 216–248.
- Walchli B. 2005. *Co-compounds and natural coordination*. Oxford: OUP.
- Wälchli B. 2007. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations. *STUF — Language Typology and Universals*, № 2 (60), 118–134.

СЛУЖЕБНЫЕ ЕДИНИЦЫ С БАЗОВЫМ КОМПОНЕНТОМ «СМОТРЯ»: СЕМАНТИКА И ФОРМАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е. С. Шереметьева

Дальневосточный федеральный университет
e.sheremetjeva@gmail.com

Введение

Одним из направлений в научной деятельности Ирины Михайловны Кобозевой является изучение служебных единиц, оформляющих связь в полипредикативных структурах, — коннекторов (Кобозева 2016; Кобозева 2017; Кобозева 2019, Кобозева, Сердобольская 2024).

Коннекторы входят в общую систему средств, чьим предназначением является функция связи. Между связующими единицами, обслуживающими разные уровни синтаксической системы, существуют синтагматические и парадигматические отношения, затрагивающие формальную и семантическую организацию этих единиц. В настоящей статье рассматриваются единицы, построенные по моделям *смотря по* N_з, *смотря по тому проп*, *смотря проп*. Они объединены общим лексико-грамматическим компонентом *смотря* и выступают в качестве средств связи в структурах разного типа, в том числе в полипредикативных. Внимание обращается на их формально-семантические отношения и специфику контекстов, в которых каждая из единиц функционирует. Кроме того, обсуждается вопрос определения их статуса в синтаксической системе русского языка. Материал исследования получен из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Результаты и обсуждение

Прежде всего приведем ряд примеров:

- (1) *В течение дня они по несколько раз перетаскивают личинки из верхних этажей в нижние и обратно, смотря по состоянию погоды* (Труд-7, 2006.05.11).

- (2) *В ящик накидываем камней, песку или земли, **смотря по тому, что есть** под рукой, пока вышка не станет совершенно крепко на дне* (В мастерской природы. 1927)
- (3) *Пропорции любые, **смотря по тому, сколь** острый напиток желаем получить.* (Аргументы и факты, 2000.01).
- (4) *Я вообще убеждена, что знакомство человека с нотной грамотой, и даже владение музыкальным инструментом, и даже глубокое знание музыки, ее шедевров, ее истории, не делают этого человека ни глубже, ни интеллигентнее, ни добрее. **Смотря что понимать под глубиной, добротой и интеллигентностью*** (Дина Рубина. Уроки музыки).
- (5) *Но он не рассчитал силу удара или – боль от укуса, **смотря как** смотреть на истоки тех давних событий* (Г. М. Артемьева. Фата на дереве (2012)).

В толковых словарях модель *смотря по* представлена по-разному. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *смотря* характеризуется как деепричастие, которое «в сочетании с предлогом ‘по’ употребляется как предлог в значении в зависимости от, в соответствии с» (ТСРЯ, 1940, т. IV: ст. 309). В Малом академическом словаре *смотря по* дано за «ромбом» в словарной статье глагола *смотреть*, то есть представлено как устойчивое сочетание с тем же значением «в зависимости от чего-л.; в соответствии с чем-л.» (МАС, 1961, т. IV: 221), но квалификация сочетания как предлога отсутствует. В более поздних по времени издания словарях *смотря по* имеет помету *предлог / в зн. предлога с дат. п.* и толкование: «в зависимости от чего-, применительно к чему-л.» (Ожегов, Шведова, 1994: 726; БТС, 1998: 1220). Более развернутую характеристику *смотря по* имеет в «Объяснительном словаре структурных слов»: предлог, «употребляется при указании на обстоятельства, приспособляясь, адаптируясь к которым должно строиться действие» (ОСРЯ, 2003: 322).

В «Русской грамматике» 1980 *смотря по* квалифицируется как предлог, употребляющийся в составе предложно-падежной формы со значением «соответствия или несоответствия», имеющей «определительное значение по зависимости, соответствию» (Русская грамматика, 1980, т. II: 49, 445).

Предложную функцию *смотря по* демонстрирует пример (1).

Модель *смотря по тому проп* в ряде толковых словарей имеет помету в зн. союза и толкования: «в зависимости от того, на что указывает мест. слово» (Ожегов, Шведова, 1994: 726), «в зависимости от того, как (*что, где, когда* и т. п.)» (БТС, 1998: 1220). Отметим, что в «Объяснительном словаре структурных слов» данная модель не представлена.

Сочетание *смотря по тому проп* (*смотря по тому, кто / что / какой / как* и т. д.), выполняющее функцию связи в полипредикативной конструкции, возникло на основе *смотря по* + *дат. п.* Эту функцию иллюстрируют примеры (2) и (3).

С одной стороны, модель *смотря по тому проп* демонстрирует типичный ход образования составных союзов на базе производных предлогов и новообразований предложного характера, аналогично таким составным союзам, как *благодаря (чему) — благодаря тому, что; в плане (чего) — в плане того, что; в результате (чего) — в результате того, что; в части (чего) — в части того, что; кроме (чего) — кроме того, что.*

Местоименный компонент, занимающий позицию косвенной формы существительного (*тому, того*), становится формальным средством, позволяющим присоединить союз *что* или местоимение *что*, в результате такие сочетания приобретают способность связывать полипредикативные структуры, то есть приобретают союзные свойства.

С другой стороны, среди таких соединений союзного типа есть единицы разной степени грамматикализации. Не любое сочетание, построенное по подобной модели, с легкостью можно квалифицировать как союз, тем более если присоединен местоименный компонент, который к тому же обычно интонационно акцентирован (имеет логическое ударение). Ср.:

- (6) ***Кроме того, что*** японская кухня — это очень вкусно, она еще и очень здоровая (Аргументы и факты, 2002.04.09)
- (7) ***Онлайн-регистрация упоминается в действующих правилах только в части того, что*** перевозчик сам определяет время её окончания. (Парламентская газет. 20.10.06).
- (8) *То в них царил холодок, то я старался быть к нему внимательнее и мягче, чем когда-либо, — смотря по тому, что* мне вспоминалось (Л. Саксон. Принц Уэльский// «Октябрь», 2001).

В предложениях (6), (7) в составе связующих средств *что* — союз, поэтому и все сочетание может быть квалифицировано как составной союз. В предложении (8) компонент *что* — местоимение, это не позволяет определять сочетание *смотря по тому, что* как составной союз. Думается, именно по этой причине авторы «Объяснительного словаря структурных слов» не включили в словарь единицы, построенные по данной модели.

Что касается единиц, построенных по модели *смотря проп* (*смотря кто / что / какой / где* и т. д.), то в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова *смотря* также имеет квалификацию деепричастия, которое «в сочетании с наречиями и относительными местоимениями употр. в зависимости от того» (ТСРР,

1940, т. IV: ст. 309). В Малом академическом словаре единицы, построенные по этой модели, даны за «ромбом», но в том же значении, что и в словаре Д. Н. Ушакова (Словарь русского языка, 1961, т. IV: 221). В словаре Ожегова-Шведовой и в «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова они имеют толкование: «Обозначает зависимость выбора от того, на что указывает местоименное слово» (Ожегов, Шведова, 1994: 726; БТС, 1998: 1220), но не имеют квалификации в терминах частей речи.

Функционирование модели *смотря проп* представлено в примерах (4) и (5).

Если судить по данным словарей и материалам из панхронического корпуса НКРЯ, модель *смотря проп* существовала параллельно с моделью *смотря по тому проп*, тогда как модель *смотря по*, зафиксированная в НКРЯ, датирована значительно более ранним годом. Примеры:

(9) *И будет государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, смотря речи на свиское дело и **смотря по делу**, поход свой в Великий Новгород отставит* (Разрядная книга. Разряды 1512–1598 гг.).

(10) <...> *Канцелярия академическая основана Шумахером для его властолюбия над учеными людьми и после для того утверждена по новому статусу и регламенту к великому наукам утеснению, ибо 1) имел он в ней способ принуждать профессоров удержанием жалованья или приласкать прибавкою оною; 2) принятием и отрешением по своей воли, не рассуждая их знания и достоинств, но токмо **смотря, кто** ему больше благосклонен или надобен* (М.В. Ломоносов, 1764).

(11) <...> *върять, что въ писании объ нихъ упоминается фигурую, **смотря по тому, что** то имя значитъ <...>* (В.Ф. Зуев. 1787).

Можно предположить, что модель *смотря проп* возникла как сокращение модели *смотря по тому проп*, в которой элиминирован компонент *по тому*. Следовательно, единицы, построенные по трем названным моделям, находятся между собой в деривационных отношениях и обладают общей семантикой обусловленности, а именно способностью указывать на отношения зависимости между ситуациями.

Отношения зависимости тесно связаны с вариативностью ситуаций, что, в свою очередь, приводит либо к возможности выбора одного из положения дел, либо к возможности их чередования. Для контекстов с обсуждаемыми единицами характерна экспликация такого типа вариативности дополнительными средствами.

Прямым показателем выбора или чередования являются разделительные союзы *или, то... то..., либо*, условный *если*, как, например, в примерах (2), (5), (8), а также в следующих предложениях:

Смотря по:

- (12) *Свет в комнате уменьшается более или менее, смотря по благоприятности условий, но и при наименьшем свете медузы все-таки могут быть видимы* (Химия и жизнь, 1969).
- (13) *При желании продлить жизнь дуплистых, старых экземпляров, описанная процедура проделывалась и с дуплами, после чего они заполнялись, смотря по величине, или древесным воском, или древесною известью* (В мастерской природы, 1924).
- (14) *Между двумя дверьми образовался таким образом люк, пропитанный, смотря по времени года, то пылью, то сыростью <...>* (Ю. Олеша. Записки писателя. 1930).

Смотря по тому проп:

- (15) *На этой канве Аретино выводил свои сатирические рисунки, где, опять-таки в строгом соответствии со своей теорией чернил, высмеивал или прославлял видных людей, смотря по тому, кто как платил* (А. К. Дживелегов. Очерки итальянского Возрождения. 1929).
- (16) *То в них царил холодок, то я старался быть к нему внимательнее и мягче, чем когда-либо, — смотря по тому, что мне вспоминалось* (Леонид Саксон. Принц Уэльский // «Октябрь», 2001).

Смотря проп:

- (17) *Например, водка — это раствор спирта в воде (или, если угодно, воды в спирте, — смотря чего больше)* (А. И. Китайгородский, Л. Д. Ландау. Физика для всех. Молекулы. 1978).

Из знаменательной лексики на существование вариантов указывают прилагательные *разный, различный, любой, другой*, глаголы *меняться, изменяться*, прямой номинацией является глагол *варьировать*, существительное *альтернатива*, например, в предложении (3), а также в предложениях (18)–(21):

Смотря по:

- (18) *Полученные таким образом мягкие сонорные подвергались вторичному отверждению при разных условиях смотря по диалекту* (Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону; 1920–1938).
- (19) *Недавно у московской детворы была альтернатива. Хочешь — сиди в начальной школе три года, а хочешь — четыре. Смотря по готовности*

ребенка к школе и желанию родителей (Комсомольская правда, 06.08.2001).

Смотря по тому проп:

- (20) *работа железы очень резко варьирует, смотря по тому, какая пища находится в пищеварительном канале* (И. П. Павлов. Лекции по физиологии; 1911-1913).

Смотря проп:

- (21) *А ликвидаторы и конкурсные управляющие персонально могут быть разными — смотря кому поручат* (Интервью // Коммерсант, 2005.03.03).

Экспликация вариативности ситуаций может охватывать широкий контекст:

- (22) — *Каков контингент слушателей и поклонников, посещающих ваши концерты? — Разные люди. Смотря, где мы играем. Если, предположим, мы выступаем где-то в России, то это скорее люди моего поколения. Если мы играем в клубах, скорее твоего* (Аргументы и факты, 2005.11).

В любом случае, и при наличии дополнительных экспликаторов, и при их отсутствии все единицы, построенные по описываемым моделям, являются основными показателями вариативности, см. примеры (4), (9)–(11), а также (23):

- (23) *Он дал себе слово объяснить, при первом удобном случае, окончательно вопрос, не о том, что такое Марфенька: это было слишком очевидно, а что из нее будет, — и потом уже поступить в отношении к ней, смотря по тому, что окажется после объяснения* (И. А. Гончаров. Обрыв. 1869).

Вернемся к вопросу о квалификации рассматриваемых единиц.

Модель *смотря по*

Единица *смотря по* полностью проявляет признаки производного предлога, однако в связи со спецификой формы *смотря*, прямо ориентированной на субъекта, требуется подтверждение того, что эта форма в модели *смотря по* №3 уже не является формой глагола.

В приведенных выше примерах (12), (13), (15), (16) описаны ситуации, выбор которых осуществляется целенаправленно, есть субъект, который производит выбор с учетом обстоятельств. В примерах (14), (17), (18), (20) представлены ситуации, неподконтрольные наблюдающему субъекту, они чередуются по объективным причинам. Контексты, подобные контекстам

в примерах (14), (17), (18), (20) показывают, что компонент *смотря* утрачивает семантическую связь с глаголом *смотреть*.

В НКРЯ в основном корпусе по запросу «смотреть по, на расстоянии от 1 до 1 Слова 1 S & dat, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2» получено 4015 примеров. Анализ материала показал, что спрягаемые глагольные формы могут употребляться в контекстах, в которых прямо (24) или косвенно (25) содержится указание на вариативность ситуаций, например:

(24) *Кормлю до сих пор. Молока хватает вполне и более того. Одну или две — **смотрела по ребёнку**: если отвалился довольный, то всё, ежели ворчит и сердится, то предлагала другую* (Наши дети: Малыши до года (форум))

(25) *Промыслов пишет: «Прошу рассмотреть и помочь». При более активной позиции он написал бы категоричнее. Например: «Разобраться и доложить!» И поставил бы в конце большой восклицательный знак. «Помочь» означает: **смотрите по обстоятельствам*** (В. Войнович. Замысел).

Однако на весь массив фактов обнаружено лишь пять таких контекстов со спрягаемыми формами. После обработки материала выявлено 2766 примеров, в которых форма *смотря по* оформляет отношения зависимости в контекстах с экспликацией вариативности ситуаций.

Утрата семантической связи с прямым значением глагола *смотреть*, закреплённость за формой *смотря по* способности оформлять отношения зависимости в контекстах определенного типа является свидетельством полной грамматикализации этой формы и переходом ее в класс производных предлогов.

Модель *смотря по тому проп*

Как уже было сказано выше, назвать единицы, построенные по модели *смотря по тому проп*, союзами невозможно из-за местоименного компонента *проп*, не проявляющего никаких признаков грамматикализации. В этом их принципиальное отличие, например, от «непризнанных союзов» непосредственного предшествования, описанных в Кобозева 2019. Возникает вопрос, как квалифицировать не только сами единицы, построенные по модели *смотря по тому проп*, но и предложения, в которых они функционируют как средства связи.

Если проводить границу после компонента *тому*, то, в соответствии со структурно-семантической классификацией, предложения с моделью *смотря по тому проп* нужно относить к местоименно-соотносительным. Однако в такой интерпретации не отражаются отношения обусловленности между частями полипредикативной структуры, выразителем которых в сложном предложении является вся модель, а не ее часть.

Если считать, что единицы, построенные по этой модели, функционируют в качестве союза, границу между двумя предикативными единицами следует проводить перед компонентом *смотря*, в таком случае придаточная часть может быть охарактеризована как придаточное обусловленности. Такую границу можно провести в предложениях (15), (16), (20), однако невозможно в предложении (23). Это связано с тем, есть ли в контексте другие показатели вариативности, кроме самой модели *смотря по тому проп*. Наличие дополнительных показателей делает такие предикативные единицы самодостаточными, ср.:

(26) *Ее стоимость колеблется от 2500 до 12.000 рублей*

(27) *Ее стоимость колеблется от 2500 до 12.000 рублей, **смотря по тому, какова ее вместимость, прочность, качество материала*** (РИА Новости, 2002.07).

Для этой модели возможна препозиция:

(28) *Его соперники гудели слева и справа; почти одновременно поднялось семь аэропланов. **Смотря по тому, какое положение принимали они в воздухе, очерк их напоминал ящик, конверт или распущенный зонтик*** (А. С. Грин. Состязание в Лиссе.1912).

Примеры с препозицией редки, но они есть. Контексты с препозицией показывают еще одно важное свойство модели *смотря по тому проп*: сфера ее действия охватывает более широкий контекст, выходящий за пределы двух предикативных единиц, хотя формально ее роль может быть ограничена именно такими в составе сложного предложения. Это видно и в примере (28), и в следующем примере:

(29) ***Смотря по тому, какую часть молекул-программ, произведенных данным геном, эти малые РНК уничтожат или испортят, работа этого гена пойдет насмарку вся или частично*** (Знание — сила, 2012).

В предложениях (27)–(29) есть анафорические элементы, отсылающие к предшествующему контексту, на который ориентируется и фрагмент текста, вводимый с помощью модели *смотря по тому проп*.

Можно считать, что модель *смотря по тому проп* в синтаксической системе русского языка занимает место, аналогичное средствам связи модели *проп* + *ни* (как *ни*, где *ни*, что *ни* и др.), формирующей обобщенно-уступительные отношения в сложных предложениях. Местоименный характер таких единиц, с одной стороны, и создаваемые ими уступительные отношения, с другой, привели авторов Русской грамматики 1980 к решению представить эти

модели и в разделе «Типы предложений с неориентированной анафорической связью» (Русская грамматика, 1980, т. II: 535), и в разделе, описывающем типы предложений, выражающих уступительные отношения. При этом в последнем разделе четко формулируется: «Предложения с обобщенно-уступительным значением имеют расчлененную структуру; в то же время они строятся без участия союзов: связующими средствами здесь являются местоименные слова» (Там же: 593).

Подобная двойственность характеризует и модель *смотря по тому pron*, а также предложения, в которых данная модель используется как средство связи.

Модель *смотря pron*

Если *смотря по* и *смотря по тому pron* могут быть рассмотрены в рамках класса предлогов и класса союзов (что отражено в толковых словарях), то для *смотря pron* такой возможности нет, т. к. как будто нет формальных оснований для отнесения ее к средствам связи.

В то же время *смотря pron* имеет то же значение, что и названные единицы, выполняющие связующие функции, а именно: указывает на зависимость выбора от того, на что указывает местоименное слово. Более того, специфика функционирования модели *смотря pron* заключается в том, что она не может употребляться самостоятельно, вне контекста и без предшествующего контекста. Таким образом, вопрос о связующей роли этой модели должен быть рассмотрен.

Модель *смотря pron* может занимать позицию внутри предложения в монологе и позицию в ответной реплике или быть самостоятельной ответной репликой в диалоге.

На первый взгляд создается впечатление, что у этой модели преобладает употребление в диалоге. Однако подсчет по запросу «смотря что, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 V, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2» показал, что и в основном, и в газетном корпусе никакого преобладания диалога над монологом не наблюдается: в основном корпусе соотношение монолог / диалог: 45/47 ; в газетном корпусе: 95/93.

Модель *смотря pron* может функционировать в двух видах — полном и свернутом (сокращенном). Полная модель в зависимости от морфологических свойств местоименного компонента включает либо глагол, либо существительное, реже предикативы (слова категории состояния) и является исходной для сокращенной модели. Полные модели соответствуют структуре предикативной единицы и могут включать разного рода распространители:

(30) *Вы понимаете, за что сборную критикуют? — Смотри кто и как критикует* (Советский спорт, 2011.10).

- (31) *В классе делаем прививки от бездумья постоянно. Любое подобное действие или высмеиваем, или резко осуждаем, **смотря каков** процент идиотизма и **какова** степень вредности для окружающих* (С. Л. Рябцева. Дети восьмидесятых. 1989).

В диалоге полная модель не обязательно повторяет знаменательное слово в предтексте:

- (32) — *Как предпочитаете выступать: соло, с ансамблем или с большим оркестром?* — **Смотря что играю** (Комсомольская правда, 2001.05);
- (33) *Протокол подпишете?* — **Смотря что** вы там **изобразили** (Лев Корнешов. Газета. 2000).

Заполнение глагольной позиции для *смотря что* приобретает признаки семантической типизации: характерны глаголы *иметь в виду* (23), *называть (что чем)* (27), *понимать под* (40), *считать чем* (52), *сравнивать с* (57), *подразумевать под* (13).

Для моделей с другими местоименными словами типизация не отмечена, позиция глагола или существительного с точки зрения лексики может заполняться свободно.

Сокращенная, свернутая модель включает только два компонента — *смотря* и местоименное слово:

- (34) *А что сейчас вообще читают?* — *Отвлеченная беседа с Константином всегда успокаивала нервы хозяина.* — **Смотря кто...** (М. Милованов. Кафе «Зоопарк». 2000);
- (35) *Ты только с натуры рисуешь или можешь фантазировать?* *Женька смутился:* — *Не знаю...* **Смотря что...** (В. Крапивин. Трое с площади Карронад. 1979).

Свернутая модель с точки зрения структуры представляет собой неполное предложение.

В Кустова 2016 рассматривается ряд моделей, подвергшихся аналогичному преобразованию: *кто/что угодно, куда/где надо* и подобные. По отношению к таким единицам используется термин «квазирелятивы» (Кустова 2016: 304), отражающий ступень преобразования структуры, в которой в результате сокращения исчезает тот компонент предложения, который позволял местоименному слову играть роль средства связи. Рассматриваемая нами модель имеет иную структуру, но в целом может трактоваться как одни из видов квазирелятивов.

Выводы

Служебные единицы с базовым компонентом *смотря* представляют собой реализацию ряда моделей, между которыми выявляются деривационные отношения.

С точки зрения морфолого-синтаксической квалификации не вызывает сомнения единица *смотря по*, в результате завершившегося процесса грамматикализации перешедшая в класс производных предлогов.

Модель *смотря по тому* *pron* реализуется в серии единиц, различающихся заполнением позиции *pron*: *смотря по тому, кто / что / как / какой / где / сколько* и т. д. Сложность квалификации таких единиц заключается в том, что в них совмещаются функция коннектора, оформляющего отношения обусловленности в полипропозитивных конструкциях, и сохраняющие морфолого-синтаксические свойства местоименные компоненты, не проявляющие признаков грамматикализации. Это не позволяет относить единицы, построенные по данной модели, к союзным средствам связи.

Функции модели *смотря pron* — вводить фразу или предложение, которые являются реакцией на утверждение или вопрос и указывать на отношения зависимости между ситуациями. В этом плане модель *смотря pron* полностью соотносится с двумя другими моделями.

Анализ функционирования показывает, что у модели *смотря pron* есть собственная синтаксическая функция. Если модель полная, то есть включает знаменательную часть речи, то это структура предикативной единицы, в нее может входить не только предикативное ядро, но и распространители. Если модель сокращенная, то она отвечает признакам неполного предложения и в контексте сохраняет свою коммуникативную функцию. Специфика модели *смотря pron* заключается в том, что она утратила формальные признаки средства связи, однако сохранила семантику, позволяющую ей передавать отношения обусловленности и тем самым выполнять релятивную функцию.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка. 2000. Санкт-Петербург: Норинт.
- Кобозева И. М. 2016. Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования). *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. № 10, 120-134.

- Кобозева И. М. 2017. Коннекторы контактного предшествования во французском и русском языках по данным параллельного корпуса. *Съпоставително езикознание*. Т. XLII, № 4, 48–62.
- Кобозева И. М. 2019. Калейдоскоп составных союзов непосредственного предшествования в русском языке: пока не признанные, но уже функционирующие союзы. *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. № 4 (22), 134–146.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. 2024. Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы рускон). *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. Т. 46, № 7, 66–74.
- Кустова Г. И. 2016. Свободные релятивы как редуцированные конструкции: значение и употребление. В М. В. Ляпон (отв. ред.) *Язык: поиски, факты, гипотезы. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой*. Москва: ЛЕКСРУС, 302–320.
- Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова*. 2003. Москва: АСТ.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1994. *Толковый словарь русского языка*. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: АЗЪ.
- Словарь русского языка в 4 т.* 1961. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Толковый словарь русского языка*. 1940. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Шведова Н. Ю. (ред.) 1980. *Русская грамматика*. Т. II. Москва: Наука.

Список условных сокращений

- БТС — Большой толковый словарь
МАС — Словарь русского языка в четырех томах
ОСРЯ — Объяснительный словарь русского языка
ТСРЯ — Толковый словарь русского языка в 4 т.

V. ИСТОРИЯ

СЕПИР И СТАНОВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В. М. Алпатов

МГУ имени М. В. Ломоносова
v-alpatov@iling-ran.ru

Как известно, Эдвард Сепир (1884–1939) работал в эпоху, когда в мировом теоретическом языкознании господствовал структурализм. Поэтому историки лингвистики его школу обычно рассматривают как одно из структурных направлений. Однако насколько это верно? Идеи Сепира, разумеется, значительно отличались от позитивистских концепций предшествовавшего структурализму младограмматического периода. Но в какую сторону двигался американский учёный?

Среди разнообразных направлений лингвистики к 20-м гг. XX в. наиболее влиятельным стало структурное; общепризнано то, что оно основывалось на идеях «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, опубликованного в 1916 г. после смерти автора. Среди многих идей, там содержащихся, особое значение имело выделение двух противопоставлений: языка — речи и синхронии — диахронии. «Ф. де Соссюр (скорее даже его последователи) изменил предмет исследований, причем сделано это было замечательным образом — простым проведением границ: вот — синхрония, а вот — диахрония; это — язык, а это — речь» (Рахилина 2000: 343).

В истории лингвистики, как и других наук, бывали периоды расширения и сужения проблематики, укрепления и, наоборот, разрыва междисциплинарных связей. Периодом значительного расширения своего объекта была первая половина XIX в. (от В. фон Гумбольдта и Ф. Боппа до А. Шлейхера). Тогда ученые занимались очень многим: реконструкциями праформ, анализом памятников, происхождением языка, выявлением связей языка с «духом» и «психическим складом» народа, связей между языком и историей. Лишь одного избегали университетские и академические ученые: описаний современных языков без экскурсов в историю.

Ф. де Соссюр одновременно расширил и сузил лингвистическую проблематику. С одной стороны, он обосновал необходимость развития лингвистики, не занимающейся языковой историей. «Лингвистика уделяла слишком большое место истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения

традиционной грамматики» (Соссюр 1977: 115–116). «Ясно, что синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность. Это же верно и для лингвиста: если он примет диахроническую перспективу, то увидит отнюдь не язык, а только ряд видоизменяющих его событий» (Соссюр 1977: 123). Идея о приоритете синхронии шла вразрез с господствовавшими тогда представлениями и не была принята многими языковедами.

Однако другая знаменитая дихотомия (языка и речи), как раз не вызвавшая массового неприятия, сужала лингвистическую проблематику. «Надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием для всех прочих проявлений речевой деятельности» (Соссюр 1977: 47). «Что касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них» (Соссюр 1977: 53).

И далее швейцарский учёный перечисляет проблемы, от изучения которых следует отказаться. «Наше определение языка предполагает устранение из понятия «язык» всего того, что чуждо его организму, его системе, — одним словом, всего того, что известно под названием «внешней лингвистики», хотя эта лингвистика и занимается очень важными предметами и хотя именно ее главным образом имеют в виду, когда приступают к изучению речевой деятельности» (Соссюр 1977: 59). К ней отнесены «все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы и цивилизации», «отношения, существующие между языком и политической историей», вопросы литературного языка, вопросы географического распространения языков (Соссюр 1977: 59–60). В современной номенклатуре лингвистических специальностей сюда попадают социолингвистика, стилистика, лингво-культурология, исследование картин мира и др. вплоть до изучения заимствований и диалектологии (Соссюр 1977: 60–61). Также Соссюр указывал: «Язык дает сравнительно мало точных и достоверных данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком» и отрицал «мнение, что язык отражает психологический склад народа» (Соссюр 1977: 264).

С точки зрения формирования у Ф. де Соссюра таких взглядов любопытно его письмо А. Мейе от января 1894 г. (Frei et al. (eds.) 1964: 95); см. его анализ в Гаспаров 2021. Перед этим он, ранее работавший лишь над письменными источниками, совершил первую экспедицию в Восточную Пруссию и там впервые столкнулся с массовым бесписьменным материалом литовских диалектов. В письме он признаётся в методологическом кризисе: неупорядоченный диалектный материал окончательно убедил его в невозможности традиционных позитивистских подходов. Он постарался отбросить эмпиризм и построить общую теорию, но, видимо, ничего не смог сделать с языковым хаосом, о котором

писал еще Гумбольдт (хотя отдавал себе отчет в его существовании, как это видно из черновых набросков); надо учитывать, что в то время полевые методы ещё не были разработаны. И Соссюр нашёл выход, выделив в «Курсе» среди этого хаоса постоянный устойчивый фрагмент, который назвал языком (*langue*). А всё остальное, весь хаос он отнес к сфере речи (*parole*). И он опирался на то, что большинство проблем, традиционно исследуемых лингвистической наукой, относятся к сфере языка в данном понимании, который учёный закономерно объявил готовым продуктом, а не деятельностью.

Последователи Соссюра продолжали такой подход. Ш. Балли писал: чтобы у исследователя «появился некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы», «он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» (Балли 1913/2003: 39). Таков был идеал структурализма. А Л. Блумфилд писал в 1936 г.: изучаемый лингвистами язык — «шум, производимый органами речи»; задача лингвиста — «показать, что говорящий не имеет идей, что достаточно лишь шума»; цитируется по Белый 2012: 14, 19. Крайний вариант сужения предмета исследований!

Что же касается Э. Сепира, то сразу бросается в глаза широта интересов и разнообразие тематики. Он прожил всего 55 лет, но успел написать достаточно много, и не всё из его наследия опубликовано. Его широта как учёного хорошо видна и из однотомника его избранных трудов, опубликованного на русском языке в 1993 г. под редакцией А. Е. Кибрика, и из включённой в данный том самой известной книги Сепира «Язык», впервые изданной в оригинале более ста лет назад. Выше я приводил неполный перечень проблем, которые Ф. де Соссюр исключал из числа актуальных, и все они в той или иной мере затрагивались Сепиром. Писал он и о диалектах, и о заимствованиях, и о проявлении в речи человеческой индивидуальности, и о «связях, которые могут существовать между историей языка и историей расы и цивилизации», и об «отношениях между языком и политической историей», и о «нравах и институтах» и многом другом.

Если у Соссюра и других предшественников и современников Сепира постоянно можно встретить как призывы изучать те или иные явления, так и вводимые ограничения и рамки, то у него невозможно найти последнее: если он касался той или иной проблемы, то всегда старался установить пути её решения. А. Е. Кибрик отмечает, что нередко и сейчас многие его гипотезы не могут быть доказаны (Кибрик 1993: 14), а до многих специально изучаемых им проблем наука до сих пор не дошла, в частности, до проблемы речи как черты

личности (Кибрик 1993: 17). Последней проблемой, правда, занимались в те же примерно годы ещё К. Фосслер и его школа, но потом она на долгие годы была оставлена. Не стеснялся Сепир и признаний того, что он пока не может объяснить констатируемую им проблему, например, что управляет дрейфом языка (Сепир 1993). В позитивистской науке такое не допускалось: если специалист не может объяснить нечто, вопрос не должен быть обсуждаемым.

Решительно расходился Сепир с позитивизмом и в отсутствии того, что В. Н. Волошинов называл преклонением перед фактом. В самом начале книги он заявлял, что его цель — не сбор фактов, а установление перспективы по общим вопросам языка, а факты он приводит лишь для иллюстрации (Сепир 1993: 26).

Общие вопросы языка, прежде всего, связываются с его содержательной стороной. Нет ничего похожего на «отсутствие идей у говорящего». Язык определяется в книге как «чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов» (Сепир 1993: 31). При этом «в языке властвует мышление», а эмоции и желания — второстепенные факторы (Сепир 1993: 31). Проблема языка и мышления активно обсуждалась в XIX в., а к 1921 г. становилась всё менее популярной, конечно, не из-за её несущественности, а из-за невозможности добиться здесь должной научной строгости. Но Сепир считал, что язык «смирненно следует за мышлением» (Сепир 1993: 36).

Ключевым для Сепира являлось понятие символа и символизма. Если для Соссюра язык — система знаков, независимая от способов передачи (звуковая речь, письмо, сигнализация флажками и т. д.), то для Сепира это — «слуховая система символов» (Сепир 1993: 36), а символ служит для познания мира. В противовес наиболее принятому подходу, согласно которому главная функция языка — коммуникативная, он считал таковой символическую функцию, создающую возможность называния объектов и определённого членения мира. По сути, в других терминах он говорил о том, что теперь принято называть когнитивной функцией.

В связи с символической функцией Сепир рассматривал никак не решавшуюся в лингвистике того времени проблему слова. Многие лингвисты, включая и американских дескриптивистов, тогда пытались дать «работающее» определение слова и выявить его формальные свойства, но это не удавалось, поэтому появилась тенденция отказаться от понятия слова вообще или, по крайней мере, считать его второстепенной единицей по сравнению с лучше поддававшейся строгим критериям выделения морфемой. Но Сепир подходил здесь иначе: «первый обнаруживаемый нами элемент, о котором можно сказать,

что он действительно существует, есть слово». Он не давал строгого определения слова, указывая лишь, что это формальная единица речи, совпадающая то с одной, то с другой функциональной единицей. Именно слово — «наличная единица живой речи», которая «соответствует единицам действительно воспринимаемого опыта», а корневые и аффиксальные элементы соответствуют лишь «концептуальному миру науки», то есть выделяются лишь исследователем (Сепир 1993: 45). И здесь Сепир обращался к психологическим аргументам: его индейские информанты легко выделяли слова в своих языках. Опять же такая аргументация изгонялась из науки последовательными структуралистами. В качестве главной функциональной единицы рассматривается предложение, которое может (не во всех языках) совпадать со словом. Можно видеть, что на первый план выдвигаются единицы, которые ощущаются носителями языка. Тот же подход сохраняется и для фонологии: одна из его статей (Сепир 1993: 298–312) называется «Психологическая реальность фонем». С одной стороны, мы здесь видим обращение к вполне структурным методам анализа, но в то же время отстаивается вынесенная в заглавие точка зрения, встречавшаяся на ранних этапах формирования фонологии (И. А. Бодуэн де Куртене), но затем отвергнутая в структурной лингвистике.

Значительное место в книге «Язык» занимает анализ и классификация языковых значений. Итоговая система приводится на стр. 101. По убыванию конкретности выделяются основные (конкретные), деривационные (добавочные приращения), конкретно-реляционные (значения отношений, выходящих за пределы слова) и чисто-реляционные (чисто абстрактные и находящиеся в пределах слова) значения.

Разграничение данных четырёх классов положено ученым в основу типологической классификации языков, ставшей, пожалуй, самым известным разделом книги «Язык». К 1921 г. типология потеряла популярность, которую когда-то имела; во многом это было связано с общим отказом от концепции языковых стадий, несовместимой с позитивизмом. Например, Ж. Вандриес в один год с Сепиром издал книгу, также названную «Язык» и сходную по тематике (правда, написанную на несколько лет раньше). Там также был затронут широкий круг проблем, полностью отсутствовали лишь типологические классификации языков. В эпоху позитивизма господствовало представление о существовании единственной научной классификации языков — генетической. Но Сепир, никогда не ограничивавшийся исследованием «языка в себе и для себя», вновь поставил вопрос о том, «к какому общему типу относятся» те или иные языки (Сепир 1993: 117). Он отверг стадийные концепции, основанные на «эволюционистском предрассудке» и другом предрассудке, смешивавшем культурное значение и типологические свойства классических языков. Сепир,

как затем и его последователи, исключил из типологии оценочность, однако кое-что сохранил из традиционной типологии, в том числе разграничение изолирующих, агглютинативных и флективных (фузионных, по Сепиру) языков.

Классификация Сепира также была в основном морфологической, но он, помимо стадиальности, отверг и попытки классификации языков с одной точки зрения, сведения всех различий «к единой простой формуле». На смену традиционной классификации он предложил новый подход, выделявший три признака. Во-первых, это степень сложности слова: аналитические, синтетические и полисинтетические (соответствующие инкорпорирующим у В. фон Гумбольдта) языки. Во-вторых, это степень спаянности элементов внутри слова: языки изолирующие, агглютинативные, фузионные (флективные) и символические (выражающие грамматические значения внутренними изменениями корня). Наиболее оригинален и важен для Сепира третий признак, основанный на семантике и выделявший четыре вышеупомянутых класса значений: конкретные, деривационные, конкретно-реляционные и чисто реляционные. Последние два типа образуют грамматические значения, соответственно передающие отношения вне языка и отношения внутри его. Два полярных типа, по Сепиру, есть во всех языках, а наличие или отсутствие двух средних могут служить основанием для классификации. Все признаки независимы друг от друга и комбинируются. Именно эту классификацию автор книги признаёт наиболее важной: она является семантической, а «ходячая» классификация по степени спаянности — «по существу чисто техническая» (Сепир 1993: 45). Уже после книги «Язык» и, вероятно, во многом благодаря ей, появились и типологические исследования со структурных позиций, в частности, у пращев.

Одна черта современной Сепиру теоретической лингвистики нашла у него отражение: большая часть его публикаций посвящена синхронии. Однако он никогда не игнорировал диахронию. И это проявлялось не только в его занятиях вполне «обычной» компаративной лингвистикой: он (как, впрочем, и Л. Блумфилд) на основе уже разработанных методов изучал родственные связи языков Северной Америки. Но для него важны изменения в строе языка, история тенденций его развития. Вводится понятие дрейфа. Изменения в языке нельзя считать случайными, хотя, как уже говорилось, Сепир отказывался объяснять их механизм. Тем не менее, «каждое слово каждый грамматический элемент, каждое выражение, каждый звук и каждая интонация постоянно меняют свои очертания, подчиняясь незримому, но объективно существующему дрейфу, составляющему суть жизни языка. Все с очевидностью говорит за то, что этому дрейфу присуще некое постоянное направление» (Сепир 1993: 157). Например, английский язык развивается в сторону неизменяемости слов.

Сохраняя младограмматическое понимание фонетических законов, Сепир понимал их как фонетический дрейф.

Ещё вопрос, по которому позиция этого лингвиста отличалась от структуралистской: связь лингвистики с другими науками. Для структурализма было обычным стремление к изоляции лингвистики, кроме семиотики (по сути, её обобщения) и математики. Особенно этим отличались Л. Блумфилд и его последователи. Однако в статье «Статус лингвистики как науки» (Сепир 1993: 259–265) основной вопрос — связь лингвистики со смежными науками, анализ проблем, находившихся на стыке. И всё это гуманитарные науки: психология, культурология, социология. Лишь кратко упомянуты акустика и физиология речи, и вовсе не упомянута математика.

А другие гуманитарные науки он изучал не только в пограничных с лингвистикой областях, но и сами по себе. «Все, с чем связан язык, то есть все то, что предопределяет его бытие, и все то, что определяет язык своим бытием, — все это интересно и важно Сепиру» (Кибрик 1993: 22). Особенно много он занимался исследованиями различных культур от аборигенов Северной Америки до Франции и России. Например, на материале русских писателей от Тургенева до Горького он приходил к выводу о том, что для русской культуры освобождение личности важнее, чем демократические институты (Сепир 1993: 171).

Рассматривал учёный и поставленную В. фон Гумбольдтом проблему влияния языка на культуру. Он писал: «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принять думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе (...). «Реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками». «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» (Сепир 1993: 261). Мы видим здесь формулировку того, что называют гипотезой Сепира-Уорфа, хотя её чаще рассматривают в крайнем варианте, предложенном его учеником Б. Уорфом. Дескриптивисты, как и другие структуралисты, были далеки от такой проблематики. Но не следует сводить новаторство учёного только к гипотезе Сепира-Уорфа.

Теперь вернёмся к вопросу о соотношении идей Сепира со структурализмом. Как и Л. Блумфилд, он был учеником Ф. Боаса; все эти учёные одновременно занимались лингвистикой и антропологией, описывали языки Северной Америки по экспедиционным материалам. В конкретных описаниях языков Сепир использовал структурные методы. Однако само понимание природы языка и круга проблем лингвистики у него было во многом другим. Показательно, что в отличие от Л. Блумфилда, опубликовавшего рецензию на «Курс» Ф. де Соссюра, Сепир никогда не ссыался на него и неизвестно даже, читал ли он «Курс». И, может быть, главное отличие Сепира от структурализма в том, что структурная лингвистика устанавливала жёсткие рамки исследования, стремившегося к решению вопроса «Как устроен язык», а Сепир вопреки подходам большинства подчёркивал необходимость связи лингвистики с другими гуманитарными науками и изучения функционирования языка.

Эдвард Сепир к концу жизни получил известность и был признан как учёный. Но, как указывает А. Е. Кибрик, он чувствовал себя одиноким (Кибрик 1993: 9). В американской лингвистике к 1939 г. господствовал дескриптивизм. Однако в наше время сняты многие ограничения, установленные Ф. де Соссюром, нужные когда-то, но сейчас ставшие излишними. А функциональная лингвистика при всех ее болезнях роста, иногда серьёзных, активно развивается, а Сепир предвосхитил многие её идеи, в том числе когнитивные. Сепир был ученым, никогда не ограничивавшимся исследованием «языка в себе и для себя» (притом, что изучал и внутреннюю лингвистику, по Соссюру). Он занимался и разнообразными функциями языка, и отношением между лингвистикой и другими гуманитарными науками, и проявлением в языке индивидуальности человека, и объяснительной типологией. Приведу еще цитату из А. Е. Кибрика: «Все, с чем связан язык, то есть все то, что предопределяет его бытие, и все то, что предопределяет язык своим бытием, — все это интересно и важно Сепиру» (Кибрик 1993: 22). К этому стремится функциональная лингвистика. Александр Евгеньевич Кибрик говорил студентам: «Соссюр уже отзвучал, а вот Сепир по-прежнему актуален».

Литература

- Балли Ш. 2003. *Язык и жизнь*. М.: УРСС.
- Гаспаров Б. М. 2021. Марр и Соссюр: сто лет спустя. *Вопросы языкознания*, №1, 104–120.
- Кибрик А. Е. 1993. Э. Сепир и современное языкознание. *Сепир Эдвард. Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс, 3–22.

- Рахилина Е. В. 2000. *Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари.
- Сепир Э. 1993. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс.
- де Соссюр Ф. 1977. *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс.
- Frei H., Burger A., Godel R., Sollberger E. (eds). 1964. *Lettres de Ferdinand de Saussure à Antoine Meillet, publiées par Emile Benveniste. Cahiers Ferdinand de Saussure*, vol. 21.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ГЕНЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ: ВЗГЛЯД ИЗ СССР

Я. Г. Тестелец

Институт языкознания РАН,
Российский государственный гуманитарный университет
testelets@gmail.com

Первые статьи Ирины Михайловны Кобозевой, утвердившие ее репутацию мастера семантического и грамматического анализа, были суммированы в кандидатской диссертации «Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке)» (Кобозева 1976). Теоретической основой исследования была порождающая (=генеративная) семантика — недолгий, но яркий эпизод в истории лингвистики США конца 1960-х — начала 1970-х гг., направление, лидерами которого были Дж. Лакофф, Дж. Мак-Коли, П. Постал и Дж. Р. Росс. В той или иной степени в 1970-е гг. влияние порождающей семантики испытали почти все ведущие советские лингвисты «формального» направления — Ю. Д. Апресян, А. Е. Кибрик, Ю. С. Мартемьянов, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева и др. По-видимому, большинство перечисленных авторов считали, что генеративная семантика превзойдена сходным по замыслу, но более амбициозным и более перспективным, с их точки зрения, направлением — моделью «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» (МСТ) И. А. Мельчука и А. К. Жолковского. Несмотря на то, что очень быстро — к середине 1970-х гг. — порождающая семантика, проиграв «лингвистические войны»¹ с лексикализмом Н. Хомского, потеряла популярность в США и в остальном мире, ее влияние среди российских лингвистов сохранялось дольше. Было бы неверно объяснять этот устойчивый интерес только внешними причинами — запоздалым и неполным поступлением научной информации в СССР или затрудненностью ссылок на работы эмигрировавших авторов МСТ — хотя оба этих фактора имели значение.

В первом варианте генеративной грамматики Chomsky 1957 различие между базовым и трансформационным компонентами модели было формали-

¹ Термин Linguistic Wars, предложенный Полом Посталом для обозначения упомянутых событий, закрепился в историографии, см. Newmeyer 1980: гл. 5; Harris 1993 и переработанное издание Harris 2021.

зацией традиционного подхода к описанию языка, согласно которому некоторые грамматические конструкции естественно рассматривать как преобразование или усложнение других. Элементарные учебники и грамматики английского языка не начинают с рассмотрения вопросительных или отрицательных предложений, а переходят к ним после того, как читателю разъясняется предположительно более простая структура утвердительного предложения и вводится понятие модальных и вспомогательных глаголов — грамматических единиц, которые «отвечают» за выражение вопроса и отрицания. Образование вопросительных или отрицательных предложений традиционно описывается как преобразование или усложнение утвердительных. Соответственно Н. Хомский ввел, например, трансформации инверсии (1); «прыжка» аффикса (Affix Hopping): глагольный аффикс присоединяется к непосредственно следующему за ним глаголу (2), благодаря чему удалось учесть то наблюдение, что в английском языке аффиксы финитных форм и модальные и вспомогательные глаголы, находясь в дополнительном распределении, выполняют одну и ту же синтаксическую роль; поддержки *do* (*Do-support*): «одиноким» аффиксом, за которым непосредственно не следует полнозначный глагол, требует «опоры» в виде вспомогательного глагола (3) и др.

(1) *John can open the door* → *Can John open the door?*²

(2) *John -s like fish* → *John likes fish*

(3) *-s John like fish* → *Do-es John like fish?*

Трансформации, как и соответствующие им «традиционные» правила, могли изменять значения исходных предложений (введение отрицания, инверсия при вопросе и др.), а могли и не изменять их (согласование, «прыжок» аффикса, опущение эквивалентной именной группы в инфинитивном обороте и др.).

Взгляд на природу трансформаций изменился к 1964 г., когда были одновременно опубликованы первые подробные исследования трех групп конструкций английского языка, выполненные в рамках генеративной модели, — отрицания (Klima 1964), императива (Lees 1964) и вопроса (Katz, Postal 1964). Выяснилось, что традиционный подход к описанию этих конструкций учитывает только часть фактов — и соответственно неверна трансформационная трактовка, формализующая этот подход. Отрицательные, императивные и вопросительные конструкции английского языка обладают множествами

² Для экономии места и учитывая круг возможных читателей этой статьи, автор не снабжает английские примеры переводами.

свойств, которые невозможно убедительно представить как отличия от утвердительных предложений, вводимые соответствующими трансформациями.

Э. Клима показал, что некоторые свойства отрицательных предложений с выраженной частицей *not* 'не', например, способность, в отличие от утвердительных, присоединять придаточные условные с *not even if* 'даже если' (4a-b), или включать единицы отрицательной полярности с *any-* (5a), свойственны также предложениям без *not*, но с отрицательными местоимениями (4c; 5b) — при том, что, в отличие от *not*, отрицательные местоимения не вводятся с помощью трансформации:

- (4) a. *Max won't come, not even if you beg him.*
 b. **Max will come, not even if you beg him.*
 c. *Max will never come, not even if you beg him.*
- (5) a. *I didn't see anyone.*
 b. *Nobody saw anyone.*

Основываясь на таких примерах, Клима постулировал порождаемый базовым компонентом абстрактный элемент *Neg*, который требует, чтобы в предложении были отрицательные элементы типа *not* в (4a) или *never* в (4c) и разрешает единицы отрицательной полярности, а затем стирается:

- (6) **Neg** *Max won't // will never come...*

Исследуя императивные конструкции, Р. Лиз обратил внимание на то, что глагол-связка, который в английском языке не требует вспомогательного глагола *do*, например, для выражения отрицания (7), допускает его в императиве (8):

- (7) a. *He isn't silly.*
 b. **He doesn't be silly.*
- (8) *Don't be silly!*

Р. Лиз предположил, что передвижению связки в позицию перед *not* мешает занимающий место в глубинной структуре абстрактный императивный элемент, который стирается при переходе к поверхностной структуре:

- (9) **Imp** *Be silly!*

В третьей из упомянутых выше работ Дж. Катц и П. Постал обратили внимание на то, что сентенциальные обстоятельства (детерминанты) могут занимать позицию перед подлежащим в утвердительном, но не в вопросительном и не в императивном предложении:

- (10) a. *Maybe / Perhaps / Certainly you will drive the car.*
b. **Maybe / Perhaps / Certainly drive the car!*
c. **Maybe / Perhaps / Certainly will you drive the car?*
d. **Maybe / Perhaps / Certainly what will you drive?*

Катц и Постал сделали напрашивавшийся вывод, что обстоятельства в глубинной структуре занимают ту же единственную позицию, что и абстрактный вопросительный элемент, разрешающий появление выраженных вопросительных слов и инверсии:

- (11) a. *Q will you drive the car?*
b. *Q what will you drive?*

Придя к необходимости постулировать нулевые единицы — триггеры трансформаций (Underlying Trigger Morphemes) Neg, Imp и Q, Катц и Постал попытались сделать грамматический компонент более регулярным путем усложнения словаря, в который они поместили единицы, не имеющие фонологического выражения и передающие значения, которые до этого привносились трансформациями. Эти результаты и привели к «гипотезе Катца–Постала»: трансформации не меняют значения.

Мы сравнительно подробно изложили эти результаты, чтобы читатель мог убедиться, что вывод был сделан на основе анализа нескольких видов конструкций английского языка, а не на основе общих соображений — например, того, что модель грамматики, то есть структура **знания** языка, должна быть устроена похоже на правдоподобную модель **использования** языка говорящим — преобразования значений в формы. Именно последнее соображение, которое многим казалось простым и очевидным, легло в основу архитектуры модели синтеза у И. А. Мельчука (1974: 9).

Работа Катца и Постала произвела огромное впечатление на лингвистический мир: если трансформации не меняют значения, то глубинные структуры, возможно, являются семантическими и, возможно, также универсальными, — и тогда прямо отражают язык мышления! Гипотеза Катца–Постала стала отправной точкой развития генеративной семантики, и благодаря этой гипотезе термин «глубинные структуры» стал очень популярным в лингвистике 1960-х — начала 1970-х гг. В декабре 1972 г. в Москве прошла конференция «Глубинные и поверхностные структуры в языке» на базе МПНИИЯ и Института языкознания АН СССР, в которой приняли участие в том числе многие известные лингвисты, далекие от формального моделирования.

Представители генеративной семантики предложили новые аргументы в пользу того, что глубинная структура совпадает с семантическим представлением, например:

- (12)a. *Seymour sliced the salami with a knife.*
 b. *Seymour used a knife to slice the salami.*

В предложениях (12) наблюдаются сходства в сочетаемости предикативных элементов: 1) класс глаголов, присоединяющих инструментальные дополнения при *slice*, совпадает с классом глаголов — зависимых *use*; 2) только одушевленные ИГ могут быть подлежащими при главном глаголе; 3) ИГ со значением инструмента (*a knife*) не может быть кореферентна ИГ со значением объекта (*the salami*) и т. п. Следовательно, глубинная структура (12a) должна быть близка (12b), который имеет более развернутую форму, чем (12a), а (12a) выводится из одинаковой для обеих предложений глубинной структуры с помощью трансформаций — только таким образом можно избежать приписывания одних и тех же селективных признаков по отдельности структуре для (12a) и структуре для (12b) (Lakoff 1968).

В примере (13) интуитивно очевидно, что должны быть одинаковы ограничения на заполнение позиции подлежащего в (13a), прилагательного в (13b) и посессивной ИГ в (13c):

- (13)a. *America attacked Cuba.*
 b. *the American attack on Cuba*
 c. *America's attack on Cuba*

Однако указанные ограничения в (13a) связывают глагол и ИГ, в (13b) — прилагательное и существительное, а в (13c) — посессивную ИГ и существительное. В таком случае ограничения надо или отдельно приписывать трем разным поверхностным структурам, или постулировать для них одну общую глубинную структуру, в которой селективные признаки характеризуют отношение субъекта и предиката (Postal 1969).

В 1970 г. появились «Заметки о номинализации» (Chomsky 1970), где Хомский выдвинул принцип **лексикализма**, согласно которому трансформации не могут заменять одно слово на другое, усилив, таким образом, в противовес генеративной семантике, автономность синтаксиса.

Хомский обратил внимание на то, что номинализованные существительные (*refusal, payment, marriage...*), в отличие от герундиев (*refusing...*), морфологически не регулярны (*do — deed, marry — marriage, refuse — refusal, change — change...*) и должны включаться в словарь непосредственно как существительные, а не формироваться трансформационным правилом от соответствующих глаголов или

прилагательных. Далее трансформация подъема в позицию дополнения применяется только к конструкции с глаголом *believe*, а не с существительным *belief* — таким образом их грамматическая структура должна различаться до применения трансформации.

- (14) a. *John believed that Bill was a fool.*
 b. *John believed Bill to be a fool.* (трансформация Raising to Object)
 c. *John's belief that Bill was a fool.*
 d. **John's belief of Bill to be a fool.*

То же касается трансформации передвижения частицы фразового глагола (16) и дативного передвижения (17):

- (16) a. *John looked up the answer.*
 b. *John looked the answer up.* (трансформация Particle Movement)
 c. *John's looking up of the answer.*
 d. **John's looking of the answer up.*

- (17) a. *John gave the book to Bill.*
 b. *John gave Bill the book.* (трансформация Dative Movement)
 c. *John's gift of the book to Bill.*
 d. **John's gift of Bill of the book.*

Как выяснилось в работах лексикалистов, анафорические элементы — вопреки тому, что предполагалось в раннем генеративизме и в генеративной семантике — не могут вводиться трансформациями, замещающими полные ИГ на местоимения, такими как «прономинализация» и «рефлексивизация». Во-первых, трансформации не могут описать связанную анафору, по крайней мере с сохранением значения — (18a) и (18b) значат не одно и то же:

- (18) a. *No woman doubts that she is OK.*
 b. *No woman doubts that no woman is OK.*

Во-вторых, парадокс Баха–Питерса, то есть существование предложений, в которых анафорические местоимения вложены в антецеденты друг друга, показывает, что в некоторых предложениях анализ с помощью прономинализации ведет к бесконечной рекурсии: полная ИГ заменяет местоимение, но сама эта ИГ содержит в себе местоимение, которое заменяется на полную ИГ, и т. д. (итог дискуссии по анафоре с литературой вопроса подведен в Wasow 1979):

- (19) [_{NP} *The man who shows he deserves it_j*]_i *will get* [_{NP} *the prize he_i desires*]_j

Лексикалистам удалось, далее, показать, что многие параллели в структуре именных и глагольных конструкций естественно представлять как свойства базовой синтаксической, а не семантической структуры. Например, невозможность линейно отделить основное дополнение и от глагола (20a-b), и от существительного (20c-d) в английском языке следует из абстрактного принципа, согласно которому комплемент является единственной составляющей-сестрой вершины, — что привело к радикальному упрощению базового компонента (X'-теория):

- (20)a. *studies physics at Cambridge*
 b. **studies at Cambridge physics*
 c. *student of physics at Cambridge*
 d. **student at Cambridge of physics*

После недолгого успеха и недолгой, но ожесточенной борьбы генеративная семантика сошла со сцены — она так и не смогла предложить конкурентноспособную альтернативу лексикализму. Заслугой генеративной семантики остается ее вклад в описательную семантику; она также предшествовала когнитивной лингвистике и грамматике конструкций Ч. Филлмора, хотя историк лингвистики в США Ф. Ньюмейер замечает, что «Лакоффу не удалось представить себя лингвистическому миру в качестве последовательного (consistent) теоретика» (Newmeyer 1980: 172).

В отличие от работ по генеративной семантике, «Заметки о номинализации» в российской лингвистике, по-видимому, не вызвали интереса — например, критикуя автономию синтаксиса по Хомскому, Ю. Д. Апресян указывает лишь на разнообразные связи между синтаксисом и словарем, которые трудно отразить естественным образом в генеративной модели (Апресян 2002).

Лексикализм не упоминается в работах Ю. С. Мартемьянова — в его статье 1976 г. сказано, что «с порождающей семантикой начался новый, наиболее интересный этап в развитии идей порождающей грамматики», цит. по Мартемьянов 2004: 683; насыщенная трансформациями «валентно-юнктивно-эмфазная грамматика», развивающая некоторые идеи О. Есперсена, представляет собой оригинальный вариант генеративной семантики (Martem'janov 1973), но ответа на критику таких моделей у лексикалистов Ю. С. Мартемьянов не дает.

Еще один вариант генеративной семантики мы видим в монографии Е. В. Падучевой «О семантике синтаксиса» (Падучева 1974). «Основным методом изучения семантики синтаксиса, как и семантики вообще, признается изучение синонимии» (Там же: 10). Падучева использует «синтаксически минимальный» язык глубинной структуры, к которому применяются трансформации: номинализованные конструкции выводятся из глубинных структур

с предикативными употреблениями (Там же: 194); местоимения вводятся с помощью трансформаций (Там же: гл. XII). Из «Заметок о номинализации» берется только цитата о независимости семантических представлений от языка (Там же: 17), которая говорит в пользу генеративной семантики.

Позже Е. В. Падучева фактически отказалась от трансформационной трактовки анафоры (Падучева 1983), приведя аргументы в пользу того, что это «поверхностное» явление — например, то, что при одних каузативных глаголах (*застать*) антецедент-дополнение рефлексивного местоимения возможен, а при других (*напомнить*) — нет, хотя в генеративной семантике все каузативные глаголы должны иметь одинаковую глубинную структуру (Там же: 30):

- (21)а. $Я_i \text{ застал } его_j \text{ у себя}_{ij}$.
 б. $Я_i \text{ напомнил } ему_j \text{ о себе}_{i/*j}$.

Возможно, неудовлетворенность громоздкостью моделей стало причиной того, что работы Падучевой (с середины 1970-х гг.) и Апресяна не использовали сложных формальных конструкций. Заслуженный успех и слава их достижений как бы свидетельствовали, что отказ от формального моделирования не очень большая потеря.

Диссертация И. М. Кобозевой, в целом принадлежавшая генеративной семантике, представляла собой уже шаг в сторону лексикалистского понимания передвижения, в том числе переноса отрицания, близкого к «теории принципов и параметров» 1980-х. Важным результатом работы было выяснение того, что семантическая декомпозиция в духе генеративной семантики с главенствующим предикатом общего отрицания не применима к предложениям с переносом (22), поскольку (23а) не значит то же, что (23б), и, соответственно, (23б) не может быть приближением к глубинной структуре для (23а).

(22) *Он не пришел* → *Неверно, что он пришел*

(23)а. *Он не хочет, чтобы улицу переименовали.*

б. *Неверно, что он хочет, чтобы улицу переименовали.* (Кобозева 1976: 132)

Исследовательская программа Хомского базируется на его философии языка, а именно на аргументе — в духе диалога Платона «Менон» — о том, что ребенок обладает способностью быстро усвоить любой из языков мира и, следовательно, в знании языка должен иметься универсальный компонент,

который, как верит Хомский, можно выявить в виде небольшого числа базовых принципов³.

Философия — не только марксистско-ленинская, а и любая другая, даже близкий им позитивизм раннего Витгенштейна, советских лингвистов не привлекала, а мнение, что философская ошибка может привести к неудаче исследовательской научной программы, однозначно ассоциировалось с официальной наукой. Трудно было тогда вообразить, что в чем-то окажется прав официальный марксист В. З. Панфилов, а не Мельчук, которого он цитировал: «путь к решению проблемы идет не через философские контroversы, а через деловое экспериментирование» (Мельчук 1968: 143–144) и заключал: «Очевидно, что при своевременном осознании философской, методологической несостоятельности релятивистского понимания языка... не было бы нужды прибегать к “деловому экспериментированию”, потребовавшему больших затрат времени, материальных средств и духовных сил» (Панфилов 1975: 35).

Итог полемики, то есть победа лексикализма над генеративной семантикой и ее причины, был осознан российскими лингвистами (и И. М. Кобозевой — одной из первых) к 1990-м гг.

Е. В. Падучева высказала в разговоре с автором мнение, что причины неудачи генеративной семантики были психологическими — в отличие от И. А. Мельчука, Дж. Лакофф и его коллеги убоялись гигантского объема работы по формализованному описанию соответствия между семантикой и грамматикой.

Необозримый объем задачи, ее практическая неосуществимость были одной из причин, но главным, на наш взгляд, было то, что генеративная семантика оказалась неконкурентноспособной как теоретический инструмент сравнительно с лексикализмом.

То, что наши лингвисты не придали должного значения победе лексикализма, объясняется естественным в условиях СССР отсутствием интереса к философии языка и принятием на веру как некой очевидности, что, во-первых, структура знания языка неизбежно отражает его основную функцию, и, во-вторых, что основной функцией является коммуникативная.

³ Упоминая философский аргумент Хомского, И. А. Мельчук понимает его в том смысле, что Хомский выдвигает программу исследования онтогенеза, то есть наряду с обычным моделированием языка планирует осуществить глобальный психолингвистический проект (Мельчук 1974: 26). Взгляд на замысел Хомского как на описательный был обычным для советских лингвистов того времени; заметное исключение — книга В.А. Звегинцева (1973).

Оба утверждения могут быть верными, но они не очевидны, хотя в 1950-е могли такими казаться. «Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания» (Сталин 1950: 21), ср. многочисленные высказывания Хомского о том, что язык специфичен как механизм мышления, но не коммуникации, например: «Язык совсем не единственное средство коммуникации между людьми. Мы общаемся всеми возможными способами: жестами, одеждой, которую мы носим, нашими прическами. Все виды взаимодействия коммуникативны» (Brown 2005: 39). К этому можно добавить, что разделить сознательные и произвольные сигналы, которые люди и животные подают окружающим, в принципе невозможно. Всклощенные волосы имеют квази-«означаемое» — например, то, что человек только что проснулся, или не следит за своей внешностью, или бросает вызов социальной норме (причем между вторым и третьим случаями нет четкой границы). К человеческому языку это имеет не больше отношения, чем, например, восход солнца — хотя Шекспир и его изображает в седьмом сонете как акт коммуникации.

Литература

- Апресян Ю. Д. 2002. Взаимодействие лексики и грамматики: лексико-графический аспект. *Русский язык в научном освещении*. №1(3), 10–29.
- Звегинцев В. А. 1973. *Язык и лингвистическая теория*. Москва: Изд-во МГУ.
- Кобозева И. М. 1976. *Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: МГУ. Филологический факультет.
- Мартемьянов Ю. С. 2004. *Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов*. Москва: ЯСК.
- Мельчук И. А. 1968. Рец. на: «Автоматизация в лингвистике». *Вопросы языкознания*. № 1, 143–144.
- Мельчук И. А. 1974. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»*. Москва: Наука.
- Падучева Е. В. 1974. *О семантике синтаксиса*. Москва: Наука.
- Падучева Е. В. 1983. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности. *Семиотика и информатика*. Вып. 21, 3–33.
- Панфилов В. З. 1975. Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака. *Вопросы языкознания*. № 3, 27–39.
- Сталин И. В. 1950. *Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания*. Москва: Правда.

- Brown D. J. 2005. *Conversations on the Edge of the Apocalypse*, New York: St. Martin's Press. 2005.
- Chomsky N. 1957. *Syntactic Structures*. The Hague: Mouton.
- Chomsky N. 1970. Remarks on Nominalization. In: R. Jacobs, P. Rosenbaum (eds.). *Readings in English Transformational Grammar*. Waltham: Ginn and Co, 184–221.
- Harris R. A. 1993. *The Linguistic Wars*. Oxford: Oxford University Press.
- Harris R. A. 2021. *The Linguistic Wars: Chomsky, Lakoff, and the Battle over Deep Structure*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
- Katz J., Postal P. 1964. *An Integrated Theory of Linguistic Descriptions*. Cambridge, Mass: The MIT Press.
- Klima E. 1964. Negation in English. In: J.A. Fodor, J. Katz (eds.). *The Structure of Language*. Englewood Cliffs: Prentiss Hall, 246–323.
- Martem'janov Yu. S. 1973. Valency-Junction-Emphasis Relations as a Language for Text Description. In: F. Kiefer (ed.). *Trends in Soviet Theoretical Linguistics*. Dordrecht: Reidel, 335–388.
- Lakoff G. 1968. Instrumental Adverbs and the Concept of Deep Structure. *Foundations of Language* 9, 4–29.
- Lees R. 1964. On Passives and Imperatives in English. *Gengo Kenkyu* 46, 28–41.
- Newmeyer F. 1980. *Linguistic Theory in America*. New York.: Academic Press.
- Postal P. 1969. Anaphoric Islands. *Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 205–239.
- Wasow T. 1979. *Anaphora in Generative Grammar*. Ghent: Story-Scientia.

VI. ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ ОБ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ КОБОЗЕВОЙ, НО, ВОЗМОЖНО, БОЯЛИСЬ ЕЕ СПРОСИТЬ

(за юбиляра отвечает ее любящая дочь И. Д. Ульянова, согласно имеющимся у нее сведениям и многолетним личным наблюдениям)

Детство и юность

Ирина Михайловна — коренная москвичка. Жила в разных районах своего города, от Тушино до Очаково, но больше всего ее связывает с Красной Пресней, Орехово-Борисово и Дорогомилово.

Старшая из двух дочерей в семье генерал-майора СВР КГБ СССР Михаила Ивановича Лопатина и Галины Григорьевны Лопатиной, домохозяйки с высшим инженерным образованием.

В школе была так сильна в математике, что учитель называл ее «наша Софья Ковалевская».

Ирина Михайловна окончила (с отличием) музыкальную школу по классу фортепиано и очень любит классическую музыку, особенно в живом исполнении.

В 1972 году Ирина Михайловна окончила ОСиПЛ (ныне ОТиПЛ) МГУ имени М. В. Ломоносова и сразу же поступила в аспирантуру при кафедре структурной и прикладной лингвистики.

Темперамент и характер

Три самые отличительные черты Ирины Михайловны — чрезвычайная любознательность, стремление жить по совести (по справедливости) и максимально развитое чувство долга.

Совершенно не завистлива, но весьма амбициозна: к поставленным целям идет планомерно, не отвлекаясь на сравнение себя с другими.

Ирина Михайловна — верный и надежный друг, большинство ее друзей знакомы с ней с университетской юности, а одна из лучших подруг — со школьной скамьи.

Больше всего в людях Ирину Михайловну огорчают недалекость, беспринципность, непорядочность, лень и излишняя фамильярность.

Ирина Михайловна совершенно не суеверна.

Является острословом, но никогда не сквернословит, даже в плохом настроении.

Любит новые впечатления и избегает повторов: если на то нет веской причины (например, работа или посещение родни), она не будет ездить в одно и то же место, пересматривать фильм или даже перечитывать книгу.

Весьма строгая, но справедливая мама, совсем не строгая бабушка и совершенно золотая теща (со слов любящего зятя Д. А. Ульянова).

Часто и охотно смеется и умеет насмешить других.

Работа и семья

К менторам Ирины Михайловны можно отнести В. А. Звегинцева, А. Е. Кибрика и В. В. Раскина.

Университет и особенно ОТиПЛ филологического факультета для Ирины Михайловны — это не просто работа, но призвание, второй дом и еще одна семья, занимающая огромное место в ее жизни.

Университет очень плотно проник и в личную жизнь Ирины Михайловны: второй раз она вышла замуж за своего коллегу по факультету, Леонида Михайловича Захарова, а единственная дочь Ирины Михайловны Инесса (также выпускница филфака МГУ) уже много лет замужем за сыном ее старой университетской подруги Н. И. Ульяновой, с которой они когда-то вместе работали на кафедре ОТиПЛ.

Привычки и пристрастия

Ирина Михайловна — невероятная сладкоежка, которая ни чай, ни кофе не будет пить без конфет, выпечки или фруктов.

Кофе — ее самый любимый напиток: всегда черный без сахара, но по старой университетской традиции одного из буфетов в 1-ом «Гуме» может положить в кофе дольку лимона.

Равнодушна к суши и морепродуктам, но любит китайскую кухню, особенно ее адаптированный «западный» вариант.

Никогда не гналась за модой, однако ценит стиль и качество, отдавая предпочтение интересным принтам и натуральным тканям.

Не курит и никогда не курила.

Не любит подолгу разговаривать по телефону.

Уши Ирины Михайловны не проколоты, но иногда она носит клипсы.

Предпочитает легкие фруктовые ароматы в парфюмерии и косметике, но совсем равнодушна к восточным и шипровым.

До 45-ти лет всегда носила длинные волосы.

Пользуется мессенджерами, но предпочитает электронную почту.

Хобби и досуг

Ирина Михайловна обожает путешествовать и объездила очень много разных стран. К наиболее интересным местам, где она была, можно отнести Лондон «свингующих 60-ых» (в возрасте 15 лет!), Камбоджу, различные города и национальные парки США, Мексику, Китай, Кубу, Гибралтар и Канарские острова.

Ирина Михайловна также любит групповые экскурсии по городам и селам России, а если едет в глубинку самостоятельно, то обязательно посещает краеведческий музей.

Если в поездке или новом месте путь Ирины Михайловны пролегает мимо того или иного памятника, она обязательно подойдет узнать, кому он поставлен.

Ирина Михайловна любит играть в настольные игры: например, в Scrabble или в Ticket to Ride.

Королева классического кроссворда, но также не прочь порешать sudoku.

Походы в театр, включая оперу и балет, также являются любимым досугом Ирины Михайловны: ей нравятся работы Театра-студии Фоменко, спектакли К. Ю. Богомолова, балеты Джона Ноймаера, оперы Е. В. Колобова.

Если не занята чтением по профессии, то в последнее время скорее предпочтет детектив: например, Элизабет Джордж или Дэна Брауна, причем желательно на языке оригинала.

Несмотря на «сидячую» профессию, Ирина Михайловна отлично плавает, зимой всегда любила кататься на лыжах, а в последние годы увлеклась скандинавской ходьбой.

Сбор грибов и ягод, лесные прогулки — любимое дачное развлечение Ирины Михайловны. И никаких посадок!

Летний отпуск предпочитает пляжный где-нибудь на юге, но обязательно с осмотром достопримечательностей и экскурсиями.

Любопытные и курьезные факты

Знак Зодиака Ирины Михайловны — Весы, и она является вполне классическим представителем этого знака, им свойственны привлекательная внешность и уравновешенный характер.

Ирина Михайловна родилась в один день с одним из кумиров своей юности, Джоном Ленноном, что всегда вызывает легкое чувство зависти у других битломанов.

Никогда не меняла своих политических взглядов.

Имеет собственную страницу в Википедии.

Совершенно равнодушна к мелодрамам и лирическим комедиям и может посмотреть их только с кем-то за компанию.

Прекрасно разбирается в изобразительном искусстве: знания по истории искусств и любовь к нему Ирине Михайловне привил ее первый муж, живописец Д. Р. Кобозев.

Ирина Михайловна не слишком любит готовить, однако родные очень любят грибной суп и окрошку в ее исполнении.

Терпеть не может быть кому-либо должной и поэтому никогда не берет займы.

Полюбила собак только в зрелом возрасте — уже после того, как они появились у ее внучки Ангелины.

«ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ...» (САМОЛЕТ «МОСКВА — НОВОСИБИРСК» ЛЕТИТ ВСЕГО 4 ЧАСА)

**Е. Ю. Булыгина, Е. Г. Басалаева, М. А. Лаппо,
И. П. Матханова, Т. И. Стексова, Т. А. Трипольская**

Новосибирский государственный педагогический университет
ifmip-krusyaz@nspu.ru

И глагольных окончаний колокол
Мне вдали указывает путь,
Чтобы в келье скромного филолога
От моих печалей отдохнуть.

Забываю тягости и горести,
И меня преследует вопрос:
Приращенье нужно ли в аористе
И какой залог «пепайдевкос»?

О. Э. Мандельштам

Часть первая. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Наше заочное знакомство началось со всем известной книги И. М. Кобозевой «Лингвистическая семантика», которая явилась надежным исследовательским фундаментом в описании языка в живом взаимодействии лексической и грамматической семантики.

Реальная встреча и счастливое знакомство состоялись во время одного из первых конгрессов «Русский язык: исторические судьбы и современность» в МГУ. Ирина Михайловна руководила секцией, где мы (Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская) рассказали об электронном учебнике по лексикологии. Ирина Михайловна горячо поддержала идею такого пособия.

И наконец, Ирина Михайловна становится активным участником Филологических чтений «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческой активности говорящего» в Новосибирском государственном педагогическом университете. Приехав в Новосибирск, она сказала, что впервые

участвует в конференции, посвященной процессам языковой интерпретации, а занимается этими проблемами всю жизнь.

Доклады И. М. Кобозевой, прозвучавшие на Филологических чтениях offline и online:

V Филологические чтения (2004 г.):

Полная семантическая репрезентация высказывания как результат применения лингвистических знаний в интерпретационной деятельности.

IX Филологические чтения (2008 г.):

Лакуарность в представлении синтаксической и просодической информации о служебных словах в словарях русского языка.

XVII Филологические чтения (2017 г.):

Интерпретационный потенциал союза КАК в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы.

XX Филологические чтения (2019 г.):

Употребление коннекторов предшествования/следования в нарративе в свете теории скриптов.

XXIV Филологические чтения (2023 г.):

Вводные слова в функции коннекторов.

XXV Филологические чтения (2024 г.):

База данных «Рускон» как многоаспектный инвентарь коннекторов русского языка (в соавторстве с Н. В. Сердобольской).

Участие в конференции не ограничилось чтением докладов: Ирина Михайловна проявляла искренний интерес к исследованиям других коллег, ее глубокие замечания были всегда полезны, а доброжелательный тон создавал дружескую атмосферу.

Потом мы встречались и замечательно общались на других конференциях, в других городах и странах, участвовали в работе диссертационного совета, которым руководит Ирина Михайловна.

А тост, произнесенный И. М. Кобозевой на одном из дружеских ужинов после новосибирской конференции, стал нашим местным мемом: тост про директора Института филологии и медиакоммуникаций НГПУ Е. Ю. Булыгину, которая — что удивительно! — делает замечательные доклады на научных конференциях.

И. М. Кобозева на одной из конференций в НГПУ

Часть вторая. ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ

А. Прозаическая

Дорогая Ирина Михайловна! Поздравляем Вас с днем рождения! Мы хотим пожелать Вам много сил, чтобы осуществить все Ваши грандиозные замыслы, благополучия Вам и Вашим близким (надежного тыла, без которого не бывает побед даже на самых мирных направлениях), верных друзей, помощников и талантливых учеников. Вы успеваете совершать фантастическое количество важных филологических дел: книги, статьи, гранты, руководство и оппонирование диссертаций, доклады, конференции... Мы очень рады, что в Вашем списке всех ученых и административных забот присутствует кафедра современного русского языка нашего университета, и, пользуясь случаем, благодарим Вас за сотрудничество, помощь и дружбу.

И. М. Кобозева на кафедре современного русского языка в НГПУ

Б. Поэтическая

Всего и надо, что взглядеться, — боже мой,
Всего и дела, что внимательно взглядеться, —
И не уйдешь, и никуда уже не деться
От этих глаз, от их внезапной глубины.

Всего и надо, что вчитаться, — боже мой,
Всего и дела, что помедлить над строкою —
Не пролистнуть нетерпеливою рукою,
А задержаться, прочитать и перечесть. (Ю. Левитанский и мы)

ОТ ОДНОКУРСНИКА

В. И. Беликов

Свободный художник
vibelikov@gmail.com

Ирина Михайловна прекрасно известна в лингвистическом мире, который не имеет границ.

Уже более десяти лет я занимаюсь созданием Генерального интернет-корпуса русского языка. Цели его сугубо лингвистические, но кроме извлечения фактов о языке, можно узнать и о лингвистах. В ГИКРЯ есть подкорпус Живого журнала. Вот небольшая подборка, касающаяся юбиляра (цитаты предвзято заголовками, если они есть, годом публикации и кратким комментарием, если необходимо).

Об Ирине Михайловне пишут и как о преподавателе:

Как я сдавала семантику русского языка [2009]

Вхожу. Дрожу. Разрешено пользоваться конспектами, и лишь это меня успокаивает. Ирина Михайловна открывает мою тетрадь (эх, с чужих не спишешь!), и на обратной стороне обложки видит автографы Клахопс. Как я могла про это забыть, надо было прикрыть как-нибудь. Ну всё, думаю я, мне каюк. Сейчас спросит, почему у меня в конспектах нарисовано сердечко и подписано «Саймон» и скажет, что художественной росписи тут не место, и её наличие уже повлияет на оценку за экзамен. Начинаю ойкать и извиняться. — Да ничего, — говорит Ирина Михайловна. — Мне всё равно, что тут у вас. — Пауза, указывает на автографы. — А чьё это? За экзамен получила очень хорошую 4, чуть ли не пять, а думала, что будет трудно даже без класоновских каракулей)) А в каких конспектах распишутся Ladytron в пятницу, я ещё не решила).

И как об ученом:

СПб: отчет о поездке [2007]

Прекрасные доклады сделали Е. В. Падучева, тот же В. Б. Касевич, Марина Русакова, И. М. Кобозева, Таня Янко, моя НД, В. С. Храковский. Несколько докладов на уровне студенческих курсовых работ, но это всегда

и везде, это неизбежно. Они необходимы для того, чтобы выгоднее оценить и позволить лучше оценить настоящее.

Но чаще всего упоминают ее учебник. Его высоко ценят далеко от Москвы:

Анкеты лингвистов [Ответы на опросник, Череповец, 2006.]

7. Как Вы считаете, какие книги (имеется в виду научная литература) должен прочесть каждый лингвист (3—5)? *Книги ученых, названных выше. Кроме того, из современных — недавно опубликованные учебники И. М. Кобозевой, М. Кронгауза. Нужно читать Ю. Д. Апресяна.*

[Израиль, 2019]

Мне нравится учебник Кобозевой, ну плюс Апресян и Вежбицка, ну Лакофф, конечно. Но в Израиле всё это ещё не вошло в моду, поэтому нынешние преподаватели это не преподают, сами не усвоили.

[Греция, 2005]

Порыскай в учебнике Кобозевой, там точно было про псевдотавтологию.

Он востребован по всей стране и не только у студентов-лингвистов. Вот петербургские цитаты:

праймы и лингвосемантика [2009, студент-психолог СПбГУ, заканчивал бакалавриат]

Хороши встречи малым племенем. «Сходкой анонимных». И давления старейшин нет, <...> и полилоглог конструктивен. Ну или хотя бы не болезнен.

На одной из недавних встреч я озвучил свои наброски о том, что, возможно, классификация вербального материала может идти по разным основаниям (вербальное vs не-вербальное — отдельная тема для осмысления и бунта). Природа связи может быть различная — по подобию, или по контрасту, цепная, или родовидовое подчинение. Тысячи их. И почему я забыл Кобозеву дома...

кандидатский минимум, специальность [СПбГУ, 2011]

Короче, вторые майские я действительно готовилась. Последнюю неделю — все свободное время. Последние трое суток — с маленьким перерывом на работу и два раза на сон. В итоге мой подвиг — конспект Тестельца (Введение в введение в синтаксис, три хаха, 700+ страниц) и Кобозевой семантики. <...> В общем, на экзамен я явилась в совершенно запавшем настроении, не имея понятия, сколько будет вопросов и как они будут выделяться из нашей программы (9 листов 12 шрифта подряд). <...> Уффф. Два вопроса из трех — отвечала по за конспектированным монографиям. Третий — из своей области [экспериментальная фонетика], из

головы и остаточных знаний. <...> Короче, три пятерки. <...> Теперь можно бухать, проверять детские годовые контрольные, сдавать остальные экзамены, принимать экзамен у деток и думать об отпуске!

При этом хорошие студенты не забывают этот учебник и во время культурного отдыха:

[Санкт-Петербург, 1988 г. р., 2009]

<...> в театре очень здорово устроиться где-нибудь на балконе, взять бинокль (простите мне мою близорукость, ну и вообще я бинокли люблю, пускай и театральные) и пыриться в оркестровую яму %). Захватывает чуть ли не больше, чем оперное / балетной действие, происходящее на сцене (о да, это я так "Мадам Баттерфляй" смотрела, точно:) <...> В голове почему-то всплыл Двинятин (плохо понимаю, почему) и учебник Кобозевой (прекрасная книжка, подарите мне кто-нибудь...).

MISCELLANEA

Ирина Михайловна, поздравляем вас с Sing(год) So(родиться)!

Желаем, чтобы крепкое здоровье и прекрасное настроение были актантами (обязательными участниками) вашей жизни! Пусть каждый Ваш день имеет лишь положительную коннотацию и на Вашем пути встречается не лексическая (и никакая другая) неоднозначность, а те символы, которые предвещают исполнение сокровенных желаний и душевное спокойствие!

Ваше *значение* для кафедры ОТиПЛа сложно переоценить, а лекции по семантике без Вас не имели бы *смысла*. Vous êtes la dénotation de l'expression «formidable professeur».

Желаем, чтобы студенты всегда Вас Caus(радоваться) своими Воп(идеи и ответы на семинарах)! Пусть для Вас не перестают быть истинными формулы $Fin(\text{Ваш оптимизм}) = \emptyset$, Ваше здоровье = Magn(здоровье), Smod (жить)=счастливо, Func₁(душа) = Anti(стареть)!

Now and Then u Here, There and Everywhere нас окружает семантика — самая человеческая из всех лингвистических дисциплин. Неслучайно в одной песне говорится «*Nothing's gonna change my world* кроме семантики». Для ОТиПЛа проводник *Across the Universe of Semantics* — Вы, поэтому для нас всегда *Happiness is* пара Ирины Михайловны Кобозевой. Даже если мы чего-то не понимаем, мы не боимся задавать вопросы, потому что знаем: Вы объясните *Every Little Thing* и *there will be an answer* для нас.

Sloc(Ирина Михайловна) = сердца отиплян ♥

2-й курс ОТуПЛа (2024–2028)

Уважаемая Ирина Михайловна, поздравляю Вас с Днём Рождения! Желаю Вам крепкого здоровья, творческих успехов, множества счастливых моментов, душевного тепла и всего самого светлого!

Варвара Слобожанинова, 2-й курс ОТиПЛа

Дорогая Ирина Михайловна!

Спасибо за то, что Вы — наш коннектор с миром семантики и прагматики! Пусть чудеса и улыбки, хотя они и исчисляемые, будут у Вас в каждом дне

в неисчислимом количестве! Пусть у каждого Вашего желания будет пресуппозиция того, что всё сбудется самым прекрасным образом! Пусть большинство событий будут радостными, результаты — успешными, тенденции — позитивными, а происшествия — неожиданно приятными! :)

Наше отношение к Вам имеет такую эталонную форму:

Почему не говорят «нейросеть “значение=речь” глубь Гека»?

.
.
.

Потому что говорят «модель “Смысл $\Leftrightarrow$ Текст” Мельчука»!

Поэтому от всей души желаем Вам $\text{Magn}(\text{“счастье”})$, т. е. великого; чтобы люди вокруг всегда $\text{CausFunc}_0(\text{“потепление”})$ — вызывали — у Вас улыбки и CopV_{321} (получать [кто? что? от кого?]) = дарили [кому? — Вам, что? — хорошее настроение]. Пусть жизнь радует приятными сюрпризами, глаза светятся Вашей бесконечной энергией, и всё всегда складывается как нельзя лучше! Пусть с Вами

всегда и во всём будет Ваш позитив, умение чувствовать самые тонкие грани значения, мудрость, терпение, талант непринужденно и понятно объяснять всё сложное и Ваша чуткость! Для нас огромная честь и радость учиться у Вас!

Спасибо Вам за всё, а прежде всего — за то, что Вы есть!

С самыми добрыми пожеланиями и благодарностью,

3 курс ОТиПЛа (2023–2027)

Ирина Михайловна, с днём рождения!

Спасибо вам, что вы преподаёте на ОТиПЛе. Надеемся, что ещё не одно поколение студентов будет испытывать интерес, слушая ваши пары и читая статьи и учебник, и большую радость, общаясь с вами на занятиях и просто в коридорах университета. Спасибо вам за готовность отвечать на наши любые вопросы и помочь в самых разных сложностях.

Полина Пилипец, Пётр Федосов (студенты 4-го курса ОТиПЛа)

Мы можем выделить следующие ЛСВ

Ирина Михайловна Кобозева:Ирина Михайловна Кобозева1: лингвист, преподаватель МГУ, эксперт в области семантики и прагматики

Ирина Михайловна Кобозева2: мудрый наставник, внимательный научный руководитель

Ирина Михайловна Кобозева3: юбиляр, отмечающий 9 октября 75-летие. С Днем рождения!

С уважением,

Анастасия Крюкова, Анастасия Подгорная

Дорогая Ирина Михайловна! Вы всегда были для меня образцом взвешенности, объективности, настоящей научной беспристрастности. Но эти важные для любого учёного качества Вам удастся виртуозно совмещать с искренностью и человеческой, сердечной теплотой. Для меня это всегда было образцом и источником вдохновения. От всей души поздравляю с юбилеем! Многая лета!

Ваш

Олег Беляев

Дорогая Ирина Михайловна!

Долгое время мы знали Вас по научным трудам и, конечно, по замечательному учебнику «Лингвистическая семантика», который является настольной книгой лингвистов не только студенческого возраста.

Благодаря Вашему приезду во Владивосток мы узнали Вас лично. К глубокому уважению Вас как ученого добавилось радость общения с мягким, открытым людям человеком.

Сердечно поздравляем Вас с юбилеем!

Надеемся, что Ваши коннекторы и наши текстовые скрепы будут и дальше связующим звеном между нами.

С безмерным уважением и любовью,

кафедра русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

Поздравление от коллег по проекту «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте»

Дорогая Ирина Михайловна!

Все мы знаем Вас со студенческих времён и помним Ваши лекции, все сдавали экзамены по Общей семантике и Семантике русского языка, с интересом слушали Ваши спецкурсы и читали учебник по семантике. Мы очень рады, что кроме того, нам посчастливилось работать с Вами в одном проекте и проводить научные исследования по коннекторам, основываясь на накопленном Вами опыте и знаниях!

Тема коннекторов — это, несомненно, Ваша тема: как коннекторы соединяют пропозиции, так Ваши рассудительность и внимательность к людям помогают объединять коллег с очень разными подходами и знаниями, наводить научные мосты между самыми разными исследовательскими парадигмами. Как невозможен текст без коннекторов всех уровней — клаузального уровня и уровня абзаца — так и невозможно себе представить научную работу без такого руководителя, как Вы, который умеет сочетать разные научные подходы и примирить разные научные позиции. Если бы наш коллектив был текстом, то без Вас он превратился бы в набор несвязанных предложений.

Ваше бесконечное терпение помогает Вам учитывать и комментировать самые разные мнения, не всегда продуманные, и отвечать на наши вопросы, не всегда логичные.

Ваша открытость новому знанию позволяет увидеть, казалось бы, уже изученный материал под новым углом и переосмыслить его. Нас восхищает Ваша готовность выслушать каждого, от маститого коллеги до студента-первокурсника и подробно ответить на все вопросы и сомнения; Ваше внимание к научным достижениям коллег и готовность брать на себя самые разные задачи. Поражает Ваша объективность, самокритичность и работоспособность!

Желаем Вам здоровья, сил и терпения, новых научных идей, плодотворных проектов и реализации всех Ваших замыслов! Пусть в Вашей жизни всегда будут надёжные коннекторы -- друзья, идеи и возможности, которые связывают всё самое лучшее в единое целое!

Многая лета!

Наталья Сердобольская, Анастасия Крюкова, Анна Осипова, Анна Данилова, Екатерина Колобродова, Диана Пилюгина, Татьяна Давидюк

Дорогая Ирина Михайловна,

для меня Вы — самое удивительное соединение подлинной, высокой науки и человеческой простоты — столь же, между прочим, высокой и труднодостижимой. Остается выразить Вам свое восхищение и пожелать — здоровья, конечно же, здоровья. А все остальное приложится.

Ваш М. Дымарский

Кто для меня Ирина Михайловна? Первый научный руководитель. Соратник по попыткам выучить китайский (давно это было, да и не очень успешно, но есть, что вспомнить). Многократный рецензент, организатор непростых мероприятий. Соратник, проще говоря. И между прочим, свойственница. И на все эти ипостаси — одно пожелание: «Чтобы было то, чего хочется. Ну хотя бы по возможности!»

Е. Г. Широкова

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ИРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ КОБОЗЕВОЙ¹

1973

Оценочное значение предложения как результат логического вывода, опирающегося на presupпозиции [= Лопатина И. М.]. В В. И. Беззубов, Е. И. Гурьева, Х. Я. Пак (ред.) *Сборник студенческих научных работ. Литературоведение. Лингвистика. (Краткие сообщения)*., Тарту: Тартуский государственный университет, 109–111.

1974

Ограничения на сочетаемость (presupпозиции) и их отражение на семантико-синтаксических свойствах слов (на примере русского глагола *подозревать*). В Ю. В. Рождественский (отв. ред.) *Языковая практика и теория языка*. Том 1. Москва: Издательство Московского университета, 148–163. (Соавт.: Лауфер Н. И.)

1975

[Рецензия на книгу]: *Studies in linguistic semantics*. Charles J. Fillmore & D. Terence Langendoen (eds.), N. Y.: Holt, Rinehart and Winston. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, Т. 34. № 5. Москва: Наука, 470–473.

1976

Отрицание и presupпозиции: в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке. Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.21. Москва, 236 с.

Отрицание и presupпозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке). Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. (10.02.21) [МГУ]. Филол. фак. [Москва]: Издательство Московского университета, 31 с.

¹ Составили С. А. Крылов и Г. Е. Кедрова.

Синтаксическое обоснование правила перенесения отрицания в русском языке. *Československá rusistika*, vol. 21, № 2, 54–61.

1980

Некоторые правила выбора вида при синтезе предложения, выражающего заданный смысл. В В. А. Звегинцев (отв. ред.) *Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Выпуск 9. Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики*. Москва: Издательство Московского университета, 91–103.

1981

Опыт прагматического анализа *-то* и *-нибудь* местоимений. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, том 40, № 2, 165–172.

1982

[Рецензия на книгу:] Демьянков В. З. 1979. *Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Порождающая грамматика*. Москва: Издательство ВЦП, 278 с. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 41. № 1. Москва: Наука, 85–87. (Соавт.: Городецкий Б. Ю.)

1983

Вариантность как свойство языковой системы. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, том 42, № 4. Москва: Наука, 383–391. (Соавт.: Каменева М. С., Шаляпина З. М.)

Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки). *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, № 3. Москва: Наука, 263–274. (Соавт.: Баранов А. Н.)

1984

Вводные слова в семантической структуре предложения. В Т. В. Шмелёва (отв. ред.) *Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры*. Красноярск: КрасГАУ, 83–93. (Соавт.: Баранов А. Н.)

К изучению коммуникативных параметров речевого коллектива. В В. Н. Ярцева (отв. ред.) *III Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. (1984). Типы языковых общностей и методы их изучения.* Москва: ИЯз АН СССР, 69–71.

1985

Алгоритмические методы выявления источников коммуникативных неудач при речевом общении. В О. К. Тихомиров (отв. ред.) *Психологические проблемы создания и использования ЭВМ. Тезисы Всесоюзной конференции.* Москва: Издательство Московского университета, 144–146. (Соавт.: Городецкий Б. Ю., Сабурова И. Г.)

К типологии коммуникативных неудач. В А. С. Нариньяни (отв. ред.) *Диалоговое взаимодействие и представление знаний.* Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 64–78. (Соавт.: Городецкий Б. Ю., Сабурова И. Г.)

Некоторые проблемы описания отрицания в конструкциях с предикатными актантами. В В. С. Храковский (отв. ред.) *Типология конструкций с предикатными актантами.* Л.: Наука [ЛО], 31–34.

О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи. *Вопросы языкознания*, № 6, 95–103.

1986

Перформативность глагола и его лексическое значение. *Linguistische Arbeitsberichte*, № 54/55, 29–33.

Проблемы коммуникативного анализа речевых коллективов. В Ю. В. Рождественский (отв. ред.) *Методологические проблемы социальной лингвистики.* Москва: МГУ, 78–92.

Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности. В Б. Ю. Городецкий (отв. ред.) *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов.* Москва: Прогресс, 7–21.

1987

Метаязыковые средства описания семантики предложения. В Ф. М. Березин, Р. Р. Мдивани (отв. ред.); В. Г. Садур (ред.-сост.). *Лингвистическое обеспечение информационных систем*. Москва: ИНИОН, 169–206. (Соавт.: Баранов А. Н.)

1988

Модальные частицы в ответах на вопрос. В Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) *Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности*. Москва: ИЯз АН СССР, 45–69. (Соавт.: Баранов А. Н.)

Об одном способе косвенного информирования. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, том 47, № 5. Москва: Наука, 462–470. (Соавт.: Лауфер Н. И.)

О семантической трактовке кумулятивного отрицания в русском языке. В В. П. Григорьев (отв. ред.) *Проблемы структурной лингвистики 1984*. Москва: Наука, 80–94.

Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания. В Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) *Логический анализ языка. Знание и мнение*: Наука, 82–98.

О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений. В А. А. Романов, А. М. Шахнарович (отв. ред.) *Текст в речевой деятельности*. Москва—Калинин: ИЯз АН СССР. Кафедра иностранных языков — СХИ, 39–46.

Русские модальные частицы и их согласование с иллокутивной функцией высказывания. *Linguistische Arbeitsberichte*, № 70, 38–47.

1990

Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации. В Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. Москва: Наука, 125–139.

Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога. В И. Я. Сильдмяз (отв. ред.) *Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 903. Исследования по когнитивным аспектам языка. Труды по искусственному интеллекту*. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 69–75.

1991

Смысл и значение в наивной семиотике. В Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва: Наука, 183–186.

Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов. В А. М. Кузнецов (отв. ред.) *Прагматика и семантика*. Москва: ИНИОН, 147–176.

Значение модальных предикатов долженствования в русском языке. *Russistik*, №1, 68–76. (Соавт.: Лауфер Н. И.)

1993

Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен. В Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) *Логический анализ языка. Ментальные действия*. Москва: Наука, 95–104.

An analysis of selected language categories in US and Soviet national security discourse [= Kobozeva Irina]. In *Security Discourse in the Cold War Era. New School for Social Reserch. The Working Paper Series*, vol. 180. Washington: Center for Studies of Social Change, 1–27. (Соавт.: Parshin P.)

1994

Интерпретирующие речевые акты. В Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Москва: Наука, 63–71. (Соавт.: Лауфер Н. И.)

1995

Как мы описываем пространство, которое видим: проблема выбора ориентира. В Р. Г. Бухараев, А. С. Нариньяни, В. Д. Соловьев (ред.) *Труды Международного семинара Диалог'95 по компьютерной лингвистике и её приложениям*. Казань: АН Татарстана, Российский НИИ искусственного интеллекта, Комитет по политике информатизации при президенте России, Фонд «Интеллект XXI века», 146–153.

Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов. *Вестник Московского университета*. Серия 9, Филология, № 3. Москва: Издательство Московского университета, 102–116.

1996

Как мы описываем пространство, которое видим: типы и ранги объектов. В А. С. Нариньяни (ред.) *Труды Международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и её приложениям*. Москва: РосНИИ Искусственного интеллекта, 146–153.

1997

Представление знаний о физических объектах для систем типа «РИСУНОК — ТЕКСТ». *Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции*. Москва: Диалог-МГУ, 117–123.

Как мы описываем пространство, которое видим: композиционные стратегии. В А. С. Нариньяни (ред.) *Труды Международного семинара Диалог'97 по компьютерной лингвистике и её приложениям*. Москва: РосНИИ Искусственного интеллекта, 132–136.

1998

О скрытой и смещённой вопросительности. В А. С. Нариньяни (ред.) *Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и её приложениям в двух томах*. Хэтер Казань. (Соавт.: Захаров Л. М.)

1999

«Кобозева Ирина Михайловна»: Био(библио)графия для автобио(библио)-графического справочника «Кто есть кто в лингвистике XX века». *Говор. Альманах*, No. 6, 165–168.

Когнитивно-семантический анализ экстенционалов категорий «сидеть», «стоять», «лежать». В Р. К. Потапова (ред.) *Обработка текста и когнитивные технологии*. Том 2. Москва — Пущино: Технологический университет, 64–73. (Соавт.: Кравченко Н. Н.)

О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом. В Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (отв. ред.) *Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика.* Москва: ЯРК, 539–543.

О критериях иллокутивной самостоятельности частей сложного предложения. В А. С. Нариньяни (ред.) *Труды Международного семинара Диалог'99 по*

компьютерной лингвистике и её приложениям в двух томах. Т. I. Теоретические проблемы. Таруса: РосНИИ ИИ, 133–137.

2000

Лингвистическая семантика. Учебник. Москва: URSS, 350 с.

Две ипостаси содержания речи: значение и смысл. В Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) *Язык о языке (серия STUDIA PHILOLOGICA)*. Москва: ЯРК, 303–359.

Грамматика описания пространства. В Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: ЯРК, 152–162.

Как мы описываем пространство, которое видим: форма объектов. В А. С. Нариньяни (ред.) *Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и её приложениям*. Том 1. Протвино, 155–161.

The problem of identification and syntactic representation of Russian complex sentences with illocutionary-independent subordinate clauses. *Linguistische Arbeitsberichte* 75 (3. Europäische Konferenz «Formale Beschreibung Slavische Sprachen», Leipzig 1999). Leipzig: Institut für Linguistik, Universität Leipzig, 67–79.

2001

Семантические проблемы анализа политической метафоры. *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология, № 6 Москва: Издательство Московского университета, 132–149.

Что значит когнитивный в лингвистике. *Международная конференция «Когнитивное моделирование в лингвистике». Сборник докладов (Обработка текста и когнитивные технологии No. 5)*. Москва, 19–28.

Многоаспектная компьютерная база данных по русским прилагательным *EDGE* как инструмент анализа лексико-грамматической категории. Москва. (Соавт.: Гращенков П. В.)

2002

Значение. *Энциклопедия «Кругосвет»*, <http://www.krugosvet.ru>, э/п.

К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода. В А. С. Нариньяни (ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара Диалог'2002 (Противино, 6-11 июня 2002 г.)*. Том 1. Москва: Наука, 188–196.

Коннотация. *Энциклопедия «Кругосвет»*, <http://www.krugosvet.ru>, э/п.

Речевой акт. *Энциклопедия «Кругосвет»*, <http://www.krugosvet.ru>, э/п.

Семантика. *Энциклопедия «Кругосвет»*, <http://www.krugosvet.ru>, э/п. (Соавт.: Паршин П. Б.)

2003

National Stereotypes: Connotations of Ethnonyms [= Kobozeva Irina M.]. In *Sprachen in Europa: Sprachpolitik, Sprachkontakt, Sprachkultur, Sprachentwicklung, Sprachtypologie*, серия Bielefelder Schriften zu Linguistik und Literaturwissenschaft. Bd. 19. Bielefeld, 153–165.

Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания. Дисс. ... д. ф. н. по специальности 10.02.19 — Теория языка (филол. науки). Москва, 200 с.

Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания. Автореферат докторской диссертации по специальности 10.02.19 — Теория языка (филол. науки). Москва, 92 с.

К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки). В И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер, В. П. Селегей (отв. ред.) *Труды международной конференции Диалог'2003 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»*. Москва: Наука, 267–271.

Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н. В. Гоголя. *Московский лингвистический журнал*, том 7, № 2. Москва: РГГУ, 125–150.

Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Москва: Издательство Московского университета, 460 с. ISBN 5-211-04812-1 (Соавт.: Володина М. Н., Кузнецов В. Г., Леонтьев А. А., Демьянков В. З., Баранов А. Н., Артамонова Ю. Д., Александрова О. А. и др.

Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ. *Язык средств массовой информации*, 221–237.

2004

Лингвистическая семантика. Учебник. Изд. 2. Москва: URSS, 350 с.

Types of information for the multimedia dictionary of Russian discourse markers [= Kobozeva I. M.]. In *Specom' 2004: Proceedings of 9th International Conference "Speech and Computer"*. Saint-Petersburg: Anatolya, 470–473. (Соавт.: Zakharov L. M.)

Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка. В И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2004 («Верхневолжский», 2–7 июня 2004 г.)*. Москва: Наука, 292–297. (Соавт.: Захаров Л. М.)

Иллокутивная функция высказывания и модальность предложения. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 5 Москва: Издательство Московского университета, 129–140. (Соавт.: Сунь Шуфан.)

Мультимедийный словарь дискурсивных слов русского языка: проблемы и решения. В М. Л. Ремнёва (отв. ред.) *Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.)*. Труды и материалы. Москва: МАКС Пресс, 188. (Соавт.: Захаров Л. М.)

О двух случаях несоответствия между устной и письменной формами речи. *Аспекты изучения звучащей речи. Сборник научных статей к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой*. Серия *Вопросы русского языкознания*, вып. 11. Москва: Издательство Московского университета, 246–252. (Соавт.: Захаров Л. М.)

[Реф. кн.:] Данелевичова М. 2002. *Знание и незнание: Исследование польских эпистемических глаголов* [Danielewiczowa M. Wiedza i niewiedza: Studium polskich czasowników epistemicznych. Uniwers. Warszawski. Kat. lingwistyki formalnej. Warszawa, 383 s. Bibliogr., 343–363] // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Серия 6: Языкознание, № 2. Москва: ИНИОН, 113–124. (Соавт.:) Кульпина В. Г.

(Часть III.) Новые направления судебной экспертизы, разрабатываемые в СЭУ Минюста России. Глава 1. Лингвистическая экспертиза. В Т. П. Москвина (отв. ред.) *Возможности производства судебной экспертизы в СЭУ Минюста России*. Москва: ИПК РФЦСЭ, 421–433. (Соавт.: Галактионова И. В., Кукушкина О. В.)

2005

Identification of Metaphors in the Political Discourse of Mass Media: A Pragmatic Approach [= Kobozeva I. M.]. In W. Kallmeyer, M. N. Volodina (eds.) *Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation, серия AMADES*, (No. 2/05), Bd. 2. Manheim: Institut fuer Deutsche Sprache, 145–158.

Representation of Interrogative Turns in the DB 'Intonation of Russian Dialog. In G. Kokkinakis et al. (eds.) *Proceedings of 10th International Conference Speech and Computer (Specom 2005)*. Moscow: Patras. (Соавт.: Kodzasov Sandro V., Bonch-Osmolovskaja Anastasija A., Zakharov Leonid M.).

База данных «Интонация русского диалога»: вопросительные реплики. В И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции "Диалог'2005" (Звенигород, 1-6 июня, 2005 г.)*. Москва: Наука, 245–249. (Соавт.: Кодзасов С. В., Бонч-Осмоловская А. А., Захаров Л. М., Кривнова О. Ф.)

Опыт разработки системы семантических и прагматических дескрипторов вопросительных предложений для БД «Интонация русского диалога». В И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции "Диалог'2005" (Звенигород, 1-6 июня, 2005 г.)*. Москва: Наука, 238–244.

Понимание намёков. В В. З. Демьянков (отв. ред.) *Понимание в коммуникации. 2005: Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля – 1 марта 2005 г.)*. Москва: НИВЦ МГУ, 41–42.

Хрестоматия и практикум по деловой документации (на китайском языке). Харбин: Центр русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета, 440 с. (Соавт.: Сунь Шуфан, Поляков А. В.)

2006

Semantische Probleme bei der Analyse politischer Metaphern [= Kobozeva I.]. In Zybatow Lew N. (Hrsg.) *Kulturelle Vorstellungswelten in Metaphern, серия Forum Translationwissenschaft*, Bd. 6. Frankfurt Am Main, Germany: Peter Lang, 95–109.

Описание означающего дискурсивных слов в словаре: нереализованные возможности. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 2. Москва: Издательство Московского университета, 37–56.

Учет акцентно-просодического варьирования дискурсивного слова как средство уточнения его семантической структуры. *Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2005*. Казань: Академия наук РТ, 78–92.

Избрание учёных факультета в академии наук. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 5, 180–183. (Соавт.: Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф., Мещеряков С. Н.)

2007

Лингвистическая семантика. Учебник. Изд. 3, стер. Москва: ЛЕНАНД — УРСС, 350 с.

«Как много в этом звуке...!» (просодико-семантические варианты русского междометия А). В В. А. Виноградов (отв. ред.) *Лингвистическая полифония: Сборник в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой* (серия STUDIA PHILOLOGICA). Москва: ЯСК, 609–627. (Соавт.: Захаров Л. М.)

Информационная система «Интонация русского диалога». В М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов (сост.) *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. Москва: МАКС Пресс, 467 с. (Соавт.: Кодзасов С. В., Архипов А. В., Бонч-Осмоловская А. А., Захаров Л. М., Кривнова О. Ф.)

Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Официальный сайт Южного Федерального Университета: rspu/resources/forlinguists/kobozeva.

Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания: проблема метаязыка. В М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов (сост.) *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. Москва: МАКС Пресс, 466 с. (Соавт.: Захаров Л. М.)

Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*). В Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) *Труды Международной конференции Диалог'2007 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»*. Москва: РГГУ, 250–255.

2008

[Хроникальная заметка:] Вторая Международная конференция «Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования». *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 5. Москва: Издательство Московского университета, 246–256. (Соавт.: Володина М. Н., Григорьева О. Н.)

Вот: как оно расщепляется. В А. В. Архипов и др. (отв. ред.) *Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова*. Москва: ЯСК, 507–518.

Одноклеточные организмы общения под микроскопом: немецкая частица *ja* в сопоставлении с ее переводными эквивалентами «ведь» и «же». В А. Е. Кибрик (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Том 7. Москва: РГГУ — ИПИ РАН, 199–205. (Соавт.: Орлова С. В.)

Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ. В М. Н. Володина (ред.) *Язык средств массовой информации. Учебное пособие для вузов*. Москва: Издательство Московского университета, 221–236.

2009

Лингвистическая семантика. Учебник. Изд. 4 Москва: УРСС, 350 с.

Breaking ground in cross-cultural research on the fear of being laughed at (gelotophobia): A multi-national study involving 73 countries [= Kobozeva I. M.]. *Humor - International Journal of Humor Research*, том 22, № 1-2, 253–279. (Соавт.: Proyer R. T., Ruch W., et al.)

Взаимодействие типа предложения с лексической семантикой предиката, или что значит «понимать». В М. Д. Воейкова (отв. ред.) *Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика. Материалы международной конференции*. СПб.: Нестор-История, 133–134.

Семантика глагола *понимать*: от пропозиционального отношения к межличностному. В А. Е. Кибрик (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог»*. Том 8. Москва: Изд-во РГГУ, 176–180.

2010

«Наивное письмо» в сопоставлении со спонтанным устным и нормативным письменным дискурсом (на материале записок Е. Г. Киселевой). В М. Ю. Михеев, А. Г. Кравецкий (отв. ред.) *Международная конференция «Маргиналии-2010: границы культуры и текста», Каргополь (Архангельская обл. Россия). Тезисы докладов*. Москва: НИВЦ МГУ, 106–108. (Соавт.: Захаров Л. М.)

Каким образом разрешается регулярная неоднозначность глаголов цвета в русском языке?. В М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов (отв. ред.) *Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы*. Москва: Издательство Московского университета, 297–298.

Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе. *Политическая лингвистика*, № 2 (32), 41–46.

Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе. *Политика в зеркале языка и культуры*, серия Филологический сборник. Том 10. Москва: ИЯз РАН, 58–64.

Онтология силовых процессов. В В. П. Селегей (гл. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Том 9. Москва: РГГУ, 192–199. (Соавт.: Марушкина А. С.)

Параметры варьирования показателей межфразовых семантических связей в русском тексте [= Kobozeva Irina]. *L'analisi linguistica e letteraria*, том 18, № 1, 107–122.

Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, № 6, 31–39.

Скрытая именная категория эталонности и её отражение в словаре. В Л. П. Крысин, Р. И. Розина (отв. ред.) *Проблемы лексической семантики*.

Тезисы докладов межд. конф. Девятые Шмелевские чтения (24-26 февр. 2010 г.). Москва: ИРЯ РАН, 69–72.

Указательное слово *вот* – наречие или частица?. В Л. М. Байджун (сост.) *Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: коллективная монография.* Тюмень: Мандр и Ка, 189–193.

2011

Лингвистическая семантика. Учебник. Изд. 5-е, испр. и доп.. Москва: URSS — ЛИБРОКОМ, 349 с.

Character nominations in ontological perspective [= Kobozeva I. M.]. В А. Е. Кибрик (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог».* Том 10. Москва: РГГУ, 468–477. (Соавт.: Loukashevich N. J.)

Он был романтиком... (Школа А. С. Нариньяни в контексте российской компьютерной лингвистики). *Информационные технологии*, № 56 Москва: Новые технологии, 12–17. (Соавт.: Кононенко И. С., Соколова Е. Г.)

Рудольф Ружичка. *Вестник Московского университета.* Серия 9: Филология, № 5. Москва: Издательство Московского университета, 233–235. (Соавт.: Лютикова Е. А., Зевахина Н. А.)

Союзы как маркеры риторических отношений в дискурсе: русский союз *и* [= Kobozeva Irina]. *L'analisi linguistica e letteraria*, том 19, № 2, 365–387.

Семантико-прагматическая теория репрезентации дискурса как средство повышения объективности семантической экспертизы текстов СМИ. В М. Н. Володина (отв. ред.) *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке.* Москва: Академический Проект, 114–129. (Соавт.: Кондрашова Д. С.)

Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. В М. Н. Володина (ред.). Коллективная монография. Москва: Академический Проект, 334 с. (Соавт.: Володина М. Н., Байгарина Г. П., Демьянков В. З., Добросклонская Т. Г., Клушина Н. И., Кузнецов В. Г., Кедрова Г. Е., Петренко В. Ф., Солганик Г. Я.)

2012

Human characters through the prism of adverbs [= Kobozeva I. M.]. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам конференции Диалог-2012*, том 11. Москва: РГГУ, 277–287. (Соавт.: Lukashevich N. J.)

Иерархия генитивных конструкций А. Е. Кибрика и предикативное выражение посессивности. *Александр Евгеньевич Кибрик In memoriam*. Москва: Кафедра теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, 74–76.

Опыт формально-семантического объяснения дистрибуции союзов *как, что и чтобы* в сложноподчиненных предложениях с предикатами пропозициональной установки. В М. Л. Ремнёва (отв. ред.); О. В. Дедова, Л. М. Захаров, К. В. Лифанов (сост.) *Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум: Труды и материалы*. Москва: Издательство Московского университета, 140–141. (Соавт.: Попова Д. П.)

Семантико-просодические вариации на тему «Да» (материалы к мультимедийному словарю русских дискурсивных слов). В И. А. Меркулова, К. М. Шилихина (ред.) *Среди нехоженных путей. Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора А.А. Кретьова*. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 52–62. (Соавт.: Захаров Л. М.)

Универсальный семантический базис сопоставительного изучения лексики. *Филология и культура. Philology and Culture*, № 2(28). Казань: ФГАОУ ВПО КФУ, 54–58. (Соавт.: Лукашевич Н. Ю.)

2013

Дискурсивное слово «в формате 3D». В В. Черняк (отв. ред.) *Слово Словарь Словесность: Коммуникация Текст Синтаксис (К 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко)*. СПб.: САГА, 383–389. (Соавт.: Захаров Л. М.)

О посессивности в русском языке: посессивные предикаты vs. Генитив. В А. В. Бондарко (отв. ред.) *Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. Сборник материалов конференции 9-12 апреля 2013г.* СПб.: Нестор-История, 122–126.

- Посессивные конструкции *У X-а (есть Y)* как экспликаторы актантных отношений. В М. Л. Ремнёва и др. (ред.) *Язык, сознание, коммуникация*. Сборник статей, том 47. Москва: МАКС Пресс, 269–284.
- Свет, звук и запах в их языковой интерпретации (по данным русских глаголов эмиссии). В И. П. Матханова (отв. ред.) *Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение*. Новосибирск: НГПУ, 5–28.
- Условия употребления *то* перед придаточным изъяснительным с союзом *что* [= Kobozeva Irina]. In O. Inkova (éd.) *Du mot au texte. Etudes slavo-romanes*. Bern, Switzerland: Peter Lang AG, 129–148.
- Факторы выбора изъяснительных союзов *как, что, чтобы* (опыт типологически ориентированного формального анализа). *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 1. Москва: Издательство Московского университета, 21–34. (Соавт.: Попова Д. П.)

2014

- Лингвистическая семантика*. Учебник. Изд. 6-е: ЛЕНАНД, 349 с.
- Covert Category of Noun — Standardness, and Form Standard [= Kobozeva I. M.]. *Russian Language Literature and Culture Studies*, № 4 (46), 1–13.
- Designing “Human Characters” Lexical Database. В В. П. Селегей (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Москва: РГГУ, 350–361. (Соавт.: Lukashevich N. Ju.)
- [Рецензия на:] O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di). 2014. *L’architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi* [Архитектура текста. Сопоставительные славяно-романские исследования]. Edizioni dell’Orso, Alessandria, 237 p.. *Русский язык в научном освещении*, № 2 (28), 311–313. (Соавт.: Говорухо Р. А.)
- Modelo computacional del diálogo basado en reglas aplicado a un robot guía móvil [= Kobozeva Irina]. *Polibits*, том 50, 35–42. (Соавт.: Sidorov G., Zimmerling A., Chanona-Hernandez L., Kolesnikova O.)
- Концептуальный сценарий «Выход из терпения» и его отражение в русском языке и дискурсе. *Преподаватель XXI век*, № 2–2, 308–317. (Соавт.: Сяо Шэнцзинь.)

- Модуль управления диалогом в системе общения пользователя с подвижным роботом-гидом. *Труды СПИИРАН*, № 33. СПб.: СПИИ РАН, 186–206. (Соавт.: Сидоров Г. О., Циммерлинг А. В.)
- Опыт создания модуля управления диалогом с роботом-гидом на естественном языке. В Е. В. Бродовская (отв. ред.) *Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты (ISC-14). Материалы Третьей Международной научно-практической конференции. Сборник статей и тезисов*. Москва: Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, 87–91. (Соавт.: Сидоров Г. О., Циммерлинг А. В.).
- О направлении подготовки «Фундаментальная и прикладная лингвистика». *Информационный бюллетень №15 Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию*, 15–19.
- О случаях нетривиального выбора при переводе повторных номинаций в новелле «Прогулка за город» Ги де Мопассана. В Н. П. Перфильева (отв. ред.) *«Я предана словам. их сочетаньям в переливах речи...». Проблемы интерпретационной лингвистики. Межвузовский сборник научных трудов*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 244–254.
- Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «кривом зеркале» пунктуации. *Филология и культура. Philology and Culture*, № 2(36). Казань: ФГАОУ ВПО КФУ, 27–32. (Соавт.: Захаров Л. М.)

2015

- «Стремление к удобству» как принцип объяснения синхронных явлений на уровне предложения (на примере перформативности). *Филология и культура. Philology and Culture*, № 2 (40). Казань: ФГАОУ ВПО КФУ, 59–65.
- Comparative semantic study of Russian and English constructions with light verbs. In H. R. Arabnia et al. (eds.) *Proceedings of the 2015 International Conference of on Artificial Intelligence, ICAI 2015 — WORLDCOMP 2015*, 818–822. (Соавт.: Ignatova J.)
- [Рецензия на:] О. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di). *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi* [Архитектура текста. Сопоставительные славяно-романские исследования]. Edizioni dell'Orso, Alessandria, 2014. — 237 p. *Вопросы языкознания*, № 3, 121–130. (Соавт.: Говорухо Р. А.)

- Восприятие неосязаемых субстанций в зеркале русских глаголов эмиссии. In J. W. Naczelný (ed.) *Speculum Linguisticum*, том 3, Warszawa: BEL Studio, 23–42.
- Место хвалы и хулы в систематике иллокутивных актов. В Л. Л. Федорова (отв. ред.) *Хвала и хула в языке и коммуникации*. Москва: РГГУ, 11–24.
- О посессивности в русском языке: посессивные предикаты vs. генитив. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, том 11, № 1. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 249–271.
- Язык средств массовой информации*. М. Н. Володина (отв. ред.) Электронный ресурс: учебное пособие для вузов. Москва: Академический Проект. Москва: Академический Проект, Альма Матер, 760 с. (Соавт.: Александрова О. В., Володина М. Н., Демьянков В. З., Солганик Г. Я., Степанов Ю. С.)

2016

- «Мероприятия» как таксономическая категория событийных имен. В М. В. Ляпон (отв. ред.) *Язык: поиски, факты, гипотезы. К 100-летию Н. Ю. Шведовой*. Москва: ИРЯ РАН, 109–120.
- Graph Logic Framework for Predictive Linguistic Analysis [= Kobozeva I.]. In Hamid R. Arabnia (ed.) *Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, ICAI 2016 - WORLDCOMP 2016*. Las Vegas, Nevada, USA: CSREA Press USA, 277–283. (Соавт.: Charnine M., Loesov S., Schagaev I.)
- Lexical Research in Russian: Are Modern Corpora Flexible Enough? В В. П. Селегей (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Москва: РГГУ, 427–439. (Соавт.: Lukashevich N. Y., Klyshinsky E. S.)
- Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования). *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, том 10. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 120–131.
- Когнитивно-семантическая модель переспроса как лингвоспецифичного элемента русской таксономии речевых актов и типология переспросов. В С. И. Масалёва, В. Н. Поляков, В. Д. Соловьёв (отв. ред.) *Когнитивное моделирование: Труды Четвертого Международного форума по*

когнитивному моделированию (11-18 сентября 2016 г., Испания, Льорет-де-Мар). В 2-х частях, том 1. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 106–116. (Соавт.: Захаров Л. М.)

Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования). В Г. И. Кустова (отв. ред.) *Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов международной конференции*. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 17.

Лексика в грамматике: функции, категоризация, ограничения. *Русский язык за рубежом*, № 3 (256). Москва: Отраслевые ведомости, 51–55.

Лексика в грамматике: функции, категоризация, ограничения. В В. Г. Костомаров (ред.) *Русская грамматика 4.0. Сборник тезисов Международного научного симпозиума*, 43–47.

Стратегии повторной именной референции в русском и французском языках. In O. Inkova, A. Trovesi (eds.) *Langues Slaves en Contraste, серия Biblioteca di Linguistica e Filologia*, том 4. Bergamo: Bergamo University Press Sestante Edizioni, 195–216. (Соавт.: Скоробогатова Д.)

2017

Cognitive motivation of verb government patterns: the case of Russian emission verbs. *Linguistic Research*, № 12, 197–213.

Russian *namek* and English *hint* as ordinary language hyponyms of Grice's term *implicature* [= Kobozeva Irina M.]. In O. Mueller-Reichau, M. Guhl (eds.) *Aspects of Slavic Linguistics: Formal Grammar, Lexicon and Communication, серия Language, Context and Cognition*, том 16. Berlin, Germany: W. de Gruyter, 166–183.

Towards multimodal modelling of verificational discourse markers in Russian dialog [= Kobozeva Irina]. В С. И. Масалёва, В. Н. Поляков, В. Д. Соловьёв (отв. ред.) *Когнитивное моделирование: Труды Пятого Международного форума по когнитивному моделированию (10-17 сентября 2017 г., Португалия, Каишайш)*. В 2-х частях. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования. (Соавт.: Ivanova O., Zakharov L.)

- База данных «Интонация диалога» в Русском интонационном корпусе РИНКО (RINCO). *Анализ русской разговорной речи. АРЗ-2017. Седьмой междисциплинарный семинар*. СПб.: СПбГУ, 59–65. (Соавт.: Кривнова О. Ф., Архипов А. В., Захаров Л. М.)
- Круглый стол «Язык и дискурс СМИ в XXI веке». *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 3. Москва: Издательство Московского университета, 227–231. (Соавт.: Володина М. Н.)
- Коннекторы контактного предшествования в русском и французском языках в зеркале надкорпусной базы данных. *Сопоставительно языкознание. Сопоставительное языкознание. Contrastive Linguistics*, том 17, № 4, 48–62.
- Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целом тексте*. Москва: ЯСК, 2017, 440 с. (Соавт.: Бондарко А. В., Воейкова М. Д., Дымарский М. Я., Казаковская В. В., Попова Д. В.)
- Седьмой междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2017)». *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 2. Москва: Издательство Московского университета, 220–226. (Соавт.: Захаров Л. М.)
- Способы образования адъективных номинаций черт характера в аварском языке на фоне русского и английского языков. *Rhema. Рема*, № 2. Москва: Московский педагогический государственный университет, 80–102. (Соавт.: Ярбилова П. Р.)
- Семантические классы и управление прилагательных. В В. П. Селегей (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Том 2. Москва: РГГУ, 134–149. (Соавт.: Гращенков П. В.)

2018

- Как и его двухместные варианты. *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. Москва: ТОРУС ПРЕСС, 169–239. (Соавт.: Инькова О. Ю.).
- Creating a Corpus of syntactic co-occurrences for Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialog" (2018)*, vol. 17. Москва: РГГУ, 317–330. (Соавт.: Klyshinsky E. S., Lukashevich N. Y.)

Script-based approach towards taxis connectors [= Kobozeva I.]. In S. Masalóva, V. Polyakov, V. Solovyev (eds.). *Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling*. Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 100–101.

Верификативные дискурсивные маркеры как маркеры обратной связи. В А. К. Крылов, В. Д. Соловьёв (отв. ред.) *Восьмая международная конференция по когнитивной науке 18–21 октября 2018 г., Светлогорск, Россия. Тезисы докладов*. Светлогорск: Институт психологии РАН, 1307–1310. (Соавт.: Иванова О. О., Захаров Л. М.)

Когнитивное моделирование таксисных коннекторов на основе теории скриптов. В С. И. Масалёва, В. Н. Поляков, В. Д. Соловьёв (отв. ред.) *Сборник трудов Шестого Международного форума по когнитивному моделированию (2018)*. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 100–101.

Международный симпозиум «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования». *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 6. Москва: Издательство Московского университета, 213–225. (Соавт.: Виноградова Е. Н.)

Семантика коннекторов: контрастивное исследование. Москва: ТОРУС ПРЕСС, 368 с. (Соавт.: Инькова О. Ю., Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Бунтман Н., Егорова А., Нуриев В., Попкова О.)

Из "мультимодальных" наблюдений над верификативными дискурсивными маркерами. В С. О. Савчук (отв. ред.) *Слово и жест. Научная конференция, посвященная памяти Е.А. Гришиной («Гришинские чтения»)*. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 8–9. (Соавт.: Иванова О. О., Захаров Л. М.)

2019

Towards Multimodal Modelling of Verification Discourse Markers in Russian Dialog [= Kobozeva I.]. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 1 Москва: Издательство Московского университета, 36–47. (Соавт.: Ivanova O., Zakharov L.)

К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 1. Москва: Издательство Московского университета, 47–49.

- В. А. Звегинцев — предтеча когнитивной лингвистики в России. В С. И. Масалёва, Н. К. Рябцева, В. Д. Соловьёв (отв. ред.) *Когнитивное моделирование: Труды Седьмого Международного форума по когнитивному моделированию (5 - 15 сентября 2019 г., Ретимно, Греция)*. В 3-х частях. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 97–105.
- (Глава 5.) Семантика. В С. Г. Татевосов, О. В. Фёдорова (отв. ред.) *Кибрик А. Е. и др. Введение в науку о языке*. Москва: Буки-Веди, 164–214. (Соавт.: Татевосов С.Г.)
- (Глава 3.) Коннекторы, выражающие отношение непосредственного предшествования одного события другому. В О. Ю. Инькова (ред.) *Структура коннекторов и методы её описания*. Москва: ТОРУС ПРЕСС, 87–117.
- К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, том 21. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 284–299. (Соавт.: Иванова О. О., Захаров Л. М.)
- Калейдоскоп составных союзов непосредственного предшествования в русском языке: пока не признанные, но уже функционирующие союзы. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, № 22. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 134–145.
- Калейдоскоп составных союзов непосредственного предшествования в русском языке: пока не признанные, но уже функционирующие союзы. В Г. И. Кустова (отв. ред.) *Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов международной конференции Памяти Андрея Анатольевича Зализняка*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 20–21.
- Лексикография. В С. Г. Татевосов, О. В. Фёдорова (ред.) *А. Е. Кибрик и др. Введение в науку о языке*. Москва: Буки Веди, 455–467.
- О «нелегальных» союзах непосредственного предшествования в русском языке: *сразу как (только)* и другие союзы с грамматикализированным наречием времени. В М. Л. Ремнёва, О. В. Кукушкина (отв. ред.) *Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (М., филол. ф-т МГУ, 20-23 марта 2019 г.): Труды и материалы*. Том 1. Москва: Издательство Московского университета, 143–238.

- Скрипт как когнитивный фактор, регулирующий экспликацию или имплицирование таксисных отношений в сложном предложении и тексте. *Когнитивные исследования языка*, том 36. Тамбов: Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 171–178.
- Семантика и дистрибуция союзов *что* и *как* в функции комплементаторов. В О. И. Глазунова, К. А. Рогова (ред.) *Русская грамматика: Структурная организация языка и процессы языкового функционирования*. Москва: URSS, 33–42.
- Семантика. В С. Г. Татевосов, О. В. Фёдорова (ред.) *А. Е. Кибрик и др. Введение в науку о языке*. Москва: Буки Веди, 164–216. (Соавт.: Татевосов С. Г.)
- Структура коннекторов и методы её описания*. Москва: ТОРУС ПРЕСС, 316 с. (Соавт.: Зацман И., Инькова О., Михеев М., Нуриев В., Эрлих Л., и др.).
- Comparative semantic study of Russian and English constructions with light verbs. *Proceedings of the 2015 International Conference of on Artificial Intelligence, ICAI 2015 - WORLDCOMP 2015*, 818–822. (Соавт.: Ignatova Julia)

2020

- Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Book of abstracts. 53rd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 26 August–1 September 2020*, 263–264. (Соавт.: Serdobolskaya N. V.)
- Script-based approach towards taxis connectors [= KobozevaIrina]. In A. Salvatore (ed.) *Script-Based Semantics*. Boston / Berlin: De Gruyter, 43–54.
- В. А. Звегинцев — когнитивист по сути, а не по названию. *Звегинцевские чтения – 2020: К 60-летию кафедры и отделения теоретической и прикладной лингвистики и 110-летию со дня рождения В. А. Звегинцева. Материалы конференции (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 30–31 октября 2020 г.)*. Москва, 60–61.
- Интонация устного дискурса: русский интонационный корпус РИНКО (RINCO). *Речевые технологии 2020*, 113–120. (Соавт.: Кривнова О. Ф., Архипов А. В., Захаров Л. М.)
- Контрастивное исследование пространственных конструкций на NPloc в русском языке и 在 NP 上 в китайском языке в когнитивном аспекте.

Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, № 4 Москва: Издательство Московского университета, 114–130. (Соавт.: Ли Д.)

Конструкционные коннекторы контактного предшествования в русском и французском языках в зеркале переводов. In O. Inkova, M. Nowakowska, S. Scarpel (eds.) *Systèmes linguistiques et textes en contraste. études de linguistique slavo-romane*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 290–311.

Международная конференция «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии-2020»: доклады по нематематической лингвистике. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, № 6 Москва: Издательство Московского университета, 216–220. (Соавт.: Пиперски А. Ч., Федорова О. В.)

Переспрос как периферия коммуникативно-грамматической категории вопросительности: семантика и средства выражения в русском языке. В В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова (отв. ред.) *Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. Москва: ЯСК, 135–147.

Причинное значение подчинительных союзов с исходной семантикой образа действия в истории русского языка. *Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология). Материалы международной конференции*. СПб.: ИЛИ РАН, 98–101. (Соавт.: Сердобольская Н. В.)

2021

Diachronic evolution of Russian standard markers *kako* and *aky* [= Kobozeva Irina]. *Linguistic Typology at the Crossroads*, том 1, № 1, Bologna, Italy: Università di Bologna, 257–287. (Соавт.: Serdobolskaya N.)

The influence of syntactic position and accentuation on the semantic interpretation of Russian temporal adverbs: *zatem* and *potom* [= Kobozeva Irina]. In V. Warditz (ed.) *Russian Grammar: System - Language Usage - Language Variation, серия Linguistica Philologica*. Vol. 1. Berlin: Peter Lang Verlag, 289–312.

The Contrastive Study of Spatial Constructions *na* NPloc in the Russian Language and ?NP? in the Chinese Language in the Cognitive Aspect [= Kobozeva Irina M.]. In A. Hamid (ed.) *Advances in Artificial Intelligence and Applied Cognitive Computing, серия Transactions on Computational Science and*

Computational Intelligence (TRACOSCI). New York: Springer International Publishing, 935–949. (Соавт.: Dan Li.)

Вопросы, которые лингвист, сопоставляющий жестовые номинации по параллельному корпусу, может задать исследователю языка жестов. В С. О. Савчук (отв. ред.) «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2021 г. Материалы конференции. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 13–15.

Лингвистическая семантика. Учебник. Изд. 7-е, испр. и доп. Москва: Ленанд, 360 с.

Перевод жестовых номинаций: опыт корпусного исследования. *Русский язык и культура в зеркале перевода*, № 1, 65–74.

Русский интонационный корпус РИНКО: диалогическая и монологическая речь. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 5 Москва: Издательство Московского университета, 32–44. (Соавт.: Кривнова О. Ф., Захаров Л. М.)

Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Очерки истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп. Под общ. ред. проф. М. Л. Ремнёвой. Москва: Издательство Московского университета, 800 с. (Соавт.: Ремнева М. Л., Ранчин А. М., Илюшина Л. А., Чекалина Е. М., Ивинский Д. П., Коровин В. Л., Толмачев В. М., Леденев А. В., Михайлова М. В., Певак Е. А., Крупчанов А. Л., Савельев В. С., Уржа А. В., Конурбаев М. Э., Гудков В. П., Скорвид С. С., Цыбенко Е. З., Ананьева Н. Е., Шешкен А. Г., Солопов А. И., Кузнецов С. Н., Чижова Л. А., Смирнов А. А., Пауткин А. А., Катаев В. Б., Кормилов С. И., Зайцев В. А., Зиновьева А. Ю., Аникин В. П., Ковпик В. А., Чернец Л. В., Клинг О. А., Филатов А. В., Венедиктова Т. Д., Бибилов М. В., Сартори Е. А., Тресорукова И. В., Александрова О. В., Гвишиани Н. Б., Комова Т. А., Назарова Т. Б., Байнова О. А., Уварова Л. Ю., Ключева Е. В., Нецецкая М. Г., Сквайрс Е. Р., Филичева Н. И., Оболенская Ю. Л., Косарик М. А., Братчикова Н. С., Амиантова Э. И., Битехтина Г. А., Клобукова Л. П., Красильникова Л. В., Рожкова Г. И., Фурсенко Д. И., Грекова О. К., Полищук Е. В., Кортава Т. В., Бархударова Е. Л., Панков Ф. И., Кибрик А. Е., Татевосов С. Г., Кедрова Г. Е., Фролова О. Е., Кукушкина О. В., Голубков М. М., Ничипоров И. Б., Кротова Д. В.)

Ян Вавжинчик. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 6. Москва: Издательство Московского университета, 228–234. (Соавт.: Кульпина В. Г.)

2022

- [на кит. яз.] (Семантика как лингвистическая дисциплина (часть II). Пер. с рус. Сунь Шуфан). *Евразийские гуманитарные исследования. Eurasian Humanities Studies*, № 4. China: Beijing Foreign Studies University, 47–53.
- «Сопоставительная лингвистика текста» — объединение романских славистов, славянских романистов и лингвистов-теоретиков. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 6. Москва: Издательство Московского университета, 9–18.
- Ещё раз о существительном *причина*: конструкции с сентенциальным актантом, вводимым союзом *что*. В В. П. Селегей (отв. ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»* (2022). Том 21. Москва: РГГУ, 236–246. (Соавт.: Гончаров А. А.)
- На пути от оценочного наречия к служебному слову: *хорошо, хорошенько, похорошему*. *Международный научный симпозиум «Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов»*. Владивосток, о. Русский, 10–14 октября 2022 г. Тезисы. Владивосток.
- Наречия общей и гедонистической оценки: корреляция синтаксических свойств с семантическими различиями. *Ломоносовские чтения 2022, секция «Филологические науки»*. Москва, 18–21 апреля 2022 г. Тезисы. Москва.
- Наречия оценки: корреляция семантических различий с синтаксическими (на примере наречий общей и гедонистической оценки). *Критика и семиотика*, № 1. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 90–109.
- Понятия добра и зла в рамках нейросетевого подхода. *Russian Linguistic Bulletin*, № 8 (36). Екатеринбург: Индивидуальный предприниматель Соколова Марина Владимировна, 1–6. (Соавт.: Шарнин М. М., Сомин Н. В., Тищенко А. С., Маслак А. А.)
- Сравнение и смежные значения: история развития значений *аки* и *како*. Семинар по истории русского языка и культуры. Москва, 8 декабря 2022 г. Доклад на конференции. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова. (Соавт.: Сердобольская Н. В.)
- Функциональное распределение *аки* и *како* в истории русского языка. В Г. И. Кустова (ред.) *Грамматические процессы в синхронии и диахронии (13 июня – 15 июня 2022 г.)*. *Международная научная конференция. Тезисы докладов*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 33–35. (Соавт.: Сердобольская Н. В.)

2023

- Жестовые номинации в параллельном корпусе: нужно ли переводчику письменных текстов знать язык жестов? В С. И. Переверзева, И. Б. Иткин, Л. А. Хесед (ред.) *Грани Естественного Языка и Кинесики: Сборник статей к 75 летию Григория Ефимовича Крейдлина*. Москва: Исследовательская компания «ДИСКУРС», 164–179.
- База данных как инструмент исследования служебных слов, выражающих семантические связи в дискурсе. *Международная конференция «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы»*, Тюмень, 10 октября 2023 г., пленарный доклад. (Соавт.: Сердобольская Н. В.).
- Конструкции причины с *как(о)* в истории русского языка. *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология, № 2. Москва: Издательство Московского университета, 9–29. (Соавт.: Сердобольская Н. В.).
- Контрастивный когнитивно-семантический анализ наречий временного следования затем, потом в русском и puis, ensuite во французском языке. In F. Biagini, O. Inkova (a cura di) *Lingue slave e lingue romanze a confronto: dalla frase al testo*, том 36. Bologna, Italy: Università di Bologna, 212–232.
- Оценка в семантике коннекторов. Международная научная конференция "Язык и мир", посвященная 100-летию со дня рождения доктора филологических наук члена-корреспондента РАН Н. Д. Арутюновой. Москва, 11–13 мая 2023 г. Пленарный доклад. Москва.
- Оценочные сентенциальные адвербиалы в русском и французском тексте. *Architecture du texte. VIIIe colloque du Groupe d'études en linguistique textuelle contrastive langues slaves – langues romanes (GELiTeC)*, Неаполь (Италия), 18–20 мая 2023 г. Доклад на конференции. Неаполь.
- Построение базы данных как способ исследования служебных слов, выражающих семантические связи в дискурсе. *Международная конференция «Новые инструменты для преподавания РЯ и словесности: ФилЛ в педагогике»*. Москва, 10 ноября 2023 г. (Соавт.: Сердобольская Н. В.)
- Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты. *Вестник Тюменского государственного университета*, № 4, 36–47. (Соавт.: Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А.)
- Семантические и синтаксические типы коннекторов русского языка: база данных. В И. М. Кобозева, А. И. Крюкова, Н. В. Сердобольская (ред.) *Связь пропозициональных единиц в предложении в тексте*. 27–28 сентября 2023 г. *Сборник тезисов*. Москва: Буки-Веди, 27–30. (Соавт.: Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А.)

Универсальная энциклопедическая платформа работы со знанием. *Современные информационные технологии и ИТ-образование*, том 19, № 3. Москва: Фонд содействия развитию интернет-медиа, ИТ-образования, человеческого потенциала Лига интернет-медиа, 696–703. (Соавт.: Семёнов А. Л., Раевский Е. Н., Бубнов А. С., Гришин И. Ю., Гуляев А. В.)

The Pragmatic Approach in Eastern Europe [Прагматический поворот в Восточной Европе]. *Фундаментальная лингвистика*, No. 2 (2). (Соавт.: Borisova E., Parshin P.)

2024

Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*. Germany: Mouton de Gruyter, 691–728. (Соавт.: Сердобольская Н. В.)

База данных «Рускон» как многоаспектный инвентарь коннекторов русского языка. Международная научная конференция XXV Филологические чтения. Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего: фигура интерпретатора, Новосибирск, 17–18 октября 2024 г. Пленарный доклад. (Соавт.: Сердобольская Н. В.)

Глава 5. Семантика и прагматика. В С. Г. Татевосов, О. В. Фёдорова (ред.) *А. Е. Кибрик и др. Введение в науку о языке. Лингвистика XXI века*. Издание 2-е, исправленное и существенно дополненное, 243–354.

Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы Рускон) [= Kobozeva I. M.]. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, том 46, № 7. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 66–74. (Соавт.: Serdobolskaya N. V.)

Источники грамматикализации коннекторов русского языка (по базе данных РусКон). Шахматовские чтения в Карелии, Петрозаводск, 23–26 мая 2024 г. Пленарный доклад. (Соавт.: Сердобольская Н. В.)

Коннекторы — штатные сотрудники в Дискурсе и совместители в Прагматике. Конференция «Язык – дискурс – корпус: в поисках прагматики». Москва, 6–7 сентября 2024. Пленарный доклад. Москва.

Ладно бы писали что-то умное, а то ведь всё больше... (об одном кластере конструкционных коннекторов русского языка). VIII Международный научный симпозиум «Русская грамматика в динамике», Нижний Новгород, 9–13 октября 2024 г. Пленарный доклад. Нижний Новгород.

Онтологии как фундамент формализации научной информации и извлечения новых знаний. *Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления*, том 520 Москва: РАН, 87–95. (Соавт.:

Бубнов А. С., Галлини Н. И., Гришин И. Ю., Лукашевич Н. В., Панич М. Б., Раевский Е. Н., Садковский Ф. А., Тимиргалеева Р. Р.)

Оценочные сентенциальные адвербиалы в русском и французском тексте. In M. Filippo, O. Inkova, P. Macurová (ed.) *Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto*. Napoli: UniorPress, 131–148.

Оценка в семантике союзов (заметки на полях двух грамматик). Д М. Л. Ковшова (отв. ред.) *Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой*. Москва: Канцлер, 157–167.

Позиция главной и зависимой клаузы в зеркале базы данных коннекторов русского языка Рускон. II Международный симпозиум «Лексикография цифровой эпохи». Москва, 26–31 августа 2024 г. Доклад на конференции. (Соавт.: Данилова А. А., Сердобольская Н. В.)

Рамочные коннекторы русского языка: между гипотаксисом и паратаксисом. Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Москва, 4–6 июня 2024 г. Пленарный доклад. (Соавт.: Сердобольская Н. В.)

Служебные слова и их роль в управлении пониманием сообщения. Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9-13 декабря 2024 г. Круглый стол «Управление пониманием сообщения: частицы, союзы, вводные слова, междометия». Доклад на конференции (Соавт.: Борисова Е. Г.)

2025

Оценочные сентенциальные адвербиалы в русском и французском языке. In M. Filippo, O. Inkova, P. Macurová (eds.) *Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto*. Napoli: UniorPress, 131–148.

Коннекторы современного русского языка: семантика и синтаксис, прагматика и диахрония. Москва: (в печати). (Соавт.: Сердобольская Н. В., Крюкова А. И. (ред.)

Содержание

От редакторов	3
---------------	---

I. Дискурс, высказывание

А. Н. Баранов	
Обязательное и факультативное в семантике.....	11

Е. Г. Борисова	
Зачем нужна вербализация модальной рамки?.....	21

В. З. Демьянков	
Заметки о типологии намека.....	33

А. И. Крюкова, А. Д. Подгорная	
<i>Смотри и слушай</i> : прагматический анализ.....	41

Ю. В. Николаева	
Маркеры обратной связи в диалоге и их жестовое сопровождение.....	53

Н. В. Патроева	
Поэтические зачины с начальным <i>есть</i> в русской лирике XIII-XX вв.: опыт синтаксического и функционально-семантического описания.....	67

II. Предложение

М. Я. Дымарский	
Об одной конструкции с неочевидными свойствами: <i>я хорошо</i>	81

Н. А. Коротаев	
И снова про <i>то что</i> : портрет единицы в речи активного носителя.....	92

П. О. Россайкин, Д. Е. Касенов	
<i>Как-переспрос в русском языке как отказ от аккомодации</i>	
речевого акта.....	107
Т. Е. Янко	
Переспрос как инструмент кооперативного общения.....	119
С. Г. Татевосов	
Паттерн Кобозевой и отрицательно-полярный имперфектив.....	130
A. Zimmerling	
Alethic modals and dative-infinitive structures.....	146
III. Слово	
В. И. Беликов	
Семантика в словаре и в языке.....	157
Т. С. Зевахина	
Об инвентаризации глагольных метафор	
в современной русской прозе.....	169
А. А. Кретов	
Как свергают короля, или Битва синонимов	
(лексико-семантическая драма).....	178
Ю. Н. Кузнецова	
В русский тут некоторые не умеют: новая модель управления	
глагола <i>уметь</i>	195
М. Б. Панич	
<i>Если вам красиво, оставайтесь: жизнь субъекта эстетической</i>	
<i>оценки на просторах интернета</i>	204
Е. В. Рахилина, О. Е. Пекелис	
О конфликтах фокусов эмпатии в синхронии и диахронии.....	212

IV. Вокруг коннекторов

О. И. Беляев

Некомпозиционный составной коннектор *to... at*
в бартангском языке.....223

О. И. Инькова

К вопросу о «неоднозначности» коннекторов, или роль контекста
в интерпретации высказывания.....237

А. А. Кибрик, Е. Д. Соловкова

Особенности употребления коннекторов «и» и «потом» в русской
устной и письменной речи.....247

Г. И. Кустова

Типы употреблений коннектора *так* в монологической
и диалогической речи.....262

А. В. Птенцова

Ци поидеть рать за волокъ: к вопросу о семантике служебного
слова *ци (чи)* в древнерусском языке.....273

Ю. В. Синицына

Конструкция со значением ‘казаться’ в татышлинском говоре
удмуртского языка: первые наблюдения.....282

И. А. Хомченкова

Именное сочинение в горномарийском, удмуртском, мокшанском
и мансийском языках (на материале переводов
Евангелия от Марка).....294

Е. С. Шереметьева

Служебные единицы с базовым элементом «смотря»: семантика
и формально-функциональные трансформации.....306

V. История

В. М. Алпатов

Сепир и становление функциональной лингвистики.....321

Я. Г. Тестелец

Взлет и падение генеративной семантики: взгляд из СССР.....330

VI. Поздравления

И. Д. Ульянова

Все, что вы хотели знать об Ирине Михайловне Кобозевой, но,
возможно, боялись ее спросить.....343

Е. Ю. Булыгина, Е. Г. Басалаева, М. А. Лаппо, И. П. Матханова,

Т. И. Стексова, Т. А. Трипольская

«Через годы, через расстоянья...»

(Самолет «Москва – Новосибирск» летит всего 4 часа).....347

В. И. Беликов

От однокурсника.....351

Miscellanea.....354

Список научных трудов Ирины Михайловны Кобозевой.....359

Дискурс. Предложение. Слово

Сборник статей к юбилею Ирины Михайловны Кобозевой

Оригинал-макет — Ю. В. Синицына
Оформление переплета — Е. В. Балашова

Подписано в печать, Формат 70×100 $\frac{1}{16}$
Гарнитура Times. Печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11
Тел. (495) 926 63 96 www.bukivedi.com, info@bukivedi.com